DG 533 .5 .C6 3376

МИХАИЛЪ КОРЕЛИНЪ

РАННІЙ

ИТАЛЬЯНСКІЙ ГУМАНИЗМЪ

И ЕГО ИСТОРІОГРАФІЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ТОМЪ I

Историографическій обзоръ.

Съ портретомъ автора и со вступительной статьей
прсф. Н. И. Карѣева.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

Спб. Вас. остр., 5 лин., собств д. № 28.

Книги по всемірной исторіи.

Проф. Н. И. КАРѢЕВЪ, Общій курсъ исторіи XIX вѣка. Политическія, соціальныя и національныя движенія. — Экономическое развитіе и смѣны умственныхъ теченій. — Международныя отношенія. Спб. 1910. Ц. 2 р. (2 ф. 2 л.).

——— Изъ лекцій по общей теоріи исторіи. Теорія историческаго знанія. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 50 к. (22 л.).

——— Краткая исторія прошлаго столѣтія. Обзоръ главныхъ политическихъ событій въ Европѣ, преимущественно Западной, между 1880 и 1900 г.г. Пособіе для самообразованія. Спб. 1911. Ц. 75 к. (19 л.).

——— Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Продолженіе «Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени». Спб. 1905. Ц. 60 к. (14 л.).

——— Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средней школы и самообразованія. Съ историческими картами. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 50 к. (10 л.).

——— Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. 8-е изд. Спб. 1912. Ц. пер. 1 р. 35 к. (1 ф. 5 л.).

——— Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. 8-е изд. Спб. 1911. Ц. пер. 1 р. 25 к. (1 ф. 4 л.).

——— Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. 12-е изд. Спб. 1911. Ц. пер. 1 р. 45 к. (1 ф. 11 л.).

——— Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. Изд. 3-е. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

——— Альберъ Сорель, какъ историкъ французской революціи. Спб. 1907 г. Ц. 30 к.

——— Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. 1886 г. Ц. 2 р.

——— Парижскія секціи временъ французской революціи (1790—1795). Спб. 1911 г. Ц. 80 к.

——— Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911 г.). Спб. 1912 г. Ц. 60 к.

——— Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій 1790—1795 г.г. Спб. 1912. Ц. 1 р. 15 к.

——— Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Серія I. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Dg
533

МИХАИЛЪ КОРЕЛИНЪ

11
K67т-1

РАННІЙ ИТАЛЬЯНСКІЙ ГУМАНИЗМЪ

И ЕГО ИСТОРІОГРАФІЯ

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

1381

ТОМЪ I

Историографическій обзоръ.

Съ портретомъ автора и со вступительной статьей
проф. Н. И. Карѣева.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

„Пров 38"

Dg
533

4513
24

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Статья проф. Н. П. Карѣева „М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма VII

Біографическій очеркъ М. С. Корелина XXIII

Хронологическій списокъ научныхъ и литературныхъ трудовъ М. С. Корелина XXIX

Статьи о М. С. Корелинѣ и объ его трудахъ XXXII

Предисловіе автора XXXIII

I. Заслуги представителей различныхъ отраслей историческаго знанія въ изученіи итальянскаго Возрожденія.

I. Философы исторіи. — Отношеніе къ Ренессансу „просвѣтителей“ XVIII вѣка.—Гегель и Шлегель.—Контъ 2

II. Отношеніе къ гуманизму всемірно-историческихъ хроникъ первыхъ трехъ столѣтій новаго времени.—Ошибки Карніона и Торселлини.—Дѣленіе исторіи на періоды Келлера и его возможное вліяніе на историографію Ренессанса.—Отношеніе къ Возрожденію всемірныхъ исторій XVIII вѣка.—Вліяніе Тирабоски, Мейнерса и вообще спеціальныхъ работъ по гуманизму на отношеніе къ Ренессансу всемірныхъ исторій XIX вѣка.—Краузе, Беккеръ и Роттекъ.—Возрожденіе въ исторіяхъ Шлоссера, Канта и Вебера.—Значеніе всемірно-историческихъ обзоровъ для изученія Ренессанса. 8

III. Отношеніе къ Ренессансу протестантскихъ и католическихъ историковъ церкви.—Шрёккъ и Пасторъ.—Крейтонъ.—Причины слабаго интереса церковныхъ историковъ къ итальянскому гуманизму. 24

IV. Заслуги въ изученіи Ренессанса историковъ культуры.—Вліяніе Мейнерса на историографію Возрожденія. — Matter и Гизо.—Взглядъ Рюккерта на значеніе въ гуманистическомъ движеніи итальянскаго народнаго характера и его дѣленіе Ренессанса на періоды.—Отношеніе къ Возрожденію Лорана, Генне-ам-Рина и Гелльвальда. 38

стр.

V. Отношеніе къ Ренессансу историковъ философіи.—Значеніе для исторіографіи гуманизма произведеній Як. Бруккера и Булэ.—Заслуги въ изученіи гуманизма Теннемана, Гегеля и Риттера.—Отношеніе къ Возрожденію Штёкля и новѣйшихъ обзоровъ по исторіи философіи.—Виндельбандтъ.—Французскіе историки философіи.—Отношеніе къ гуманизму историковъ отдѣльныхъ эпохъ, школъ и различныхъ отдѣловъ философіи.—Общій характеръ философской исторіографіи гуманизма. 59

VI. Отношеніе къ Ренессансу всеобщихъ историковъ искусства.—Замѣчанія Каррьера, Тэна и Шнаазе.—Взглядъ на Возрожденія Мюнтца. 90

VII. Отношеніе къ Ренессансу историковъ всеобщей литературы.—Значеніе біо-и библіографическихъ компендіумовъ.—Андресъ, Бутервекъ и Шлегель.—Новые нѣмецкіе обзоры исторіи всеобщей литературы.—Сисмонди и Галламъ.—Схема „литературной эволюціи“ проф. Карѣева. 99

VIII. Отношеніе къ Ренессансу историковъ классической филологіи, исторіографіи, права и педагогическихъ идей.—Геренъ и Бурсіанъ; Вахлеръ и Вегеле; Вейтцель и Савинья; Раумеръ и Карлъ Шмидтъ.—Общіе результаты изученія Возрожденія съ всемірно-исторической точки зрѣнія. 111

IX. Отношеніе къ Ренессансу историковъ отдѣльныхъ итальянскихъ центровъ.—Флорентійскіе историки.—Реймонтъ и Грегоровіусъ.—Колленуччіо и Джіанноне.—Историки Милана и Венеціи.—Отношеніе къ Возрожденію историковъ всей Италіи.—Сисмонди, Канту и Чиполла.—Общій характеръ воззрѣній на гуманизмъ національныхъ историковъ. 126

X. Значеніе для исторіографіи Ренессанса историковъ мѣстной литературы отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ.—Заслуги Маццукелли, Дзено и Тирабоски.—Женгенэ и Маффеи.—Рутъ, Эбертъ и Джудичи.—Отношеніе къ гуманизму Канту, Сеттембрини и де-Санктиса.—Адольфъ Гаспари.—Общій характеръ заслугъ историковъ итальянской литературы въ исторіографіи Возрожденія. 148

XI. Отношеніе къ Ренессансу историковъ религіозныхъ и культурныхъ движеній въ Италіи.—Комба и Кине.—Историки итальянскаго искусства, политической мысли и національной исторіографіи.—Феррари и Раналли.—Вастъ, Рудельбахъ и Виллари . 166

II. Спеціальная литература о Возрожденіи.—Общіе выводы.

I. Начало спеціальной исторіографіи Возрожденія.—Виллани, Бандини, Манетти, Фаціо и Бистиччи.—Значеніе діалога Кортезе и хроникъ Коччіо и Форести.—Отношеніе къ гуманизму до начала XIX столѣтія.—Сочиненія Беттинелли, Эргарда и Шарпантье. 186

стр.

II. „Возрожденіе классической древности“ Г. Фогта. — Общій взглядъ Фогта на ранній гуманизмъ, и его вліяніе на изложеніе и оцѣнку гуманистической литературы.—Взглядъ Фогта на изложеніе и роль Флоренціи въ исторіи гуманистическаго движенія.—Книга Буркгардта; ея характеръ и значеніе. . . 201

III. Исторіографія Возрожденія послѣ Фогта и Буркгардта.—Ихъ вліяніе на общую исторіографію.—Сэймондсъ и его отношеніе къ предшественникамъ. — Герцони и его взглядъ на Возрожденіе.—Яничекъ и его попытка дѣленія гуманистовъ на партіи.—Характеръ книги Жебара.—Гейгеръ и Кёртингъ. — Сочиненія по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи гуманизма. — Общій характеръ новѣйшей исторіографіи Возрожденія. . . 220

IV. Въ чемъ заключается сущность гуманистическаго движенія?— Два признака гуманистической литературы. — Проявленія въ ней индивидуализма.—Отношеніе гуманистовъ къ древности; ихъ попытки выработать новыя религіозныя воззрѣнія, новую этику, педагогію, политику и науку.—Опредѣленіе гуманистическаго движенія. 243

V. Первыя стадіи развитія гуманистическаго движенія и его результаты.—Ослабленіе религіозныхъ интересовъ. — Секуляризація мысли и ея слѣдствія.—Гуманистическая этика, педагогія, политика и наука.—Слѣдствія гуманистическаго движенія. . 260

VI. Отношеніе гуманистическаго движенія къ политическимъ, соціальнымъ и церковнымъ перемѣнамъ.—Гуманизмъ и національность.—Причины гуманистическаго движенія. 267

М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма.

О книгѣ покойнаго московскаго профессора Михаила Сергѣевича Корелина „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“ пишущему эти строки уже неразъ приходилось подробно высказываться въ печати [1]), и здѣсь, во вступительной статьѣ къ новому изданію главнаго труда его преждевременно прервавшейся жизни, мнѣ остается только повторить наиболѣе существенное изъ сказаннаго мною раньше.

Корелинъ по праву можетъ быть названъ преимущественно историкомъ гуманизма. Бо́льшая часть того, что́ имъ было написано, и по количеству названій отдѣльныхъ работъ, и по числу заключающихся въ нихъ страницъ, — если уже примѣнять такую мѣрку, — принадлежитъ исторіи именно этого великаго культурнаго движенія [2]). Среди этихъ же работъ находится и главный его трудъ, на созданіе котораго ушли лучшіе годы его научной дѣятельности и который останется самымъ краснорѣчивымъ памятникомъ его знаній и его таланта. Всѣ стоявшіе близко къ Корелину знали, кромѣ того, что имъ былъ задуманъ и даже начатъ другой громадный трудъ изъ той же эпохи ренессанса, — трудъ, настолько уже подвинувшійся впередъ, что оказалось возможнымъ опубликовать изъ него нѣсколько большихъ отрывковъ. Можно сказать, что любимый предметъ научныхъ работъ Корелина былъ

---

[1]) „Ранній итальянскій гуманизмъ и новый его изслѣдователь“ (*Вѣстникъ Европы* за 1893 г.), отзывъ въ „Отчетѣ о VI присужденіи Академіей Наукъ премій митрополита Макарія“ и статья „М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма“ (*Русская Мысль* за 1900 г.).

[2]) См. ниже списокъ научныхъ и литературныхъ работъ Корелина.

тѣсно связанъ съ внутреннимъ складомъ его личности, съ основнымъ строемъ его духовнаго *я*, которое я не могу назвать иначе, какъ гуманизмомъ. Корелинъ былъ не только историкомъ гуманизма, онъ, кромѣ того, и самъ былъ гуманистъ.

Я невольно вспоминаю теперь — и какъ-разъ по поводу теперешней своей темы—первое впечатлѣніе, произведенное на меня Корелинымъ. Я, тогда самъ только-что окончившій курсъ въ университетѣ, былъ какъ-то въ одномъ семейномъ домѣ, гдѣ собралось довольно много еще болѣе юной, совсѣмъ еще зеленой молодежи. Помню, юнцы забавлялись разными веселыми играми и, между прочимъ, игрой „въ мнѣнія“. Среди игравшихъ былъ и Корелинъ, въ то время гимназистъ шестого класса. Въ игрѣ онъ высказалъ свое мнѣніе объ одномъ моемъ товарищѣ, назвавъ его „мыслящимъ реалистомъ“; тотъ отгадалъ, кому принадлежала такая квалификація его личности, для меня же въ этихъ двухъ словахъ была своего рода характеристика юноши, невольно меня заинтересовавшаго своею непринужденною веселостью, находчивостью и остроуміемъ. „Мыслящій реалистъ“,—это было изъ Писарева, которымъ лично я тоже не мало увлекался, бывши еще въ возрастѣ заинтересовавшаго меня гимназиста: когда я познакомился съ Корелинымъ, не такъ ужъ далеко позади меня былъ этотъ возрастъ, чтобы я тотчасъ же не почувствовалъ особой симпатіи къ живому, умному и веселому юношѣ. Въ свое время кумиръ большею частью очень молодыхъ читателей, Писаревъ былъ дорогъ имъ своею поразительною искренностью и своею увлекательною проповѣдью личной самостоятельности, личнаго достоинства и энергіи. И Корелину въ годы ранней юности очень нравился этотъ писатель и нравился именно своею горячею защитою достоинства и правъ личности, своею страстною проповѣдью личнаго развитія и полноты личной жизни, отнюдь не своимъ „разрушеніемъ эстетики“, съ которымъ, наоборотъ, Корелинъ не могъ примириться даже въ періодъ наибольшаго своего увлеченія Писаревымъ.

Съ зимы 1873—74 гг. я сталъ часто видаться съ гимназистомъ Корелинымъ. Меня привлекали къ себѣ его молодая жизнерадостность, соединенная съ трезвымъ и подчасъ насмѣшливымъ взглядомъ на міръ; бодрая пытливость его мысли, которая была постоянно направлена на то, чтобы точно и прочно опредѣлить свое отношеніе ко всякому занимавшему ее предмету; его юношескій идеализмъ, далекій одинаково и отъ расплывчатой мечтательности,

и отъ безплодныхъ порываній, и, наконецъ, его вѣра въ свои силы и желаніе отдать ихъ на служеніе добру, которое онъ видѣлъ прежде всего въ добываніи и распространеніи истины. Мнѣ нравилась и еще одна черта въ гимназистѣ Корелинѣ. Нерѣдко я его видалъ среди ближайшихъ его товарищей. Онъ былъ въ то время какъ бы центромъ маленькаго товарищескаго кружка, но я не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшаго стремленія повелѣвать и властвовать. Личная свобода другихъ была для него такъ же неприкосновенна, какъ и его собственная свобода, и только передъ однимъ соблазномъ онъ почти никогда не могъ устоять, передъ соблазномъ—дать волю своему острому языку, но знавшіе его и любившіе всегда ему это прощали.

Онъ готовился поступить на историко-филологическій факультетъ, который я только-что покинулъ. Это сблизило и его со мною. Въ то время Корелинъ интересовался больше литературой, читалъ нашихъ крупныхъ писателей, слѣдилъ внимательно за передовою журналистикою: его интересовалъ духовный міръ поэтическихъ образовъ и моральныхъ идей, но его захватывала и современность. Гимназическое преподаваніе исторіи, жалко поставленное, конечно, не могло привлекать его къ прошлому, и вкусъ къ историческимъ занятіямъ развился у него лишь въ университетѣ. Впрочемъ, съ достовѣрностью я могу сказать, что объ общемъ жизненномъ значеніи ренессанса онъ, еще будучи гимназистомъ, узналъ отъ меня, когда въ годъ его пребыванія въ восьмомъ классѣ, я написалъ для учащихся небольшую статью о томъ, „что такое возрожденіе“. Первый годъ студенчества Корелина былъ первымъ годомъ моего преподаванія съ университетской каѳедры, и онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей моихъ лекцій, что́ еще болѣе насъ сблизило.

Въ университетѣ Корелинъ сдѣлался историкомъ. Онъ очень широко понималъ задачи избранной спеціальности и былъ во всякомъ случаѣ далекъ отъ того, чтобы замыкать ее *теоретически* въ какія-либо узкія рамки, но *лично* онъ больше интересовался не политикой, правомъ или экономикой, а религіозными вѣрованіями и моральными міросозерцаніями, литературой и искусствомъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ и напечатанные имъ труды и читанные курсы. Его вниманіе было направлено, такимъ образомъ, на духовное содержаніе исторіи, на область идей и представленій человѣческаго ума, на внутреній міръ личности, проявляющійся въ этихъ идеяхъ и представленіяхъ. Корелинъ очень рано понялъ, что эта область и есть

его настоящее призваніе. Когда онъ былъ на второмъ курсѣ, я цѣлый годъ провелъ за границей, откуда вернулся къ осени 1876 г. съ диссертаціей о французскихъ крестьянахъ въ эпоху революціи. И вотъ я тоже хорошо помню, какъ я разсказывалъ Корелину о томъ, что̀ я въ своей работѣ сдѣлалъ и какую вообще роль играютъ въ исторіи классовыя отношенія, разбиравшіяся въ моей книгѣ. Какъ теперь вижу его слушающимъ съ большимъ вниманіемъ и участіемъ, всегда его отличавшими въ сношеніяхъ съ людьми, но очень замѣтно было, что и ему нетерпѣлось что-то сообщить мнѣ важное и радостное. „А я,— сказалъ онъ, едва я кончилъ,—а я, Николай Ивановичъ, мечтаю о томъ, чтобы работать надъ исторіей развитія личности. Но если бы вы только знали, какая эта громадная работа!“ Конечно, это признаніе еще не заключало въ себѣ опредѣленнаго указанія на то, въ чемъ должна была состоять задуманная работа и какъ она стала бы вестись, но хотя мои мысли въ данный моментъ были нѣсколько далеки отъ историческихъ темъ подобнаго рода, тѣмъ не менѣе я понялъ и внутренне одобрилъ выборъ своего собесѣдника. Помимо того, что̀ въ нашей, обоихъ насъ, природѣ влекло къ исторіи личности и что̀ оба мы могли въ этомъ отношеніи вынести изъ историческихъ изученій въ одной и той же школѣ и по однѣмъ и тѣмъ же книжкамъ, и наша литература семидесятыхъ годовъ была исполнена сознанія о важномъ значеніи субъективнаго міра личности и ея дѣйственной роли въ жизни [1]). Въ тотъ моментъ, однако, когда происходилъ нашъ разговоръ, меня лично болѣе занимала иная сторона исторической жизни, и болѣе опредѣленныхъ воспоминаній о намѣреніяхъ Корелина у меня не сохранилось. Во всякомъ случаѣ, я нисколько не удивился, когда впослѣдствіи Корелинъ сообщилъ мнѣ,—не помню когда,—что предметомъ его магистерской диссертаціи будетъ эпоха итальянскаго гуманизма.

Такъ совершилась на моихъ глазахъ эволюція „мыслящаго реалиста“ гимназическихъ годовъ въ будущаго „историка личности“ временъ студенчества и, наконецъ, въ ученаго изслѣдователя гуманизма въ зрѣлую пору жизни. Въ 1883 г. была напечатана первая статья Корелина объ эпохѣ ренессанса; за этою статьею послѣдовали другія, отчасти вошедшія потомъ въ особый

---

[1]) Одно время Корелинъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ „Историческихъ писемъ“ П. Л. Лаврова, въ которыхъ особенно выдвинуто было значеніе личной инициативы въ дѣлѣ историческаго прогресса.

небольшой сборникъ; съ осени 1899 года стали печататься работы, оставшіяся въ рукописи. Но, разумѣется, главнымъ трудомъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ жизни Корелина является его „Ранній итальянскій гуманизмъ“, за который Московскій университетъ далъ ему прямо степень доктора, а Академія Наукъ присудила одну изъ своихъ премій [1]). Корелинъ долго и много работалъ надъ этой диссертаціей, собирая и изучая рѣдкій печатный и рукописный матеріалъ въ библіотекахъ и архивахъ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи. Результатомъ была громадная книга, которую можно назвать одною изъ ученѣйшихъ и серьезнѣйшихъ въ нашей исторической литературѣ. Превосходно изучивъ литературу предмета, авторъ въ своемъ „Итальянскомъ гуманизмѣ“ далъ нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ одной литературѣ по исторіографіи не только гуманизма, но и другихъ важныхъ явленій новыхъ вѣковъ, вродѣ реформаціи, просвѣщенія XVIII в., революціи и т. п. Въ трудѣ Корелина говорится о двухстахъ семидесяти гуманистахъ или людяхъ, родственныхъ имъ по направленію, и говорится о нихъ много новаго на основаніи ихъ печатныхъ сочиненій, которыхъ совсѣмъ почти не изучали прежніе историки гуманизма, и даже на основаніи рукописнаго матеріала, хранившагося подъ спудомъ. Корелина не подавили ни разнообразіе ученыхъ мнѣній, ни масса разнородныхъ фактовъ: вездѣ у него очень ясная и рѣшительная критика, соединенная съ осторожностью и осмотрительностью выводовъ, все классифицировано, подо всѣмъ подведены итоги.

Капитальный трудъ Корелина довольно скоро былъ по достоинству оцѣненъ серьезной научной критикой, между прочимъ, и иностранной. Факультетскій отзывъ Московскаго университета призналъ за диссертаціей „выдающееся и прочное значеніе въ исторической литературѣ“. „Сочиненіе это, сказано было еще въ этомъ отзывѣ, представляетъ собой полный критическій репертуарій по всѣмъ областямъ исторической литературы по извѣстному вопросу, полезный для всѣхъ занимающихся исторіей въ обширномъ смыслѣ. Оно представляетъ собой научныя данныя, которыя значительно пополняютъ и исправляютъ свѣдѣнія о раннемъ гуманизмѣ, и, наконецъ, разсматривая на основаніи новыхъ и обильныхъ данныхъ вопросъ о причинахъ и значеніи гуманизма, оно представляетъ собою научный трудъ, съ которымъ по необходимости бу-

[1]) См. указанный выше отчетъ о присужденіи премій митрополита Макарія.

детъ знакомиться всякій, занимающійся въ Россіи всеобщей исторіей".

Я имѣлъ возможность слѣдить за тѣмъ, какъ создавалась эта выдающаяся книга. Хотя мы и жили въ разныхъ городахъ и видались или переписывались сравнительно рѣдко, но Корелинъ, зная, какъ я интересуюсь ходомъ его работы, очень охотно и съ большимъ увлеченіемъ при встрѣчахъ нашихъ сообщалъ мнѣ о томъ, какъ подвигается его диссертація. По пріятельству онъ присылалъ мнѣ и отдѣльные листы по мѣрѣ того, какъ они отпечатывались, и я могъ постепенно оцѣнивать всю массу учености и мысли, вложенныхъ въ эту книгу. Первоначальнымъ его замысломъ было написать научную біографію знаменитаго гуманиста XV в. Лаврентія Валлы. Корелина интересовала личность этого гуманиста своимъ критицизмомъ по отношенію къ современнымъ авторитетамъ и ожесточенною борьбою противъ аскетизма. Но своему изслѣдованію онъ считалъ нужнымъ предпослать введеніе о гуманизмѣ вообще и въ частности о предшественникахъ Валлы. Вотъ это-то введеніе и разрослось у него въ самостоятельное изслѣдованіе. Когда оно было окончено и дало своему автору прямо докторскую степень, Корелинъ немедленно приступилъ и къ работѣ надъ Валлою, о которомъ онъ не переставалъ думать во все время работы надъ раннимъ итальянскимъ гуманизмомъ.

Такой исключительный интересъ къ одному представителю гуманистическаго движенія не былъ случайностью. Я сейчасъ скажу, какъ понималъ Корелинъ сущность гуманизма, но именно Лаврентій Валла и былъ для него наиболѣе яркимъ представителемъ той стороны гуманизма, которой онъ вообще приписывалъ наибольшее значеніе. Для многихъ Валла былъ лишь очень ученый филологъ, для нашего же историка имѣло главное значеніе не это, а то, что филологъ этотъ былъ живымъ человѣкомъ, защищавшимъ право человѣческой мысли на свободную критику и право инстинктовъ человѣческой природы на полное проявленіе въ жизни. Другими словами, Валла былъ для Корелина виднымъ представителемъ того самаго развитія личности въ умственной и нравственной сферахъ, къ которому онъ сводилъ весь гуманизмъ.

Выясненію сущности гуманизма Корелинъ и посвятилъ свой трудъ. Онъ выступилъ въ немъ, прежде всего, критикомъ разныхъ взглядовъ, которые по этому вопросу когда-либо высказывались въ литературѣ. Такъ какъ гуманисты были большими поклонниками и знатоками классической древности, для множества исто-

риковъ весь гуманизмъ отожествлялся съ возрожденіемъ интереса къ античному міру. Главнымъ представителемъ и даже родоначальникомъ такого взгляда былъ Фойгтъ, авторъ книги *Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма.* До какой степени для этого ученаго гуманизмъ отожествлялся съ классицизмомъ, можно видѣть хотя бы изъ того, что, старательно перечисляя всѣ работы гуманистовъ по латинской и греческой грамматикѣ, Фойгтъ лишь бѣгло упоминалъ, да и то о весьма немногихъ ихъ философскихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ, собственно говоря, только и слѣдовало искать настоящей разгадки гуманизма. Въ своей книгѣ Корелину, то и дѣло, приходилось отмѣчать весьма ограниченное знакомство и другихъ историковъ гуманизма съ источниками подобнаго рода. Мало того: Фойгтъ и другіе историки, отожествлявшіе гуманизмъ съ классицизмомъ, думали, что слѣды гуманизма можно искать лишь въ латинскихъ сочиненіяхъ гуманистовъ, какъ будто новое направленіе не могло проявляться и на самомъ дѣлѣ не проявлялось также въ произведеніяхъ, написанныхъ по-итальянски. Корелинъ выдвигалъ на первый планъ ту мысль, что самый интересъ гуманистовъ къ классикамъ былъ результатомъ ихъ стремленія найти прочную опору для своихъ новыхъ мыслей и настроеній и вмѣстѣ съ тѣмъ готовое орудіе для борьбы съ представителями старины. Возрожденіе древности было для нихъ, такимъ образомъ, не цѣлью, а только средствомъ.

Лучше поняли сущность движенія многіе другіе писатели, знавшіе, впрочемъ, фактическую исторію ренессанса очень плохо. Во главѣ такихъ писателей Корелинъ, по всей справедливости, ставилъ французскихъ „просвѣтителей“ XVIII в., которые, какъ онъ говорилъ, „чувствовали свое внутреннее родство съ итальянскими гуманистами“, хотя и мало были знакомы съ ихъ фактической исторіей. Замѣчаніе это глубоко вѣрно. Вообще философы XVIII и XIX вв. чутьемъ угадывали, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ гуманизмъ, и потому они впервые установили правильную точку зрѣнія на его историческое значеніе. Внутреннее родство съ гуманистами заставило и самого Корелина принять эту точку зрѣнія, но уже для того, разумѣется, чтобы обосновать ее чисто-научнымъ образомъ. Въ данномъ случаѣ у нашего изслѣдователя былъ и талантливый предшественникъ въ лицѣ Буркгардта, автора *Культуры возрожденія въ Италіи,* но и тутъ Корелинъ имѣлъ полное право поставить въ упрекъ этому блестящему историку гуманизма его малое знакомство съ непосредственными источниками: важ-

нѣйшія изъ нихъ, именно, сочиненія морально-философскаго содержанія, Буркгардтъ даже совсѣмъ обошелъ молчаніемъ. Кромѣ того, расплывчатое пониманіе гуманизма, лишенное у Буркгартта, вдобавокъ, малѣйшаго намека на совершавшуюся въ гуманизмѣ эволюцію, скорѣе могло бы быть отнесено къ нѣкоторому общему психическому настроенію, а не къ опредѣленному историческому явленію. Но у того же автора Корелинъ нашелъ тотъ научный терминъ, который онъ и самъ положилъ въ основу своего пониманія гуманизма.

Терминъ этотъ—индивидуализмъ. „Мы,—между прочимъ, писалъ Корелинъ о книгѣ Буркгардта,—мы не находимъ въ ней точно формулированнаго взгляда автора на это движеніе, но единственная идея, объединяющая всѣ отдѣльныя части его общей культурной картины,—индивидуализмъ и его проявленія. Культура ренессанса, по Буркгардту,—индивидуалистическая культура. Въ проведеніи этого взгляда на возрожденіе заключается главная и огромная его заслуга. Гуманистическая литература вполнѣ подтверждаетъ взглядъ Буркгардта, что возрожденіе—проявленіе индивидуализма".

Эта истина казалась Корелину до такой степени простою, что, обставляя ее богатѣйшими фактическими доказательствами, онъ не находилъ нужнымъ болѣе точнымъ образомъ опредѣлить сущность того индивидуализма, о которомъ у него шла рѣчь. Послѣ его тщательнаго изслѣдованія мысль объ индивидуалистичности всего гуманистическаго движенія можетъ уже считаться твердо и прочно обоснованною, но по вопросу о томъ, какой же все-таки это былъ индивидуализмъ, намъ приходится доискиваться настоящей мысли Корелина путемъ сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ его книги [1]). Самымъ важнымъ изъ этихъ мѣстъ я считаю слѣдующее: „Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ-третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка". Такое пониманіе своей личности и отношеніе ко всякой чужой личности

[1]) Недостатокъ книги Корелина въ этомъ отношеніи былъ мною отмѣченъ въ указанной выше статьѣ *Вѣстника Европы* (глава III).

предполагаетъ высокій уровень личнаго развитія. Корелинъ и видѣлъ въ гуманизмѣ одно изъ слѣдствій совершившагося къ той эпохѣ развитія личности. „Подъ вліяніемъ историческихъ условій,— говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — личность доросла до сознанія своего права на всестороннее развитіе: отсюда отрицаніе церковной опеки и требованіе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего для науки. Только съ этой точки зрѣнія идеи гуманистовъ находятъ объясненіе и могутъ быть приведены въ ясную и опредѣленную систему".

Слово „индивидуализмъ" принадлежитъ къ числу употребляющихся въ довольно-таки различныхъ смыслахъ, смотря по тому— въ противоположеніи съ чѣмъ мыслятся присущія личности стремленія, и въ зависимости отъ того, какой источникъ имѣютъ и какую себѣ цѣль ставятъ эти стремленія. Корелинъ не позаботился опредѣлить точнѣе сущность гуманистическаго индивидуализма, но изъ всего видно, что подъ индивидуализмомъ онъ почти исключительно разумѣлъ сознаніе личностью своихъ человѣческихъ правъ и притомъ преимущественно въ области интеллектуальнаго и моральнаго самоопредѣленія съ особенно отрицательнымъ отношеніемъ къ аскетическимъ требованіямъ, разрушавшимъ личную жизнь во всѣхъ ея инстиктивныхъ проявленіяхъ. Но вѣдь это далеко не все, что́ можно сказать объ индивидуализмѣ вообще... Довольно, впрочемъ, и того, что́ мы знаемъ, о какомъ индивидуализмѣ говорилъ Корелинъ. „Культурная работа личности, — сказано у него еще въ самомъ началѣ статьи „Первая гуманистка", — всегда преслѣдовала и будетъ преслѣдовать двѣ цѣли: во-первыхъ, подчинить себѣ природу, заставить служить своимъ интересамъ стихійныя силы и, во-вторыхъ, добиться наилучшаго положенія въ обществѣ, доставить себѣ возможность наиболѣе широкаго развитія лучшихъ свойствъ своей природы, наиболѣе полнаго удовлетворенія своихъ законныхъ потребностей, насколько позволяетъ это справедливость, т.-е. насколько личное стремленіе не мѣшаетъ таковымъ же стремленіямъ другихъ лицъ". Послѣдняя оговорка имѣетъ важное значеніе. Вотъ это-то чувство справедливости и мѣшаетъ индивидуализму, нравственно-законному и даже обязательному, превратиться въ нѣчто, уже заслуживающее порицанія, въ эгоизмъ и соціальный индифферентизмъ. Отмѣчая очень нерѣдкіе у гуманистовъ случаи такого индивидуализма, Корелинъ относилъ это, однако, на счетъ дурныхъ общественныхъ условій тогдашней Италіи, а не на счетъ самóй основной идеи гуманизма. „Въ основѣ гуманистическихъ

стремленій,—читаемъ мы еще въ той же статьѣ,—лежало глубокое убѣжденіе въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы и въ признаніи за отдѣльною личностью полнаго права на всестороннее развитіе всѣхъ свойствъ, данныхъ ей природою, и на широкое удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей. Отсюда вытекало требованіе, во-первыхъ, не только духовнаго, но и физическаго развитія въ школѣ; во-вторыхъ, безграничной свободы и полной независимости въ интеллектуальной дѣятельности человѣка, т.-е. въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ, въ философіи; въ-третьихъ, права на высокое мѣсто въ обществѣ для умственно-развитой личности, независимо отъ происхожденія, состоянія и другихъ случайностей". Но отсюда же, прибавимъ, могли бы быть выведены и другія еще требованія, которыхъ Корелинъ у гуманистовъ и не отмѣчалъ, потому что и не находилъ у нихъ этихъ требованій.

Главною причиною возникновенія этого движенія, по убѣжденію нашего изслѣдователя, было появленіе въ ту эпоху развитой личности, переросшей средневѣковыя рамки. Этотъ свой взглядъ на гуманизмъ онъ обосновалъ на весьма подробномъ и тщательномъ изслѣдованіи тѣхъ произведеній гуманистической литературы, въ которыхъ крупные и мелкіе дѣятели ренессанса выразили глубочайшія свои убѣжденія и наиболѣе сильныя и постоянныя свои стремленія. Гуманизмъ былъ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и душевнымъ настроеніемъ отдѣльныхъ личностей, а не соціальною или политическою программою какого-либо общественнаго класса или какой-либо партіи въ государствѣ. Корелинъ нарочно подчеркивалъ, что у гуманистовъ не было и не могло быть общаго политическаго ученія. Съ другой стороны, онъ ставилъ также на видъ, что и свою борьбу противъ аристократіи гуманисты вели опять-таки „во имя индивидуальныхъ свойствъ личности, а не интересѣ какого-либо общественнаго класса". „Гуманисты,—говоритъ онъ, наприм., — еще не были органомъ какого-либо общественнаго класса, и ихъ идеи о человѣческой природѣ, объ этикѣ, о наукѣ не обусловливались соціальными перемѣнами, происходившими въ современномъ имъ обществѣ". Вотъ почему онъ не допускалъ, чтобы причиною гуманистическаго движенія была та или другая политическая форма, или борьба между разными формами, или же сословное броженіе. По его мнѣнію, тогдашнее соціальное и политическое состояніе Италіи, — разложеніе прежнихъ формъ быта и частые государственные перевороты, разрушавшіе старыя традиціи и попиравшіе законы,—развѣ только въ отрицательномъ

смыслѣ могли содѣйствовать гуманистическому движенію, предоставляя личность самой себѣ и усиливая въ ней критическое настроеніе. Эта жизнь не внушала гуманистамъ никакой положительной программы, и они даже не ставили вопроса, при какихъ же общественныхъ условіяхъ возможно наиболѣе свободное и полное личное развитіе. Корелинъ, особенно въ работахъ, послѣдовавшихъ за главнымъ трудомъ, самъ постоянно отмѣчалъ крайности гуманическаго индивидуализма. Но какъ-разъ эти крайности и подтверждаютъ основную его мысль о глубоко-индивидуалистическомъ, т.-е. мало общественномъ характерѣ всего движенія. Разъ, однако, это такъ, то и задача объясненія гуманизма была болѣе психологическаго, нежели соціологическаго характера. Я лично убѣжденъ въ вѣрности основной точки зрѣнія Корелина на гуманизмъ, но его особый интересъ къ явленію, требующему прежде всего психологическаго объясненія, характеризуетъ, думается мнѣ, и самого Корелина, какъ историка.

Есть историки-соціологи и есть историки-психологи. Одни интересуются болѣе фактами политическими, экономическими, юридическими и т. п., и преимущественно изъ фактовъ этихъ же категорій стараются объяснить движеніе исторіи; другихъ, наоборотъ, влечетъ къ себѣ исторія культурной эволюціи, и въ ней они ищутъ объясненія интересующихъ ихъ явленій жизни. Корелинъ былъ историкомъ-психологомъ. Совершенно такъ же, какъ къ развитію гуманизма, отнесся онъ и къ распространенію христіанства въ своей книжкѣ *Паденіе античнаго міросозерцанія*. Ея задачею было „выяснить причины побѣды христіанства, поскольку онѣ заключались въ психологическихъ условіяхъ эпохи. Соціальныя, политическія и экономическія причины“ авторъ самъ оставилъ „внѣ своей задачи“. Родоначальниками этого психологическаго интереса къ исторіи были гуманисты, и Корелинъ въ этомъ отношеніи былъ натурою, имъ несомнѣнно родственною, конгеніальною.

Припомнимъ, чѣмъ, по его собственнымъ словамъ, характеризуется гуманистическій индивидуализмъ. Въ числѣ признаковъ послѣдняго онъ, между прочимъ, ставитъ „интересъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку“, а во всякомъ человѣкѣ (не исключая самого себя) къ „внутреннему его міру“ и „къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка“ съ его внутреннимъ міромъ. Этотъ интересъ къ внутреннему человѣку и къ его культурнымъ проявленіямъ въ религіи и философіи, въ поэзіи и искусствѣ, въ историографіи и публицистикѣ

особенно всегда и отличалъ Корелина, какъ историка, но это же были и тѣ области, въ которыхъ преимущественно работали гуманисты. Самый интересъ гуманистовъ къ наукѣ онъ вообще объяснялъ развитіемъ индивидуальныхъ потребностей. „Гуманистическимъ интересомъ къ личности, — говоритъ онъ, — опредѣлялось ихъ отношеніе къ различнымъ отраслямъ знанія и къ античной литературѣ. Обращеніе къ классической старинѣ было необходимо, потому что средневѣковая наука не подходила къ новымъ потребностямъ, но и въ древней литературѣ они ищутъ прежде всего такихъ писателей, которые ближе по настроенію и даютъ болѣе средствъ понять современнаго человѣка, вообще наиболѣе приложимы къ дѣйствительности. Поэтому, прибавляетъ историкъ, гуманисты изучаютъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ и историковъ",—какъ, замѣчу я, впослѣдствіи и самъ Корелинъ изучалъ гуманистовъ. И они были ему близки по настроенію, и самъ онъ въ нихъ искалъ объясненія современнаго интеллигентнаго человѣка, ведущаго свою родословную, по его словамъ, отъ раннихъ гуманистовъ.

Корелинъ, въ частности, указывалъ и на то, что гуманисты положили основныя начала новой исторической науки, которой самъ онъ приписывалъ весьма важное значеніе въ жизни. Всѣ элементы научной исторіографіи, говоритъ онъ, уже были извѣстны гуманистамъ — „и историческая критика, и общіе взгляды, и изслѣдовательскіе пріемы, и оцѣнка отдѣльныхъ событій, и широкія обобщенія на основаніи политическаго опыта и историческихъ наблюденій". Въ особенности индивидуализмъ гуманистовъ въ исторіографіи проявился въ томъ ихъ интересѣ къ человѣческой личности, который заставилъ ихъ бросить формы и пріемы средневѣковой хроники и перейти къ составленію біографій. Но этотъ же самый интересъ къ личности выразился и въ томъ біографическомъ характерѣ, какой приняло все изслѣдованіе самого Корелина о гуманизмѣ. Въ разговорахъ со мною на историологическія темы онъ нерѣдко съ сердечнымъ сокрушеніемъ выражалъ свое несогласіе съ тѣми историками, которые во имя условно понятой научности отрицаютъ за біографіями всякое научное значеніе. Самъ онъ очень хорошо при этомъ формулировалъ значеніе научныхъ біографій для пониманія цѣлыхъ историческихъ эпохъ. Самый ренессансъ былъ какъ-разъ такимъ переворотомъ въ идеалахъ и стремленіяхъ общества, который зародился въ отдѣльныхъ личностяхъ: изучить начало и ходъ этого измѣненія только и можно, дѣйствительно, на индивидуальныхъ біографіяхъ.

Внутреннее родство міросозерцанія и настроенія гуманистовъ и Корелина объясняетъ намъ и то сочувственное пониманіе ихъ идей и стремленій, которое проходитъ красною нитью черезъ всѣ его работы, посвященныя гуманизму. Вспомнимъ, что одною изъ основныхъ чертъ міросозерцанія гуманистовъ онъ считалъ „убѣжденіе въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ". Вспомнимъ, что изъ этого убѣжденія, по словамъ Корелина, вытекали такія требованія, какъ „не только духовное, но и физическое развитіе въ школѣ", „безграничная свобода и полная независимость интеллектуальной дѣятельности человѣка, т.-е. въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ, въ философіи" и т. д. Онъ съ большимъ вниманіемъ выискивалъ и разбиралъ и съ настоящею любовью излагалъ и отмѣчалъ всѣ сколько-нибудь симпатичныя ему заявленія гуманистовъ, не скрывая, однако, тѣхъ случаевъ, когда ихъ мнѣнія отличались односторонностью или впадали въ крайность, и когда съ ними нельзя было примириться съ болѣе высокой нравственной и общественной точки зрѣнія. Гуманистовъ часто обвиняли въ слѣпомъ увлеченіи древними, въ рабскомъ имъ подражаніи. Корелинъ старательно снималъ съ нихъ это обвиненіе, ставилъ имъ даже въ заслугу какъ-разъ противоположное отношеніе къ авторитетамъ, т.-е. ихъ критицизмъ, этотъ признакъ независимаго и свободнаго личнаго сужденія. Общее сочувственное отношеніе къ гуманизму не мѣшало ему самому критически относиться къ гуманистамъ.

Одинъ изъ специфическихъ признаковъ гуманистическаго движенія Корелинъ видѣлъ въ „стремленіи выработать на индивидуалистической основѣ новое міросозерцаніе, т.-е. построить на ней религію, мораль, педагогію, политику и науку". Онъ высоко ставилъ и даже прямо вмѣнялъ гуманистамъ въ положительную заслугу духовную эманципацію личности, реабилитацію физической природы человѣка, защиту его правъ на свободное самоопредѣленіе и на всестороннее развитіе. Во имя того же принципа личности гуманисты вступили въ борьбу противъ аристократіи и сословныхъ различій и дали первую попытку теоретическаго обоснованія политическаго равенства. Но нашъ историкъ постоянно при этомъ отмѣчалъ, что дѣятелямъ ренессанса не удалось выработать ни прочной этической системы, ни сколько-нибудь твердой системы политической. Трудность, думалъ онъ сначала, лежала въ самой задачѣ, безотносительно къ способу ея рѣшенія, но на самомъ

дѣлѣ и способъ рѣшенія, бывшій исключительно индивидуалистическимъ, тоже приводилъ къ отрицательному результату. Самъ Корелинъ потомъ призналъ это и весьма опредѣленно формулировалъ свою новую мысль въ общей статьѣ о гуманизмѣ, помѣщенной въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза-Эфрона и перепечатанной въ *Очеркахъ итальянскаго возрожденія* [1]). „Гуманистическое движеніе,—говоритъ онъ здѣсь,—не успѣло пріобрѣсти прочной почвы въ Италіи вслѣдствіе недостатковъ, заключавшихся отчасти въ міросозерцаніи гуманистовъ, отчасти въ ихъ общественномъ положеніи". Именно, „совершивъ переворотъ въ воззрѣніяхъ образованнаго общества, гуманизмъ не былъ въ состояніи проникнуть въ массу, не сохранилъ для интеллигенціи связи съ народомъ". Дѣйствительно, будучи самъ демократиченъ во имя права всякой личности, независимо отъ ея происхожденія и общественнаго положенія, на всестороннее и свободное развитіе, гуманизмъ въ то же время отличался аристократичностью по отношенію къ profanum vulgus. Съ другой стороны, Корелинъ указывалъ еще и на то, что „реакція противъ аскетизма во имя потребностей человѣческой природы разнуздывала у итальянскихъ гуманистовъ чувственность и въ практической жизни, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, и даже въ моральныхъ теоріяхъ", и отдавалъ предпочтеніе нѣмецкимъ гуманистамъ, и какъ людямъ съ идеализмомъ убѣжденій, и какъ людямъ гражданскаго долга. „Гуманистическій индивидуализмъ,—писалъ онъ еще въ статьѣ *Casa giojosa*,—въ теоріи весьма высоко ставившій служеніе ближнему, на практикѣ весьма часто извращался въ эгоизмъ".

Эти и другія подобныя указанія на недостатки гуманизма и на крайности индивидуализма, указанія, проливающія свѣтъ на міросозерцаніе и настроеніе самого историка, становились, мнѣ кажется, съ теченіемъ времени все болѣе частыми въ работахъ Корелина, посвященныхъ гуманизму.

Занявшись сначала самою раннею, начальною эпохою гуманизма, онъ естественно долженъ былъ съ возраставшею радостью привѣтствовать все то новое, свѣжее, жизненное, что́ приносило съ собою это движеніе, но по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ въ своихъ работахъ, онъ все больше и больше открывалъ и слабыя

---

[1]) Въ новомъ изданіи словаря эта статья замѣнена другою, но, къ счастью, интересующіеся общимъ взглядомъ Корелина на гуманизмъ могутъ найти ее и въ „Очеркахъ", продолжающихъ переиздаваться.

стороны движенія и все сильнѣе и сильнѣе убѣждался, какъ трудно дается истина человѣку и какая мудреная задача—сочетать культуру и счастье, свободу и справедливость.

Да и жизнь, какъ это всегда бываетъ, приносила съ собою разочарованія, разрушала прежнія иллюзіи, подкашивала надежды... Ни опытъ собственной жизни, однако, ни изученіе исторіи со всѣмъ тѣмъ пессимизмомъ, который оно можетъ навѣвать, не могли поколебать въ Корелинѣ того, что́ я назвалъ бы его личной вѣрой.

У каждаго человѣка, способнаго жить не однимъ своимъ *я*, всегда есть извѣстная основная вѣра, составляющая самую внутреннюю сущность его личности, его истинную природу, и проявляющаяся въ его міросозерцаніи, въ его настроеніи, въ его стремленіяхъ. У Корелина это была вѣра въ достоинство и значеніе человѣческой личности, въ ея право и силу,—вѣра, которая была настоящею основою его теоретическаго интереса къ гуманизму и его практическаго оптимизма.

Эта вѣра была главною основою его увлеченія въ ранней еще юности и Писаревымъ. Какъ-то въ одно изъ послѣднихъ нашихъ свиданій Корелинъ коснулся въ разговорѣ со мною только-что прочитанной имъ новой біографіи Писарева[1]). Онъ былъ ею недоволенъ, потому что ея авторъ, какъ онъ выразился, сдѣлалъ изъ своего героя какого-то титана индивидуализма, чуть не впервые повѣдавшаго міру о достоинствѣ и правахъ человѣческой личности, „словно,—прибавилъ онъ,—не было всей новой исторіи, начиная съ гуманистовъ“. Не знаю, насколько былъ справедливъ его приговоръ о книгѣ, но это замѣчаніе освѣтило для меня связь увлеченія „мыслящимъ реализмомъ“ Корелина-гимназиста съ гуманистическими занятіями Корелина-ученаго. Мы вспомнили старые годы, и онъ съ обычной своей манерой пошутилъ по поводу сдѣланнаго мною сближенія. Но, я думаю, и онъ не могъ не видѣть, что въ этомъ была правда. Основною чертою личнаго характера Корелина былъ тотъ самый индивидуализмъ, который онъ находилъ у Писарева и столь высоко цѣнилъ въ гуманистическомъ движеніи. Такимъ создала его природа, такимъ онъ и прошелъ свой жизненный путь. И прежде всего въ немъ былъ сильный и глубокій интересъ къ своему внутреннему міру. Многіе никогда не узнаютъ самихъ себя или узнаютъ слишкомъ поздно. У Корелина очень рано стало проявляться правильное самосознаніе, и

[1]) Въ извѣстной павленковской коллекціи біографій.

всѣ свидѣтели его жизни могутъ подтвердить, что онъ много и долго работалъ надъ собою, дабы путемъ удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей облагородить основной инстинктъ своей природы и путемъ научнаго труда выработать твердый взглядъ на значеніе личнаго начала въ жизни и найти примиреніе его съ началомъ общественнымъ. Лично свою жизненную роль въ обществѣ онъ понималъ, именно какъ распространеніе просвѣщенія, въ силу котораго вѣрилъ, какъ вѣрилъ въ силу истины и въ силу личности. Одною изъ послѣднихъ работъ Корелина была статья о темахъ по всеобщей исторіи для народнаго чтенія. Наука была для него и лично дорога, какъ одно изъ высшихъ, доступныхъ ему проявленій личности, и какъ общественно-прогрессивная сила, которая призвана руководить народами на пути ихъ историческаго развитія. Не даромъ онъ жилъ въ XIX в., который далеко ушелъ впередъ отъ эпохи ранняго гуманизма, незнакомаго съ великими идеями служенія народу и прогрессивнаго движенія исторической жизни подъ знаменемъ идеи соціальной справедливости.

На этомъ я кончаю. Цѣлью настоящей статьи я не ставилъ ни выясненіе того значенія, какое принадлежитъ труду Корелина въ ученой разработкѣ исторіи итальянскаго гуманизма, ни указаніе на то, что, по моему мнѣнію, можетъ быть признано за недостатки его книги, такъ какъ это уже было мною сдѣлано въ отзывѣ, написанномъ по порученію Академіи Наукъ.

Прибавлю ко всему сказанному еще только одно. Книга Корелина издается почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера ея автора. Отступленія допущены лишь, во-первыхъ, въ раздѣленіи ея на четыре тома, изъ которыхъ для облегченія покупателей каждый продается отдѣльно; во-вторыхъ, въ устраненіи текстовъ, бывшихъ приложенными къ книгѣ въ первомъ изданіи, и, въ-третьихъ, въ перестановкѣ мѣста послѣдней (IV) главы, соединенной въ новомъ изданіи съ введеніемъ, какъ имѣющей, подобно послѣднему, главнымъ образомъ историографическое содержаніе. Кромѣ этой вступительной статьи, къ первому тому настоящаго изданія прибавляются еще краткая біографія Корелина, списокъ его произведеній и литература какъ о немъ самомъ, такъ и о его трудахъ.

Н. Карѣевъ.

Біографическій очеркъ М. С. Корелина [1]).

Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ родился въ 1855 году и происходилъ изъ крестьянской семьи. Грамотѣ обучался онъ у сельскаго дьячка, а первоначальное образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ. Ему было шесть лѣтъ, когда по его деревнѣ разнеслась весть о манифестѣ освобожденія,—и онъ вынесъ изъ этой эпохи ту твердую вѣру въ прогрессъ, ту страсть ко всеобщему просвѣщенію и тотъ жизнерадостный оптимизмъ, которые служили украшеніемъ его симпатичной личности. Поступивъ въ 1-ю московскую гимназію, онъ рано познакомился съ суровою дѣйствительностью, такъ какъ ему пришлось бороться съ нуждою и лишеніями. Эта борьба пріучила его къ выносливости, закалила его и выработала въ немъ духовную самостоятельность.

Корелинъ поступилъ, по окончаніи курса въ гимназіи, въ Московскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, и занялся всеобщею исторіей, исторіей всеобщей литературы и искусства. Еще во времена „западническаго“ теченія всеобщая исторія въ Московскомъ университетѣ сдѣлалась предметомъ глубокаго вниманія, и ей впервые было отведено самостоятельное мѣсто. Она заняла высокое положеніе въ эпоху воодушевленія и общественнаго движенія сороковыхъ годовъ. Славныя имена Грановскаго, Кудрявцева и Ешевскаго надолго дали окраску преподаванію всеобщей

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ собою сильно сокращенное изложеніе некролога, написаннаго П. А. Конскимъ, любезно разрѣшившимъ редакціи настоящаго изданія имъ воспользоваться. Самый обширный некрологъ Корелина принадлежитъ его учителю, проф. В. И. Герье, давшему наиболѣе полную характеристику личности и трудовъ Корелина.

исторіи въ Московскомъ университетѣ внесеніемъ въ историческую науку культурно-прогрессивной точки зрѣнія. Эту научную традицію поддерживалъ потомъ и профессоръ В. И. Герье, подъ руководствомъ котораго работалъ Корелинъ. Такимъ образомъ, ученая индивидуальность Корелина складывалась подъ вліяніемъ незабвенныхъ традицій Грановскаго и историческаго семинарія профессора Герье, давшаго ему основные пріемы научной работы. Живая, талантливая натура Корелина рано сказалась въ его увлеченіи западно-европейскою литературой и ея геніальными произведеніями. Еще въ университетѣ онъ написалъ изслѣдованіе легенды о Фаустѣ, за которое получилъ золотую медаль. Здѣсь, между прочимъ, онъ устанавливаетъ фактъ связи между распространеніемъ книги о докторѣ Фаустѣ и протестантизмомъ.

Окончивъ университетскій курсъ со степенью кандидата въ 1880 году, Корелинъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Съ этого же времени начинается его усиленная преподавательская дѣятельность, при чемъ въ качествѣ лектора онъ впервые выступилъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ профессора В. И. Герье, на которыхъ читали лекціи многіе выдающіеся профессора. Готовясь къ магистерскому экзамену, Корелинъ давалъ уроки въ нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, читалъ лекціи по исторіи культуры въ Московской консерваторіи и былъ преподавателемъ въ Лазаревскомъ институтѣ. Какъ преподаватель, Корелинъ вносилъ постоянно въ преподаваніе освѣжающій духъ науки и всегда привлекалъ къ себѣ симпатіи учениковъ и ученицъ, отдаваясь всею душою своему дѣлу. Въ промежутокъ отъ 1880 года до 1885 года онъ напечаталъ нѣсколько статей и солидныхъ рецензій разнообразнаго содержанія; въ нихъ былъ виденъ его глубокій интересъ къ личному началу въ исторіи и къ эпохѣ гуманизма, которая сдѣлалась потомъ его любимымъ, задушевнымъ предметомъ занятій. Въ 1880 году онъ напечаталъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* „Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка“, въ 1883 году, тамъ же, большую статью „Торквато Тассо и его вѣкъ“. Въ *Запискахъ Учителя* помѣщена его рецензія на этюдъ В. Михайловскаго „Серветъ и Кальвинъ“, въ 1885 году онъ напечаталъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* „Прошлое современной дипломатіи“, а въ *Вѣстникѣ Европы*—большой отзывъ о книгѣ Кёртинга („Эпоха возрожденія и германофилы“), гдѣ онъ подвергъ серьезной критикѣ взгляды этого ученаго на гуманизмъ.

Выдержавъ магистерскій экзаменъ, Корелинъ былъ командированъ для научныхъ занятій за границу, гдѣ провелъ два года, съ 1885 года до 1887 года. Здѣсь съ удивительною энергіей и замѣчательнымъ трудолюбіемъ онъ отдался изученію итальянскаго гуманизма и собралъ массу драгоцѣннѣйшаго архивнаго матеріала, въ Миланѣ, во Флоренціи, въ Ватиканской библіотекѣ, въ Парижской національной библіотекѣ и въ Британскомъ музѣ. Погрузившись въ чтеніе рукописей, онъ, какъ и гуманисты, жизнерадостный и бодрый, присматривался къ суетѣ жизни и откликался на всякое выдающееся общественное явленіе, дѣлясь своими мыслями со своей родиной. Въ *Вѣстникѣ Европы* за 1886 годъ онъ напечаталъ „Два юбилея въ Берлинѣ“, „Студенческія корпораціи въ Берлинскомъ университетѣ“, „Какъ потратили саксонцы французскую контрибуцію“ и др. По возвращеніи изъ-за границы Корелинъ возобновилъ свои прежнія лекціи и уроки, преподавалъ на женскихъ курсахъ до ихъ закрытія. Такъ какъ онъ былъ хорошо знакомъ съ исторіей искусства, то университетъ поручилъ ему чтеніе лекцій по этому предмету въ качествѣ приватъ-доцента, а скоро онъ сталъ читать и курсы по исторіи. Онъ принималъ еще участіе въ систематическихъ публичныхъ лекціяхъ, гдѣ прочиталъ два превосходныхъ, ярко написанныхъ курса: „Важнѣйшіе мотивы въ исторіи средневѣкового папства“ и „Культурный кризисъ въ Римской имперіи“. Оба эти курса, превосходные по изложенію и замыслу, составлены съ культурно-соціальной точки зрѣнія. У Корелина была богатая способность сживаться съ изслѣдуемою имъ эпохою, живо представлять себѣ ея интересы и стремленія. Оттого эти очерки такъ жизненны и пластичны. Среди этихъ разнообразныхъ занятій, онъ напечаталъ еще нѣсколько статей, относящихся къ эпохѣ гуманизма и къ искусству, помѣстилъ много тонко написанныхъ, художественныхъ и театральныхъ рецензій. Въ *Русской Мысли* за 1888 годъ напечатана была имъ интересная статья „Петрарка, какъ политикъ“. Въ другой своей статьѣ „Искусство и дѣйствительность“ (*Русская Мысль* 1889 г., № 4) онъ опредѣляетъ существенные признаки художественнаго произведенія. Подъ искусствомъ онъ понималъ „идеальное или типическое воспроизведеніе жизни, предназначенное, вполнѣ или отчасти, для удовлетворенія эстетическихъ потребностей“. Ему важно было выяснить задачу исторіи искусства, которую, какъ входящую въ составъ общей исторіи культуры, онъ считалъ необходимымъ разсматривать съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Въ 1892 году Корелинъ закончилъ свою диссертацію „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія". Этотъ капитальный трудъ (въ первомъ изданіи котораго было VIII + 1087 + 73 стр.) онъ представилъ въ Московскій университетъ въ качествѣ магистерской диссертаціи, но историко-филологическій факультетъ далъ автору прямо докторскую степень и каѳедру всеобщей исторіи. Въ отзывѣ, представленномъ въ факультетъ, сказано объ этомъ замѣчательномъ трудѣ, что съ нимъ „долженъ будетъ знакомиться всякій, занимающійся въ Россіи всеобщей исторіей", а проф. Н. И. Карѣевъ, написавшій подробный разборъ этого труда, выразился, что трудъ этотъ „сдѣлалъ бы честь любой литературѣ". Академія Наукъ увѣнчала сочиненіе Корелина преміей митрополита Макарія, такъ какъ оно — „весьма крупный, важный и цѣнный ученый трудъ, самостоятельный, вносящій много новаго въ науку, существенно ее обогащающій новыми фактами, наблюденіями и воззрѣніями".—Въ кругу гуманистовъ Корелинъ чувствуетъ себя совершенно, какъ среди близкихъ людей. Его обширная эрудиція рядомъ съ хорошею методологическою подготовкой дали ему полную возможность распоряжаться въ области критики и комбинаціи источниковъ. Онъ представилъ читателю глубокій анализъ сочиненій выдающихся гуманистовъ и нарисовалъ картину эволюціи гуманизма. Въ диссертаціи Корелина счастливо сочетались глубокая ученость и увлекательность изложенія. Цѣлый рядъ статей и публичныхъ лекцій Корелина, появившихся послѣ диссертаціи, касались, главнымъ образомъ, того же любимаго его вопроса—гуманизма. Въ 1894 году имъ прочитана была лекція въ пользу комитета грамотности о „Первой гуманисткѣ" (*Русская Мысль*, 1894 г.), потомъ объ „Л. Б. Альберти и его отношеніи къ наукѣ и искусству" (напечатано тамъ же), въ 1895 году въ *Вопросахъ Философіи* появилась его статья „Этическій трактатъ Лоренцо Валла", а въ 1896 году онъ издалъ „Очерки итальянскаго возрожденія" — небольшую, изящную книжку, отъ которой вѣетъ свѣжестью, бодростью и поэзіей. Въ ней собраны были его статьи (Что такое „Возрожденіе". Петрарка, какъ политикъ. Первая гуманистка. Л. Б. Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству, Casa giojosa. Отношеніе гуманистовъ къ вещественнымъ памятникамъ классической древности). Съ 1897 года открывается рядъ статей Корелина въ *Вопросахъ Философіи* подъ заглавіемъ: „Очерки развитія философской мысли въ эпоху возрожденія". На археологическомъ съѣздѣ въ

Вильнѣ имъ былъ прочитанъ рефератъ „Первые шаги классической археологіи“.

Въ своей ученой и профессорской дѣятельности Корелинъ оставался гуманистомъ, въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Его интересуетъ *человѣкъ*. Вездѣ онъ находитъ и освѣщаетъ живую личность, вездѣ придаетъ большое значеніе индивидуальности; въ разработкѣ біографій онъ обнаруживалъ особую силу и особенное мастерство тщательнаго анализа, основательной и оригинальной оцѣнки. Въ исторіи онъ выдвигаетъ преимущественно ея идейную сторону. Онъ представитель культурнаго направленія въ наукѣ, съ его глубокимъ интересомъ къ внутреннему міру человѣка, къ религіи, философіи, моральнымъ и политическимъ идеямъ, наукѣ, литературѣ и искусству. Гуманизмъ — самая дорогая для него тема — былъ для него чѣмъ-то родственнымъ по своему оптимизму, жизнерадостному настроенію и широкому индивидуализму, любви къ просвѣщенію, наукѣ и поэзіи. Во всѣхъ произведеніяхъ Корелина господствовала всемірно-историческая точка зрѣнія, которая такъ ясно сказывается при изученіи имъ отдѣльныхъ дѣятелей эпохи гуманизма. У него было широкое пониманіе исторической науки и глубокая вѣра въ нее. Широта его научнаго воззрѣнія, разнообразные и живые историческіе интересы придали жизненный характеръ его сочиненіямъ. Онъ не оставался при этомъ кабинетнымъ ученымъ. „Общественное значеніе каждой науки“, говоритъ онъ, „заключается въ ея просвѣтительномъ вліяніи и начинается съ того момента, когда результаты научнаго изслѣдованія выходятъ изъ кабинета или изъ лабораторіи, становятся достояніемъ болѣе или менѣе широкихъ круговъ общества и оказываютъ воздѣйствіе на мысль и черезъ нее на жизнь“. Нравственный долгъ и общественное служеніе ученаго, говоритъ онъ далѣе, „есть популяризація науки“. Самъ онъ находилъ высокое наслажденіе въ томъ, чтобы пускать въ оборотъ свои знанія. Какъ преподаватель средней школы, онъ былъ превосходнымъ популяризаторомъ. Онъ особенно подчеркивалъ также важность популяризаціи для народнаго чтенія. Въ популяризаціи каждой науки Корелинъ видѣлъ не только образовательное, но и практическое значеніе, которое заключается въ моральномъ и политическомъ воспитаніи читателя. Въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ даетъ всемірная исторія. „Ознакомленіе съ факторами этого прогресса, писалъ онъ, ясно покажетъ необходимость интереса отдѣльной личности къ общественнымъ дѣламъ, нравственную обязанность общественнаго служенія, разо-

вьетъ чувство долга по отношенію къ обществу и государству". Воспитательное значеніе всеобщей исторіи для него состоитъ еще въ томъ, что она развиваетъ чувство справедливости. Она можетъ научить „*уважать* чужеземца, показавъ его превосходство во многихъ отношеніяхъ". Съ такими взглядами пошелъ онъ, между прочимъ, навстрѣчу народному образованію, много и неустанно работая въ Московскомъ Обществѣ грамотности. Онъ выступалъ лекторомъ на воскресныхъ чтеніяхъ, организованныхъ Обществомъ распространенія техническихъ знаній, и прочиталъ рядъ художественно составленныхъ идейныхъ лекцій о „Египетскихъ богахъ, ихъ храмахъ и изображеніяхъ", объ „Ассирійскомъ народѣ и его богахъ-покровителяхъ", о „Финикійскихъ мореплавателяхъ и ихъ культурѣ", о „Средневѣковой церковной готикѣ и ея историческихъ основахъ". Потомъ эти лекціи вышли отдѣльно подъ заглавіями „Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи", которыя могутъ служить прекраснымъ образцомъ талантливой популяризаціи исторіи. Какъ членъ правленія извѣстнаго Комитета Грамотности и предсѣдатель его редакціонной комиссіи, Корелинъ много думалъ объ организаціи народныхъ чтеній и написалъ весьма интересную статью о томъ, „что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи". Въ *Дѣтскомъ Чтеніи* за октябрь и ноябрь 1898 г. онъ напечаталъ интересный очеркъ „Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили". Живой умъ Корелина не ограничивался этимъ. Будучи солиднымъ спеціалистомъ и выдающимся ученымъ, онъ въ то же время былъ широко образованнымъ человѣкомъ. Это была тонкая, художественная, эстетическая натура, интересовавшаяся самыми разнообразными явленіями жизни. Съ большой наблюдательностью онъ умѣлъ схватывать, найти и оттѣнить свѣтлыя стороны общественныхъ явленій, сразу выдвинуть назрѣвшій вопросъ и активно принять участіе въ его разрѣшеніи. Множество статей, рецензій, театральныхъ отчетовъ и замѣтокъ, разбросанныхъ въ *Русской Мысли*, *Артистѣ* и газетѣ *Курьеръ*, свидѣтельствуютъ о его необыкновенной разносторонности. Его статьи въ *Русской Мысли* о современномъ искусствѣ богаты цѣнными замѣчаніями, въ которыхъ виденъ строгій, безпристрастный, справедливый критикъ, не только умѣвшій найти прекрасное въ разныхъ произведеніяхъ искусства и передать свои художественныя впечатлѣнія, но видѣвшій свою задачу въ томъ, чтобы развивать эстетическій вкусъ читателя и вліять на его эстетическія чувства. Въ искусствѣ Корелинъ не былъ сторонникомъ публицистики, но

каждый художникъ, по его словамъ, имѣетъ неотъемлемое право „проводить въ жизнь путемъ художественнаго творчества свои религіозныя, этическія и историческія воззрѣнія, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти идеи не искажали художественной правды и не оскорбляли эстетическаго чувства". По вопросамъ общаго образованія мы находимъ много статей Корелина въ *Курьерѣ* за 1898 годъ, гдѣ онъ помѣщалъ ихъ подъ заголовкомъ „Изъ записной книжки стараго педагога". Замѣтки этого „стараго педагога" написаны широко, свободно, горячо и правдиво. Онъ откликается на каждый вопросъ, поднятый въ педагогическомъ мірѣ. Одновременно съ замѣтками, касавшимися народнаго образованія, онъ помѣщалъ въ *Курьерѣ* до конца своей жизни яркіе, остроумные очерки заграничной жизни — „За рубежомъ". Здѣсь фиксировалась имъ каждая новинка, литературная или политическая.

Въ послѣдніе годы своей жизни Корелинъ былъ тяжело боленъ, продолжая, однако, неутомимо работать, пока смерть не прервала почти неожиданно этой столь хорошо наполненной жизни.

Скончался Корелинъ 3 января 1899 года на сорокъ четвертомъ году жизни.

Хронологическій списокъ научно-литературныхъ трудовъ М. С. Корелина.

1880 г. Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII в. (Историческій Вѣстникъ. Октябрь).

1882. Западная легенда о докторѣ Фаустѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. (Вѣст. Европы. Ноябрь и декабрь).

1883. Торквато Тассо и его вѣкъ. (Истор. Вѣст. Іюль, августъ, сентябрь).

Рецензія на Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи Д. Иловайскаго. Древній міръ. (Записки Учителя).

Рецензія на историческій этюдъ Виктора Михайловскаго „Серветъ и Кальвинъ". (Записки Учителя).

1885. Прошлое современной дипломатіи. (Историч. Вѣстн. Августъ). Эпоха Возрожденія и германофилы. (Вѣст. Евр. Декабрь).

1886. Два юбилея въ Берлинѣ. Письмо изъ-за границы. (Вѣстн. Евр. Апрѣль).

Студенческія корпораціи въ Берлинскомъ университетѣ. (Русск. Вѣд., 18 февраля).

Художницы и работницы въ Берлинѣ. (Русск. Вѣд., 9 апрѣля).

Какъ потратили саксонцы французскую контрибуцію? (Русск. Вѣд., 1 іюня).

1888. Петрарка, какъ политикъ. Вступительная лекція въ университетѣ. (Русск. Мысль. Май, августъ).

Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ профессора В. П. Герье въ Москвѣ. (Всемірн. Иллюстрація, 25 іюня).

1889. Театральныя рецензіи. (Артистъ. Октябрь, ноябрь, декабрь).

Искусство и дѣйствительность. Историческія замѣчанія. Вступительная лекція къ курсу. (Русск. Мысль. Апрѣль).

1890. *Гастроли Эрнеста Росси и представленія* Мейнингенской труппы (Русск. Мысль. Май).

Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣкового папства. Публичный курсъ. (Русск. Мысль. Февраль, май, іюнь. Позже вышло отдѣльной книгой двумя изданіями).

1892. Первая дачная колонія городскихъ учительницъ. (Русск. Вѣд., 25 сент.).

Культурный кризисъ въ Римской имперіи. Публичный курсъ. (Русск. Мысль. Май, іюль, сентябрь, ноябрь и декабрь. Въ 1895 г. вышло подъ названіемъ „Паденіе античнаго міросозерцанія“. 2 изданія).

Предисловіе къ книгѣ Гастона Буасье „Паденіе язычества“. Перев. подъ ред. М. С. Корелина.

Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. I и II. (Печаталось съ октября 90-го года по апрѣль 92-го).

1893. Современное искусство. (Русск. Мысль. Май).

Рецензія на кн. Зеемана „Миѳологія грековъ и римлянъ“ (Рус. Мысль. Сент.).

По поводу предполагаемой реформы женской школы (Русск. Вѣд., 18 сентября).

Изложеніе реферата „Первые шаги классической археологіи“ (Виленск. Вѣст., 24 августа).

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія.

Итоги IX археологическаго съѣзда въ Вильно. (Русск. Мысль. Декабрь).

1894. Casa giojosa. Этюдъ изъ исторіи новой школы. (Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ).

Первые шаги классической археологіи. (Труды IX археологическаго съѣзда въ Вильнѣ, т. I).

Л. Б. Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству. (Русск. Мысль. Іюнь).

Первая гуманистка (Русск. Мысль. Іюль).

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы.

1895. Протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ. (Университетскій отчетъ).

Памяти А. М. Иванцова-Платонова. (Русск. Мысль. Январь).

Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ (Вопр. Фил. и Псих. Мартъ и Сборникъ Ист. Общ., т. I).

Условія успѣшнаго развитія техническаго и профессіональнаго образованія. (Русск. Вѣд., 20 апрѣля).

Финикійцы. (Дѣтскій Отдыхъ. Апрѣль и май).

Этическій трактатъ Лоренцо Валлы „Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ". (Вопр. Фил. и Псих. Сентябрь, ноябрь).

Паденіе античнаго міросозерцанія.

1896. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура.

Ассирійскій народъ и его боги покровители. (Дѣтское чтеніе. Іюнь, августъ).

Очерки итальянскаго Возрожденія. (Библіотека Русск. Мысли).

Новыя данныя о состояніи Москвы въ 1812 г. (Русск. Мысль. Октябрь).

1897. Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія. I. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. (Вопр. Филос. и Псих. Январь, мартъ).

Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи? (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета).

1898. Современное искусство. Выставка картинъ В. В. Верещагина. (Русск. Мысль. Ноябрь).

Современное искусство. Выставка картинъ русскихъ и французскихъ художниковъ. (Русск. Мысль. Декабрь).

Статьи въ газетѣ „Курьеръ".

1899. Современное искусство. Четвертая выставка акварелей, пастелей и рисунковъ, устроенная Общ. Люб. Худ. Выставка картинъ, эскизовъ и этюдовъ С. Е. Шрейдера. (Русск. Мысль. Январь).

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. V. Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили?

Папство въ эпоху гуманизма. (Русск. Мысль. Октябрь).

Папскій секретарь и гуманистъ Поджіо Браччіолини. (Русск. Мысль. Ноябрь, декабрь).

М. С. Корелинъ принималъ также участіе въ 1-омъ изд. Энциклопедическаго Словаря Брокгауза-Евфрона.

Ему принадлежатъ слѣдующія статьи: Валла, Верджеріо, Гаспаринo да Барцицца, Гиббелины, Гиларій, Глоріа, Граціанъ, папы Григоріи II—XVI, Гуманизмъ, Дамазъ I и II, Дечембріо (Анджелло, Кандидо, Умберто), Домиціанъ, Евгеніи I—IV, Евлалій, Захарія I, Зосима, Иннокентіи I—XIII, папы Іоанны I—XXII, Каликсты I—III, Клименты II—XIV, Конвертино, Левъ I—XIII, Максенцій, Максиминъ I—II, Максимиліанъ, Максимъ, Мальпагини, Манетти, Марсильи, Марсуппини, Мартины I—V, Марцеллинъ, Марцеллы I—II, Медичи, Медичи Козимо, Медичи Лоренцо, Нерва, Неронъ, папы Николаи I—V, Никколи, Ногарола, Отонъ, папы Павлы I—III, Пасхалій I—III, Пелагій I—II, Пертинаксъ, Песценій, Петрарка, Піи I—IX. Пилатъ Понтійскій, Полентоне, Полиціано, Помпоній, Понтано, Порчелло, Понціанъ, Пробъ, Рамбальди, Ренанъ.

Статьи о М. С. Корелинѣ и объ его трудахъ.

Некрологи и характеристики, написанные В. П. Герье (Рѣчь на могилѣ. „Рус. Вѣд.“, 8 янв. 1899 г.; Отчетъ Московскаго Университета за 1899 г. и „Вѣстн. Евр.“, 1900, сент.), В. П. Бузескуломъ („Профессоръ-гуманистъ“, 1889), В. О. Ключевскимъ („Вопр. фил. и псих.“, 1899, кн. I), В. А. Гольцевымъ („Рус. Мысль“, 1899, янв.), П. А. Конскимъ („Ист. Вѣстн.“, 1899, февр. „Журн. Нар. Просв.“; 1899, апр. и „Сынъ Отеч.“ 1899 г., 2 дек.), В. С. Соловьевымъ (въ „Вѣстн. Евр.“, 1899, февр.), М. К. Любавскимъ (М. С. Корелинъ, какъ преподаватель средней школы по воспоминаніямъ его учениць. „Рус. Мысль“, 1899, окт.), М. Иванцовымъ (М. С. Корелинъ, какъ профессоръ и руководитель студенческихъ занятій. Тамъ же), Д. И. Тихомировымъ (М. С. Корелинъ и популяризація исторической науки. „Педагог. Листокъ“, 1900, кн. III), Н. И. Карѣевымъ (М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма. „Рус. Мысль“, 1900. Сокращенное изложеніе въ Čes. Čas. Hist. за 1901 г.), Н. З. Керовымъ („Педаг. Лист.“ 1909, кн. II). Въ этотъ списокъ не вошли многочисленные газетные некрологи и описанія похоронъ, среди которыхъ отмѣтимъ только статьи В. А. Гольцева („Курьеръ“), А. И. Анисимова („Рус. Вѣд.“) и статью къ „Нивѣ“ (№ 5 за 1899 г.)

О главномъ трудѣ М. С. Корелина появились въ печати статьи Н. И. Карѣева (въ „Вѣстн. Евр.“ за 1893 г., и въ отчетѣ о VI присужденіи Академіей наукъ премій митрополита Макарія. 1897), въ „Рус. Мысли“ (1893 г., сент.), „Ист. Вѣст.“ (1893, сент.), Вильгельма Крейценаха (въ Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte. Neue Folge, B. VIII, S. 132—133), Фридриха Дукмейера (въ № 2 Deutsche Literaturzeitung за 1905 г.) въ „Nuova Antologia“, въ „Athenaeum'ѣ“ и др.

Объ „Очеркахъ итальянскаго возрожденія“ писали Оръ („Нов. Время“, 27 окт. 1896 г.), въ „Рус. Вѣд.“ 1896, проф. С. А. Котляревскій („Рус. Вѣд.“, февр. 1910), въ „Голосѣ Москвы“ 27 февр. 1910 и др.

О „Паденіи античнаго міросозерцанія“ „Рус. Вѣд.“ (1895 г., № 294), „Новости“ (12 дек. 1895, ст. В. И. Модестова), кромѣ того, „Рус. Богатство“ (1896, янв.), „Міръ Божій“ (1895, дек.).

О „Египетскихъ богахъ“ въ „Сѣв. Вѣстн.“ (1894, іюнь).

Опускаемъ указанія на многочисленныя мелкія газетныя замѣтки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изслѣдованіи итальянскаго гуманизма въ ранній періодъ его исторіи я поставилъ себѣ слѣдующія задачи: 1) выяснить отношеніе къ нему и воззрѣнія на его сущность и характеръ, господствующія во всѣхъ главныхъ отрасляхъ исторической науки, и дать критическій обзоръ какъ спеціальной литературы о гуманизмѣ вообще, такъ и монографическихъ изслѣдованій о дѣятеляхъ ранняго Возрожденія; 2) дать критическій анализъ тѣхъ произведеній раннихъ гуманистовъ, которыя имѣютъ значеніе для исторіи движенія, опредѣлить ихъ характеръ и выяснить ихъ цѣну и значеніе для исторіи Возрожденія; 3) изслѣдовать сравнительную силу и направленіе гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи, и 4) опираясь исключительно на документальные источники, опредѣлить сущность гуманистическаго движенія, указать его результаты, насколько они обнаружились въ началѣ XV столѣтія, и отмѣтить его причины, поскольку онѣ проявляются въ гуманистической литературѣ и во внѣшней исторіи движенія.

Разсматривая отношеніе къ гуманизму исторической литературы общаго содержанія, я не стремился къ библіографической полнотѣ, которая казалась излишней для моей цѣли. Важно было опредѣлить главныя и господствующія воззрѣнія

на Возрожденіе, и во Введеніи не пропущенъ ни одинъ крупный представитель какой-либо отрасли исторической науки. Иное дѣло обзоръ общей и монографической литературы, спеціально посвященной Возрожденію и его дѣятелямъ. Здѣсь исчерпывающая вопросъ полнота составляла одну изъ задачъ работы, такъ какъ отъ нея зависитъ основательность общей оцѣнки исторіографіи Возрожденія. Поэтому я считалъ необходимымъ отмѣчать даже мелкія и незначительныя статьи и брошюры, которыми мнѣ не удалось воспользоваться, чтобы читатель могъ лучше видѣть основанія выводовъ, а занимающійся Возрожденіемъ могъ найти въ книгѣ возможно полный сводъ литературы, что̀ казалось мнѣ не лишеннымъ значенія, такъ какъ подобнаго свода для исторіи гуманизма еще не сдѣлано. Исторіографія Возрожденія, поскольку она касается отдѣльныхъ его дѣятелей, разсмотрѣна послѣ обзора ихъ произведеній, а исторія ея общаго развитія въ послѣдней главѣ. Такая система изложенія обусловливалась желаніемъ автора лучше освѣтить значеніе каждаго гуманиста и дать читателю весь матеріалъ для самостоятельнаго отношенія къ отдѣльнымъ дѣятелямъ Возрожденія и къ его историкамъ. Нѣкоторая разбросанность изложенія, неизбѣжная при такомъ планѣ, устраняется до извѣстной степени указателемъ.

Вторая задача изслѣдованія обусловливалась, главнымъ образомъ, крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ источниковъ для исторіи гуманистическаго движенія. Латинскія произведенія Петрарки существуютъ только въ весьма неполныхъ изданіяхъ XVI вѣка; полнаго собранія латинскихъ сочиненій Боккаччіо совсѣмъ нѣтъ, и его отдѣльные трактаты изданы были въ послѣдній разъ точно также еще въ XVI столѣтіи. Произведенія другихъ крупныхъ гуманистовъ, какъ Салютати, Дж.-да-Равенна, Бруни и пр., или составляютъ библіографическую рѣдкость, или совсѣмъ не изданы, а иногда неизвѣстны даже по заглавію. Пребываніе за границей дало мнѣ возможность воспользоваться рукописными

источниками, хранящимися въ миланской Ambrosiana, въ флорентійской Laurentiana, въ Ватиканской библіотекѣ, а также въ Парижской Національной библіотекѣ и отчасти въ Британскомъ Музеѣ. Научно-литературная дѣятельность Салютати и Бруни изслѣдована главнымъ образомъ на основаніи рукописнаго матеріала, а разсмотрѣнныя сочиненія Дж.-да-Равенна до сихъ поръ были извѣстны только по заглавію. До желательной полноты и здѣсь еще безконечно далеко: чтобы изучить всѣ неизданныя произведенія раннихъ гуманистовъ, нужно многолѣтнее пребываніе въ Италіи, потому что они разсѣяны во многихъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ.

Состояніе источниковъ обусловливало характеръ выполненія третьей задачи. Давши краткое описаніе политическаго состоянія каждаго крупнаго центра въ Италіи, чтобы отмѣтить внѣшнія условія, вліявшія на характеръ и развитіе мѣстнаго гуманизма, я не ограничивался его крупными представителями, а старался найти какіе-нибудь слѣды той гуманистически настроенной массы, которая шла за вождями движенія, поддерживала ихъ или только своимъ сочувствіемъ, или также активной литературной работой. Я искалъ такихъ мало-замѣтныхъ и позабытыхъ работниковъ гуманизма какъ въ крупныхъ центрахъ, такъ и въ мелкихъ городахъ Италіи, чтобы выяснить такимъ путемъ интенсивность и распространенность движенія, его ширину и глубину. При современномъ состояніи источниковъ единственный способъ найти слѣды этихъ мелкихъ гуманистовъ—письма ихъ крупныхъ единомышленниковъ и случайныя указанія въ каталогахъ рукописей и въ старыхъ словаряхъ мѣстныхъ писателей, составленныхъ иногда по рукописнымъ источникамъ. Если какое-нибудь лицо названо авторомъ сочиненія XIV вѣка, посвященнаго классической древности, и если оно встрѣчается въ гуманистической перепискѣ, то его съ большой вѣроятностью можно отнести къ числу рядовыхъ гуманистической арміи.

Иногда тотъ же выводъ сдѣланъ на основаніи одного изъ этихъ двухъ признаковъ, если сочиненіе, судя по заглавію, касается спеціально гуманистическаго сюжета, или если несомнѣнный гуманистъ даетъ намекъ на интересы своего адресата. Желаніемъ дать картину географическаго распространенія движенія и отмѣтить мѣстныя условія его развитія опредѣляется изложеніе его исторіи по городамъ. Проистекающее отсюда то неудобство, что о младшихъ гуманистахъ, какъ Бруни, приходится говорить раньше, чѣмъ о старшихъ, какъ Салютати, устраняется до извѣстной степени при выполненіи четвертой задачи, гдѣ внутренняя исторія гуманизма изложена въ порядкѣ ея органическаго развитія.

Состояніемъ источниковъ обусловливается и способъ выполненія четвертой задачи. До сихъ поръ или излагалась главнымъ образомъ внѣшняя исторія гуманизма, или давалась общая характеристика движенія за нѣсколько столѣтій. Я сдѣлалъ попытку намѣтить его постепенное развитіе, опираясь на анализъ произведеній крупныхъ гуманистовъ. Всесторонняя и детальная исторія внутренняго развитія гуманизма невозможна или во всякомъ случаѣ преждевременна. Но документально установить главные ея моменты до половины XV столѣтія мнѣ казалось возможнымъ и при тѣхъ источникахъ, которые находились въ моемъ распоряженіи.

Въ заключеніе считаю нравственнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность Императорскому Московскому Университету, въ стѣнахъ котораго я получилъ необходимую подготовку, чтобы написать эту книгу, и который далъ мнѣ матеріальныя средства, чтобы ее напечатать.

ВВЕДЕНІЕ.

Заслуги представителей различныхъ отраслей историческаго знанія въ изученіи итальянскаго Возрожденія.

Культурное движеніе, извѣстное подъ именемъ Ренессанса, широко и глубоко захватило духовную, а отчасти и матеріальную жизнь личности и общества. Степень широты и глубины его вліянія до сихъ поръ еще остается невыясненною съ такою полнотою и точностью, какія требуются отъ исторической науки въ наше время. Даже самая сущность движенія понимается не всегда одинаково, а изученіе его постепеннаго развитія почти совсѣмъ еще не начиналось. Тѣмъ не менѣе давно, почти съ самаго начала Ренессанса, его дѣятели выдѣляли себя изъ числа представителей всѣхъ тогдашнихъ профессій, и ихъ стремленія, studia humanitatis, заняли опредѣленное мѣсто среди современныхъ общественныхъ движеній. Тогда же началась и исторіографія гуманизма. Но историческое изученіе движенія, взятаго въ его цѣломъ, шло медленно, отчасти вслѣдствіе общаго положенія исторической науки въ первой половинѣ новой исторіи, отчасти благодаря необыкновенной разносторонности и сложности, свойственной всѣмъ крупнымъ культурнымъ движеніямъ. Тѣмъ не менѣе всемірно-историческое значеніе Ренессанса было признано, и гуманистическое движеніе стало привлекать вниманіе изслѣдователей во всѣхъ отдѣлахъ историческаго знанія. Но, не имѣя въ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ ни спеціальной литературы по исторіи всего движенія, ни отдѣльныхъ монографій по этой эпохѣ, изслѣдователи, если они не обходятъ совершеннымъ молчаніемъ Ренессанса, или сами обращаются къ источникамъ, или, что̀ встрѣчается гораздо чаще, пытаются a priori угадать и выяснить историческій смыслъ и зна-

ченіе Возрожденія. Вслѣдствіе этого общія сочиненія по всѣмъ отраслямъ исторической науки, касаясь гуманистическаго движенія, представляютъ двоякій интересъ для его исторіографіи: или въ нихъ выражается пониманіе этой эпохи въ извѣстное время въ данной области историческаго знанія, или они сообщаютъ результаты самостоятельнаго изученія источниковъ. Въ первомъ случаѣ они выставляютъ руководящія точки зрѣнія для фактическаго изученія Ренессанса и объясняютъ его ходъ, во второмъ—двигаютъ впередъ самое изученіе. Поэтому мы считаемъ необходимымъ предпослать анализу источниковъ и литературы Возрожденія обзоръ отношенія къ этой эпохѣ представителей различныхъ отраслей исторической литературы, начиная съ тѣхъ изъ нихъ, которые пытались дать философское построеніе историческому процессу.

I.

Философы исторіи.—Отношеніе къ Ренессансу „просвѣтителей“ XVIII вѣка.—Гегель и Шлегель.—Контъ.

Французскіе „просвѣтители“ XVIII вѣка, мало знакомые съ фактической исторіей Возрожденія, чувствовали тѣмъ не менѣе свое внутреннее родство съ итальянскими гуманистами. Поэтому тѣ изъ нихъ, которые составляли философскіе обзоры всемірной исторіи въ тогдашнемъ духѣ, касались Ренессанса иногда для того только, чтобы выразить свое сочувствіе гуманистическому движенію. Такъ, *Тюрго*, коснувшись этой эпохи въ своемъ коротенькомъ „*Разсужденіи о послѣдовательныхъ успѣхахъ ума человѣческаго*“, приходитъ отъ нея въ совершенный восторгъ. „Времена наступили“,—восклицаетъ онъ.—„Выходи, Европа, изъ ночного мрака, который тебя покрывалъ! Будьте навсегда священны безсмертныя имена Медичи, Льва X, Франциска I! Пусть благодѣтели искусствъ раздѣляютъ славу тѣхъ, которые ихъ культивируютъ! Я привѣтствую тебя, о Италія, счастливая страна, вторично сдѣлавшаяся родиной литературы и изящнаго вкуса, источникомъ, изъ котораго истекли воды для оплодотворенія нашихъ полей“ [1]). Боссюэ, не дошедшій въ своемъ обзорѣ всемірной исторіи до эпохи Возрожденія, нашелъ въ половинѣ XVIII

[1]) *Turgot, Second Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain, prononce le 11 décembre 1750.* Во 2 томѣ Oeuvres. Paris 1808, p. 87.

вѣка продолжателя, впрочемъ довольно неудачнаго, въ лицѣ кавалера *de Méhégan*. Въ своей „*Картинѣ новой исторіи*“ Méhégan озаглавливаетъ Ренессансомъ цѣлую эпоху въ 219 лѣтъ, называетъ его „весьма драгоцѣннымъ для міра событіемъ“ и признаетъ Италію „счастливой страной“, потому что ей выпало на долю распространить Возрожденіе по Европѣ [1]). Но философской оцѣнки движенія нѣтъ въ его книгѣ, въ которой вообще нѣтъ ничего философскаго; вмѣсто этого, Méhégan даетъ фактическое изложеніе исторіи Ренессанса, весьма краткое и переполненное ошибками: виновниками Возрожденія являются у него византійскіе греки, которые преподавали въ Италіи не только греческій, но и латинскій языкъ; Божественная Комедія написана подъ вліяніемъ изученія античной литературы и т. д. [2]). Важность движенія чувствуется, но его исторія еще остается совершенно неизвѣстной. Особенно замѣтно это на „*Эскизѣ исторической картины успѣховъ ума человѣческаго Кондорсе* [3]). Отношеніе Кондорсе къ этой эпохѣ весьма характерно для французскихъ писателей конца прошлаго столѣтія. Его сочувствіе цѣликомъ на сторонѣ гуманистическаго движенія; но онъ только смутно чувствуетъ его внутренній смыслъ и совсѣмъ не знаетъ его внѣшней исторіи. Прежде всего онъ относитъ Возрожденіе къ двумъ различнымъ эпохамъ, на которыя раздѣленъ его трактатъ: къ седьмой, гдѣ идетъ рѣчь о разныхъ оппозиціонныхъ движеніяхъ во второй половинѣ Среднихъ вѣковъ, начиная со времени Фридриха II [4]); и къ осьмой, которая захватываетъ новую исторію до времени Декарта [5]).

---

[1]) *De-Méhégan, Tableau de l'histoire moderne, depuis la chute de l'empire d'Occident, jusqu'à la paix de Westphalie; pour servir de suite à l'Histoire Universelle de M. Bossuet, et d'introduction à l'histoire moderne des Chinois, des Japonois etc. de M. l'Abbé de Marsy.* Первое изданіе вышло въ 1766. Я цитирую по Nouvelle édition. Paris MDCCLXXVIII. T. I, p. liv. lv.

[2]) VI-e Epoque. Rodolphe de Habsbourg. Renaissance des Beaux Arts en Italie. An 1273—1492 de I. C. Она раздѣлена на двѣ части: въ первой изложены факты внѣшней исторіи, во 2-й, озаглавленной Réflexions, говорится о Возрожденіи на-ряду съ другими фактами изъ исторіи культуры. См. II p. 248—253.

[3]) *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'ésprit humain.* Въ 6 томѣ *Oeuvres de Condorcet publiées par A. Condorcet O'Connor et M. F. Arago. Paris 1847.*

[4]) Septième époque. Depuis les premiers progrès des sciences, lors de leur restauration dans l'Occident, jusqu'à l'invention de l'imprimerie. Oeuvres VI p. 125.

[5]) Huitième époque. Depuis l'invention de l'imprimerie jusqu'au temps où les sciences et la philosophie secouèrent le joug de l'autorité. Ibid. p. 138.

Кондорсе не ясно коренное различіе между гуманизмомъ и такими движеніями, какъ борьба городовъ съ тиранніей, свѣтской власти съ духовною, ересей съ церковью и т. п. Самая постановка вопроса— разсмотрѣть гуманистическое движеніе въ связи съ предшествующей и современной ему борьбой въ религіозной и политической сферѣ— весьма удачна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Но Кондорсе не только ставитъ, но и рѣшаетъ этотъ вопросъ, хотя для его рѣшенія нѣтъ достаточныхъ данныхъ и въ настоящее время. По его мнѣнію, освободительное движеніе въ умственной сферѣ выросло въ Италіи изъ политической борьбы. „Въ маленькихъ государствахъ", говоритъ онъ объ Италіи, „нужно присоединять силу убѣжденія къ средствамъ физической силы, пускать въ ходъ переговоры такъ же часто, какъ оружіе, и подобно политической борьбѣ, тамъ существовала борьба мнѣній за принципъ. А такъ какъ Италія никогда не утрачивала вкуса къ научной работѣ (le goût de l'étude), она должна была быть для Европы очагомъ свѣта, еще слабаго, но обѣщавшаго возрастать съ быстротой" [1]). Изъ изложенія не ясно, кого имѣетъ здѣсь въ виду Кондорсе — гуманистовъ или такихъ писателей, какъ Марсилій Падуанскій и т. п. Заключеніе отрывка заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о гуманистическомъ движеніи въ обширномъ смыслѣ слова. Выводя гуманизмъ исключительно изъ политическихъ условій, Кондорсе сводитъ вліяніе древности только къ усовершенствованію языка, литературы и искусства [2]) и съ крайне несправедливою рѣзкостью отвергаетъ его результаты въ сферѣ науки и вообще умственнаго развитія. „Повсюду человѣческій авторитетъ замѣнялъ авторитетъ разума. Книги изучали болѣе, чѣмъ природу, и мнѣнія древнихъ болѣе, чѣмъ міровыя явленія. Это рабство духа, въ которомъ не было еще даже и рессурса для просвѣщенной критики, было тогда болѣе вредно человѣческому роду порчею научнаго метода, чѣмъ непосредственными результатами. До древнихъ было такъ далеко, что не хватало еще времени стараться ихъ исправить и ихъ превзойти" [3]). Полное незнакомство съ произведеніями гуманистовъ и апріорные выводы изъ несправедливаго ихъ обвиненія помѣшали Кондорсе узнать въ дѣятеляхъ Ренессанса истинныхъ ро-

[1]) Ibid. p. 129.

[2]) On essayait de transporter dans la langue nouvelle quelques-unes de leurs beautés; on tâchait de les imiter dans la leur. Ibid. p. 135. Эти слова могутъ служить хорошимъ возраженіемъ тѣмъ итальянскимъ историкамъ, которые не могутъ простить гуманистамъ ихъ латинской рѣчи.

[3]) Ibid. p. 136.

доначальниковъ того раціоналистическаго движенія, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Въ VIII эпохѣ Кондорсе не обсуждаетъ гуманистическаго движенія, а только ставитъ его на-ряду съ географическими открытіями и съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Плохое знаніе исторіи Возрожденія сказалось и здѣсь повтореніемъ ходячей ошибки: родоначальниками движенія являются византійскіе греки, а его исходнымъ пунктомъ—паденіе Константинополя [1]).

На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и нѣмецкіе современники и единомышленники французскихъ просвѣтителей. *Изелинъ* отводитъ Возрожденію двѣ главы въ своемъ обзорѣ исторіи человѣчества [2]). Онъ признаетъ, что „давно скрытыя сокровища остроумія, краснорѣчія и мудрости Рима и Аѳинъ и ожившій вкусъ учености, безконечно превышавшей непривлекательныя и неуклюжія ученія монашескихъ школъ“, сдѣлали „лучшіе умы способными къ высшимъ чувствамъ“ и произвели „особое броженіе“ [3]). Подобно Тюрго, Изелинъ приписываетъ огромную роль въ движеніи Медичи и въ особенности Льву X и считаетъ ихъ Периклами Италіи и благодѣтелями Европы [4]). Раздѣляя распространенное заблужденіе, заходящее далеко въ XIX столѣтіе, Изелинъ, какъ Кондорсе, ведетъ гуманизмъ отъ византійскихъ грековъ [5]) и обвиняетъ гуманистовъ въ формальномъ отношеніи къ древности. „Первые литераторы“, говоритъ онъ, „болѣе старались отчистить, разукрасить, привести въ порядокъ найденныя ими сокровища, чѣмъ сдѣлать ихъ мудрымъ приложеніемъ, благотворными для истиннаго счастія человѣческаго рода или увеличить ихъ собственными изобрѣтеніями“ [6]). Въ дѣйствительности было какъ разъ наоборотъ; но писатели XVIII вѣка, мало знакомые съ прошлымъ, не умѣли вполнѣ оцѣнить своихъ предковъ.

Эпоха Возрожденія заняла извѣстное мѣсто и въ тѣхъ апріорныхъ построеніяхъ всемірно-историческаго процесса, которыя были сдѣланы представителями идеалистической философіи. Такъ, Гегель въ своей философіи исторіи относитъ Ренессансъ къ Среднимъ вѣкамъ, но считаетъ его, на-ряду съ открытіемъ Америки, первымъ проблескомъ новой исторіи, сравниваетъ „съ утренней зарей, которая

---

[1]) Ibid. p. 143—144.

[2]) *Isaak Iselin, Über die Geschichte der Menschheit. II. Theil. Carlsruhe 1784.* 14. u. 15. Hauptstück.

[3]) Ibid. p. 347.

[4]) Ibid. p. 349—350.

[5]) Ibid. p. 346—347 и 349.

[6]) Ibid. p. 348.

впервые возвѣщаетъ послѣ долгихъ бурь снова ясный день“ [1]). Во внѣшней исторіи Возрожденія Гегель впадаетъ въ общую ошибку, ставя его въ зависимость отъ паденія Византіи; но онъ не придаетъ значенія этой *чисто внѣшней* сторонѣ дѣла [2]) и весьма глубоко опредѣляетъ смыслъ и сущность Ренессанса. Изученіе древности, по его словамъ, справедливо называется humaniora, потому что въ ней искали чисто человѣческаго. „Сѣверъ ознакомился чрезъ нее“, говоритъ онъ, „съ истиннымъ, вѣчнымъ въ человѣческой дѣятельности (Bethätigung)“ [3]). Совершенно естественно, что результатомъ этого изученія былъ радикальный переворотъ во всемъ міросозерцаніи: „появились совершенно иные образы, иная добродѣтель, чѣмъ знали до сихъ поръ; пріобрѣли совершенно иной масштабъ для того, что̀ слѣдуетъ почитать, хвалить и чему подражать“ [4]). Самый общій смыслъ Возрожденія былъ впервые тонко *угаданъ* и хорошо формулированъ.

Не обходитъ молчаніемъ гуманистическаго движенія и *Фридрихъ Шлегель* въ своей „*Философіи исторіи*“. Но онъ относится къ Ренессансу съ узко-церковной точки зрѣнія, которая лишаетъ его оцѣнку всякой научной цѣны и значенія. Онъ противополагаетъ „языческо-антикварское одушевленіе“ „схоластическо-романтическому“, и если послѣднее было „неудовлетворительно для потребностей времени и будущаго“, то первое грозило „похоронить старый христіанскій порядокъ вещей“ [5]). Вмѣсто объясненія историческихъ причинъ появленія гуманизма Шлегель видитъ въ немъ наивысшее проявленіе грѣховности тогдашняго человѣчества и Божіе попущеніе за грѣхи, которое могло бы и миновать Европу, если бы тамъ было побольше такихъ людей, какъ Ѳома Кемпійскій [6]). Сущность Ренес-

[1]) *G. W. Fr. Hegel's Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Herausgegeben von Dr. E. Gans. II. Auflage, besorgt von Dr. Carl Hegel. Berlin 1840, p. 496.* Возрожденіе искусства Гегель выдѣляетъ въ особый моментъ: diese drei Thatsachen der sogenannten Restauration der Wissenschaften, der Blüthe der schönen Künste und der Endeckung America's etc. Ibid.

[2]) *Aeusserlich* ist dieses Wiederaufleben der Wissenschaft durch den Untergang des byzantinischen Kaiserthums herbeigeführt worden. Впрочемъ это относится только къ греческой литературѣ. Mit der römischen Litteratur war es anders, es herrschen hier noch alte Traditionen. Ibid. p. 494, 495.

[3]) Ibid. p. 494.

[4]) Ibid. p. 495.

[5]) *Friedrich von Schlegel, Philosophie der Geschichte. In achtzehn Vorlesungen gehalten zu Wien im Jahre 1828. II Band. Wien 1829,* p. 190.

[6]) Ibid. p. 190—191.

санса, по Шлегелю, составляетъ полное возвращеніе къ язычеству, а его наилучшимъ представителемъ былъ Макіавелли. Политическое настроеніе Макіавелли — „древне-римское, языческо-античное“ — представляетъ собою лишь „неумолимо-строгое послѣдствіе эгоистическаго благоразумія“; но это не личная его особенность: онъ только „съ величайшей рѣшительностью, ясно и опредѣленно высказалъ то, что́ было уже господствующимъ образомъ мыслей въ его время“ [1]). Такая точка зрѣнія годится для проповѣди заядлаго католика и совсѣмъ безплодна въ приложеніи къ объясненію историческаго процесса.

Но, несмотря на сознаніе важности Ренессанса, которое обнаруживается въ историко-философской литературѣ еще въ XVIII столѣтіи, большинство философовъ исторіи даже въ новѣйшее время обходятъ эту эпоху полнымъ молчаніемъ. Отчасти это объясняется совершенно отвлеченнымъ построеніемъ историческаго процесса, какъ у Гердера, Канта, Шопенгауэра и другихъ. Но Возрожденіе игнорируютъ и такіе философы, которые пытаются расположить сообразно съ своими абстрактными построеніями и конкретные факты исторіи. Такъ, *Ог. Контъ* въ 5 томѣ своего „*Курса позитивной философіи*“ ставитъ XIV и XV столѣтія въ началѣ метафизическаго періода и признаетъ существованіе въ эту эпоху „критическаго движенія“, которое однако въ противоположность тремъ послѣдующимъ столѣтіямъ еще „остается по существу непроизвольнымъ (spontané et involontaire), безъ правильнаго и рѣзкаго участія какой-нибудь систематической доктрины“ [2]). „Орудіями“ этого движенія являются „метафизики“ и легисты, а его виновниками—короли и національныя церкви. Политика Филиппа Красиваго и Констанскій соборъ исчерпываютъ существенное содержаніе этихъ столѣтій [3]), и для Ренессанса не нашлось мѣста въ знаменитой конструкціи всемірной исторіи по тремъ періодамъ. Точно такъ же игнорируютъ Возрожденіе и нѣкоторые новѣйшіе философы исторіи, какъ, напр., *Конрадъ Германнъ*, который начинаетъ новую исторію прямо съ Реформаціи [4]).

---

[1]) Ibid. p. 191—192.

[2]) *Auguste Comte, Cours de philosophie positive. V. Paris 1841, p. 515.*

[3]) Ibid. p. 563 и слѣд.

[4]) *Conrad Hermann, Philosophie der Geschichte. Leipzig 1870*, p. 361. Изъ новѣйшихъ философовъ исторіи *Richard Mayr* (*Die philosophische Geschichtsauffassung der Neuzeit. I. Abtheilung bis 1700. Wien 1877*) пытается выяснить историческое значеніе Ренессанса. Самой существенной

Такое отношеніе къ гуманистическому движенію историко-философской литературы объясняется его положеніемъ въ исторической наукѣ. Причины, сущность и послѣдствія гуманизма болѣе намѣчены, чѣмъ изучены, и движеніе, не получившее до сихъ поръ всесторонняго и совершенно научнаго выясненія, не успѣло занять опредѣленнаго, прочнаго и неизмѣннаго мѣста въ воззрѣніяхъ на общій ходъ историческаго процесса. Эпоху Ренессанса считаютъ возможнымъ игнорировать и чистые историки въ общихъ обзорахъ всемірной исторіи; совершенно естественно, что философы исторіи, стараясь приладить къ своимъ теоріямъ общепризнанные факты, оставляютъ въ сторонѣ такія эпохи, какъ Ренессансъ. У историковъ же заимствовали философы неправильное толкованіе византійскаго вліянія на гуманизмъ и такимъ образомъ содѣйствовали укорененію грубой исторической ошибки. Особенно повинны въ этомъ французскіе просвѣтители, сочиненія которыхъ пользовались огромной популярностью. Но если философы исторіи ничего не прибавили къ фактическому изученію Ренессанса, то въ ихъ средѣ была впервые выставлена правильная точка зрѣнія на его историческое значеніе. Къ сожалѣнію, взглядъ Гегеля весьма долго не находилъ историческаго обоснованія.

II.

Отношеніе къ гуманизму всемірно-историческихъ хроникъ первыхъ трехъ столѣтій новаго времени.—Ошибки Карніона и Торселлини.—Дѣленіе исторіи на періоды Келлера и его возможное вліяніе на историографію Ренессанса.—Отношеніе къ Возрожденію всемірныхъ исторій XVIII вѣка.—Вліяніе Тирабоски, Мейнерса и вообще спеціальныхъ работъ по гуманизму на отношеніе къ Ренессансу всемірныхъ исторій XIX вѣка.—Краузе, Беккеръ и Роттекъ.—Возрожденіе въ исторіяхъ Шлоссера, Канта и Вебера.—Значеніе всемірно-историческихъ обзоровъ для изученія Ренессанса.

Гуманистическое движеніе въ Италіи заняло мѣсто во всемірно-историческихъ хроникахъ и обзорахъ со второй половины XV сто-

---

стороной гуманистическаго движенія онъ считаетъ „возникновеніе новаго сословія, носителя новыхъ идей, преобразовывавшихъ историческую жизнь“. Опираясь на потребности свѣтской жизни, это сословіе вступило въ борьбу съ старымъ порядкомъ, чтобы „по требованіямъ разума установить всѣ жизненныя отношенія“ (р. 28—29). Раціоналистическій элементъ Возрожденія подмѣченъ совершенно вѣрно; но дѣйствительная черта гуманистическаго движенія формулирована такъ обще и отвлеченно, что приведенныя слова можно приложить и къ XVIII столѣтію.

лѣтія. Авторъ перваго такого сочиненія въ новое время *Маркантоніо Коччіо Сабелликусъ* (1436—1506) былъ самъ ученикъ гуманиста Помпоніо Лета [1]) и не могъ обойти молчаніемъ новаго движенія, которому онъ посвятилъ особый діалогъ [2]). Коччіо въ своихъ „*Историческихъ рапсодіяхъ*“ не выдѣляетъ исторіи гуманизма въ особую рубрику; его важнѣйшихъ представителей онъ перечисляетъ по группамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, вмѣстѣ съ знаменитыми богословами, медиками и юристами, современными движенію [3]). Гуманисты для него главнымъ образомъ реставраторы латинской рѣчи, поэтому онъ оцѣниваетъ ихъ преимущественно съ этой точки зрѣнія. Но Коччіо смутно чувствуетъ, что значеніе движенія глубже филологической реставраціи, хотя и не можетъ точно его формулировать и указать его причины. Ему представляется, что Хризолоръ создалъ движеніе; но его ученики неожиданно, какъ греческіе герои, „вышли изъ Троянскаго коня“ и произвели переворотъ, объемъ и смыслъ котораго не ясенъ автору, захваченному новымъ теченіемъ [4]).

Еще уже понимаетъ движеніе другой современный Коччіо авторъ всемірно-исторической хроники, *Джакопо Филиппо деи Форести да Бергамо* (1434—1520) [5]). Благочестивый монахъ, авторъ

---

[1]) *Marci Antonii Coccii Sabellici Rapsodiae historiarum ab orbe condito Enneadum XI.* Въ Opera omnia Basileae MDXL. Объ авторѣ см. Tiraboschi VI, p. 940—944.

[2]) *De lingua latina restauratione. Dialogus.* Ibid. T. III, p. 342.

[3]) Ibid. Enneadis IX, liber VIII, p. 806—807; lib. IX, p. 825 и 839. Enead. X, lib. I, p. 867—68, lib. II p. 879; lib. IV, p. 910—911; lib. VI, p. 950—951. Самыя перечисленія не имѣютъ фактическаго значенія, но указываютъ только на репутацію раннихъ гуманистовъ въ ближайшемъ потомствѣ.

[4]) Свой взглядъ на Возрожденіе Sabellicus формулируетъ по поводу дѣятельности Эм. Хризолора. Hinc viri graeca latinaque facundia mox illustres fuere, Guarinus Ueronensis, Victorinus, Philelophus, Ambrosius monachus, Leonardus et Carolus Aretini, aliique litterarum principes *tanquam ex Trojano equo in lucem prodivere*, quorum aemulatione ingeniosa posteritas tantum profecit, ut *Rom. linguae cultus in antiquum statum propemodum restitutus*, nam si non ingenio vetus illa majorum elegantia singularisque virtus effingitur, fit certe, ut *voluntate et judicio proxime accedatur:* et haec clara virorum nomina ex uno Graeco homine postea extiterunt. Ibid Ennead. IX lib. IX, p. 839.

[5]) *Suplementi chronicarum ab ipso mundi Exordio usque ad redemptionis Nostrae annum MCCCCCX editum. Et novissime recognitum. Et castigatum a Venerando Patre Jacobo Philippo Bergomate ordinis Here-*

„Житія Богоматери“, богословской „Summa“ и другихъ аналогичныхъ произведеній, Форести отводитъ гораздо болѣе мѣста въ своей хроникѣ ученымъ людямъ, чѣмъ Коччіо, и сообщаетъ о нихъ болѣе подробныя, хотя часто весьма неточныя, свѣдѣнія [1]). Но гуманистическое движеніе онъ понимаетъ только съ чисто формальной стороны и сводитъ его къ созданію новаго краснорѣчія въ духѣ античныхъ ораторовъ [2]).

Въ тѣсной связи съ книгою Форести стоитъ всемірно-историческая хроника нѣмецкаго гуманиста *Гартмана Шеделя* (1440—1514) [3]). Въ той части своей хроники, которая относится къ итальянскому гуманизму и его представителямъ, Шедель идетъ шагъ за шагомъ по слѣдамъ Форести. Нѣкоторыя біографіи онъ распространяетъ, а иногда просто переписываетъ свой оригиналъ [4]) и прямо повторяетъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ его взглядъ на Возрожденіе [5]). Другой, современный Шеделю, авторъ всемірно-исторической хроники, тоже гуманистъ *Іоаннъ Nauclerus (Joh. Verge* или *Vergenhaus)* (1425 или 30—1510) [6]) стоитъ на нѣсколько

---

mitarum. Venetia 1513. Свѣдѣнія объ авторѣ у Tiraboschi VI, p. 884 и слѣд.

[1]) Supplementi f. 250, 253, 260, 264, 268, 273, 278, 283, 294 и 300.

[2]) О Петраркѣ онъ говоритъ: a quo eloquentiae studia excitata sunt nec tamen eum attigisse eloquentiae ciceronianae fecit (sic. ?) florem dicendum est, sicut nostris temporis multos ornatus. Sub anno 1441, fol. 250.

[3]) Книга начинается оглавленіемъ, которому предпослано такое заглавіе: Tabula operis hujus de temporibus mundi, ut historiarum rerumque ceterarum ac urbium in se sparsim varieque conscriptarum. Въ концѣ сочиненіе называется *liber chronicarum*, и далѣе говорится: Adhibitis tamen viris mathematicis pingendique arte peritissimis Michaele Wolgemut et Wilgelmo Pleydenwurf, quarum (sic) solerti accuratissimaque adimadversione tum civitatum, tum illustrium virorum figure inserte sunt. Nurenberge 1493. Имени автора нѣтъ на книгѣ. Гравюры, въ исполненіи которыхъ принималъ участіе учитель Дюрера, превосходны; но портреты совершенно фантастичны, при чемъ, напр., Петрарка и Поджіо сдѣланы по одному клише. Хроникой Форести Шедель пользовался въ первой ея обработкѣ, напечатанной въ 1484 году (Tiraboschi, VI, p. 884 и слѣд.). О Шеделѣ см. Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie. München und Leipzig 1885, p. 48 и слѣд.

[4]) Можетъ быть, этимъ, а не „консервативной натурой“ автора объясняется тотъ фактъ, что онъ пропустилъ въ біографіи Валлы его Даръ Константина. Wegele, ibid. 57—50.

[5]) О Петраркѣ онъ говоритъ: vir omnibus seculis admirandus, a quo eloquentie studia excitata sunt. Chron. fol. CCXXVII.

[6]) *Chronicon D. Iohannis Naucleri praepositi Tubingensis succinctim comprehendentium res memorabiles saeculorum omnium ac gentium ab initio*

иной точкѣ зрѣнія. Науклерусъ занятъ болѣе политическими вопросами; онъ упоминаетъ мимоходомъ только о Петраркѣ по поводу его коронованія [1]) и обходитъ молчаніемъ другихъ гуманистовъ. Сущность движенія онъ видитъ въ возстановленіи античной литературы и считаетъ его виновникомъ Николая V [2]).

Итакъ, авторы всемірныхъ исторій въ гуманистическую эпоху не успѣли выработать себѣ яснаго представленія о смыслѣ и значеніи того движенія, дѣятелями или современниками котораго были они сами. Возрожденіе представлялось имъ то какъ новая эра краснорѣчія, то какъ открытіе забытой литературы. Въ реформаціонную эпоху точка зрѣнія мѣняется. Новое чисто религіозное движеніе заслоняетъ отъ тогдашнихъ историковъ гуманистическую эпоху, и изъ трехъ авторовъ всемірно-историческаго обзора историческихъ фактовъ, *I. Слейданусъ* и *С. Франкъ* обходятъ гуманизмъ молчаніемъ, а *Каріонъ*, въ составленіи хроники котораго принималъ такое близкое участіе Меланхтонъ [3]), мелькомъ упоминая о движеніи, крайне односторонне объясняетъ его происхожденіе. По его словамъ, Возрожденіе создали византійскіе греки, которые переселились вслѣдствіе турецкихъ притѣсненій въ Италію и здѣсь „изъ греческихъ источниковъ возстановили науки“ [4]). Каріонъ не упоминаетъ ни одного итальянскаго гуманиста, но подробно перечисляетъ грековъ, поселившихся въ Италіи [5]). Это была роковая ошибка въ исторіографіи Ренессанса: она такъ крѣпко укоренилась въ исторической литературѣ, что продолжаетъ держаться до настоящаго времени, несмотря на явное, хронологическое несоотвѣтствіе этого показанія съ самыми извѣстными явленіями въ исторіи гуманизма.

Эпоха католической реакціи, весьма безплодная въ исторіографіи

---

mundi usque ad annum Christi nati MCCCCC. Coloniae MDLXIIII. 2 тома. О Науклерѣ см. Wegele, p. 61 и слѣд.

[1]) Chronicon T. II, p. 388.

[2]) Laudatur autem Nicolai liberalitas, qua in omnes usus est, maxime erga litteratos, quos et officiis et beneficiis mirifice, juvit, eos praemiis ad componendum et ad vertendos Graecos authores in latinum ita perpulit ut litteraerae Graecae et Latinae, quae 600 jam annis in situ et tenebris jacuerant, demum splendorem aliquem adeptae sint. Ibid. p. 411.

[3]) *Chronicon Carionis, expositum et auctum a Phil. Melanchtone et Caspаro Peucero Aurelia Allobrogum* 1590. О Каріонѣ см. Wegele, p. 190—195.

[4]) Quorum opera, cura, labore, studio, restitutae ex Graecis fontibus disciplinae revixerunt. Chron. p. 869.

[5]) Ibid. p. 869—870.

вообще и въ изученіи всемірной исторіи въ особенности, ничего не прибавила къ выясненію мѣста Возрожденія въ ряду другихъ событій всемірной исторіи. *Абелинъ*, авторъ единственной значительной по объему хроники, только упоминаетъ имена Петрарки, Боккаччіо, какъ автора Декамерона, Поджіо и Бруни на-ряду съ современными теологами, медиками и юристами, ничѣмъ не намекая на ихъ отличія отъ этой компаніи [1]). Знаменитый *Клюверъ (Klüwer)*, основатель исторической географіи въ Германіи, въ своемъ „*Totius mundi Epitome*“ (Lugduni 1649) обходитъ гуманизмъ полнымъ молчаніемъ. Другое Epitome, относящееся къ этой эпохѣ, показываетъ, что ошибка Каріона въ его взглядѣ на Возрожденіе повлекла за собою совершенно искаженное пониманіе общаго хода гуманистическаго движенія. Его авторъ, итальянскій іезуитъ *Орацію Торселлини*, утверждаетъ, что греческое Возрожденіе предшествовало латинскому [2]). Изъ всѣхъ хроникъ этой эпохи рѣзко выдѣляется своимъ отношеніемъ къ гуманизму „*Всеобщая Исторія*“ *Боксгорна* [3]). Ея авторъ прежде всего поражаетъ своей начитанностью въ гуманистической литературѣ: латинскія произведенія Петрарки ему хорошо знакомы; изъ трактата М. Веджіо De educatione liberorum онъ дѣлаетъ обширное извлеченіе [4]); споръ Валлы съ юристами и теологами изъ-за апостольскаго символа онъ излагаетъ на нѣсколькихъ страницахъ [5]) (хотя обходитъ молчаніемъ даръ Константина). Этотъ весьма рѣдкій въ ту эпоху интересъ къ культурной сторонѣ исторіи далъ возможность Боксгорну понять Возрожденіе нѣсколько глубже, чѣмъ его современники и предшественники. Не выдѣляя еще гуманистовъ въ рѣзко обособленную группу, онъ видитъ въ ихъ тру-

---

[1]) *J. Ludovici Gottfridi* (псевдонимъ Abelin'a) *Historische Chronica, oder Beschreibung der fürnemsten Geschichten so sich von Anfang der Welt biss auff das Jahr Christi 1619 zugetragen: nach Ausstheilung der vier Monarchien. Franckfurt am Mayn MDCLVII*, p. 618 и 662. Объ авторѣ Wegele, p. 353.

[2]) *Horatii Tursellini e societate Jesu. Epitome Historiarum ab orbe condito usque ad annum 1595. Coloniae MDCCXI.* Въ итальянскомъ переводѣ хроника напечатана въ Римѣ въ 1651 г. Eadem tempestate Paulus Venetus extitit et Chrysoloras Graecas litteras in Italiam revexit. Nec ita multo post Latina lingua cum sylvesceret, excoli coepta (p. 210).

[3]) *Marci Zuerii Boxhornii Historia Universalis sacra et profana, a Christo nato ad annum usque 1650. Lugduni Batavorum 1652.*

[4]) Ibid. p. 882—84.

[5]) Ibid. p. 953—957.

дахъ не только возстановленіе старины, но и новое творческое движеніе [1]) и ставитъ его въ связь съ Реформаціей [2]).

Въ XVII столѣтіи впервые появляются попытки замѣнить старое библейское дѣленіе всемірной исторіи по четыремъ монархіямъ новой классификаціей фактовъ. Такъ, *Юстусъ Лепсіусъ* дѣлитъ исторію на восточный, греческій, римскій и варварскій періоды, іезуитъ *Петавіусъ* держится синхронистическаго метода, *Георгъ Горнъ* разсматриваетъ каждый народъ въ отдѣльности [3]). Но въ пониманіе историческаго мѣста Возрожденія эти попытки не внесли ничего новаго. Горнъ въ своемъ учебникѣ обходитъ гуманизмъ молчаніемъ, Петавіусъ перечисляетъ имена [4]), какъ это дѣлали въ XV вѣкѣ Коччіо и Хорести, а самое движеніе понимаетъ такъ же превратно, какъ его сотоварищъ по ордену, Торселлини. По его мнѣнію, гуманистическое движеніе произошло при Фридрихѣ III изъ соревнованія съ византійскими греками [5]).

Во второй половинѣ XVII вѣка *Христофъ Келлеръ* (*Cellarius*) впервые установилъ то дѣленіе всемірной исторіи на періоды, которое въ общемъ сохранилось до настоящаго времени [6]). Для пониманія эпохи Возрожденія представляло существенный интересъ, къ какому отдѣлу всеобщей исторіи она будетъ отнесена, поставятъ ли ее во главѣ новаго времени въ связи съ реформаціей, или ее будутъ разсматривать въ связи съ средневѣковыми явленіями. Келлеръ, опиравшійся въ своемъ дѣленіи главнымъ образомъ на филологическія соображенія, начинаетъ Средніе вѣка съ Константина Великаго и заканчиваетъ ихъ паденіемъ Константинополя, вообще XV вѣкомъ. Такимъ образомъ гуманизмъ попалъ въ Средніе вѣка, и въ этомъ, можетъ быть, заключалась одна изъ причинъ неясности въ пониманіи основного характера этого движенія. Самъ Келлеръ по

---

[1]) Quorum industria, cura scriptisque aut nova inventa, aut quasi multorum jam saeculorum exilio bonae omnes litterae et studia sapientiae, feliciter revocata sunt. Ibid. p. 881.

[2]) Ibid. p. 884.

[3]) См. Wegele, p. 482 и слѣд.

[4]) *Dionysii Petavii Aurelianensis e societate Iesu Rationarium temporum in partes duas, libros tredecim tributum. Editio novissima Amstelodami et Lipsiae MDCCXLV.* См. p. 474, 491 и 497.

[5]) Literae, Friderico regnante, per Italiam in splendori magno fuerunt, Graecorum doctissimis, qui capta Graecia ad eam accurebant, aemulatione sui Latinorum acuentibus studia. Ibid. p. 406.

[6]) О Келлерѣ см. Wegele, p. 484 и слѣд. Постепенное установленіе термина media aetas. Ibid. p. 485.

отношенію къ Возрожденію стоитъ на точкѣ зрѣнія Торселлини и Патавія: движеніе вызвано греками, переселившимися въ Италію послѣ паденія Константинополя, а изъ соревнованія съ ними началось при Лоренцо Великолѣпномъ аналогичное движеніе среди итальянскихъ ученыхъ [1]). Онъ не обходитъ молчаніемъ Петрарки, но ставитъ его на-ряду съ Данте и видитъ въ ихъ дѣятельности исключительно возстановленіе поэзіи, въ которомъ признаетъ только „нѣкія начала“ (initia quaedam) общаго движенія [2]). О гуманистахъ первой половины XV вѣка онъ совсѣмъ не упоминаетъ за исключеніемъ Валлы, котораго онъ ставитъ рядомъ съ Фичино, Мирандола, Коччіо и другими позднѣйшими гуманистами и всѣхъ ихъ относитъ ко времени L. Magnifico, когда Валла давно уже покоился въ могилѣ [3]).

Въ XVIII столѣтіи общая исторіографія всѣхъ народовъ культурнаго человѣчества получила болѣе широкое и систематическое развитіе. Дѣленіе всемірной исторіи Келлера вошло во всеобщее употребленіе. Появившійся въ Англіи обширный компендіумъ историческихъ событій далъ небывалое до сихъ поръ фактическое богатство для сочиненій по всемірной исторіи и вызвалъ цѣлый рядъ обработокъ и на родинѣ, и за ея предѣлами, особенно въ Германіи [4]). Попытки философіи исторіи особенно во Франціи создали стремленіе систематичнѣе классифицировать и глубже изучать факты всемірной исторіи. Такое положеніе дѣла должно было, повидимому, оказать существенное вліяніе на вопросъ о мѣстѣ Возрожденія во всемірной исторіи. Это ожиданіе подкрѣпляется и еще двумя обстоятельствами. Въ Италіи въ эту эпоху появляется, какъ мы увидимъ, цѣлый рядъ работъ, которыя даютъ возможность болѣе близкаго ознакомленія съ гуманистическимъ движеніемъ; а Вольтеръ своимъ знаменитымъ „Опытомъ о нравахъ“ создаетъ культурную исторію и находитъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ Германіи [5]). Тѣмъ не менѣе эпоху Возрожденія выпускаютъ изъ болѣе крупныхъ обзоровъ всемірной исторіи.

---

[1]) *Christophori Cellarii, Historia Universalis breviter ac percipue exposita, in antiquam, et medii aevi ac novam divisa. Editio VIII. Ienae 1730*, p. 214—215.

[2]) Ibid. p. 179.

[3]) Ibid. p. 215—216.

[4]) *An universal history from the earlist Account of time to the present. London 1730.* Объ ея обработкахъ см. Wegele, p. 783 и слѣд.

[5]) См. объ этомъ Wegele, p. 848 и слѣд. Вегеле приписываетъ Вольтеру *Abregé de l'histoire universelle depuis Charlemagne jusqu'à Charles V (1753)*, какъ отдѣльное отъ Essay (p. 780). Въ сочиненіяхъ Вольтера такого Abregé нѣтъ.

Такъ, *Пуффендорфъ*, *Женъ*, *Эйхгорнъ* совершенно ее игнорируютъ [1]). То же самое дѣлаетъ *Гаттереръ*, авторъ многочисленныхъ обработокъ такого содержанія, хотя ему хорошо извѣстны итальянскіе гуманисты и ихъ сочиненія [2]). Знаменитый *Шлёцеръ* въ своей „*Универсальной исторіи*“ долго разсуждаетъ о дѣленіи ея на періоды, но совсѣмъ не упоминаетъ о Возрожденіи въ ряду другихъ всемірно-историческихъ событій [3]). Единственное исключеніе представляетъ *Іоганнъ фонъ-Мюллеръ*. Въ III томѣ своихъ „*24 книгъ всемірной исторіи въ особенности европейскаго человѣчества*“ Мюллеръ прежде всего выдѣляетъ время отъ начала династіи Габсбурговъ до Карла V въ особый періодъ „перехода отъ Среднихъ вѣковъ къ новому времени“. 17-я книга, первая въ этомъ періодѣ, озаглавлена у него такъ: „какъ мало-по-малу подготовлялся переходъ Среднихъ вѣковъ къ новому строю (Gestaltung) вещей“. Въ этой книгѣ наряду съ политическими перемѣнами въ различныхъ государствахъ Европы Мюллеръ отводитъ одну главу (C. 22 Literatur) главнымъ образомъ Данте, Петраркѣ, Боккаччіо [4]). Обзоръ ихъ дѣятельности носитъ еще чисто внѣшній характеръ. Мюллеру еще не ясно, въ чемъ заключается отличіе отъ Данте двухъ послѣднихъ писателей и въ чемъ состоятъ особенности и значеніе всего движенія. Въ 18-й книгѣ, озаглавленной: „О тѣхъ революціяхъ, которыя въ особенности вызвали новый порядокъ вещей“, Возрожденіе отсутствуетъ, и все дѣло сводится къ политическимъ событіямъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія отношеніе къ гуманистической

---

[1]) *Baron de Puffendorff. Introduction à l'histoire générale et politique de l'univers. Amsterdam 1721, 6 vols. Gin. Discours sur l'histoire universelle. Paris 1802, 2 vols. Joh. Gotffried Eichhorn. Weltgeschichte. 4 vols. Göttingen 1804.* Въ 1-й части второго тома Эйхгорнъ дѣлаетъ обширный обзоръ „allgemeiner Merkwürdigkeiten des Zeitalters der Regeneration von Europa“ (p. 287—315) и выпускаетъ Возрожденіе.

[2]) *Joh. Christoph Gatterers Handbuch der Universalhistorie nach ihrem gesamten Umfange bis auf unsere Zeit. Göttingen. 1764. 4. Bd.* Въ первомъ томѣ второй части Gatterer перечисляетъ между историками XIV—XVI столѣтій почти всѣхъ гуманистовъ. Это сочиненіе, впрочемъ, какъ и большинство другихъ его обзоровъ, не доведено до XV вѣка. Но Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte bis zur Entdeckung Amerikens, Göttingen 1792, захватываетъ эту эпоху и не упоминаетъ о Возрожденіи.

[3]) *Aug. Ludw. Schlözers Vorstellung seiner Universal-Historie. Göttingen und Gotha 1772*, p. 73 и слѣд.

[4]) *Johannes von Müller. Vierundzwanzig Bücher Allgemeiner Geschichten, besonders der europäischen Menschheit. B. III. Stuttgart und Tübingen 1845* (посмертное изданіе), p. 46—51.

эпохѣ мѣняется: она начинаетъ входить въ многотомные обзоры всемірно-историческихъ событій. Главную причину такой перемѣны слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать въ появленіи такихъ историко-литературныхъ компендіумовъ, какъ книга Тирабоски, а также въ трудахъ Мейнерса, одного изъ плодовитѣйшихъ писателей конца XVIII вѣка по исторіи культуры. Въ двухъ своихъ работахъ, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе ниже, Мейнерсъ обстоятельно говоритъ о Возрожденіи, и одну изъ нихъ спеціально посвящаетъ біографіямъ нѣкоторыхъ гуманистовъ. Подъ вліяніемъ этихъ писателей, а также *Roscoe*, *Краузе* въ своей 11-томной „*Исторіи нынѣшней Европы*“ [1]) отводитъ уже видное мѣсто гуманистическому движенію. Краузе отмѣчаетъ вѣрные и существенные признаки Возрожденія, въ которомъ онъ видитъ прежде всего „развитіе вкуса въ искусствѣ“, „облагороженіе умственныхъ занятій и истинную ученость“. Ранѣе „такъ называемыя главныя науки были лишены содѣйствія языкознанія и чужды истинной учености“, говоритъ онъ. Возрожденіе не только дало то и другое, но измѣнило самое направленіе философіи и науки. Прежней „философіи (Weltweisheit) недоставало приложимости къ человѣческой жизни“; новыя изслѣдованія направлены „на дѣйствительный міръ и природу, какъ въ настоящія, такъ и въ прошлыя времена“ [2]). Но причина движенія и его общая основа, которая объединяла отдѣльныя направленія, ему остаются неясными. Отмѣчая одновременность возрожденія искусства и науки, Краузе признаетъ, что „все это не могло быть совершенно случайнымъ совпаденіемъ“, но не можетъ еще указать ихъ общей основы. Самое значеніе дѣятельности Данте и Петрарки ему не ясно. „Данте и Петрарка, говоритъ онъ, еще такія явленія, существованіе и дѣятельность которыхъ несомнѣнны, но ихъ истинныя причины все еще остаются покрытыми нѣкоторымъ туманомъ“ [3]). Краузе даетъ также интересный во многихъ отношеніяхъ общій историческій очеркъ самаго хода движенія, отмѣчаетъ его отличительные признаки и пытается выяснить культурное значеніе. По общимъ задачамъ сочиненія, по тогдашнему состоянію свѣдѣній объ эпохѣ, этотъ очеркъ не можетъ

---

[1]) *Johann Christoph Krause. Geschichte der wichtigsten Begebenheiten des heutigen Europa. Ein Handbuch für Schulmänner, Erzieher, Studierende und andre Liebhaber der Geschichte aus allen Ständen. 11 Bände. Halle 1797—1803.* Свои источники указываетъ Краузе въ VI томѣ, p. 341, и въ V, p. 383 и слѣд.

[2]) Krause. IV, p. 335, 336.

[3]) Ibid. p. 341—342.

претендовать ни на глубину, ни на обстоятельность. Но Краузе вѣрно отмѣчаетъ главные моменты движенія и обращаетъ вниманіе на всѣ его стороны, такъ что его коротенькая глава о гуманизмѣ можетъ служить программою вопросовъ для изученія этой эпохи [1]). Еще болѣе мѣста отведено Возрожденію въ обширномъ сочиненіи на ту же тему *Шёлля*, которое появилось въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Шёлль считаетъ „возрожденіе литературы“ вмѣстѣ съ открытіемъ Америки и религіозной реформой основными событіями, отдѣляющими новую исторію отъ средневѣковой [2]), но понимаетъ движеніе узко и менѣе глубоко, чѣмъ Краузе. „Возрожденіе (régénération) классической литературы“, говоритъ онъ въ главѣ, посвященной этой эпохѣ, „исправило и очистило вкусъ націй, которыя ее культивировали, но оно собственно не произвело въ наукахъ и литературѣ той реформы, которая сдѣлала ее столь благотворной, потому что древнихъ читали только для образованія стиля, не занимаясь блестящими идеями и благородными мыслями, которыя въ нихъ заключались“ [3]). По мнѣнію Шёлля, содержаніе и направленіе наукъ не было затронуто Возрожденіемъ. Даже „исторія раздѣляла эту участь, потому что критика спала, а безъ критики исторія только ткань изъ басней“ [4]). Движеніе осталось совершенно непонятно Шёллю, потому что оно было ему неизвѣстно.

Немногимъ лучше поставлена эпоха Возрожденія въ такихъ обзорахъ всемірной исторіи начала нынѣшняго столѣтія, которые носили характеръ обширныхъ руководствъ и оказали вліяніе на учебную литературу. Такъ въ многотомномъ учебникѣ К. Ф. Беккера гуманизмъ отнесенъ къ Среднимъ вѣкамъ, хотя и признается уже переходомъ къ новому времени. Самый очеркъ движенія очень кратокъ и не представляетъ интереса; но Беккеръ вѣрно оцѣнилъ результатъ изученія дневней литературы. Онъ возражаетъ противъ мысли, что древняя литература въ Средніе вѣка была совершенно неизвѣстна; но только въ эту эпоху реальное и всестороннее изученіе древняго міра возбудило новыя идеи, вызвало новыя представленія и воззрѣнія, и такимъ путемъ наука вышла на свѣтъ Божій изъ монашеской

---

[1]) Ibid. V, p. 382—395.

[2]) *Max. Samson-Fréd. Schoell, Cours d'histoire des états Européens depuis le bouleversement de l'empire Romain d'Occident jusqu'en 1789. Tome XIII. Paris 1831*, p. 7. Ср. T. X, p. 258.

[3]) Schoell. XIII, p. 62.

[4]) Ibid. p. 63.

кельи [1]). Менѣе удовлетворителенъ въ этомъ отношеніи другой знаменитый въ свое время многотомный учебникъ — „*Всеобщая Исторія Карла Роттека*“ [2]). Творцами гуманистическаго движенія у него являются греки, его результаты не выяснены, а фактическій очеркъ сводится къ довольно подробному перечисленію гуманистовъ и ихъ меценатовъ [3]). Какъ бы то ни было, Возрожденіе въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія почти всегда входитъ въ обзоры всемірной исторіи и занимаетъ мѣсто даже въ сравнительно краткихъ учебникахъ [4]).

Тѣмъ не менѣе и наиболѣе обширныя сочиненія такого содержанія очень мало даютъ и для фактическаго знакомства съ исторіей гуманизма и для уясненія его историческаго смысла и значенія. Такъ, *Ф. Шлоссеръ*, авторъ первой обширной „*Всемірной Исторіи*“ въ нашемъ столѣтіи, отводитъ цѣлую главу „образованію и литературѣ послѣдней половины XIV и первой XV столѣтія“ [5]) и довольно подробно говоритъ о гуманистическомъ движеніи въ Италіи. Но его очеркъ неудовлетворителенъ ни въ какомъ отношеніи. Прежде всего, Шлоссеръ понимаетъ происхожденіе гуманизма [6]) чисто внѣшнимъ образомъ: пришли византійскіе греки въ Италію и вызвали тамъ гуманистическое движеніе. Онъ повторяетъ за Hody, Гереномъ, что „изъ образованія Среднихъ вѣковъ сложилось подъ вліяніемъ греческой литературы образованіе новаго времени“, что „грекамъ мы обязаны нашимъ знаніемъ древняго міра“. „Они содѣйствовали, говоритъ онъ, замѣнѣ школьной философіи практической и греческой простотой умѣрили плоскость и декламацію римлянъ“ [7]). Но укоренившаяся ошибка Каріона сбила съ толку Шлоссера и, подъ влія-

---

[1]) *Karl Friedrich Becker's Weltgeschichte.* Первое изданіе вышло въ 1777—1806 году. Я цитирую: siebente, verbesserte und vermehrte Ausgabe. Herausgegeben von J. W. Loebell mit Fortsetzungen von Woltmann und Menzel. VI. Band. Berlin 1837, p. 305—306.

[2]) Первое изданіе вышло въ 1812 году. Я цитирую пятое: *Allgemeine Geschichte von Anfang der historischen Kentniss bis auf unsere Zeit für denkende Geschichtsfreunde bearbeitet von Carl von Rotteck. VI. Band. Freiburg 1824.*

[3]) Allg. Gesch. VI, p. 391—395.

[4]) См., напр., *W. Wachsmuth, Grundriss der allgemeinen Geschichte der Völker und Staaten. II. Ausgabe. Leipzig 1839*, p. 228—229.

[5]) *F. C. Schlosser's Weltgeschichte für das deutsche Volk. IX. Band. Frankfurt am Main 1849*, p. 399 и слѣд., въ особенности p. 455.

[6]) Термины Renaissance и Humanismus не встрѣчаются у Шлоссера.

[7]) Ibid. p. 408.

ніемъ невѣрнаго представленія о роли византійскихъ грековъ въ движеніи, онъ ставитъ Петрарку и Боккаччіо на-ряду съ Дино Кампаньи и Джіов. Виллани какъ бы внѣ движенія и исторію усвоенія новымъ міромъ античныхъ идей начинаетъ только со второй половины XV-го вѣка [1]). Это крупное недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что Шлоссеру весьма мало извѣстна и потому совершенно непонятна дѣятельность основателей Ренессанса и ихъ продолжателей до Виссаріона и Флорентійской Академіи. Мѣстныя причины гуманистическаго движенія и роль въ немъ римской литературы представляются ему неясно. Онъ отмѣчаетъ античные остатки въ языкѣ и монументальныхъ памятникахъ, какъ одну изъ причинъ „стремленія возстановить въ новой формѣ весь древній міръ“, но почему-то думаетъ, что это могло сдѣлать только „одно возрожденіе древней литературы римлянъ“. Далѣе оказывается однако, что это стремленіе пробудилось только въ XV вѣкѣ, когда въ Италіи исчезло чужеземное владычество, когда возникли различныя политическія учрежденія, когда повсюду боролись демократія и аристократія, свобода и рабство, смѣлое отрицаніе всего божественнаго и мрачное суевѣріе [2]). Какая связь между этими различными явленіями и гуманизмомъ—этотъ вопросъ остается совершенно открытымъ. Аналогичныя ошибки, окутанныя такимъ же туманомъ, и въ оцѣнкѣ дѣятельности Петрарки, котораго Шлоссеръ ставитъ въ одну линію съ Данте. „Данте и Петрарка, говоритъ онъ, возбудили въ своихъ соотечественникахъ энтузіазмъ къ древнему греческому языку, наукѣ и литературѣ, совершенно оригинальномъ образомъ связали средневѣковую поэзію, философію и искусство христіанства съ древнимъ міромъ, слили германскую, кельтическую, сѣверную, восточную и греческую литературы“ [3]).

Фактическое изложеніе Шлоссеромъ внѣшней исторіи гуманистовъ сводится къ краткому перечню ихъ произведеній, переполненному обильными промахами. Такъ, онъ утверждаетъ, что Петрарка родился въ Авиньонѣ, что тамъ онъ „учился и изучилъ греческій языкъ“ [4]), а нѣсколько страницъ ниже говоритъ, что „по незнанію языка онъ не могъ прочитать Гомера“ [5]). Боккаччіо, по его словамъ, будто бы перевелъ всю Иліаду, бо́льшую часть Одиссеи и 16 діалоговъ Платона. О его латинскихъ сочиненіяхъ Шлоссеръ

[1]) Ibid. p. 437 и слѣд.
[2]) Ibid. p. 462.
[3]) Ibid. p. 400.
[4]) Ibid. p. 438.
[5]) Ibid. p. 445.

повторяетъ безъ всякой критики ходячія басни, что „Генеалогія боговъ“ написана Паоло-да-Перуджіа, а De montibus Вибіемъ Секвестромъ и что Боккаччіо только дополнилъ и исправилъ ихъ [1]). До какой степени неосновательны и поверхностны свѣдѣнія Шлоссера о гуманистической литературѣ, показываетъ тотъ фактъ, что онъ комически слилъ въ одну книгу три сочиненія Поджіо, не имѣющія между собою ничего общаго [2]). Даже немного лучшее знакомство Шлоссера хотя бы съ корифеями ранняго гуманизма избавило бы его отъ крупныхъ ошибокъ въ пониманіи общаго хода движенія. Если бы ему извѣстенъ былъ хотя бы коротенькій діалогъ Петрарки De vera sapientia, не говоря уже о перепискѣ, онъ не утверждалъ бы, что греки внесли практическое направленіе въ философію Ренессанса. Если бы онъ зналъ простой перечень произведеній Бруни, котораго онъ совершенно напрасно обвиняетъ въ плагіатѣ [3]), то не приписалъ бы І. Аргиропуло исключительной заслуги ознакомленія итальянцевъ съ настоящимъ Аристотелемъ и т. д. Но всѣ эти промахи и недоразумѣнія нельзя ставить въ большую вину знаменитому историку. Правда, значительная часть печатныхъ источниковъ ранняго гуманизма была уже издана въ его время; но ихъ научной обработки почти совершенно не существовало, а отъ автора первой обширной Всемірной Исторіи нельзя требовать непосредственнаго знакомства съ источниками по всѣмъ ея отдѣламъ.

Съ большею подробностью и безъ крупныхъ фактическихъ промаховъ даетъ свѣдѣнія объ итальянскомъ гуманизмѣ *Чезаре Канту* въ своей *„Всемірной исторіи“*; но относящіяся сюда главы въ его книгѣ не представляютъ интереса въ фактическомъ отношеніи и даютъ совсѣмъ неправильное освѣщеніе гуманистическому движенію. Біографическіе очерки Петрарки, Боккаччіо и другихъ гуманистовъ слишкомъ кратки, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе. Кромѣ того, онъ опускаетъ въ гуманистическихъ біографіяхъ именно тѣ стороны, которыя имѣютъ наибольшій историческій интересъ. Такъ, онъ подробно перечисляетъ, что нравилось Петраркѣ въ Лаурѣ [4]), но не

---

[1]) Ibid. p. 445—446.

[2]) Poggio als siebenzigjähriger Mann in einem literarhistorisch sehr merkwürdigen Buche (Facetiae de infelicitate principum, de miseria conditionis humanae) über das Unglück und Elend der Gelehrten klagt. Ibid. p. 472.

[3]) Ibid. p. 471.

[4]) *Cantu, Histoire universelle, soigneusement remaniée par l'auteur et traduite sous ses yeux par Eugène Aroux et Piersilversto Leopardi. T. XII. Paris 1854,* p. 603.

выясняетъ, что находилъ онъ привлекательнаго въ античной литературѣ, перечисляетъ его сочиненія, но опускаетъ направленныя противъ папства „Письма безъ адреса“; подробно сравниваетъ Данте съ Петраркой [1]), но сравненіе носитъ личный и чисто внѣшній характеръ, и характерныя черты родоначальника гуманизма остаются не отмѣченными и т. д. Это невниманіе къ самому интересному въ дѣятеляхъ Ренессанса обусловливается воззрѣніемъ Канту на общій характеръ и значеніе гуманистическаго движенія, въ которомъ онъ видитъ исключительно филологическую ученость и къ которому онъ относится отрицательно. „Энтузіазмъ къ учености, говоритъ Канту, остановилъ полетъ генія новаго времени“ [2]), и гуманисты представляются ему буквоѣдами-педантами, которые были лишены всякихъ политическихъ способностей и вообще способны были только къ фразѣ [3]). Ниже мы остановимся на этихъ воззрѣніяхъ Канту, такъ какъ онъ болѣе обстоятельно формулировалъ ихъ въ своей „*Исторіи итальянцевъ*“. Но изъ простого ихъ изложенія видно, что его „Всемірная исторія“ не могла оказать никакого содѣйствія изученію и пониманію Ренессанса.

Въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели Шлоссеръ, находился авторъ новѣйшей и самой обстоятельной *Всемірной Исторіи Г. Веберъ* [4]). Предшествующая литература дала вѣрное пониманіе, по крайней мѣрѣ, педагогической и научной стороны движенія, и Веберъ стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія. „Стремленіе къ гуманизму въ образованіи и воспитаніи“, говоритъ онъ, „имѣло глубокое основаніе въ направленіи времени. Принципъ свободнаго изслѣдованія, неуклоннаго стремленія къ знанію и истинѣ былъ цѣлью и плодомъ новаго гуманистическаго направленія. Но еще нуждались въ учителѣ и руководителѣ, и гдѣ же былъ лучшій и болѣе опытный наставникъ, чѣмъ классическая древность?“ [5]) Таково дѣйствительно общее впечатлѣніе отъ болѣе близкаго ознакомленія съ гуманистическою литературой: древность не источникъ движенія, а только его знамя и опора. Но съ этой точки зрѣнія эпоха, какъ мы увидимъ, совершенно не разработана ни въ общихъ сочиненіяхъ, ни въ монографіяхъ, и общее положеніе Вебера не возвышается до степени прочно обоснованнаго

---

[1]) Ibid. p. 611 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 629.

[3]) Ibid. p. 639, 641 и слѣд.

[4]) *Georg Weber, Allgemeine Weltgeschichte. Zweite Auflage. IX. Band. Leipzig 1885.*

[5]) Ibid. p. 861.

научнаго вывода. Его общій очеркъ Возрожденія несравненно выше, чѣмъ у Шлоссера, потому что онъ составленъ по Фогту. Благодаря краткости изложенія, Веберъ счастливо избѣгаетъ фактическихъ промаховъ [1]); но въ общемъ очеркѣ движенія онъ забываетъ иногда свою основную точку зрѣнія о значеніи древности и впадаетъ поэтому въ противорѣчіе и ошибки. Такъ, прежде всего онъ сильно преувеличиваетъ вліяніе античной литературы. По его мнѣнію, въ началѣ эпохи господствовало „рабское подражаніе“ древности, и изъ него онъ выводитъ и моральное паденіе гуманистовъ, и политическія мечтанія Кола ди Ріенцо и Поркари, и религіозный индифферентизмъ [2]). Прежде всего, рабское подражаніе древности вообще было невозможно, потому что во всѣхъ сферахъ античной жизни были различныя и даже противоположныя теченія: въ религіи—реальная вѣра и скрытое или ясное отрицаніе политеизма; въ философіи—идеализмъ и матеріализмъ, въ морали—эпикурейство и стоицизмъ; въ политикѣ—республики, тиранніи, имперія. Подражать всему этому одновременно было невозможно, и дѣйствительно въ гуманистической литературѣ всегда присутствуетъ извѣстный критицизмъ. Каждый гуманистъ соотвѣтственно своему настроенію и стремленіямъ выбиралъ подходящій авторитетъ въ классическомъ мірѣ и пытался примирить его съ католицизмомъ и дѣйствительностью. Трагизмъ положенія дѣятелей итальянскаго Ренессанса и ихъ моральный, религіозный и политическій индифферентизмъ вытекалъ изъ того, что *средневѣковой* католицизмъ и политическую дѣйствительность XV столѣтія нельзя было примирить съ *новыми* потребностями. Виновато въ этомъ не чрезмѣрное увлеченіе классическимъ міромъ.

Уклоненіе отъ основной точки зрѣнія привело Вебера къ неправильному объясненію чрезвычайно интереснаго явленія въ гуманизмѣ второй половины XV в.—увлеченія Платономъ. По его мнѣнію, впервые литературная связь съ Византіей привела къ болѣе близкому знакомству съ ученіемъ Платона [3]), и византійскіе греки являются такимъ образомъ виновниками движенія. Дѣйствительно, споръ о сравнительныхъ достоинствахъ Платона и Аристотеля начали на итальянской почвѣ греки Виссаріонъ и Гемистосъ Плетонъ съ одной стороны, а Ѳеодоръ Газа и Георгій Трапезунтскій съ другой, и мѣстные гуманисты вмѣшались въ него только позже. Но переводы Платона

[1]) Только Веберъ повторяетъ неосновательное обвиненіе въ плагіатѣ Л. Бруни, p. 874.

[2]) Ibid. p. 863, 871, 872.

[3]) Ibid. p. 875.

были извѣстны еще въ концѣ XIV столѣтія, и если споръ за него начался только на 50 лѣтъ позже, то для этого были мѣстныя причины, которыхъ нужно искать въ томъ любопытномъ фактѣ, что ранніе гуманисты не чувствовали ни малѣйшаго интереса къ метафизическимъ вопросамъ [1]).

Подводя итоги заслугамъ, оказаннымъ всемірно-историческими обзорами изученію Ренессанса, можно подумать съ перваго взгляда, что этотъ отдѣлъ историческихъ знаній внесъ болѣе ошибокъ, чѣмъ разъясненій въ исторіографію Возрожденія. На самомъ дѣлѣ неопредѣленность воззрѣній на гуманизмъ Коччіо превратилась въ грубую ошибку у Каріона и Торселлини, и совершенно невѣрное представленіе роли византійскихъ грековъ въ гуманистическомъ движеніи сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе странныхъ и наиболѣе упорныхъ заблужденій въ исторической наукѣ. Съ другой стороны, дѣленіе всемірной исторіи Келлера, представлявшее значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежними и довольно удачное хронологически, не имѣло однако своимъ основаніемъ существенныхъ признаковъ историческихъ эпохъ и поставило Ренессансъ не въ надлежащее для него мѣсто. Относя гуманизмъ къ Среднимъ вѣкамъ и отдѣляя его отъ Реформаціи, Келлеръ давалъ ему неправильное освѣщеніе, и можетъ быть въ этомъ отчасти заключается объясненіе того страннаго факта, что всемірная исторія XVIII вѣка такъ часто обходитъ Возрожденіе гробовымъ молчаніемъ. Тѣмъ не менѣе всемірно-историческіе обзоры съ теченіемъ времени, опираясь на національно-итальянскую исторіографію и на спеціальную литературу, поставили гуманизмъ на надлежащее мѣсто и отмѣтили его связь съ другими движеніями новаго

[1]) Изъ всемірно-историческихъ обзоровъ на русскомъ языкѣ эпохи Возрожденія касаются лекціи проф. *Петрова и Бауера*. Коротенькій очеркъ, посвященный проф. Петровымъ итальянскому гуманизму, въ общемъ вѣрно передаетъ нѣкоторыя стороны Ренессанса (*Лекціи по Всемірной Исторіи, изданныя подъ редакціей проф. В. К. Надлера. Томъ III. Исторія новыхъ вѣковъ въ обработкѣ прив.-доц. В. П. Бузескула. Харьковъ 1888*, p. 14—23). Но въ общей оцѣнкѣ Возрожденія и въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ авторъ не всегда стоитъ на уровнѣ даже той литературы, которая приведена въ заголовкѣ. Такъ индивидуалистическій элементъ въ Ренессансѣ совсѣмъ не отмѣченъ; характеристика ранняго гуманизма совершенно невѣрна (p. 17); отношеніе Петрарки къ католицизму опредѣлено не точно и проч. Страницы, отведенныя Ренессансу проф. Бауеромъ (*Лекціе по новой исторіи, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изданіе графа А. А. Мусина-Пушкина. С.-Петербургъ 1886*, p. 100 и слѣд.) совершенно незначительны и переполнены непонятными опечатками, какъ *Vessarion, Halebondyllas* etc.

времени. Эпоха Ренессанса въ цѣломъ и общемъ занимаетъ теперь опредѣленное мѣсто среди другихъ событій всемірной исторіи, и если новѣйшій историкъ О. Егеръ обходитъ въ своей книгѣ молчаніемъ Возрожденіе, то эта странность объясняется тѣмъ, что авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на политическія событія.

III.

Отношеніе къ Ренессансу протестантскихъ и католическихъ историковъ церкви.—Шрёккъ и Пасторъ.—Крейтонъ.—Причины слабаго интереса церковныхъ историковъ къ итальянскому гуманизму.

Сочиненія по исторіи западной церкви, какъ католической, такъ и протестантской, даютъ весьма мало матеріала для фактическаго изученія Ренессанса.

Сборники біо- и библіографическихъ свѣдѣній о церковныхъ писателяхъ, составлявшіеся въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, какъ книги *Беллармина* и *Лаббе Quetif'a* и *Echard'a*, *Cav'a* и *Warton'a* [1]), даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ гуманистахъ, которые принадлежали къ монашескому или вообще къ духовному званію. Но позднѣйшіе историки церкви въ большинствѣ случаевъ обходятъ молчаніемъ гуманистическое движеніе. Такъ поступаютъ съ Ренессансомъ и Флери, и Неандеръ, и Бауръ. До настоящаго времени только весьма немногіе представители церковной исторіи выдѣляютъ гуманизмъ, какъ самостоятельный факторъ, оказавшій извѣстное вліяніе на церковную жизнь; но нельзя сказать, чтобы ихъ работы оказали значительное содѣйствіе научному разрѣшенію вопроса о значеніи итальянскаго Возрожденія для папства и Реформаціи. Изъ протестантскихъ историковъ церкви на итальянскомъ гуманизмѣ съ осо-

---

[1]) *Robertus Bellarminus, De Scriptoribus Ecclesiasticis liber I. Accessit Dissertatio Philologica et Historica Philippi Labbé super eisdem Scriptoribus et Supplementum de Scriptoribus vel Scriptis Ecclesiasticis a Bellarmino omissis. Venetiis 1728* (1-е изданіе вышло въ 1684 году). *Guilielmus Cave. Scriptorum Ecclesiasticorum Historia Literaria a Christo nato usque ad Saeculum XIV. Accedit appendix Henrici Warton et Roberti Gerii. Genevae 1720. Scriptores Ordinis Praedicatorum recensiti notisque historicis et criticis illustrati a Jacobo Quetif inchoati et a Jacobo Echard absoluti. Tomi II. Lutetiae Parisiorum 1719.*

беннымъ вниманіемъ останавливается *Шрёкъ* въ 30 томѣ своей обширной „*Христіанской церковной исторіи*“. Шрёкъ широко понимаетъ значеніе гуманизма. По его мнѣнію, онъ внесъ „въ высшей степени благотворное измѣненіе“, которое отразилось „въ ученомъ методѣ, въ понятіяхъ и знаніяхъ въ духѣ изслѣдованія, въ соединеніи многихъ наукъ и искусствъ для общей пользы“ [1]). Сознавая важность движенія, Шрёкъ даетъ сравнительно обстоятельные біографическіе очерки его представителей, составленные по лучшимъ сочиненіямъ его времени; при чемъ онъ непосредственно знакомъ съ произведеніями наиболѣе важныхъ гуманистовъ, какъ Петрарка и Валла [2]). Правда, онъ раздѣляетъ почти общій предразсудокъ о громадномъ вліяніи на гуманизмъ византійскихъ грековъ [3]), но думаетъ только, что движеніе, начатое Петраркой и Боккаччіо, заглохло бы безъ ихъ поддержки [4]). Родоначальникомъ Ренессанса является, слѣдовательно, Петрарка, и Шрёкъ придаетъ его гуманистической дѣятельности гораздо большее значеніе, чѣмъ его итальянской поэзіи [5]). Тѣмъ не менѣе и въ этомъ сочиненіи вопросъ о значеніи Ренессанса въ исторіи церкви не только не рѣшенъ, но даже и не поставленъ. Нѣкоторые протестантскіе историки пытались пополнить этотъ пробѣлъ, но рѣшали вопросъ или слишкомъ обще, или съ такой точки зрѣнія, которая стоитъ внѣ научной компетенціи. Такъ, *Ниднеръ*, исходя изъ стараго взгляда на гуманистовъ, какъ „на свидѣтелей истины“ до Лютера, пытается опредѣлить мѣсто Ренессанса въ „Vor-Geschichte“ Реформаціи. По его мнѣнію, выраженному сжато до неясности, Ренессансъ далъ „только общія культурныя средства, которыя лежали въ совокупной греко-римской древности“; проще говоря, обогатилъ современную ему науку и просвѣщеніе прежде малоизвѣстными фактами и позабытыми идеями. Тѣмъ не менѣе Ниднеръ называетъ Ренессансъ „итальянскимъ предшественникомъ Реформаціи“ (Vor-Reformation), который стоялъ къ протестантской реформѣ „въ двоякомъ, но только посредственномъ отношеніи“: во-первыхъ, онъ стоялъ въ оппозиціи съ схоластикой, составлявшей препятствіе для церковной реформы, но боролся съ ней не ради этой цѣли; во-вторыхъ, филологическими и вообще научными успѣхами онъ создалъ

---

[1]) *Joh. Matthias Schröckh, Christliche Kirchengeschichte. 30-ter Theil. Leipzig 1800*, p. 144.

[2]) Ibid. 145—153 и p. 199.

[3]) Ibid. p. 144.

[4]) Ibid. p. 157.

[5]) Ibid. p. 150.

средства для реформы церкви и богословія, но воспользовались этими средствами только за предѣлами Италіи [1]). Въ общемъ эти замѣчанія совершенно вѣрны; но они не исчерпываютъ вопроса и сдѣланы притомъ на основаніи крайне поверхностнаго знакомства съ движеніемъ. Ниднеръ считаетъ Возрожденіе простымъ продолженіемъ того интереса къ древности, который начался въ IX вѣкѣ и проявлялся въ XII и XIII столѣтіяхъ. Въ XV столѣтіи этотъ интересъ только усилился подъ вліяніемъ греческихъ эмигрантовъ; но въ сущности Скоттъ Эригена и Данте точно такъ же, какъ Петрарка и Боккаччіо, одинаково сознавали необходимость заимствованныхъ изъ древности основъ образованія [2]). Исходя изъ той мысли, что гуманисты не были сознательными реформатами, Ниднеръ утверждаетъ, что гуманизмъ „въ цѣломъ былъ болѣе продолженіемъ Среднихъ вѣковъ въ иной формѣ, чѣмъ проявленіемъ ихъ противоположности, ибо мѣсто во времени опредѣляется только дѣйствительными или, по крайней мѣрѣ, имѣвшимися въ виду результатами, а не тѣмъ, что могло получиться или было выведено другими“ [3]). Единственное исключеніе, по мнѣнію Ниднера, составлялъ Валла. Такія воззрѣнія обусловливаются не только узостью точки зрѣнія автора, который исключительно въ религіозной сторонѣ Реформаціи видитъ проявленіе новаго времени, но и малымъ знакомствомъ съ гуманистической литературой. Ставить на одну доску Данте съ Боккаччіо и выдѣлять Валлу изъ среды гуманистовъ, какъ единственное исключеніе—значитъ не понять духа Возрожденія. Такое же непониманіе обнаруживается и въ другой нѣсколько неожиданной характеристикѣ Ниднеромъ Ренессанса. Гуманизмъ, который былъ, по его мнѣнію, „*дѣйствіемъ* Ренессанса въ Италіи“,—это „односторонній культъ древности, и притомъ болѣе языческой или даже іудейской, нежели христіанской... въ немъ гораздо болѣе подражанія, чѣмъ новаго творчества“ [4]). Крайнее выраженіе исключительно религіозной точки зрѣнія на отношеніе Ренессанса къ церкви мы находимъ, напр., въ книгѣ *Эбрарда*. Признавая Возрожденіе подготовленіемъ Реформаціи, онъ въ главѣ о гуманизмѣ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. „Какъ Христосъ Самъ есть Богъ, явившійся во плоти, и какъ свящ. Писаніе есть вѣчная

---

[1]) *Chr. Wilh. Niedner, Geschichte der christlichen Kirche. Lehrbuch. Leipzig 1846*, p. 559.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. p. 560.

[4]) Ibid. p. 560.

истина въ формѣ человѣческой рѣчи и письменности, то Духъ Божій не могъ дѣйствовать in abstracto, не сдѣлавши снова доступной людскому пониманію человѣчески-историческую сторону свящ. Писанія. Поэтому Провидѣнію Божію угодно было, чтобы для правящей дѣятельности св. Духа не было недостатка въ человѣческихъ орудіяхъ и средствахъ. Такимъ орудіемъ и средствомъ было вновь пробудившееся ученое знаніе древности и ея языковъ, и оно было пріобрѣтено посредствомъ умственнаго движенія, которое обыкновенно называется гуманизмомъ". Кромѣ такого вліянія на Реформацію, это „орудіе св. Духа" усвоило „матеріальное античное міросозерцаніе", съ помощію котораго оно наносило удары „псевдохристіанству" [1]). Болѣе широкаго пониманія роли итальянскаго гуманизма въ исторіи протестантскаго движенія и болѣе детальнаго изслѣдованія его культурной связи съ Реформаціей мы не находимъ у протестантскихъ церковныхъ историковъ.

Съ такою же опредѣленностью относятся къ Ренессансу тѣ изъ историковъ католической церкви, которые касаются этого движенія. Для нихъ гуманизмъ простое продолженіе средневѣковой схоластики, и если интересъ къ древности усилился въ XV вѣкѣ, то это заслуга церкви. При этомъ антикатолическія тенденціи гуманистовъ или совершенно замалчиваются, или объясняются крайнимъ увлеченіемъ языческою стариной. Такъ, Альцогъ, озаглавивши отдѣлъ, посвященный Возрожденію „мнимый Ренессансъ", утверждаетъ, что въ эту эпоху не произошло ничего особеннаго, что Скоттъ Эригена и Данте непосредственные предшественники Петрарки и Боккаччіо, что въ XV вѣкѣ соборъ во Флоренціи усилилъ интересъ къ древности, но „весь этотъ пылъ обязанъ своимъ существованіемъ церкви, вліяніе которой даетъ себя чувствовать ранѣе прибытія Константинопольскихъ изгнанниковъ, которые по большей части были тоже монахи или духовныя лица [2]). Что касается до Валлы, то его „языческая мораль" была слѣдствіемъ „рабскаго подражанія древности" [3]). Болѣе высоко, повидимому, ставитъ Ренессансъ *Рорбахеръ* въ 22 томѣ своей обширной „*Всемірной исторіи католической церкви*". По крайней мѣрѣ, онъ горячо возстаетъ противъ того мнѣнія, что виновни-

---

[1]) *Joh. Ebrard, Handbuch der christlichen Kirchen- und Dogmen-Geschichte für Prediger und Studirende. II. Band. Erlangen 1865,* p. 501—502.

[2]) *J. Alzog, Histoire universelle de l'Église, traduite par Goschler et Audley. III édition. Tome II. Paris 1855,* p. 562—564.

[3]) Ibid. p. 565.

ками Ренессанса были византійскіе греки или нѣмецкіе протестанты [1]), и считаетъ гуманистическую дѣятельность Николая V колоссальной заслугой культурѣ [2]). Вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что Возрожденіе было, по его мнѣнію, заслугой церкви, объясняется и отношеніе Рорбахера къ отдѣльнымъ гуманистамъ. Приведя по „Biographie Universelle“ біографическіе очерки наиболѣе важныхъ изъ нихъ, онъ не упоминаетъ ихъ оппозиціонныхъ сочиненій, какъ, напр., „О Дарѣ Константина“ Валлы [3]), и такимъ образомъ просто замалчиваетъ антикатолическую тенденцію всего движенія.

Но изъ всѣхъ клерикальныхъ историковъ церкви съ наибольшимъ вниманіемъ останавливается на Ренессансѣ *Л. Пасторъ* въ 1-мъ томѣ своей еще неоконченной „*Исторіи папъ съ исхода среднихъ вѣковъ*“. Признавая, какъ несомнѣнный фактъ, что Ренессансъ начинаетъ новую эпоху, Пасторъ посвящаетъ ему обширное введеніе. Съ точки зрѣнія формальной учености книга не оставляетъ желать ничего бо́льшаго: одинъ списокъ архивовъ и собраній манускриптовъ, которыми пользовался авторъ, занимаетъ три убористыхъ страницы въ большую восьмушку. Правда, изъ этихъ рукописныхъ богатствъ на долю введенія выпало очень немного; тѣмъ не менѣе авторъ несомнѣнно хорошо знаетъ спеціальную литературу по Возрожденію и не чуждъ знакомства съ его источниками. Но, несмотря на это, съ введеніемъ Пастора нельзя согласиться главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что учености его книги не соотвѣтствуетъ научность пріемовъ автора. Сущность взглядовъ Пастора на гуманистическое движеніе сводится къ слѣдующему: Ренессансъ—всемірно-историческое движеніе, но съ самаго начала онъ распался на два теченія: одно истинное, христіанское Возрожденіе, другое—ложное, языческое. Первое церковь поддерживала, противъ второго боролась. Посмотримъ теперь, на чемъ основанъ такой выводъ. Прежде всего, признавая всю важность гуманизма, Пасторъ понимаетъ его довольно узко. Ренессансъ, по его словамъ, — „величественное углубленіе и расширеніе изученія древности“ [4]), т.-е., одно изъ проявленій гуманистическаго движенія, одинъ изъ его признаковъ, объявленъ безъ

---

[1]) *Rohrbacher, Histoire universelle de l'Eglise Catholique. 3-e édition. Tome XXII. Paris 1858,* p. 222—223. Кто утверждалъ, что Лютеръ былъ виновникомъ гуманистическаго движенія въ Италіи, мнѣ неизвѣстно.

[2]) Ibid. p. 214—215.

[3]) Ibid. p. 221—222.

[4]) *Ludwig Pastor, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. I. Band. Freiburg 1886,* p. 1.

всякихъ доказательствъ его сущностью. Простое увлеченіе древностью, одно только измѣненіе, да и то чисто внѣшнее ученаго интереса считаетъ Пасторъ могучимъ факторомъ перехода человѣчества въ новую эпоху историческаго существованія! Признаніе всемірно-исторической важности Ренессанса со стороны клерикальнаго историка является уступкою общепринятымъ научнымъ взглядамъ, которая стоитъ въ противорѣчіи съ его основными принципами, желаніемъ поставить подъ эгиду папства крупное движеніе, хотя оно по существу носило анти-католическій характеръ. Пасторъ самъ чувствуетъ неудобство положенія и въ дальнѣйшемъ изложеніи почти совершенно отказывается отъ ранѣе выраженнаго мнѣнія, что Ренессансъ былъ „могущественнымъ факторомъ“ перехода въ новое время. Ренессансъ, говоритъ онъ, представляетъ только „*въ извѣстномъ смыслѣ* разрывъ съ позднѣйшимъ средневѣковьемъ, которое болѣе, чѣмъ было справедливо, оттѣсняло античный міръ и вслѣдствіе этого пришло къ высшей степени печальному, абсолютному пренебреженію формы, *но никоимъ образомъ не разрывъ со всѣми средними вѣками*“ [1]). Такого разрыва, по его мнѣнію, и не могло существовать, такъ какъ церковь никогда не относилась враждебно къ изученію классиковъ [2]). Не отнеслась она съ враждою къ Ренессансу. „Исходя изъ того принципа, что наука сама по себѣ высокое благо, говоритъ Пасторъ, что никакое злоупотребленіе ею не оправдываетъ ея угнетенія, церковь съ самаго начала боролась только противъ языческой безнравственности и языческихъ суевѣрій, а не противъ греко-римской духовной культуры“ [3]), т.-е. только противъ ложнаго Ренессанса, а не противъ истиннаго.

Существованіе въ гуманистическомъ движеніи различныхъ теченій подтверждается источниками, хотя при ихъ современномъ состояніи едва-ли возможно, какъ мы увидимъ ниже, идти далѣе простого констатированья этого факта и нѣкоторыхъ предположеній. Но то основаніе, по которому дѣлитъ направленія Ренессанса Пасторъ, рѣшительно не подтверждается источниками. „На одной сторонѣ, гово-

[1]) Ibid. p. 11.

[2]) Пасторъ старается исторически доказать это положеніе, ссылаясь на Климента Александрійскаго, Василія Великаго и другихъ раннихъ отцовъ церкви (p. 7—10); при чемъ отношеніе къ классической наукѣ Григорія I и его преемниковъ обходится молчаніемъ.

[3]) Ibid. p. 7. Это положеніе едва-ли можно доказать фактами. Напр., Epistolæ sine titulo Петрарки чужды всякаго паганизма; но они были подвергнуты церковному осужденію. То же самое можно сказать о Дарѣ Константина Валлы.

ритъ онъ, въ преувеличенныхъ болѣзненныхъ мечтаніяхъ о классическихъ идеалахъ поднимали знамя исключительнаго язычества; приверженцы этого направленія хотѣли радикально жить по античному (radical antikisiren), доставить языческому духу господство въ жизни и въ мысли, устранивши, какъ извращенное, все существующее. На другой сторонѣ стремились къ тому, чтобы привести въ согласіе вновь притекающіе элементы образованія съ идейнымъ содержаніемъ христіанства и съ наличными политическими и соціальными формами. Одно направленіе представляло фальшивый языческій Ренессансъ, другое—истинный христіанскій“ [1]). Гуманизмъ до половивы XV столѣтія (а изъ этого времени беретъ свои примѣры Пасторъ) рѣшительно не поддается такому дѣленію. То, что Пасторъ считаетъ признакомъ „истиннаго“ Ренессанса, принадлежало всѣмъ гуманистамъ; а „знамя исключительнаго паганизма“ не имѣетъ никакой опоры въ источникахъ. Что касается „до языческаго духа“, то, если понимать его какъ оппозицію средневѣковому папству и монашеству, онъ встрѣчается въ произведеніяхъ гуманистовъ обѣихъ категорій.

Несостоятельность дѣленія Пастора обнаруживается на его же собственныхъ примѣрахъ. Такъ, проявленіемъ фальшиваго гуманизма въ Петраркѣ онъ считаетъ его безсиліе передъ чувственными порывами, презрѣніе къ схоластикѣ, стремленіе къ славѣ и даже погоню за доходными мѣстами, въ Боккаччіо его Декамеронъ съ нападеніями на духовныхъ лицъ [2]), какъ будто это свойственно было только „фальшивымъ“ гуманистамъ. Но оба знаменитые писателя не были „врагами церкви“ и отнесены къ истиннымъ гуманистамъ. Существеннымъ признакомъ фальшиваго гуманизма Пасторъ считаетъ абсолютный паганизмъ; но его попытка фактически доказать существованіе настоящихъ язычниковъ между гуманистами не можетъ быть признана удачной. Прежде всего онъ ссылается на извѣстную инвективу Чино да Риннучини [3]), который отрицаетъ въ порицателяхъ Петрарки и Боккаччіо всякое семейное чувство, всякое желаніе работать на пользу государству, говоритъ, что они отвергаютъ чудеса и считаютъ болѣе вѣроятнымъ существованіе ложныхъ языческихъ боговъ, чѣмъ истиннаго христіанскаго. Нужно замѣтить, что инвектива написана въ самомъ началѣ XV столѣтія во Флоренціи, когда во главѣ гуманистическаго движенія стоялъ благочестивый Салютати.

---

[1]) Ibid. p. 11—12. Ср. p. 10, 35 и 42 для „истиннаго“ гуманизма и p. 25—26 для „ложнаго“.

[2]) Ibid. p. 3 и 4.

[3]) См. о ней ниже въ главѣ о флорентійскихъ гуманистахъ.

Ниже мы подробно разсмотримъ гуманистовъ этого періода, между которыми нѣтъ ни одного, подходящаго подъ характеристику Риннучини. Другимъ аргументомъ Пастора являются слова Петрарки, что нѣкоторые философы презираютъ христіанство; но онъ умалчиваетъ, что эти слова относятся къ аверроистамъ, а не къ гуманистамъ. Далѣе онъ думаетъ доказать эту мысль во-первыхъ тѣмъ, что Ринальдо Альбицци считалъ несовмѣстимой съ христіанской вѣрой языческую науку, но такого же мнѣнія держался папа Григорій I и противники гуманизма въ XV вѣкѣ, и во-вторыхъ тѣмъ, что Марсуппини умеръ безъ покаянія, хотя и неизвѣстно, по какой причинѣ. Наконецъ, для этой же цѣли Пасторъ дѣлаетъ весьма неудачную ссылку на Геттнера, по словамъ котораго „Л. Марсильи и К. Салютати жили исключительно въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Цицерона, Виргилія и Сенеки. Болѣе, чѣмъ о Богѣ, говорили объ античныхъ понятіяхъ Фатума и Фортуны“ [1]). О воззрѣніяхъ Марсильи мы почти ничего не знаемъ; что касается до Салютати, то его неизданные трактаты, анализъ которыхъ впервые сдѣланъ въ нашей книгѣ, ясно показываютъ, что этотъ гуманистъ стоялъ къ Среднимъ вѣкамъ гораздо ближе, чѣмъ Петрарка.

Самые примѣры представителей обоихъ направленій, выбранные Пасторомъ совершенно произвольно, не подтверждаютъ его дѣленія. Наилучшимъ выразителемъ тенденцій „фальшиваго“ Ренессанса онъ считаетъ Валлу. Въ другомъ мѣстѣ мы разсмотримъ, насколько вѣрна общая характеристика этого гуманиста, сдѣланная Пасторомъ. Здѣсь достаточно замѣтить, что тѣ его произведенія, въ которыхъ Пасторъ видитъ паганизмъ,—De Voluptate, De Professione religiosorum и Declamatio de Constantini donatione не обнаруживаютъ въ авторѣ язычника или даже безбожника. Возставая противъ монашества и противъ аскетической морали, отвергая свѣтскую власть папы и церковные подлоги Валла, конечно, оставляетъ далеко за собою средневѣковой католицизмъ. Но отъ этого далеко еще и до язычества, и самъ Валла въ цитированныхъ Пасторомъ трактатахъ старается, и иногда весьма удачно, основывать свои взгляды на свящ. Писаніи. Кромѣ того, клерикальный историкъ счелъ нужнымъ обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что „язычникъ“

[1]) Доказательства существованія крайняго паганизма см. р. 23—24. Приведя цитату изъ Геттнера, Пасторъ выражаетъ желаніе, чтобы *„Lehrgedicht“* Салютати de Fato et Fortuna было напечатано. Ibid. p. 24. Читатель найдетъ ниже изложеніе и оцѣнку этого обширнаго *прозаическаго* трактата, который совсѣмъ не подтверждаетъ словъ Геттнера.

Валла написалъ филологическій комментарій на Новый Завѣтъ съ цѣлью лучшаго выясненія его содержанія. Другимъ представителемъ „фальшиваго“ гуманизма былъ, по Пастору, Беккаделли, авторъ извѣстнаго Гермафродита. Это былъ, дѣйствительно, человѣкъ очень распущенный и крайне развратный; но такихъ бываетъ много во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Отъ многихъ своихъ современниковъ онъ отличался только тѣмъ, что въ юности открыто говорилъ о томъ, что́ дѣлали другіе. Противоестественный порокъ, воспѣтый имъ въ Гермафродитѣ, не былъ созданъ гуманизмомъ; онъ былъ распространенъ въ Италіи и раньше, и католическій клиръ не былъ отъ него свободенъ. Распутный Беккаделли, пытавшійся найти санкцію противоестественному пороку въ той же античной литературѣ, въ которой другіе искали опоры для естественныхъ потребностей здороваго индивидуализма, не можетъ служить представителемъ какого-нибудь особеннаго направленія [1]). Крайне развратный человѣкъ будетъ пятномъ во всякомъ движеніи, къ которому онъ примыкаетъ. Кромѣ того, наши свѣдѣнія о Беккаделли весьма недостаточны. Философскихъ произведеній онъ не писалъ; его переписка издана очень неполно, такъ что судить о немъ только по юношескому произведенію едва-ли справедливо.

Но самъ Пасторъ признаетъ, что открытый паганизмъ былъ сравнительно рѣдкимъ явленіемъ; обыкновенно онъ прикрывался формальной принадлежностью къ церкви и сопровождался глубокимъ религіознымъ индифферентизмомъ. Не слѣдуетъ забывать, что этотъ индифферентизмъ широкой волной распространился въ обществѣ и въ самой церкви раньше XV вѣка, и ниже мы увидимъ, почему всѣ гуманисты этой эпохи по большой части равнодушнѣе относятся къ религіи, чѣмъ Петрарка, Боккаччіо и Салютати. Между тѣмъ Пасторъ считаетъ его признакомъ исключительно „фальшиваго“ гуманизма и на этомъ основаніи относитъ къ его представителямъ Поджіо,

---

[1]) По поводу Гермафродита Пасторъ очень характерно обнаруживаетъ свои общія воззрѣнія и манеру цитировать. In dieser widerlichen Emancipation des Fleisches culminirt jene falsche heidnische Renaissance, welche von einen neuern Historiker treffend als die Vorläuferin der grossen Revolutionen bezeichnet wird, die Europa in den folgenden Jahrhunderten erschütterten. И въ примѣчаніи: Gregorovius, VII³, 499, schreibt freilich ohne heidnische und christliche Renaissance zu scheiden: „Die Wiederbelebung der Wissenschaft war der erste grosse Act jener unermesslichen moralischen Umbildung, worin Europa begriffen ist, und deren bisher offenbare Epochen sind: die italienische, Renaissance, die deutsche Reformation, die französische Revolution“, p. 21.

„одну изъ отвратительнѣйшихъ фигуръ всей эпохи“ [1]). Главныя причины обвиненія этого гуманиста его Фацеціи и діалогъ „Противъ лицемѣрія“, а также два письма, изъ которыхъ въ одномъ онъ описываетъ геройство Іеронима Пражскаго, въ другомъ—купальни въ Баденѣ. Это послѣднее произведеніе, какъ и Фацеціи, принадлежитъ по тону къ тому же роду литературы, какъ Декамеронъ. Кромѣ того, въ Фацеціяхъ Поджіо очень часто является только переводчикомъ, а авторомъ—папская курія. Что касается до нападокъ на монашество въ діалогѣ „Противъ лицемѣрія“, то въ немъ нѣтъ ничего языческаго, потому что дѣйствительность подвергается здѣсь оцѣнкѣ съ точки зрѣнія аскетическаго идеала. Наконецъ, въ дѣлѣ Іеронима Пражскаго виденъ индивидуалистъ, который еще отказывается произнести свой судъ надъ старой церковію. Но если указанные Пасторомъ представители „фальшиваго“ гуманизма свободны отъ „исключительнаго паганизма“ и отличаются отъ другихъ только бо̀льшимъ критицизмомъ и болѣе рѣзкой оппозиціей средневѣковому католицизму, то съ другой стороны и образцы „истиннаго Ренессанса“ выбраны имъ весьма неудачно. Одни изъ нихъ ничѣмъ по существу не отличаются отъ Поджіо, какъ Бруни. Пасторъ восхваляетъ его уваженіе къ монашеству, не зная или сознательно игнорируя его Oratio in Hypocritas, которая печатается обыкновенно вмѣстѣ съ упомянутымъ діалогомъ Поджіо и почти не отличается отъ него по содержанію. Его инвектива противъ Никколи написана въ одинаковомъ тонѣ съ аналогичными произведеніями Поджіо, а его Oratio Helioga balis ad meretrices—носитъ порнографическій характеръ. Точно такъ же едва-ли можно назвать Никколи „типомъ христіанскаго гуманиста“ [2]) съ точки зрѣнія Пастора, если принять во вниманіе то, что̀ говорятъ о немъ другіе современники, кромѣ Бистиччи [3]). Впрочемъ, о воззрѣніяхъ Никколи трудно судить, потому что онъ ничего не писалъ. Третій представитель Дж. Манетти выбранъ также неудачно. Дѣйствительно, онъ болѣе другихъ гуманистовъ интересовался религіозными вопросами и написалъ въ защиту христіанства противъ евреевъ рядъ сочиненій, оставшихся по большей части неизданными. Но въ то же время онъ усвоилъ и гуманистическія воззрѣнія, и его книга: „О достоинствѣ человѣка“ очень понравилась Альфонсу Неаполитанскому, но была осуждена Тридентскимъ соборомъ (объ этомъ

---

[1]) Ibid. p. 26—28.

[2]) Ibid. p. 13.

[3]) См. ниже въ главѣ о Флорентійскихъ гуманистахъ.

Пасторъ тоже умалчиваетъ). Манетти пытался-было примирить католическія воззрѣнія съ гуманистическими, но его неизданный діалогъ Symposium, анализъ котораго читатель найдетъ въ нашей книгѣ, показываетъ, что эта попытка окончилась неудачей. То же самое было и съ Веджіо, котораго Пасторъ также считаетъ представителемъ „христіанскаго“ гуманизма, съ тою разницею, что Веджіо въ молодости былъ гуманистомъ, а подъ старость вернулся въ нѣдра средневѣковой церкви. Остальные представители „истиннаго“ направленія въ Ренессансѣ—Траверсари, Николай V, и венеціанскіе гуманисты: Фр. Барбаро и Корраро—не подходятъ подъ собственное опредѣленіе Пастора, потому что они и не пытались примирять античныхъ воззрѣній съ христіанствомъ. Это были филологи, антиквары и библіофилы, которыхъ гуманистическое настроеніе или совсѣмъ не захватило, какъ Траверсари, или коснулось сравнительно слабо.

Самая цѣнная для исторіи Ренессанса сторона книги Пастора—*фактическое* изложеніе отношеній папъ къ гуманизму. Ученый авторъ сообщаетъ здѣсь много новаго матеріала, заимствованнаго по большей части изъ Тайнаго архива въ Ватиканѣ [1]). Но общая характеристика этихъ отношеній и здѣсь вызываетъ возраженія. „Не чрезмѣрная переоцѣнка или даже обоготвореніе языческихъ писателей, говоритъ Пасторъ, а мудрое пользованіе ими въ христіанскомъ духѣ; не одностороннее увлеченіе формальнымъ, но оцѣнка содержанія въ нравственно-религіозномъ интересѣ, связь учености съ христіанскимъ образомъ жизни — вотъ къ чему стремилась церковь“ [2]). Но почему же представитель „ложнаго“ гуманизма Поджіо, по его собственному выраженію, „посѣдѣлъ на службѣ въ куріи“, а „язычникъ“ Валла былъ обласканъ папою? Не идеи, а покладистое перо гуманистовъ нужно было куріи; а къ ихъ воззрѣніямъ она относилась равнодушно. Фаціеціи Поджіо показываютъ, какое настроеніе царило въ апостольской канцеляріи; папы не могли не знать объ этомъ, но это не мѣшало имъ пользоваться услугами гуманистовъ точно такъ же, какъ они пользовались кондотьерами.

Но, несмотря на всѣ усилія Пастора пропѣть по поводу Ренессанса новую хвалу средневѣковому папству, въ концѣ введенія онъ отказывается разрѣшить тотъ вопросъ, который былъ поставленъ имъ въ началѣ, т.-е. „выяснить отношеніе Возрожденія къ церкви и папству“ [3]). „Двойной характеръ Ренессанса, говоритъ онъ, дѣлаетъ

[1]) См. p. 45—49 и passim въ самомъ текстѣ и приложеніяхъ.
[2]) Ibid. p. 10.
[3]) Ibid. p. 1.

чрезвычайно труднымъ правильно взвѣсить пользу и вредъ отъ него для церкви и религіи. Вообще приговоръ о такихъ предметахъ, не взирая на случайность дошедшихъ до насъ извѣстій объ отдѣльныхъ личностяхъ—сомнительное дѣло. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, человѣческое пониманіе слишкомъ слабо, чтобы вывести абсолютную сумму цѣлаго“ [1]). Какъ ни свободно отношеніе клерикальнаго историка къ источникамъ, онъ не рѣшается утверждать, что первое движеніе новаго періода въ жизни человѣка совершилось ad majorem gloriam средневѣкового института [2]).

Съ меньшимъ вниманіемъ относится къ Ренессансу англійскій историкъ новаго папства *Крейтонъ*. Онъ посвящаетъ гуманистическому движенію небольшую главу при обзорѣ дѣятельности Николая V, и по фактическимъ даннымъ, а также по основной точкѣ зрѣнія на сущность Возрожденія и на его историческое значеніе этотъ очеркъ не представляетъ ничего новаго, повторяя въ общемъ воззрѣнія Буркгардта. Но, выводя изъ индивидуализма все движеніе и объясняя имъ ходъ развитія гуманизма и его отношеніе къ папству и реформѣ, авторъ высказываетъ нѣсколько вполнѣ оригинальныхъ положеній. Какъ истый англичанинъ, Крейтонъ считаетъ индивидуализмъ естественнымъ состояніемъ общества, и если въ средніе вѣка „индивиду-

---

[1]) Ibid. p. 42.

[2]) Протестантскій историкъ новаго папства Л. Ранке не захватываетъ въ своей книгѣ занимающей насъ эпохи и только мимоходомъ даетъ общую характеристику итальянскаго гуманизма до Льва X. „Говорить о развитіи въ эту эпоху самостоятельнаго научнаго духа, объ открытіи новыхъ истинъ, о созданіи новыхъ идей значило бы сказать слишкомъ много, говоритъ Ранке. Старались только понять древнихъ и дальше нихъ не шли. Ихъ вліяніе заключалось болѣе въ подражаніи, которое они вызвали, чѣмъ въ томъ, что они дали поводъ къ продуктивной научной дѣятельности. Въ этомъ подражаніи заключается одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ развитія той эпохи“. (*L. von Ranke, Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten. I. Leipzig 1878.* Въ Sämmtliche Werke 3. Gesammtausgabe. Band 37, p. 41—42). Эпоха Возрожденія осталась внѣ спеціальныхъ занятій знаменитаго историка, и это отразилось въ его воззрѣніяхъ на гуманизмъ. Уже міросозерцаніе Петрарки заключаетъ въ себѣ массу новыхъ идей для того времени; раціоналистическіе пріемы въ критикѣ основаній общественной и индивидуальной жизни въ сочиненіяхъ Поджіо, Валлы, Альберти и другихъ также явленіе по существу совершенно новое. Нельзя отрицать точно также „самостоятельнаго научнаго духа“ въ работахъ гуманистовъ, а въ особенности въ ихъ опытахъ филологической и исторической критики. Суть движенія заключалась не въ подражаніи классикамъ, а въ томъ настроеніи, которымъ оно было вызвано и которое опредѣляло его объемъ.

умъ не имѣлъ мѣста", то только потому, что общество тогда только-что организовывалось на новыхъ началахъ и вело борьбу противъ анархіи. Съ окончаніемъ этого процесса индивидуумъ немедленно вступилъ въ свои права [1]). Такимъ образомъ гуманистическое движеніе не имѣло какихъ-нибудь специфическихъ причинъ, и остается только непонятнымъ, почему оно не началось раньше, потому что средневѣковая общественная организація закончилась гораздо раньше XIV столѣтія.

Классическая литература съ этой точки зрѣнія играла двоякую роль: она сдѣлалась „драгоцѣннымъ образцомъ" и для индивидуальнаго чувства и для его выраженія; а такъ какъ она была для Италіи національной литературой прошлаго, то это послужило причиной болѣе ранняго появленія гуманизма въ этой странѣ, потому что другіе народы не находили подобныхъ образцовъ въ своемъ прошломъ [2]). Сравнительно большей культурности Италіи Крейтонъ не придаетъ значенія въ этомъ движеніи, потому что не считаетъ, повидимому, индивидуализмъ результатомъ культурнаго роста личности.

Развитіе гуманизма, по Крейтону, состоитъ въ эволюціи индивидуализма. Онъ замѣчаетъ его уже въ Данте; но авторъ Божественной Комедіи пытался переработать на новыхъ началахъ идеалъ Григорія VII; а такая попытка не могла быть удачной, потому что обѣ основы этого идеала—папство и имперія—находились въ то время въ состояніи окончательнаго упадка. Вслѣдствіе этого индивидуализмъ направляется все болѣе и болѣе на изученіе человѣка и произведеній его творчества. „Петрарка, говоритъ Крейтонъ, не идетъ далѣе выраженія фазисовъ чувства; но ихъ изученіе привело къ болѣе широкому представленію о разнообразіи индивидуальной жизни, къ представленію, которое оживило реальностью страницы Боккаччіо. Эта несомнѣнно гуманная и индивидуальная литература принесла съ собою живое чувство красоты, высокую оцѣнку формы и стремленіе къ болѣе совершенному стилю". Отсюда увлеченіе классическими писателями, отсюда равнодушіе къ церковной реформѣ. „Вмѣсто того, чтобы стремиться возстановить падающій идеалъ единаго христіанства, Италія посвятила себя развитію индивидуальной жизни, вмѣсто работы для реформы церкви, Италія была занята выработкою литературнаго и художественнаго стиля" [3]). Разсмотрѣть Ренессансъ, какъ эволюцію

[1]) *Creighton. A History of the Papacy during the period of the Reformation. Vol. II. London 1882*, p. 331.

[2]) Ibid. 331—332.

[3]) Ibid. 332—333.

индивидуализма — задача, совершенно правильно поставленная для историка этого движенія; но съ тѣми намеками на ея рѣшеніе, которые даетъ Крейтонъ, нельзя вполнѣ согласиться. Прежде всего изученіе личности едва-ли было результатомъ *только* паденія средневѣковыхъ устоевъ, хотя это обстоятельство и могло усилить такое направленіе. Кромѣ того, Крейтонъ слишкомъ узко понимаетъ индивидуализмъ ранняго Возрожденія. Не только чувства представляли интересъ для гуманистовъ, и они увлекались не только стилемъ. Происходила работа болѣе глубокая и болѣе разносторонняя, потому что Возрожденіе перестраивало на новыхъ началахъ все міросозерцаніе. Но несомнѣнной заслугой Крейтона остается тотъ фактъ, что онъ выставилъ на первый планъ роль индивидуализма въ гуманистическомъ движеніи и съ этой точки зрѣнія освѣтилъ нѣкоторыя его стороны. Особенно хорошо формулировано у него отношеніе гуманизма къ Реформаціи. „Итальянцы, говоритъ онъ, стремились упрочить индивидуальную эмансипацію отъ внѣшнихъ системъ культурными средствами; Тевтоны желали приладить христіанскую систему къ требованіямъ пробудившагося индивидуума. Ренессансъ и Реформація начали принимать различныя направленія“ [1]).

Въ новѣйшемъ обзорѣ церковной исторіи въ средніе вѣка *Карлъ Шмидтъ*, совершенно свободный отъ клерикальныхъ тенденцій, даетъ однако въ очеркѣ, посвященномъ итальянскому гуманизму, весьма неточное объясненіе этому движенію. Внутреннія, психологическія основы возрожденія остаются незамѣченными Шмидтомъ, и все сводится къ малопонятному вліянію древности и византійскихъ грековъ. Петрарка и Боккаччіо подражали древнимъ; но въ XIV вѣкѣ „не шли далѣе литературнаго подражанія“. Затѣмъ пришли греки изъ Константинополя и создали гуманистическое движеніе, которое Шмидтъ характеризуетъ безъ различія стадій его развитія; при чемъ паганизмъ и антихристіанское направленіе подчеркиваются, какъ характерный признакъ Ренессанса [2]). Картина получается смутная, и невѣрная исходная точка зрѣнія на Возрожденіе приводитъ къ односторонней и слишкомъ узкой оцѣнкѣ его результатовъ. „Нельзя отрицать, говоритъ Шмидтъ, результатовъ итальянскаго Ренессанса для красоты литературной и артистической формы, для классическаго воспитанія юношества, для пробужденія научныхъ занятій другихъ народовъ; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ средствомъ возродить

[1]) Ibid. p. 333.

[2]) *Charles Schmidt. Precis de l'histoire de l'église d'Occident pendant le moyen age. Paris 1885*, p. 425 и слѣд.

христіанство“ [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что итальянскіе гуманисты были лишены свойствъ, необходимыхъ религіознымъ реформаторамъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что значеніе движенія исчерпывалось столь ограниченными результатами.

Могучее реформаціонное движеніе XVI столѣтія, совершившее столь глубокій переворотъ на всемъ Западѣ, можетъ нѣсколько затемнять Ренессансъ въ глазахъ изслѣдователей начала новой исторіи. Совершенно естественно, что церковнымъ историкамъ особенно трудно освободиться отъ подавляющаго впечатлѣнія, которое производитъ колоссальное движеніе въ религіозной жизни XVI вѣка, позднѣйшія послѣдствія котораго во многихъ отношеніяхъ сливаются съ результатами гуманизма. Можетъ быть въ этомъ нужно искать объясненія того факта, что крупные протестантскіе историки церкви игнорируютъ Ренессансъ. Что касается до католическихъ изслѣдователей въ этой сферѣ исторической науки, то для нихъ гуманистическое движеніе точно также не представляетъ особеннаго интереса. Всемірно-историческое значеніе гуманизма стоитъ въ рѣзкой оппозиціи къ средневѣковому папству, и покровительство этому движенію со стороны св. Престола является несомнѣннымъ противорѣчіемъ основнымъ тенденціямъ непогрѣшимыхъ преемниковъ св. Петра. Тѣмъ не менѣе католическіе писатели пытались обработать Ренессансъ въ интересахъ церкви; но эти попытки гораздо важнѣе для характеристики клерикальной исторіографіи, чѣмъ для выясненія историческаго значенія гуманизма.

IV.

Заслуги въ изученіи Ренессанса историковъ культуры.—Вліяніе Мейнерса на исторіографію Возрожденія.—Matter и Гизо.—Взглядъ Рюккерта на значеніе въ гуманистическомъ движеніи итальянскаго народнаго характера и его дѣленіе Ренессанса на періоды.—Отношеніе къ Возрожденію Лорана, Генне-ам-Рина и Гелльвальда.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ исторіографіи появилось новое направленіе. „*Essai sur les moeurs*“ Вольтера положило начало культурной исторіи и оказало сильное вліяніе на нѣмецкую исторіографію. Для исторіографіи Ренессанса это направленіе должно было имѣть большое значеніе. Если историки, обращавшіе главное вни-

[1]) Ibid. p. 429—430.

маніе на внѣшнія событія народной жизни и на политическій строй, могли обходить молчаніемъ переворотъ, который непосредственно не создалъ крупныхъ внѣшнихъ событій и не отразился замѣтными перемѣнами въ учрежденіяхъ, то для изслѣдователя культуры Ренессансъ является крупнѣйшимъ фактомъ начала новой исторіи. Измѣненія, произведенныя гуманистическимъ движеніемъ въ этой сферѣ, бросались въ глаза, и если историкъ культуры ограничивался даже внѣшнимъ изученіемъ нравовъ и не углублялся въ изученіе идей и вѣрованій, искусства и науки, то и въ такомъ случаѣ его вниманіе должны были привлечь такія явленія, какъ почти поголовное меценатство государей, какъ поиски за рукописями и основаніе публичныхъ библіотекъ. И въ дѣйствительности историки культуры относятся къ Ренессансу съ несравненно бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ изслѣдователи другихъ сторонъ исторической жизни, и въ лицѣ Мейнерса на первыхъ же шагахъ оказали значительныя услуги его изученію.

Ни одно нѣмецкое сочиненіе ранѣе Фогта и Бургардта не имѣло такого вліянія на историографію Возрожденія, какъ „*Историческое сравненіе Среднихъ вѣковъ съ нашимъ столѣтіемъ*“ *Мейнерса* [1]). Поставивъ своей задачей выяснить сущность истиннаго просвѣщенія, Мейнерсъ сравниваетъ средневѣковую культуру съ современной ему цивилизаціей и посвящаетъ цѣлую главу ея родоначальникамъ — дѣятелямъ Возрожденія [2]). Въ гуманизмѣ онъ видитъ „первыя начала истиннаго просвѣщенія“, въ Петраркѣ—одного изъ величайшихъ людей XIV и XV столѣтій [3]). Основная цѣль главы—выяснить характеръ тогдашней науки и ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на все движеніе. Анализировавъ дѣятельность Петрарки и его преемниковъ, Мейнерсъ приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ, не лишеннымъ мѣткости и глубины. Прежде всего онъ вѣрно подмѣтилъ, что античная литература не составляла цѣли научныхъ занятій Петрарки, а являлась только средствомъ для умственнаго и нравственнаго улучшенія. „Онъ читалъ древнихъ писателей, говоритъ Мейнерсъ, главнымъ образомъ съ цѣлью просвѣтить свой

---

[1]) *C. Meiners, Historische Vergleichung der Sitten, und Verfassungen, der Gesetze, und Gewerbe, des Handels, und der Religion, der Wissenschaften, und Lehranstalten des Mittelalters mit denen unsers Jahrhunderts in Rücksicht auf die Vortheile und Nachtheile der Aufklärung. 3 Bände. Hannover 1793—1794.*

[2]) B. III, p. 94—181.

[3]) Ibid. p. 95.

умъ и улучшить сердце, не пренебрегая для этого языкомъ“ [1]) Суть движенія заключалась не въ формальномъ и даже не въ реальномъ только изученіи древняго міра; оно сводится къ выработкѣ истиннаго просвѣщенія, какъ понимали его въ XVIII вѣкѣ, т.-е. къ раціоналистической борьбѣ противъ предразсудковъ и къ культурному воспитанію общества. Такая точка зрѣнія помогла Мейнерсу правильнѣе понять происхожденіе движенія. Онъ рѣзко возстаетъ противъ укоренившейся ошибки, что византійскіе греки создали Возрожденіе. Оно вызвано мѣстными, западно-европейскими причинами, и „если бы никакой Хризолоръ не пришелъ въ Италію, то греческій языкъ поэтому не остался бы долѣе неизвѣстнымъ [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что Мейнерсъ не далъ полной и обстоятельной характеристики гуманистическаго движенія и что его выводы окрашены нѣсколько современнымъ ему настроеніемъ; но онъ стоялъ на правильномъ пути къ истинному пониманію эпохи и держался вѣрнаго метода. Въ его книгѣ видно непосредственное знакомство съ источниками, особенно по отношенію къ Петраркѣ. Мейнерсъ читалъ его латинскія произведенія и приводитъ въ переводѣ длинные отрывки изъ его переписки. Для его преемниковъ онъ пользуется также иногда непосредственными источниками и въ особенности данными, собранными въ различныхъ изданіяхъ Мегуса [3]), который лежитъ въ основаніи и большинства новѣйшихъ работъ по Возрожденію. Благодаря этому, Мейнерсу принадлежитъ столь крупная заслуга въ изученіи гуманистической эпохи, что можно значительно возвысить ту оцѣнку, которую даетъ ему новѣйшій историкъ нѣмецкой исторіографіи [4]).

Но правильная постановка вопроса о византійскомъ вліяніи Мейнерсомъ не могла вполнѣ искоренить старой ошибки. Іенскій профессоръ философіи *К. Л. Вольтманъ*, въ своей *„Исторіи новаго человѣчества“*, вышедшей два года спустя, не признавая особаго значенія за Ренессансомъ, считаетъ его дѣломъ грековъ и съ философскимъ глубокомысліемъ говоритъ о заслугахъ турокъ въ ниспроверженіи схоластики [5]). Совершенно на той же точкѣ зрѣнія стоитъ

---

[1]) Ibid. p. 123.

[2]) Ibid. p. 163.

[3]) О Mehus'ѣ см. ниже passim.

[4]) См. Wegele, p. 850.

[5]) *K. L. Woltmann, Grundriss der neueren Menschengeschichte.* I. Theil. Jena 1796. Aufmerksamkeit muss es dabei erregen, говоритъ авторъ, dass dieselben Barbarn, welche die politische Macht der Arabern stürzten, auch entfernte Ursache vom Sturz der scholastischen Philosophie und Teologie wur-

Эйхгорнъ въ своей „*Всеобщей исторіи культуры и литературы новой Европы*“. XIV столѣтіе представляется ему эпохой полнаго застоя, Данте и Петрарка были загадочными явленіями, которыя были непонятны современникамъ; также мало понимали и классиковъ. Только греки воскресили греческихъ музъ, которыя „пробудили къ новой жизни своихъ римскихъ сестеръ“ [1]). Эту же ошибку повторилъ почти полстолѣтіемъ позже *Э. Арндтъ* въ своемъ „*Опытъ сравнительной исторіи народовъ*“ [2]). Зато *Мейзель* въ „*Исторіи учености*“ уже цитируетъ Мейнерса, но еще колеблется во взглядахъ на причины Возрожденія и считаетъ его виновникомъ то византійскихъ грековъ, то Петрарку [3]), и рѣшительно относитъ самую эпоху къ средневѣковому періоду [4]). Но его книга въ свое время могла имѣть то значеніе, что въ ней находится списокъ главнѣйшихъ гуманистовъ съ указаніемъ ихъ наиболѣе важныхъ сочиненій, а иногда и литературы предмета [5]). Гораздо замѣтнѣе вліяніе Мейнерса въ „*Исторіи европейскихъ нравовъ*“ *В. Ваксмута*. Ваксмутъ уже выдѣляетъ Возрожденіе, какъ особое историческое явленіе, и отводитъ ему довольно много мѣста въ своей книгѣ [6]). По существу Ренессансъ представляется ему какъ эпоха въ изученіи классической древности, и въ этомъ смыслѣ составленъ имъ внѣшній очеркъ гуманистическаго движенія; но онъ думаетъ, что это время „съ правомъ называется возстановленіемъ наукъ“ вообще. „Изученіемъ классическихъ языковъ и литературы, говоритъ онъ, былъ возбужденъ духъ научности, и ни одна наука, взятая въ отдѣльности, не осталась незатронутой его вліяніями“ [7]). Вліяніе изученія древности, по его мнѣнію,

---

den, durch welche der Arabische Aristoteles ohne sein Verschulden die occidentalische gelehrte Welt tyrannisirte, p. 134.

[1]) *Joh. Gottfr. Eichhorn, Allgemeine Geschichte der Litteratur und Cultur des neueren Europa. I. Band. Göttingen 1796,* p. XXIX — XXX, XXXII, XXXIX — XL и XLI.

[2]) *E. M. Arndt, Versuch in vergleichender Völkergeschichte. Leipzig 1844,* p. 113.

[3]) *Joh. Georg Meusel, Leitfaden zur Geschichte der Gelehrsamkeit. Zweite Abtheilung. Leipzig 1799,* p. 673 и 797.

[4]) Fünfter Zeitraum. Von der Zeit der Kreuzzüge bis zum Ende des Mittelalters. Von 1100—1500 nach Chr. Geb.

[5]) Ibid. p. 696—700, 712—716 и 797—801.

[6]) *Wilhelm Wachsmuth, Europäische Sittengeschichte vom Ursrunge volksthümlicher Gestaltungen bis auf unsere Zeit. IV. Theil. Das Zeitalter des Verfalls mittelalterlicher Zustände. Leipzig 1837,* p. 230 — 256.

[7]) Ibid. p. 230.

было особенно благотворно потому, что занятія были направлены на духовное развитіе вообще [1]). Но тогдашнее состояніе спеціальной литературы не дало возможности Ваксмуту фактами доказать свое общее положеніе. Самостоятельнаго знакомства съ источниками у него нѣтъ [2]), вслѣдствіе этого при изображеніи политическаго и культурнаго строя онъ совсѣмъ не упоминаетъ о вліяніи Ренессанса, а въ доказательство его вліянія на науку просто перечисляются появившіяся въ эту эпоху сочиненія по исторіи философіи и математикѣ. Въ сферѣ богословія, права, естественныхъ наукъ и медицины Ваксмуту не удалось указать такихъ произведеній, что̀ вынудило его ограничить свое положеніе о всесторонности научнаго вліянія Ренессанса [3]).

Въ „*Исторіи моральныхъ и политическихъ доктринъ за три послѣднія столѣтія*“ Matter'a, вышедшей годомъ раньше книги Ваксмута, эпоха Возрожденія понята еще глубже. Изученіе классической древности было, по его мнѣнію, началомъ новаго прогресса, потому что привело къ „эмансипаціи“ нравственныхъ и политическихъ воззрѣній [4]). Но онъ усвоилъ ошибочную точку зрѣнія предшествующихъ изслѣдователей, что Ренессансъ создали византійскіе греки, и эта ошибка повлекла за собою невѣрное хронологическое опредѣленіе эпохи [5]) и искаженное изложеніе внѣшняго хода ея исторіи. Освобожденіе философіи, по его мнѣнію, было заслугою Помпонацци; политику освободилъ Макіавелли, но оба они были только „ученики“ грековъ [6]). До 1453 года „религія направляла мораль и политику“, царила средневѣковая „теократія“, и „весь этотъ порядокъ вещей, всѣ эти доктрины и учрежденія византійскіе бѣглецы поколебали въ самыхъ ихъ основаніяхъ: они разорвали договоръ между религіей и философіей, отдѣлили мораль отъ политики и произвели двоякую эмансипацію, повсюду замѣняя авторитетъ обсужденіемъ и неподвижность прогрессомъ“ [7]). Этотъ колоссальный переворотъ произведенъ

---

[1]) Ibid. p. 250.

[2]) Die folgende anspruchlose Übersicht zumeist nach Meiners Lebensbeschreibungen, Heeren und Wachler, говоритъ онъ самъ о своемъ внѣшнемъ очеркѣ гуманизма. Ibid. p. 231.

[3]) Die übrigen Wissenschaften wurden nur wenig von dem Geiste der humanistischen Studien bewegt. Ibid. p. 254.

[4]) *Matter, Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles. T. I. Paris 1836*, p. 29 и 30.

[5]) Première période. De la Renaissance et la Réforme (1453—1517), Période de 64 ans. Ibid. p. 29.

[6]) Ibid. p. 30.

[7]) Ibid. p. 38. Ср. p. 35.

былъ незамѣтно для самихъ реформаторовъ. „Они, какъ бы противъ воли (comme malgré eux) совершили колоссальную революцію сначала своимъ появленіемъ, потомъ принесенными съ собой книгами и наконецъ своими учениками“ [1]). Принесенныя книги „внушили вкусъ къ критикѣ, любовь къ свободѣ, ненависть къ деспотизму, презрѣніе къ варварству. А развѣ это не значило нападать на все существующее“? [2]) Исторія Ренессанса при такой точкѣ зрѣнія получаетъ странный, какой-то наносный характеръ; глубокое движеніе, потрясшее самыя основанія средневѣкового строя, оказывается, занесено извнѣ, иноземными выходцами, которые почему-то были безсильны на родной почвѣ. Matter самъ чувствовалъ невозможность такого объясненія движенія и вноситъ въ него существенную поправку, которая стоитъ въ противорѣчіи со взглядомъ автора на роль въ Возрожденіи византійскихъ грековъ: греческіе бѣглецы появились въ Италіи въ тотъ моментъ, когда мѣстное населеніе, „благодаря трудамъ Петрарки и Боккаччіо, возродило въ себѣ эстетическій вкусъ, разумъ и чувство человѣческаго достоинства“ [3]). Авторъ подробно перечисляетъ проявленія начинающагося упадка средневѣкового міросозерцанія и соотвѣтствовавшихъ ему культурныхъ формъ на Западѣ до появленія грековъ и заключаетъ этотъ обзоръ слѣдующимъ образомъ: „когда византійскіе бѣглецы пристали къ берегамъ Италіи, народы Запада уже имѣли на устахъ аргументы сомнѣнія и сарказмъ презрѣнія къ цѣлой массѣ доктринъ“ [4]). А если это такъ, то Ренессансъ возникъ на западной почвѣ помимо византійскато вліянія. Самъ Matter несомнѣнно пришелъ бы къ этому выводу, если бы ему извѣстна была исторія гуманистическаго движенія до 1453 года, потому что онъ увидѣлъ бы тогда, что сомнѣніе и сарказмъ давно уже сошли съ устъ итальянскихъ представителей Ренессанса, что роковая классическая литература была имъ уже давно извѣстна. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы византійскіе греки не имѣли вліянія на ходъ итальянскаго Возрожденія; но это вліяніе появилось позже, имѣло сравнительно узкій характеръ, и его направленіе обусловливалось предшествующимъ развитіемъ гуманизма на мѣстной почвѣ.

Гизо въ своемъ общемъ обзорѣ европейской цивилизаціи отводитъ видное мѣсто Ренессансу. Въ духовной исторіи XV вѣка онъ находитъ три главнѣйшихъ факта: попытку церковной реформы, реформу рели-

[1]) Ibid. p. 46.
[2]) Ibid. p. 47.
[3]) Ibid. p. 30.
[4]) Ibid. p. 38—42.

гіозную и „умственный переворотъ, образующій школу свободныхъ мыслителей“ [1]). Этотъ переворотъ созданъ преклоненіемъ передъ античнымъ міромъ, который „въ политическомъ, философскомъ и литературномъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше Европы XIV-го и XV-го столѣтій“ [2]). Гизо отмѣчаетъ также и другіе признаки гуманистовъ: „изнѣженность и распущенность нравовъ, недостатокъ политической энергіи и нравственныхъ убѣжденій“ и мѣтко сравниваетъ ихъ съ французскими „просвѣтителями“ XVIII-го вѣка [3]). Эта характеристика, при крайней сжатости изложенія книги, отмѣчаетъ однако существенную сторону движенія, но въ силу своей краткости возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Прежде всего остается открытымъ вопросъ, почему превосходство античнаго міра замѣтили не ранѣе XV столѣтія и какимъ образомъ результатомъ *преклоненія* передъ древностью получилась *свобода* мысли? Также непонятна и связь недостатковъ гуманизма, въ особенности моральныхъ и политическихъ, съ увлеченіемъ древнимъ міромъ, гдѣ политическія доблести доведены были до высокаго развитія. Въ общемъ Гизо вѣрно формулируетъ *результатъ* движенія; но изъ книги не видно, чтобы ему были вполнѣ ясны его причины и исторія его развитія.

Ру-Феррань, котораго „*Исторія прогресса цивилизаціи въ Европѣ*“ вышла одновременно съ книгой Гизо, считаетъ возможнымъ совершенно умолчать о Возрожденіи, упомянувъ только о Петраркѣ и Боккаччіо, какъ объ итальянскихъ поэтахъ [4]). Проходитъ Ренессансъ совершеннымъ молчаніемъ и *Кольбъ* въ своей первой культурно-исторической работѣ. Желая подчеркнуть особенную важность техническихъ открытій и усовершенствованій, онъ ихъ, и только ихъ, считаетъ событіями, начинающими новую эпоху [5]). Совершенно такъ же поступаетъ *Эренфейхтеръ*, хотя отъ него можно было бы ожидать большого вниманія къ этой эпохѣ, такъ какъ его книга носитъ заглавіе „*Исторія развитія человѣчества особенно въ этическомъ отношеніи*“. Онъ только повторяетъ старую ошибку, что паденіе Константинополя создало Возрожденіе, замѣтивъ мимоходомъ, что

[1]) *Guizot, Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la Révolution Française. Bruxelles 1838*, p. 326.

[2]) Ibid. p. 324.

[3]) Ibid. p. 325.

[4]) *H. Roux-Ferrand, Histoire des progrès de la civilisation en Europe depuis l'ère chrétienne jusqu'au XIX siècle. T. VI. Paris 1838*, p. 350 и слѣд.

[5]) *G. F. Kolb, Supplement zu allen Werken über Weltgeschichte. Geschichte der Menschheit und der Kultur. Pforzheim 1843*, p. 272—273.

возбужденное этимъ фактомъ изученіе классической литературы стало „новымъ оплодотворяющимъ элементомъ въ развитіи“, потому что „при ясности греческихъ образовъ совершенно поблекли туманныя фигуры средневѣковья“ [1]). Въ вышедшей на 2 года раньше „*Исторіи религіозныхъ и философскихъ идей*“ *Т.* и *І. Шерровъ* Возрожденію отводится особый отдѣлъ [2]). Но въ этомъ небольшомъ очеркѣ авторы сообщаютъ краткія біографическія замѣчанія о важнѣйшихъ представителяхъ научной и философской мысли во всей Европѣ съ половины XV до конца XVI столѣтія. Нѣкоторый интересъ представляетъ только брошенное вскользь замѣчаніе, что ранніе гуманисты „усердно искали источниковъ, посредствомъ которыхъ можно было бы освѣжить высохшую науку и очистить ее отъ всякаго хлама (Wust), накопившагося около нея въ теченіе столѣтій“, и въ классической литературѣ нашли „этотъ оживляющій и очищающій источникъ“. Но авторы не только не обосновали этой мысли, но въ противорѣчіе съ ней ведутъ этотъ источникъ изъ Византіи, чрезъ Хризолора, Виссаріона и другихъ, при чемъ ихъ учениками дѣлаютъ и Боккаччіо, и Петрарку, и даже Данте [3]).

Въ появившейся позже „*Исторіи культуры*“ Кольбъ пополнилъ пробѣлъ своего перваго сочиненія. Эпоха Возрожденія и здѣсь отнесена къ Среднимъ вѣкамъ; но Кольбъ даетъ коротенькій очеркъ движенія, не лишенный впрочемъ значительныхъ промаховъ. Такъ, Петрарка и Боккаччіо разсматриваются какъ итальянскіе поэты и поставлены внѣ гуманистическаго движенія, виновниками котораго являются византійскіе греки. Кольбъ, подобно Matter'у, признаетъ, впрочемъ, что ими вызванъ былъ энтузіазмъ къ новому антимонашескому образованію, что пробудился вообще философскій духъ [4]).

[1]) *Fr. Ehrenfeuchter, Entwicklungsgeschichte der Menchheit besonders in ethischer Rezichung. In Umrissen dargestellt.* Heidelberg 1845, p. 189.

[2]) *Thomas Scherr und Johannes Scherr, Gemeinfassliche Geschichte der religiösen und philosophischen Ideen, mit besonderer Rücksicht auf das Leben und Wirken der Weisen aller Völker und Zeiten. Für diejenige Klasse der Gebildeten, die eigentlich gelehrter Studien ermangelt. II. Band. Staffhausen 1843.* Авторы колеблются, куда отнести гуманистическое движеніе, къ Среднимъ вѣкамъ или къ новой исторіи, и дѣлаютъ особый Anhang zum fünften Buche, въ которой идетъ рѣчь о схоластикѣ. Приложенію дается особое заглавіе: Wiederaufleben der klassischen Litteratur. Sturm und Drang. Phantasterei und eigenthümliche Erscheinungen (p. 269), при чемъ текстъ не оправдываетъ заголовка.

[3]) Ibid. p. 270.

[4]) *G. Friedr. Kolb, Culturgeschichte der Menschheit, mit besonderer Berücksichtigung von Regierungsform, Politik, Religion, Freiheits-und Wohl-*

При опредѣленіи практическаго вліянія античной литературы онъ становится вообще на правильную точку зрѣнія, и если выводы получаются не совсѣмъ точные, то это происходитъ отъ недостаточнаго знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ Италіи. „Практическія отношенія итальянскихъ городовъ, говоритъ Кольбъ, съ внутренней необходимостью заставляли примѣнять политическія ученія древнихъ къ положенію современнаго собственнаго государства. Такимъ образомъ республиканское чувство получило обильную пищу [1]). Кольбъ забываетъ, что въ это время гибла республиканская свобода въ Италіи, а гуманисты служили ея врагамъ.

Въ связи съ средневѣковой исторіей разсматриваетъ гуманизмъ и *Рюккертъ* въ своей „*Всемірной исторіи*“, которая представляетъ собою обстоятельное философское толкованіе важнѣйшихъ фактовъ культурной исторіи. Рюккертъ не выдѣляетъ Возрожденія въ самостоятельную эпоху, а видитъ въ немъ только заключеніе предшествующаго періода, хотя и признаетъ, что гуманистическое движеніе не только ниспровергло средневѣковыя культурныя формы, но и положило начало новой цивилизаціи. Онъ въ общемъ вѣрно указываетъ результаты Возрожденія въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, хотя съ нѣкоторыми взглядами его на причины движенія и на значеніе отдѣльныхъ его сторонъ и нельзя согласиться. Такъ, прежде всего Рюккертъ преувеличиваетъ вліяніе на гуманизмъ итальянскаго національнаго характера и этимъ стушевываетъ нѣсколько его всемірно-историческое значеніе. Анализируя идею любви, какъ она выразилась въ поэзіи Петрарки, Рюккертъ вѣрно подмѣчаетъ, что эта идея отличается „по существу“ (nicht bloss graduell, sondern speciphisch) отъ той, которая лежитъ въ основаніи поэзіи его предшественниковъ. „Понятіе любви, говоритъ онъ, утратило у него условное ограниченіе культурнымъ сознаніемъ, замкнутымъ въ предѣлахъ сословія (conventionelle Beschränkung auf ein standesmässig abgeschlossenes Bildungsbewusstsein). Это — всеобщая міровая сила, которая проявляетъ свое могущество повсюду, гдѣ встрѣчаетъ условія настоящей человѣчности“. „Сущность любви у Петрарки, говоритъ Рюккертъ въ другомъ мѣстѣ, какъ бы спиритуалистически она ни понималась, все-таки вполнѣ освобождена отъ той церковной трансцендентальности, которая обнаруживается еще у Данте. Любовь — снова покоящаяся на самой себѣ міровая сила,

standsentwicklung der Völker. Eine allgemeine Weltgeschichte nach den Bedürfnissen der Jetztzeit. IX. Lieferung. Leipzig 1869, p. 224 и слѣд.

[1]) Ibid. p. 225.

достояніе и содержаніе духовной жизни человѣка и болѣе не нуждается въ заимствованномъ извнѣ освѣщеніи и оправданіи. Ей болѣе нѣтъ надобности опираться на тѣ церковные образы, безъ которыхъ любовная лирика рыцарства все-таки не чувствовала подъ собой достаточно прочнаго основанія“ [1]). Проще говоря, Петрарка видитъ въ любви законную потребность личной жизни, и этотъ новый взглядъ, первое проявленіе народившагося индивидуализма, Рюккертъ объясняетъ итальянскимъ народнымъ характеромъ и культурной обстановкой поэта [2]). Весьма мѣтко характеризуетъ Рюккертъ и основной характеръ поэзіи Боккаччіо. Въ его произведеніяхъ „вся полнота человѣчности или естественности пріобрѣтаетъ свои права“, говоритъ онъ, и видитъ въ Боккаччіо „настоящій типъ народнаго духа“ и не только Италіи вообще, но Флоренціи въ частности [3]). Преувеличеніе національныхъ вліяній нѣсколько затемнило въ глазахъ Рюккерта истинную причину необычнаго интереса гуманистовъ къ античной культурѣ. Въ первой половинѣ XV вѣка, говоритъ онъ, „казалось, что древность во всѣхъ своихъ великихъ произведеніяхъ формально возстала изъ могилы въ Италіи, *потому что народный духъ съ этихъ поръ сдѣлался достаточно зрѣлымъ, чтобы видѣть то, мимо чего ранѣе онъ проходилъ, какъ слѣпой*“ [4]). Этимъ неопредѣленнымъ „прозрѣніемъ“ объясняется главнымъ образомъ вкусъ къ памятникамъ античнаго искусства и ихъ пониманіе. Совершенно особенную и тоже довольно туманную причину приводитъ Рюккертъ въ объясненіе увлеченія древностью. По его словамъ, „само по себѣ оно только знакъ, что духъ времени вообще и именно итальянскій хотѣлъ пріобрѣсти для своего занятія иной матеріалъ, нежели тотъ, которымъ были заняты схоластики и современныя положительныя науки. Та же самая черта пресыщенія существующимъ и непреодолимой потребности въ новой духовной пищѣ столь могущественно выступила и во всѣхъ другихъ современныхъ явленіяхъ, что не удивительно встрѣтить ея проявленіе и въ этой особенной формѣ [5]). Такимъ образомъ Рюккерту не удалось подсмотрѣть общей почвы, которая возрастила всѣ отдѣльныя вѣтви Ренессанса.

Терминъ „національный итальянскій духъ“, не заключающій

---

[1]) *H. Rückert. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. 2 Bände. Leipzig 1859*, p. 417 и 420.

[2]) Ibid. p. 417 и 418.

[3]) Ibid. p. 420.

[4]) Ibid. p. 430.

[5]) Ibid. p. 472.

въ себѣ никакого строго опредѣленнаго понятія, освободилъ Рюккерта отъ анализа тѣхъ измѣненій, которыя переживалъ индивидуумъ въ гуманистическую эпоху. Вслѣдствіе этого Ренессансъ является у него возрожденіемъ не личности, а искусства и науки. Такое суженіе общаго смысла движенія повлекло за собою неправильное изображеніе самаго хода Ренессанса. Въ научномъ движеніи, которое возникало изъ „пресыщенія“ средневѣковой наукой и съ самаго начала подверглось могущественному вліянію древности, Рюккертъ различаетъ три момента или эпохи. Во-первыхъ, отыскиваніе памятниковъ античной литературы; во-вторыхъ, „основаніе особенной дисциплины, которая занималась ихъ усвоеніемъ и объясненіемъ ради нихъ самихъ“, и въ-третьихъ— „различныя попытки разсматривать и изображать современные интересы въ духѣ и въ формахъ древности“ [1]), или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, „преобразовывать чисто теоретическое знаніе въ практическій принципъ“ [2]). Прежде всего, источники рѣшительно не даютъ никакого права *хронологически* различать эти стороны движенія; онѣ являются одновременно съ самаго начала Возрожденія. Кромѣ того, и самая дальнѣйшая ихъ характеристика у Рюккерта едва-ли выдерживаетъ критику. Такъ, по его словамъ, „филологія“—второй моментъ научнаго возрожденія, смотрѣла на себя, „какъ на высшую науку an sich, и третировала всѣ другія знанія, какъ карикатуры науки... Она видѣла въ своемъ матеріалѣ, въ сокровищѣ античнаго образованія, абсолютную форму и абсолютное содержаніе дѣятельности духа вообще и заключала изъ этого, что простое воспріятіе, простое пониманіе этой абсолютной духовной культуры есть вообще высшая задача, поставленная нашему духу“ [3]). Совершенно вѣрно, что гуманистическая наука, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ ея важнѣйшихъ представителей, относилась отрицательно къ схоластикѣ, но никоимъ образомъ не въ силу слѣпого преклоненія передъ античной литературой. Достаточно просмотрѣть списокъ гуманистическихъ сочиненій, чтобы видѣть, какъ далеки были дѣятели Возрожденія отъ такой исключительности и какъ широки были ихъ научные интересы.

Такъ же мало можно согласиться съ характеристикой Рюккерта и „третьей эпохи“ научнаго движенія. Исходя изъ совершенно невѣрнаго предположенія, что гуманисты „хотѣли сдѣлать древность

[1]) Ibid. p. 474.
[2]) Ibid. p. 473—474.
[3]) Ibid. p. 475.

совершенно и непосредственно (vollständig und unmittelbar) практическимъ принципомъ современной жизни [1]), Рюккертъ видитъ въ движеніи благопріятные результаты только въ освобожденіи разума отъ лежавшихъ на немъ оковъ и совершенно отрицаетъ его положительное, творческое значеніе. По его мнѣнію, гуманисты должны были утратить „свою естественную почву и связь съ народнымъ духомъ и извратиться въ замкнутую котерію", что̀ и случилось впослѣдствіи. Дѣйствительно, если видѣть въ гуманизмѣ только мѣстное, національное движеніе, то его положительные результаты весьма мало ощутительны въ Италіи; но дѣло здѣсь не въ замкнутости и не въ латинскомъ языкѣ, а въ политическихъ и культурныхъ условіяхъ Италіи XVI вѣка, ближайшее изученіе которыхъ не входитъ въ нашу задачу. Но такая точка зрѣнія на Ренессансъ слишкомъ узка, и самъ Рюккертъ чувствуетъ это. Онъ признаетъ, что культурные результаты Возрожденія имѣютъ широкое всемірно-историческое значеніе; но итальянцы воспользовались ими только въ сферѣ искусства. Признавая, что „итальянскій духъ" чувствовалъ „внутреннее сродство съ античной культурой, потому что̀ въ ней проявилась „естественность и непосредственность чисто человѣческаго существованія" [2]), Рюккертъ довольно близко подходитъ къ истинной причинѣ гуманистическаго движенія. Но это оказало благія послѣдствія только для искусства, потому что оно „побоялось совсѣмъ порвать съ собственнымъ прошлымъ". Наука, по его мнѣнію, была безсильна сдѣлать то же самое. „Для нея существовалъ единственный путь ко спасенію, говоритъ Рюккертъ, если бы она оставила лакомство прелестями античной культуры и вмѣсто дилеттантизма принялась за серьезную, методическую работу. Но итальянскій народный духъ не былъ расположенъ для этого особенно благопріятно [3]). Этотъ выводъ точно такъ же не оправдывается фактами. Научные пріемы, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ исторической науки выработались въ Италіи уже въ разгарѣ самаго движенія; а въ XVIII столѣтіи, когда Западъ перешелъ къ сравнительно спокойному историческому существованію, въ Италіи появились такіе ученые работники, какъ Zeno, Mehus, Muratori, Mazzuchelli, Tiraboschi и др., которые совершенно уничтожаютъ незаслуженное обвиненіе Рюккерта.

Хронологическое расположеніе одновременно существовавшихъ

---

[1]) Ibid. p. 475.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. p. 476.

различныхъ сторонъ Ренессанса обнаруживаетъ еще одинъ недостатокъ Рюккерта: апріорное и чисто догматическое построеніе гуманистическаго движенія. Онъ мало интересуется источниками и никогда не подтверждаетъ фактами своихъ апріорныхъ догадокъ, а выдаетъ ихъ за научный выводъ. Такъ, исходя изъ противоположности Ренессанса средневѣковому міросозерцанію, отъ утверждаетъ, что итальянскіе гуманисты предпочитали греческую литературу латинской. „Это предпочтеніе греческаго, говоритъ онъ, основывалось не на открытіи въ греческомъ духѣ элемента, родственнаго (wahlverwandt) стремленіямъ времени, а на оппозиціи противъ средневѣкового духа an sich“ [1]). Изъ вѣрнаго наблюденія сдѣланъ совершенно произвольный выводъ, который совсѣмъ не оправдывается источниками. Но эта же апріорная конструкція Возрожденія въ связи съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ роли національнаго характера въ движеніи — съ другой стороны, избавила Рюккерта отъ одного изъ наиболѣе распространенныхъ и упорныхъ заблужденій исторіографіи Возрожденія. Онъ совершенно правильно опредѣляетъ значеніе въ движеніи византійскихъ грековъ, сводя ихъ роль къ чисто формальному обученію языку, потому что „они сами болѣе не имѣли никакого понятія (Ahnung) о духѣ того, что они понимали и передавали буквально“ [2]). Но Рюккерту не удалось отдѣлаться отъ другой ошибки менѣе очевидной, но такъ же существенной; онъ утверждаетъ, что гуманистическое движеніе было по существу антихристіанскимъ, „потому что христіанство было не порожденіемъ абсолютной естественности и правды (Wahrheit) античнаго духа, а ихъ отрицаніемъ“ [3]). Въ этомъ не совсѣмъ ясномъ положеніи скрывается, повидимому, тотъ смыслъ, что гуманизмъ былъ враждебенъ аскетизму. Но такое же отношеніе къ аскетизму характеризуетъ и реформаціонное движеніе, которое однакоже Рюккертъ не выводитъ за предѣлы христіанства. Какъ бы то ни было, гуманистическая культура, развившаяся въ христіанскомъ обществѣ, за рѣдкими исключеніями не стремилась порвать съ христіанствомъ и не порвала съ нимъ въ дѣйствительности, если только не отождествлять съ Евангеліемъ ученія средневѣкового католицизма.

То, что говоритъ о гуманизмѣ *Дрэперъ* въ своей „*Исторіи умственнаго развитія Европы*“, не представляетъ никакого инте-

---

[1]) Ibid. 472—473.
[2]) Ibid. p. 473. Ср. p. 485—486.
[3]) Ibid. p. 478.

реса. Американскій изслѣдователь, который такъ много говоритъ о вліяніи на приближеніе вѣка разума арабскихъ ученыхъ и еврейскихъ врачей, мало знаетъ Ренессансъ и совсѣмъ его не понимаетъ. По его мнѣнію, это было какое-то сознательно антиклерикальное теченіе, на которое съ ужасомъ смотрѣла церковь. Римъ будто бы съ ненавистью относился къ реставраціи греческаго языка [1]); изъ духовныхъ лицъ не было ни одного ученаго, кромѣ Петрарки [2]); папа Николай V будто бы понималъ несовмѣстимость науки съ римской системой и потому покровительствовалъ искусствамъ [3]). Къ этимъ фактическимъ ошибкамъ присоединяетъ Дрэперъ и крайне одностороннюю оцѣнку движенія. Онъ сводитъ его суть къ ознакомленію съ греческимъ языкомъ, который будто бы подрывалъ папство, устраняя безраздѣльное господство латыни, и который давалъ возможность критически отнестись къ Вульгатѣ [4]). Послѣднее положеніе вѣрно, но оно характерно только для нѣмецкаго гуманизма.

Цѣлую книгу посвящаетъ Возрожденію *Лоранъ* въ 8 томѣ своей „*Исторіи человѣчества*“ [5]). Блестящій талантъ автора, его широкое историческое и философское образованіе, его обширная начитанность и внимательное изученіе общаго хода историческаго процесса въ предшествующія эпохи—все это даетъ право ожидать отъ его очерка точнаго и глубокаго выясненія гуманистическаго движенія. Но современное состояніе историческихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ въ значительной степени парализовало всѣ достоинства автора. Лоранъ ставитъ своей задачей указать существенные признаки Возрожденія, опредѣлить его отношеніе къ Среднимъ вѣкамъ, къ Реформаціи и къ древнему міру и выяснить его общее историческое значеніе. Но его рѣшенія по всѣмъ этимъ вопросамъ вызываютъ много возраженій. Прежде всего, онъ пытается характеризовать все движеніе во всѣ его періоды и у всѣхъ народовъ, какъ нѣчто цѣлое и однородное. Въ общемъ противъ такого пріема нельзя ничего возразить: гуманизмъ повсюду имѣлъ общіе признаки; но, чтобы ихъ

---

[1]) *Дж. В. Дрэперъ, Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Томъ II. С.-Петербургъ 1866 г.*, p. 167.

[2]) Ibid. p. 170.

[3]) Idid. p. 98.

[4]) Ibid. p. 170—171.

[5]) *F. Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité. T. VIII. La Réforme. Bruxelles 1861.* Livre III. La Renaissance.

уловить, нужно знать его характеръ въ различные моменты его историческаго существованія. Наука не дала этого Лорану, и онъ дѣлаетъ ошибку на первой же страницѣ общей характеристики. Онъ относитъ Ренессансъ „къ благословеннымъ эпохамъ“ безконечныхъ надеждъ, когда люди, „полные радости стремятся къ будущему“ и вѣруютъ въ близкое наступленіе золотого вѣка [1]). Такого настроенія не было у итальянскихъ гуманистовъ до половины XV вѣка, да и позже оно встрѣчалось спорадически, и по понятной причинѣ. Меланхолическій тонъ основателя Ренессанса обусловливался его безсиліемъ примирить античные идеалы съ традиціоннымъ христіанствомъ. Задача была вообще неисполнима для католицизма, и это чувствовалось преемниками Петрарки. Достаточно перечитать трактаты не только Салютати, но даже Поджіо, наименѣе оригинальнаго между настоящими гуманистами, чтобы убѣдиться, что грусть Петрарки не исчезла въ XV столѣтіи.

Другіе признаки гуманизма указаны вѣрно, но они уже слишкомъ общи. Лоранъ справедливо замѣчаетъ, что гуманизмъ „не былъ ожившей древностью, а новой жизнью, которая проявляется во всѣхъ сферахъ мысли“ [2]), но не слѣдитъ за этимъ проявленіемъ и не опредѣляетъ его точнѣе. Точно такъ же справедливо, что „Ренессансъ былъ возвращеніемъ къ природѣ“, чѣмъ обусловливается его вражда къ католицизму и симпатія къ античному міру, но попытки Лорана ближе и на основаніи историческихъ данныхъ выяснить эти стороны гуманистическаго движенія приводятъ его къ преувеличеніямъ и прямымъ ошибкамъ.

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что Возрожденіе было враждебно главнымъ основамъ средневѣковаго католицизма—абсолютному авторитету церкви и аскетическому идеалу. Но иной вопросъ, съ какою ясностью сознавалась эта непримиримость самими гуманистами и ихъ противниками. По мнѣнію Лорана, монахи и гуманисты вели сознательную борьбу съ открытыми забралами, съ опредѣленнымъ девизомъ. „Усовершенствовать искусство писать и говорить по-латыни, говоритъ онъ, воскрешать въ монастыряхъ неизвѣстные языки—греческій и еврейскій—было въ глазахъ монаховъ нововведеніемъ, компрометтировавшимъ вѣру“. Съ другой стороны, „не было ни одного гуманиста, который не насмѣхался бы надъ монашеской святостью“ [3]). Такъ было въ Германіи; но исторія итал-

[1]) Ibid. p. 385.
[2]) Ibid. p. 386.
[3]) Ibid.

янскаго Возрожденія рѣшительно не подходитъ подъ эту характеристику. Столкновенія бывали и тамъ, но они рѣдко носили принципіальный характеръ: по большей части, монаховъ побивали ихъ же оружіемъ во имя ихъ же идеала. То же самое можно сказать и о представителяхъ церкви: на-ряду съ врагами гуманисты имѣли и друзей среди монаховъ, которые сами увлекались формальной стороной движенія, какъ это было съ благочестивымъ Траверсари и его послѣдователями. Причина этого различія между гуманизмомъ въ Италіи и Германіи чрезвычайно важна и интересна; а преувеличенное обобщеніе Лорана совершенно ее затушевываетъ.

Гораздо ближе къ истинѣ стоитъ Лоранъ въ вопросѣ объ отношеніи Возрожденія къ Реформаціи. Самый вопросъ гораздо проще и болѣе доступенъ апріорному рѣшенію: гуманисты содѣйствовали свободѣ мысли и нападали на враговъ религіозной реформы [1]), что̀ не могло не содѣйствовать ея торжеству. Кромѣ того, Лоранъ отличаетъ здѣсь нѣмецкихъ и итальянскихъ гуманистовъ и совершенно вѣрно ставитъ первыхъ въ болѣе близкую связь съ Реформаціей и выясняетъ ихъ вліяніе на дѣло Лютера преимущественно на дѣятельности Эразма. Настроеніе дѣятелей итальянскаго Возрожденія онъ указываетъ въ общемъ тоже вѣрно. „Если они не покидали открыто церкви,—говоритъ онъ,—то не въ силу привязанности къ ортодоксальности, а скорѣе по религіозному индифферентизму. Для формы они оставались католиками, но ихъ манера мыслить и чувствовать болѣе не была христіанской. Они предшественники новой философіи; вотъ почему они не соединились съ протестантизмомъ“ [2]). Въ этой характеристикѣ нельзя согласиться только съ отрицаніемъ христіанскаго характера гуманистическаго міросозерцанія. Въ общемъ, за немногими исключеніями, ихъ раціонализмъ былъ еще далекъ до деизма.

Самая слабая сторона въ очеркѣ Лорана—это вопросъ о паганизмѣ. Прежде всего авторъ сильно преувеличиваетъ это явленіе. Употребленіе языческихъ терминовъ для выраженія религіозныхъ понятій христіанства еще не доказываетъ язычества. До второй половины XV вѣка мы не имѣемъ рѣшительно никакого права говорить не только о паганизмѣ, но и о сознательномъ атеизмѣ. Двѣ цитаты Лорана изъ этой эпохи, которыя онъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія, нисколько его не подтверждаютъ. Слова

---

[1]) Ibid p. 396.
[2]) Ibid. p. 387.

Петрарки, что возродился Юліанъ Отступникъ, относятся къ Авиньонской куріи, которая была мало повинна въ гуманизмѣ и не имѣла никакого систематическаго міросозерцанія [1]). Угрозы Валлы выступить противъ Христа взяты изъ инвективы Поджіо и могутъ быть отнесены въ область клеветы [2]). Лоранъ думаетъ вывести паганизмъ, во-первыхъ, изъ того, что увлеченіе языческимъ міромъ въ Италіи находило подходящую почву въ языческихъ примѣсяхъ мѣстнаго христіанства, и, во-вторыхъ, изъ патріотизма, потому что къ языческой эпохѣ относится прошлое величіе Италіи [3]). Толкованіе крайне искусственное и дающее совершенно невѣрную окраску роли античной литературы въ гуманистическомъ движеніи. Гуманисты только потому увлекались классиками, что находили въ нихъ подходящее своему настроенію содержаніе; а міръ олимпійскихъ боговъ былъ совершенно чуждъ христіанской Италіи. Слѣды настоящаго паганизма замѣчаются со второй половины XV вѣка у платониковъ; но это было мѣстное и временное явленіе, какъ и астрологическіе предразсудки, которымъ Лоранъ придаетъ также слишкомъ общее значеніе [4]).

Но, преувеличивая паганизмъ, Лоранъ даетъ ему своеобразное объясненіе. „Было бы ошибкою, говоритъ онъ, принимать въ серіозъ возрожденіе паганизма... Расширялась идея религіи... это было движеніе космополитическое, которое обнимало всѣ проявленія религіознаго чувства. Паганизмъ казался людямъ Возрожденія столь же легитимной религіозной формой, какъ и католицизмъ [5]). Сознательной пропаганды въ этомъ духѣ нѣтъ въ раннемъ гуманизмѣ“; но несомнѣнно, что таковъ былъ общій духъ движенія, и Лоранъ совершенно правъ въ окончательной оцѣнкѣ религіозной стороны Возрожденія. „Ренессансъ былъ протестомъ противъ тираническаго господства вѣры и суевѣрнаго элемента въ христіанствѣ“, говоритъ онъ [6]). Дѣйствительно, свобода мысли и ея раціоналистическое направленіе были общимъ результатомъ гуманистическаго движенія, и несомнѣнную заслугу Лорана составляетъ тотъ фактъ, что онъ вѣрно и рѣшительно выставилъ на видъ индивидуалистическую основу всего движенія.

---

[1]) Ibid. p. 386.

[2]) Laurent цитируетъ ихъ у Вауl'я (p. 402), который, собственно говоря, и повиненъ въ неправильномъ пользованіи ненадежнымъ источникомъ.

[3]) Ibid. p. 399—400.

[4]) Ibid. p. 402—403.

[5]) Ibid. p. 387—388.

[6]) Ibid. p. 416.

Во „*Всеобщей исторіи культуры*“ *О. Генне-ам-Рина* эпоха Возрожденія поставлена во главѣ новой исторіи, что̀ составляетъ несомнѣнную заслугу автора, который склоненъ даже переоцѣнивать гуманистическое движеніе. Родоначальники гуманизма, по его словамъ, „впервые возмутили средневѣковой культурный застой, нанесли первый ударъ схоластикѣ, іерархіи, положили основаніе новому научному изслѣдованію, національному искусству, поэзіи, освобожденію отъ поглощенія церковной жизни, но еще не Реформаціи“. Эпоха Возрожденія, по мнѣнію автора, „изъ рога изобилія высыпала на человѣчество столько прекраснаго, добраго, истиннаго, что оно не могло вмѣстить всего сразу. Необходимо было предоставить одному изъ этихъ обильныхъ цвѣтовъ принести плодъ въ другое время: всѣ вмѣстѣ они заглушили бы другъ друга“ [1]). Чтобы лучше изобразить столь богатую послѣдствіями эпоху, авторъ дѣлитъ посвященную ей главу на 2 части: въ одной онъ описываетъ возрожденіе классической древности, въ другой его научные результаты [2]), но нельзя сказать, чтобы та и другая была свободна отъ недостатковъ и представляла крупныя достоинства. Генне-ам-Ринъ не повторяетъ старой ошибки, что Возрожденіе создали греки; но зато онъ считаетъ родоначальникомъ Возрожденія вмѣстѣ съ Петраркой и Данте, который будто бы тоже „возстановилъ изученіе древнихъ классиковъ и подкопалъ безусловный авторитетъ папства“ [3]). Вопросъ о причинахъ увлеченія древней литературой рѣшается очень просто: она была гораздо содержательнѣе средневѣковой [4]). Самый очеркъ возрожденія античной литературы отличается слишкомъ большой бѣглостью, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе, а его заключеніе прямо невѣрно. „Съ большимъ усердіемъ бросились гуманисты, говоритъ авторъ, на статьи (Abhandlung), въ которыхъ они брали за образецъ Цицерона, и на исторіографію, гдѣ они подражали Ливію и Цезарю. Но это была незаконнорожденная (bastardartige) литература, поскольку она бросалась въ подражаніе древнимъ, потому что она стояла не на своихъ ногахъ, но украшалась чужими перьями и поэтому создавала

---

[1]) *Otto Henne-Am-Rhyn, Allgemeine Kulturgeschichte von der Urzeit bis auf die Gegenwart. Vierter Band. Das Zeitalter der Reformation. II. umgearbeitete Auflage. Leipzig 1878*, p. 56.

[2]) Она озаглавлена: Die Pflege der Wissenschaften nach dem Muster der Alten (p. 61), но имѣются въ виду результаты въ болѣе широкомъ смыслѣ, напр., мораль.

[3]) Ibid. p. 56.

[4]) Ibid.

только блѣдныя и безжизненныя фразы. Напротивъ, если гуманистическіе историки выбирали себѣ самостоятельные сюжеты, монографіи и біографіи изъ своего времени, вмѣсто длинныхъ утомительныхъ исторій, то они „издавали сочиненія, которыя были достойны лучшихъ классическихъ образцовъ“ [1]). Вторая половина тирады несомнѣнное преувеличеніе. Гуманисты положили начало новой исторіографіи; но между ними не было ни Ѳукидида, ни Ливія, ни Тацита. Что касается до первой, то подъ такую характеристику нельзя подвести ни одно гуманистическое произведеніе. Это просто фраза, пущенная въ ходъ нѣкоторыми историками Италіи. Сильно преувеличено, наконецъ, и увлеченіе латинскимъ языкомъ. Важность одиноко стоящаго извѣстія, что „во Флоренціи отцы запрещали читать итальянскія книги своимъ сыновьямъ, а учителя ученикамъ“ [2]), подрываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ гуманистическую эпоху возникли многочисленные комментаріи къ поэзіи Данте и Петрарки.

Вторая часть главы о гуманизмѣ не оправдываетъ заглавія. Результаты изученія древности хорошо показаны только въ области философіи, а въ другихъ сферахъ перечислены нѣкоторыя сочиненія гуманистовъ и повторены ходячія противъ нихъ обвиненія.

Гельвальдъ въ своей *„Культурной исторіи въ ея естественномъ развитіи“* [3]) отводитъ замѣтное мѣсто Возрожденію; но этотъ очеркъ не даетъ достаточно яснаго представленія о сущности гуманистическаго движенія и почти совсѣмъ не касается исторіи. Прежде всего Гельвальдъ повторяетъ давно уже опровергнутую фактическую ошибку, что творцами Ренессанса были византійскіе греки [4]) и не даетъ, какъ и всѣ его предшественники, историческаго очерка. Но въ противорѣчіи съ этимъ утвержденіемъ онъ очень вѣрно и оригинально отмѣчаетъ мѣстную психологическую основу движенія — стремленіе къ свободѣ мысли [5]). Дѣйствительная связь гуманизма съ тѣмъ философскимъ направленіемъ, которое отдѣляло истины богословскія отъ философскихъ и въ изслѣдованіи этихъ послѣднихъ требовало себѣ полной свободы, весьма проблематична и едва-ли можетъ быть доказана. Связь Помпонаццо съ аверроизмомъ тоже

---

[1]) Ibid. p. 60.

[2]) Ibid. p. 61.

[3]) Первое изданіе этой книги вышло въ 1875. Я цитирую по третьему двухтомному. *Friedrich von Hellwald, Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung bis zur Gegenwart. Augsburg 1884.*

[4]) Ibid. II, p. 413.

[5]) Ibid. p. 415.

еще открытый вопросъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что оба движенія имѣли общій источникъ, хотя Возрожденіе обусловливалось и другими стремленіями западно-европейскаго человѣчества и потому было шире и глубже аверроизма. Гелльвальдъ самъ указываетъ на эти особенности. „Ученія, пришедшія изъ Византіи, говоритъ онъ, по наружности (angeblick), обезсиленной поповствомъ, развивали энтузіазмъ къ изслѣдованію истины, вызвали устраненіе средневѣковыхъ монашескихъ воззрѣній, стремленіе къ изученію классическаго міра, которое съ своей стороны въ столь высокой степени содѣйствовало освободительнымъ (freiheitliche) движеніямъ, что можно отмѣтить изъ той эпохи случаи тиранноубійства“ [1]). Начало этой тирады противорѣчитъ дѣйствительности; ея конецъ подлежитъ весьма значительному ограниченію. Въ древнемъ Римѣ на-ряду съ Брутами и Кассіями существовали Цезари и Августы, и послѣдніе вызывали гуманистическіе панегирики несравненно чаще, чѣмъ первые. Вообще вопросъ о связи гуманистическаго движенія съ какими-либо опредѣленными политическими идеалами еще не получилъ научнаго рѣшенія и, судя по наличнымъ источникамъ, можно предположить, что онъ будетъ рѣшенъ не въ пользу республики. Но Гелльвальдъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что гуманизмъ стремился не только къ свободѣ мысли, но и къ ниспроверженію аскетическаго идеала, другими словами, преслѣдовалъ болѣе широкую цѣль—полное освобожденіе личности. Это стремленіе въ моральной сферѣ привело, по мнѣнію Гелльвальда, къ крайне неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. „Необузданный либерализмъ (Freigeisterei) и усердное стремленіе къ свободѣ мысли (Denkfreigeit), говоритъ онъ, имѣло слѣдствіемъ освобожденіе страстей, которое измѣнило „нравственность“ вѣчнаго города и высшихъ сословій (der besseren Stände) въ Италіи въ безнравственность по германскимъ понятіямъ“ [2]). Впрочемъ, Гелльвальдъ не придаетъ значенія этому вопросу, потому что „на самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, нравственность теперь не выше, чѣмъ въ эпоху Ренессанса, чѣмъ при Карлѣ Великомъ и при Августѣ, даже чѣмъ во время Перикла или Гомера“ [3]). Въ нашу задачу не входитъ рѣшеніе этого вопроса; но ходячее мнѣніе о паденіи морали подъ вліяніемъ гуманизма, которое только повторяетъ Гелльвальдъ, еще требуетъ научной провѣрки. Нравственный уровень папства и Италіи

[1]) Ibid. p. 413.
[2]) Ibid. p. 414.
[3]) Ibid. p. 415.

до наступленія Ренессанса стоялъ чрезвычайно низко, и ранніе гуманисты, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, усердно старались помочь этой бѣдѣ своими произведеніями. Гуманистическое лѣченіе не удалось; но не оно было причиною болѣзни. Не совсѣмъ обыкновенно рѣшаетъ Гелльвальдъ и вопросъ о томъ, почему гуманистическое движеніе не повлекло за собою религіозной реформы. Обычно приводимымъ причинамъ религіозному индифферентизму гуманистовъ, ихъ связи съ церковью и т. п. онъ придаетъ второстепенное значеніе; главная—заключалась въ особенностяхъ, свойственныхъ всѣмъ романскимъ народамъ. „Въ Италіи не было Реформаціи, говоритъ онъ, потому что сумма знанія стояла тамъ уже слишкомъ высоко, мышленіе романскихъ народовъ было слишкомъ просвѣщено, слишкомъ близко подошло къ высшимъ истинамъ... [1]). Религіозное равнодушіе итальянскихъ мыслителей и въ извѣстномъ смыслѣ также и церкви менѣе препятствовало появленію истины и науки, чѣмъ религіозное чувство германскихъ народовъ“ [2]). Оставляя въ сторонѣ принципіальный анализъ такой точки зрѣнія, слѣдуетъ признать однакожъ, что итальянскій платонизмъ XV и XVI вѣка, возрожденіе тогда же астрологическихъ суевѣрій и вся исторія католической реакціи, въ одной стороны, и позднѣйшее развитіе раціонализма на протестантской почвѣ, съ другой, ясно показываютъ, что критерій Гелльвальда неприложимъ, по меньшей мѣрѣ, къ тогдашней эпохѣ.

Итакъ, интересъ къ Ренессансу у историковъ культуры чувствуется живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и по понятной причинѣ: гуманистическое движеніе относится къ ихъ спеціальности. Правда, гуманизмъ и здѣсь обходятъ иногда молчаніемъ, какъ это дѣлаетъ Ру-Ферранъ, Клеммъ въ своей объемистой книгѣ и нѣкоторые другіе; но это встрѣчается сравнительно рѣдко. Наоборотъ, появляются изслѣдователи, которые склонны преувеличивать значеніе движенія, какъ Генне-ам-Ринъ. Большее вниманіе къ движенію влечетъ за собою углубленіе и расширеніе его пониманія, вслѣдствіе чего постепенно устраняются старыя ошибки. Такъ, мнѣніе Карніона о томъ, что византійскіе греки создали гуманизмъ, несмотря на книгу Мейнерса, продолжаетъ раздѣлять и

[1]) Эти высшія истины заключались въ слѣдующемъ: Im XIV. Jahrhunderte lehrte man in Paris, dass es in den Naturvorgängen nichts gebe, als die Bewegung der Verbindung und Trennung der Atome, und der spanische Psychologe Ludwig Vives verlangte direkte Untersuchung auf dem Wege des Experiments. Ibid. p. 417—418.

[2]) Ibid.

Matter, и Кольбъ, и Гельвальдъ, но два первые изслѣдователя правильно оцѣниваютъ роль гуманизма въ секуляризаціи новой культуры, а послѣдній отмѣчаетъ психологическую основу въ стремленіяхъ гуманистовъ къ свободѣ мысли. При такихъ воззрѣніяхъ закоренѣлая ошибка давала себя рѣзко чувствовать: у Matter'а, напр., она повлекла за собою не только хронологическую путаницу, но и самопротиворѣчіе автора. Точно такъ же подрываются постепенно и ошибочные взгляды на сущность движенія. Ваксмутъ и Рюккертъ продолжаютъ ее видѣть въ филологіи, но ихъ собственное изложеніе показываетъ, что смыслъ движенія гораздо глубже и шире и что преувеличеніе филологическаго элемента—отживающая традиція. Невѣрныя характеристики отдѣльныхъ сторонъ Возрожденія все еще держатся; такъ, Рюккертъ, Лоранъ и друг. все еще считаютъ паганизмъ красною нитью, которая проходитъ черезъ все гуманистическое движеніе. Но на-ряду съ этимъ ставятъ новые вопросы для исторіографіи Ренессанса и новыя точки зрѣнія для его изученія. Такъ, Рюккертъ пытается выяснить роль національнаго характера въ итальянскомъ гуманизмѣ и отмѣтить историческіе моменты движенія; огромная заслуга Лорана заключается въ томъ, что онъ возстановилъ точку зрѣнія на Рейессансъ Гегеля и попытался разсмотрѣть гуманистическое движеніе, какъ *индивидуалистическую оппозицію противъ средневѣкового аскетизма.* Если эти попытки и не вполнѣ удачны, то вина лежитъ отчасти на изслѣдователяхъ отдѣльныхъ сторонъ культуры, а главнымъ образомъ на спеціальной литературѣ по Возрожденію.

V.

Отношеніе къ Ренессансу историковъ философіи.—Значеніе для исторіографіи гуманизма произведеній Як. Брукера и Булэ.—Заслуги въ изученіи гуманизма Теннемана, Гегеля и Риттера.—Отношеніе къ Возрожденію Штёкля и новѣйшихъ обзоровъ по исторіи философіи.—Виндельбандтъ.—Французскіе историки философіи.—Отношеніе къ гуманизму историковъ отдѣльныхъ эпохъ, школъ и различныхъ отдѣловъ философіи.—Общій характеръ философской исторіографіи гуманизма.

Эпоха Возрожденія рано начала привлекать вниманіе историковъ философіи, и по понятной причинѣ. Паденіе схоластики подъ ударами гуманизма принадлежитъ къ числу самыхъ рѣзкихъ фактовъ Ренессанса, и начало новаго періода въ исторіи философіи само со-

бою опредѣляется этимъ обстоятельствомъ. Поэтому историки философіи, поставивъ Ренессансъ во главѣ новой исторіи, опредѣлили его настоящее мѣсто гораздо раньше, чѣмъ изслѣдователи другихъ сторонъ исторической жизни. Уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія *Як. Бруккеръ* въ своей обширной „*Критической исторіи философіи*“, а затѣмъ въ „*Институціяхъ*“, начинаетъ новый періодъ очеркомъ Ренессанса [1]). Собственно историческое изложеніе онъ ведетъ съ возстановленія философіи Платона и Аристотеля и послѣдовавшей за этимъ во второй половинѣ XV вѣка борьбы между послѣдователями обоихъ философовъ. Но этому предпосланъ краткій очеркъ Ренессанса [2]). Самый очеркъ далеко, конечно, не удовлетворяетъ и скромнымъ требованіямъ. Бруккеру не вполнѣ ясна роль византійскихъ грековъ въ гуманистическомъ движеніи, хотя онъ и не считаетъ его заноснымъ съ Востока; у него не изображены философскія воззрѣнія Петрарки и его раннихъ послѣдователей; не выяснены тѣ стороны Ренессанса, которыя вызвали новое философское движеніе, не говоря уже о томъ, что вопросъ о причинахъ увлеченія древней философіей только съ половины XV вѣка даже и не поставленъ. Но подобныхъ требованій и нельзя предъявить къ писателю XVIII столѣтія, такъ какъ они не выполнены и въ настоящее время. Несомнѣнную заслугу Бруккера составляетъ самый планъ изложенія: его очеркъ представляетъ собою программу, которую предстоитъ исполнить будущему историку новой философіи.

Съ большимъ вниманіемъ относится къ Возрожденію и французскій историкъ философіи XVIII вѣка, *Деландъ*. Подобно своимъ современнымъ соотечественникамъ, Деландъ съ восторгомъ говоритъ о Ренессансѣ. „Послѣ мрачной ночи, которая окутывала всю Европу, говоритъ онъ, мы дошли, наконецъ, до этихъ свѣтлыхъ и ясныхъ временъ, которыя дѣлаютъ столь великую честь человѣчеству. Казалось, міръ второй разъ выходитъ изъ хаоса“ [3]). Въ силу этого Деландъ подробно останавливается на Возрожденіи: пытается объ-

---

[1]) *Jacobi Bruckeri Historia critica philosophiae a tempore resuscitarum litterarum ad nostra tempora. Tomi IV, pars I. Lipsiae MDCCXXXIII.* Его *Institutiones Historiae Philosophiae usui academicae juventutis, Lipsiae 1756*, представляетъ собою простое сокращеніе предыдущаго сочиненія.

[2]) Cap. 1. De viris doctis, qui de externo philosophiae habitu emendando restituendoque solliciti fuerunt. Hist. crit., p. 3. Ср. Institutiones, p. 441.

[3]) *Deslandes. Histoire critique de la philosophie où l'on traite de son origine, de ses progrès, et des diverses Révolutions qui lui sont arrivées jusqu'à notre temps.* Tome IV. Amsterdam 1756, p. 69.

яснить его причины, опредѣлить общій ходъ движенія и дать біографіи его дѣятелей. Но для этого автору недоставало ни фактическаго знакомства съ эпохой, ни достаточной глубины ея пониманія. Такъ, причины Ренессанса онъ сводитъ къ чисто внѣшнимъ явленіямъ: онъ созданъ, во-первыхъ, подражаніемъ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо; во-вторыхъ, меценатами и, въ-третьихъ, и главнымъ образомъ, византійскими греками, такъ что началомъ движенія Деландъ считаетъ 1453 годъ [1]). Біографическіе очерки дѣятелей Ренессанса крайне неполны и поверхностны, выбраны къ тому же совершенно случайно: такъ, изъ гуманистовъ первой половины XV вѣка названъ почему-то только Филельфо, а Валла совершенно выдѣленъ изъ движенія [2]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ столь рѣдкая въ исторіографіи Ренессанса попытка Деланда опредѣлить послѣдовательную смѣну гуманистическихъ теченій. Первымъ фазисомъ Возрожденіи онъ считаетъ изученіе древнихъ языковъ, критику текста и пріобрѣтеніе всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы комментаторамъ. Затѣмъ гуманисты начали писать по-латыни, при чемъ заботились болѣе о формѣ, чѣмъ о содержаніи, болѣе о риторикѣ, чѣмъ объ истинѣ [3]). Это обвиненіе, ничѣмъ не доказанное и совершенно несправедливое, Деландъ пытается извинить необходимостью выработать стиль и видитъ главнѣйшую заслугу XV и XVI столѣтія въ подражаніи древнимъ. Только въ XVII столѣтіи, когда „разумъ занялъ мѣсто слѣпого удивленія“, впервые появилась, по его мнѣнію, самостоятельная философская мысль [4]). Первая попытка философской исторіи Ренессанса рѣшительно разошлась съ истиной.

Въ Германіи по слѣдамъ Бруккера пошли прежде всего составители краткихъ компендіумовъ по исторіи философіи, какъ *Мейнерсъ* и *Гурлиттъ*. Лучшій знатокъ Возрожденія въ XVIII столѣтіи, Мейнерсъ, еще находится въ своемъ раннемъ трудѣ подъ вліяніемъ традиціонныхъ взглядовъ о роли византійскихъ грековъ. Такъ, онъ дѣлитъ новую философію на два крупныхъ періода и первый изъ нихъ ведетъ отъ половины XV до половины XVI столѣтія. Правда, при дальнѣйшемъ подраздѣленіи перваго періода онъ составляетъ особый

---

[1]) Ibid. p. 70 и 72.

[2]) Ibid. p. 89 и 116.

[3]) On se piqua plus alors de bien écrire en latin que d'écrire judicieusement, de prodiguer les fleurs de Rhétorique que d'étudier la Nature, et d'arranger un Discours, de le peigner avec soin que de découvrir une vérité importante. Ibid. p. 86.

[4]) Ibid. p. 85—87.

отдѣлъ изъ гуманистическаго движенія до паденія Константинополя; но его философскіе признаки ему неясны и борьба противъ схоластики отнесена почему-то только ко второму отдѣлу перваго періода [1]). Очевидно, что неясность изложенія обусловилась не только краткостью компендіума. Что касается до Гурлитта, то онъ ограничивается простымъ констатированьемъ факта вліянія Ренессанса на новую философію [2]).

Программу Бруккера попытался выполнить *Булэ*. Въ своей обширной „*Исторіи философіи*“ онъ говоритъ о Возрожденіи съ такою обстоятельностью, какъ никто раньше его и какъ весьма немногіе изъ позднѣйшихъ историковъ философіи. Булэ вѣрно опредѣляетъ общій характеръ Ренессанса, въ которомъ онъ видитъ „стремленіе всѣхъ лучшихъ людей устранить границы духовной дѣятельности и познанія, поставленныя схоластикой и суевѣріемъ“ [3]). Увлеченіе древностью Булэ легко объясняетъ изъ этого основного характера движенія: гуманисты нашли въ античной литературѣ энциклопедію свѣтскихъ наукъ и, что особенно важно, массу идей и знаній, вполнѣ приложимыхъ къ жизни и практически интересныхъ, представлявшихъ рѣзкій контрастъ съ ненужными отвлеченностями и тонкостями схоластики. Съ этой точки зрѣнія ему кажется вполнѣ естественной старая ошибка „о слѣпой привязанности“ гуманистовъ къ древности, и онъ не только не подвергаетъ ее критикѣ, но еще усиливаетъ это заблужденіе, утверждая, что только по прошествіи двухъ столѣтій впервые замѣтили, что возрожденіе древнихъ наукъ не исключаетъ ихъ улучшенія и творчества въ этой сферѣ [4]).

Первую главу исторіи новой философіи Булэ посвящаетъ выясненію причинъ Ренессанса и дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи: причины отдаленныя и непосредственныя. Въ первой категоріи главную роль онъ приписываетъ усиленію буржуазіи. Документально установить фактическую связь между соціальнымъ и культурнымъ движеніемъ Булэ не удалось; но онъ тщательно и полно отмѣчаетъ возможные культурные результаты развитія городовъ: потребность въ просвѣщеніи, стремленіе къ практическимъ знаніямъ, что создало классъ свѣтскихъ ученыхъ ранѣе всего въ области права и медицины. Къ этой же ка-

---

[1]) *C. Meiners, Grundriss der Geschichte der Weltweisheit. Lemgo 1786*, p. 216—217.

[2]) *J. Gurlitt, Abriss der Geschichte der Philosophie. Leipzig 1786*, p. 206.

[3]) *Joh. Gottlieb Buhle, Geschichte der Philosophie. Band II. Göttingen 1800*, p. 3—4.

[4]) Ibid. p. 4—6.

тегоріи причинъ относитъ онъ Крестовые походы, борьбу монархіи съ феодализмомъ и въ особенности свѣтской власти съ духовенствомъ, что̀ породило скептическое отношеніе къ основамъ іерархическаго господства. Кромѣ этихъ отдаленныхъ причинъ, гуманистическое движеніе обусловлено было нѣсколькими непосредственными, первое мѣсто между которыми занимаетъ ослабленіе и утомленіе (Erschöpfung und Erschlaffung) человѣческаго ума безсодержательными и безполезными схоластическими тонкостями. Булэ весьма близко къ истинѣ ищетъ *психологическаго* объясненія Ренессанса; но онъ старается найти его не въ историческомъ ростѣ личности, а въ законахъ индивидуальной психологіи. Новое направленіе, по его мнѣнію, смѣнило старое въ силу закона, требующаго смѣны умственныхъ интересовъ. „Человѣческій духъ требуетъ перемѣнъ (Abwechselung), если его занятія должны его занимать и въ то же время удовлетворять. Этотъ естественный законъ духа обнаруживается у человѣка въ его повседневныхъ занятіяхъ и у цѣлыхъ поколѣній въ тѣхъ предметахъ, на которые преимущественно направлено ихъ вниманіе и ихъ прилежаніе“ [1]). При такомъ объясненіи остается безъ отвѣта самый существенный вопросъ: почему же Возрожденіе было таково, каково оно было? Второй непосредственной причиной Ренессанса было, по мнѣнію Булэ, развитіе національной поэзіи. Авторъ оригинально и весьма правдоподобно объясняетъ психологическое вліяніе этой причины. Поэзія, по его словамъ, „возбуждала фантазію, оживляла благотворныя побужденія и склонности человѣческой природы, направляла вниманіе на прекрасное и возвышенное... и показывала схоластику въ такомъ контрастѣ, при которомъ она должна была терять безконечно“ [2]). Къ сожалѣнію, Булэ не идетъ дальше этихъ краткихъ и чисто апріорныхъ соображеній, и зародыши гуманистическаго настроенія въ національной поэзіи продолжаютъ составлять интересную задачу исторіи культуры. Въ истолкованіи Булэ трехъ послѣднихъ причинъ Ренессанса—появленія грековъ, меценатства и книгопечатанія—нѣтъ ничего новаго, и своеобразный характеръ гуманистическаго движенія въ сущности остался неразъясненнымъ. Булэ самъ чувствуетъ этотъ пробѣлъ и признаетъ на-ряду съ указанными причинами цѣлый рядъ другихъ, которыя заключались въ свойствахъ тогдашней общественной среды и, по его мнѣнію, не подлежатъ вѣдѣнію историка философіи [3]).

---

[1]) Ibid. p. 17.
[2]) Ibid. p. 18.
[3]) Ibid. p. 22.

Изложивъ причины, вызвавшія гуманистическое движеніе, Булэ имѣлъ въ виду изложить и развитіе философской мысли за эту эпоху. Но отсутствіе фактическихъ свѣдѣній по исторіи ранняго гуманизма поставило ему непреодолимое затрудненіе при исполненіи этой задачи и дало невѣрную окраску всего тогдашняго философскаго движенія. „Все, что̀ есть своеобразнаго въ исторіи философіи XIV и XV столѣтія, говоритъ онъ, главнымъ образомъ состоитъ отчасти въ способѣ пониманія, приложенія и измѣненія Аристотелевой и Платоновой системъ, отчасти въ спорахъ объ этомъ между приверженцами обоихъ философовъ“ [1]). Булэ игнорируетъ тотъ фактъ, что должны были существовать мѣстныя, внутреннія побужденія, заставившія сначала обратиться къ античной философіи и потомъ внести въ нее соотвѣтствующія измѣненія. Онъ сводитъ причину новаго философскаго движенія къ чисто внѣшнему вліянію грековъ и въ главѣ, посвященной дѣятелямъ гуманизма, сообщаетъ біографіи главнымъ образомъ грековъ и ихъ ближайшихъ учениковъ [2]). Исключеніе составляетъ одинъ только Петрарка. Ознакомившись съ его латинскими произведеніями, Булэ пришелъ къ убѣжденію, что его философія не навѣяна греками. „Петрарка, говоритъ онъ, единственный человѣкъ въ эпоху Возрожденія наукъ, котораго способъ философствованія не опредѣлялся Аристотелевой или Платоновой системой. Онъ слѣдовалъ своему генію, хотя его философія была направлена болѣе на житейскую мудрость, чѣмъ на спекулятивную систему“ [3]). Этотъ фактъ не заставилъ Булэ поискать непосредственной связи Петрарки съ его предшественниками и преемниками, и онъ игнорируетъ не только философствованія Поджіо и Фаціо, но даже и трактатъ Валлы. Изложивъ въ особой главѣ философію Петрарки, онъ приходитъ къ убѣжденію, что въ ней заключалась причина высокаго уваженія современниковъ къ родоначальнику гуманизма и его обширнаго вліянія [4]), и тѣмъ не менѣе категорически заявляетъ, что Петрарка, какъ философъ, по отношенію къ своимъ предшественникамъ и преемникамъ стоитъ совершенно уединенно“ [5]). Закоренѣлая ошибка о византійскомъ происхожденіи гуманизма отразилась и въ исторіи философіи. Несо-

---

[1]) Ibid. Vorrede, p. VI.

[2]) Ibid. p. 23 и слѣд. Въ примѣчаніи къ p. 58 Buhle самъ объясняетъ критерій, которымъ онъ руководился въ данномъ случаѣ.

[3]) Ibid. Vorrede, p. VIII.

[4]) Ibid. p. 118.

[5]) Ibid. p. 86.

мнѣнной заслугой Булэ остается первая и въ общемъ вѣрная оцѣнка философскихъ воззрѣній Петрарки [1]).

Книга Булэ и работы его предшественниковъ не устранили изъ исторіи философіи совершенно фантастическихъ воззрѣній на Ренессансъ. Такъ *Астъ* въ своей книгѣ не только начинаетъ исторію философіи этой эпохи съ Г. Плетона, но видитъ на платонизмѣ, занесенномъ, по его мнѣнію, греками продолженіе „мистическаго и фантастическаго духа среднихъ вѣковъ, который въ расцвѣтающей поэзіи нашелъ себѣ новую пищу“ [2]). На-ряду съ такой поэзіей Астъ отмѣчаетъ появленіе „того внѣшняго образованія, которое необходимо для развитія самостоятельной жизни искусствъ и наукъ“ и которое было результатомъ „расцвѣта политической свободы въ концѣ XIV столѣтія“ [3]). Кромѣ того, Астъ вполнѣ раздѣляетъ старое заблужденіе, что интересъ къ древности занесли греческіе бѣглецы, такъ что его книга повторяетъ всѣ ошибки предшественниковъ и дополняетъ ихъ новыми несообразностями.

Теннеманъ въ своей краткой исторіи философіи отступаетъ отъ плана Бруккера и хотя отмѣчаетъ нѣкоторыя новыя и важныя черты гуманизма, но не выдѣляетъ Возрожденія и невѣрно представляетъ общій ходъ философскаго движенія въ эту эпоху. Событія, создавшія новую философію, у него представлены въ такомъ порядкѣ: Крестовые походы, изобрѣтеніе книгопечатанія, завоеваніе Константинополя, открытіе Америки, Реформація; а ихъ слѣдствія: образованіе средняго сословія, *возникновеніе общественнаго мнѣнія*, усиленіе свѣтской и ослабленіе духовной власти, образованіе твердой политики, расширеніе знаній путемъ опыта, пріобрѣтеніе новыхъ пособій и образцовъ въ классической литературѣ и развитіе новыхъ языковъ [4]). Можно было бы извинить такой схематизмъ конспективнымъ характеромъ книги; но Теннеманъ не выдѣлилъ гуманистическаго движенія, какъ самостоятельнаго и для исторіи философіи чрезвычайно важнаго культурнаго фактора, хотя онъ впервые отмѣтилъ одинъ изъ важнѣйшихъ его результатовъ — общественное мнѣніе. Кромѣ того, малое знакомство съ раннимъ гуманизмомъ послужило

---

[1]) Разборъ главы „Über die Philosophie des Petrarcha“ см. т. II Петрарка.

[2]) *Fr. Ast, Grundriss einer Geschichte der Philosophie. Landshut 1807*, p. 298.

[3]) Ibid. p. 297.

[4]) *Wilh. Gottlieb Tennemann, Grundriss der Geschichte der Philosophie. Für den akademischen Unterricht. 2-te Auflage. Leipzig 1816*, p. 231.

причиною невѣрной схемы, которую даетъ Теннеманъ философскому движенію въ началѣ новой исторіи. Онъ тоньше, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, угадалъ причину увлеченія древней философіей въ гуманистическую эпоху и его слѣдствія. „Въ человѣческомъ духѣ, говоритъ онъ, пробудилась настоятельная и новая потребность къ человѣческой всесторонне удовлетворяющей философіи и высшему научному образованію; но при своей безпомощности (Unbehülflichkeit) онъ нуждался еще для этого въ чужомъ руководствѣ и нашелъ его въ произведеніяхъ грековъ и римлянъ. Обновленное знакомство съ классической литературой снова возбудило прежде всего человѣческій разумъ, уваженіе къ духу свободнаго изслѣдованія, стыдъ передъ рабской зависимостью мысли (wegen der sklavischen Denkart), недовольство несовершеннымъ состояніемъ научнаго образованія и стремленіе къ улучшенію“ [1]). Это превосходная характеристика гуманистическаго движенія, но Теннеманъ дѣлаетъ изъ нея выводъ, совершенно невѣрный въ историко-философскомъ смыслѣ. Онъ пропустилъ Петрарку и созданное имъ философское направленіе, не замѣтилъ, что увлеченію Платономъ и Аристотелемъ предшествовала вѣковая попытка обойтись безъ метафизики, предоставивъ ее теологіи, и создать практическую философію эклектическаго характера, въ которой древность и христіанство одинаково приспособлялись къ новымъ потребностямъ. Поэтому, первый періодъ новой философіи, по Теннеману, „заключаетъ въ себѣ борьбу съ схоластикой посредствомъ воспроизведенія и комбинацій древнихъ системъ“ [2]), при чемъ эта послѣдняя предшествуетъ борьбѣ съ старымъ міросозерцаніемъ и служитъ для нея основаніемъ. Гемистосъ Плетонъ является у него раньше Валлы; борьбу противъ схоластики открываетъ Hermolaus Barbarus и A. Politianus, а Валла является ихъ послѣдователемъ [3]), что не вѣрно ни фактически, ни даже хронологически [4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. p. 233.

[3]) Ibid. p. 234—236.

[4]) Авторъ другого извѣстнаго компендіума по исторіи философіи *Рикснеръ* по отношенію къ Ренессансу просто конспектируетъ книгу Булэ. *(Thaddä Anselm Rixner, Handbuch der Geschichte der Philosophie. II. Band. Salzbach 1829).* Напримѣръ, причины появленія новой философіи въ видѣ заголовка формулированы слѣдующими положеніями безъ всякихъ доказательствъ: Sinken der Scholastik und Entstehen einer neuern Zeit durch die Ausbildung eines dritten Standes in den freien Städten, durch Cultivirung der lebendigen Volks-Sprachen und durch Wiederaufleben des Studiums der

Гегель въ своихъ „*Лекціяхъ по исторіи философіи*“ далъ своеобразную терминологію тому глубокому пониманію Ренессанса, которое обнаруживается, какъ мы видѣли, въ его философіи исторіи. Возрожденіе для него—стремленіе къ самосознанію, какъ въ природѣ, такъ и въ сверхчувственномъ мірѣ [1]), проще говоря—критически научное отношеніе къ окружающему. „Это пробужденіе самосознанія (Selbstheit) духа привело за собою возрожденіе древнихъ искусствъ и древнихъ наукъ. Отсюда вышли всѣ стремленія и изобрѣтенія, открытіе Америки и отысканіе пути въ Остъ-Индію, отсюда же въ особенности снова пробудилась любовь къ древнимъ, такъ называемымъ языческимъ наукамъ“ [2]). Если перевести эту терминологію на историческій языкъ, то „пробужденіе духа“ будетъ обозначать развитіе индивидуальнаго самосознанія, и слова Гегеля съ этой точки зрѣнія получаютъ характеръ точнаго опредѣленія подлиннаго смысла гуманистическаго движенія и даютъ вѣрное объясненіе его различныхъ сторонъ. Такъ, исходя изъ своего пониманія основного характера эпохи, Гегель объясняетъ увлеченіе гуманистовъ древней литературой тѣмъ, что въ ней признаны интересы и дѣйствія человѣка въ противоположность божественнымъ, и что развившееся самосознаніе возбудило особенный интересъ къ человѣку [3]). Изъ этого же самосознанія „произошелъ контрастъ между разумомъ и церковнымъ ученіемъ или вѣрой, сдѣлался всеобщимъ взглядъ, что разумъ можетъ признать фальшивымъ нѣчто такое, что́ утверждаетъ церковь“ [4]). Противъ этихъ положеній ничего нельзя возразить съ исторической точки зрѣнія.

Но тонкая дивинація сущности гуманистическаго движенія, которая значительно была облегчена для Гегеля исходнымъ пунктомъ его философскаго міросозерцанія, такъ какъ Ренессансъ былъ по существу духовнымъ движеніемъ, не избавила знаменитаго философа

---

alten Classiker, p. 192, и далѣе слѣдуютъ краткія біографіи нѣкоторыхъ гуманистовъ.

[1]) *Hegel's Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Herausgegeben von K. L. Michelet.* B. 3. Въ Hegel's Werke. 15. Band. Berlin 1836. Erfasste sich der Geist nun in sich selbst, und erhob sich zu der Forderung, sich als wirkliches Selbstbewusstsein sowohl in der übersinnlichen Welt, als in der unmittelbaren Natur zu finden und zu wissen, p. 212.

[2]) Ibid. p. 212—213.

[3]) Diese wurden als studia humaniora, wo der Mensch in seinem Interesse, in seinem Wirken anerkannt ist, dem Göttlichen gegenübergestellt... Dass die Menschen selbst etwas sind, hat ihnen ein Interesse gegeben für die Menschen, die als solche etwas sind. Ibid. p. 213.

[4]) Ibid. p. 213.

отъ фактической ошибки. „Побужденіе наукъ и искусствъ, говоритъ онъ, въ особенности изученія древней литературы было по отношенію къ философіи прежде всего частію только пробужденіемъ древней философіи въ ея раннемъ, первоначальномъ видѣ; новаго еще не появилось“ [1]). Гегель не замѣтилъ всѣхъ эклектическихъ попытокъ, вызванныхъ стремленіемъ примирить средневѣковую философію съ новымъ міросозерцаніемъ [2]), просмотрѣлъ движеніе философской мысли за цѣлое столѣтіе, отъ Петрарки до второй половины XV вѣка. Эта ошибка—результатъ плохого знакомства съ историческимъ матеріаломъ; но лучшее съ нимъ ознакомленіе только подтверждаетъ основной взглядъ Гегеля на сущность Возрожденія.

Рейнгольдъ въ своемъ „*Учебникѣ исторіи философіи*“ только скользитъ по эпохѣ Возрожденія, что̀ до извѣстной степени стушевываетъ пробѣлы въ его положеніи. Онъ считаетъ это время переходнымъ періодомъ и, констатировавши важность Ренессанса, не касается его причинъ и въ философскомъ движеніи отмѣчаетъ только возрожденіе и различныя комбинаціи античныхъ системъ [3]). Въ его книгѣ нѣтъ ошибокъ, но она не даетъ и вѣрнаго представленія объ эпохѣ. Подробнѣе останавливается на Возрожденіи *Фризъ* въ своей „*Исторіи философіи*“; но и онъ не освободился отъ прежнихъ ошибокъ и не оказалъ ни малѣйшаго содѣйствія къ болѣе правильному пониманію гуманистическаго движенія. Признавая исходнымъ пунктомъ новой философіи изученіе законовъ природы по методу Бэкона, Фризъ видитъ въ предшествующихъ движеніяхъ только факторы подготовленныхъ ступеней истинной философіи: они создали „образованіе вкуса, свободу духа отъ авторитета вѣры, отъ іерархическаго авторитета и прочное и ясное направленіе вновь появившейся самостоятельной мысли (eine sichere und klare Führung des neu aufstrebenden Selbstdenkens)“, да и то не вполнѣ [4]). Среди этихъ факторовъ отведено мѣсто и Возрожденію. Его сущность Фризъ видитъ „въ эстетическомъ развитіи духа“, которое создали Данте,

---

[1]) Ibid. p. 213.

[2]) Гегель выдѣляетъ въ особый параграфъ Popularphilosophie (Ibid. p. 217), но имѣетъ въ немъ въ виду Эразма, Меланхтона, Монтеня и Шаррона.

[3]) *Ernst Reinhold, Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. II. Auflage. Iena 1839*, p. 308—310.

[4]) *Jakob Fried. Fries, Die Geschichte der Philosophie, dargestellt nach den Fortschritten ihrer wissenschaftlichen Entwickelung. II. Band. Halle 1840*, p. 236.

Петрарка и Боккаччіо, и въ „пробужденіи любви къ классической литературѣ“, которое вызвали греки [1]). Такимъ образомъ Возрожденіе, по Фризу, не внесло ничего самостоятельнаго въ философію: не говоря уже объ эстетическомъ развитіи, даже изученіе древнихъ собственно не было „вступленіемъ въ новую философію“; оно „пробудило только жизнь, вкусъ и мысль“ и содѣйствовало разрушенію схоластики, да и эту заслугу дѣлятъ съ гуманистами реформаторы, которые, по мнѣнію Фриза, создали и свободу мысли [2]).

Еще у́же и совсѣмъ поверхностно понялъ Возрожденіе *Зигвартъ* въ своей трехтомной *„Исторіи философіи“*. Сущность Ренессанса сводится у него къ „реставраціи филологическихъ занятій“, которая была дѣломъ византійскихъ бѣглецовъ [3]). Эту мысль Зигвартъ проводитъ съ особой настойчивостью. Изъ итальянскихъ гуманистовъ онъ называетъ только Петрарку, Боккаччіо и Валлу, при чемъ не забываетъ упомянуть, что и здѣсь греки имѣли вліяніе, и что учителемъ Петрарки былъ Леонтій Пилатъ [4]). „Преобразованіе духовной жизни“, которое признаетъ и Зигвартъ, произошло по его мнѣнію, въ силу контраста античной литературы съ схоластикой [5]). Въ чемъ оно заключалось, авторъ не говоритъ; не указываетъ также и тѣхъ причинъ, которыя вызвали увлеченіе древностью, и гуманистическое движеніе объясняется чисто внѣшними вліяніями. Такого нефилософскаго пониманія Ренессанса не встрѣчается ни у одного историка философіи.

Изъ всѣхъ новыхъ историковъ философіи съ наибольшимъ вниманіемъ останавливаются на Возрожденіи *Риттеръ* и *Штёкль*. Риттеръ не даетъ исторіи философскихъ идей Ренессанса, начиная съ Петрарки. Представителями гуманистической философіи въ новое время является у него Валла, который въ дѣйствительности стоитъ въ концѣ философскаго процесса, начавшагося съ Петрарки, и греки, съ Виссаріономъ во главѣ, которые въ дѣйствительности начинаютъ новое движеніе въ философіи. Эпоху Возрожденія Риттеръ разсматриваетъ въ введеніи къ новой философіи, какъ одинъ изъ факторовъ, вліявшихъ на ходъ ея дальнѣйшаго развитія, при чемъ онъ

---

[1]) Ibid. p. 235.

[2]) Ibid. p. 238—239.

[3]) *H. C. W. Sigwart, Geschichte der Philosophie vom allgemeinen wissenschaftlichen und geschichtlichen Standpunkt. I. Band. Stuttgart und Tübingen 1844*, p. 350.

[4]) Ibid. p. 364.

[5]) Ibid. 351.

характеризуетъ весь гуманизмъ, какъ нѣчто цѣлое и единое, не различая отдѣльныхъ періодовъ въ его исторіи. Кромѣ того, его занимаютъ только тѣ стороны Ренессанса, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ дальнѣйшему развитію философіи: его отношеніе къ старой церкви и Реформаціи и значеніе ревностнаго изученія античной литературы.

Риттеръ называетъ обыкновенно Ренессансъ „возрожденіемъ наукъ и искусствъ“, но понимаетъ его гораздо шире и глубже этого термина, какъ „полное преобразованіе философскаго міросозерцанія (eine völlige Umwandlung der geistigen Anschauung)“, и эта перемѣна произошла подъ вліяніемъ не только наукъ, но также искусства и формъ общественной жизни [1]). Характернымъ признакомъ движенія былъ глубокой интересъ къ античной литературѣ; но Риттеръ рѣшительно опровергаетъ то мнѣніе, что его возбужденіе было заслугою византійскихъ грековъ: движеніе было вызвано мѣстными причинами [2]), и потому оно стоитъ въ неразрывной связи съ другой крупной перемѣной, которая произошла въ это время въ религіозной сферѣ. Положеніе занятое Ренессансомъ по отношенію къ средневѣковому папству, формулировано Риттеромъ весьма кратко и очень мѣтко. Прежде всего тогда возродились наука и искусство, и въ силу одного этого столкновеніе съ средневѣковою церковью было неизбѣжно. „Такъ какъ искусство и наука принадлежатъ къ духовной области и служатъ образованію души, говоритъ онъ, то они оспариваютъ іерархическій взглядъ, что только церковь и религіозная жизнь думаютъ о нашемъ вѣчномъ благѣ“ [3]). Совершенно естественно, что воззрѣнія гуманистовъ были враждебны старой церкви и должны были ее разрушить. Риттеръ прямо утверждаетъ, что Возрожденіе разрушило іерархическую систему, и по понятной причинѣ: она была основана на воззрѣніяхъ и только измѣненіемъ воззрѣній могла быть разрушена“ [4]).

Это положеніе вѣрно въ томъ смыслѣ, что гуманистическіе идеалы были несовмѣстимы въ воззрѣніями и стремленіями средневѣкового католицизма, и ихъ побѣда была его пораженіемъ. Но побѣда Ренессанса была только теоретическая и притомъ далеко не полная: онъ освободилъ только мысль отъ заржавѣвшихъ оковъ, но онъ не

---

[1]) *Heinrich Ritter, Geschichte der Philosophie. Band IX. Hamburg 1850*, p. 21.

[2]) Ibid. p. 5.

[3]) Ibid. p. 24.

[4]) Ibid. p. 20 и 21.

далъ свободы совѣсти, не создалъ самостоятельной морали. Гуманисты только вышли изъ-подъ церковной опеки, только прорвались сквозь обветшавшую ограду средневѣковой церкви, а не разрушили ея, потому что были безсильны для этого. Между тѣмъ Риттеръ имъ приписываетъ главную заслугу въ этомъ разрушеніи. „Реформація церкви, одна, сама по себѣ, не могла этого сдѣлать, говоритъ онъ. Нельзя оставлять безъ вниманія, что сама она совершилась подъ вліяніемъ возстановленной науки. Преимущественно новый свѣтъ филологическаго изслѣдованія позволилъ открыть много старыхъ заблужденій въ историческомъ преданіи религіозныхъ положеній, въ юридическихъ притязаніяхъ церкви; новый вкусъ къ изящной литературѣ, къ выборнымъ, красивымъ выраженіямъ отвратилъ отъ схоластики столь многіе болѣе тонко образованные умы. Подъ покровительствомъ этихъ духовныхъ силъ выступила церковная реформація“ [1]). Въ такомъ истолкованіи религіознаго движенія сказался профессіональный недостатокъ историка философіи, привыкшаго сводить къ разуму, какъ къ единственному источнику, всѣ духовныя движенія. Одной критикой не создаются новыя культурныя формы, особенно въ религіозной сферѣ, и гуманисты были только полезными союзниками Реформаціи, а не ея вождями, служили застрѣльщиками въ великой борьбѣ, которую вынесли на своихъ плечахъ люди вѣры. Чтобы одержать полную побѣду надъ религіозной формой, нужно противопоставить ей религіозное чувство, а его-то именно и недоставало дѣятелямъ Ренессанса, особенно въ Италіи.

Преувеличивая роль гуманизма въ Реформаціи, Риттеръ не вполнѣ точно опредѣляетъ различіе обоихъ движеній въ отношеніи къ древней литературѣ и наукѣ вообще. Гуманисты „погружаются въ глубины языка, искусства, мышленія древности, чтобы извлечь оттуда источникъ для своего назиданія, чтобы изслѣдовать человѣческую природу и ея отношеніе къ міру и Богу“. Для церковныхъ реформаторовъ это только средство для изученія Библіи, которая является для нихъ „источникомъ жизни“. Возстановители наукъ и искусствъ считаютъ ихъ цѣлью, церковные реформаторы — средствомъ [2]). Эти положенія совершенно справедливы, если имѣть въ виду дѣятелей XVI столѣтія; но въ общемъ такая точка зрѣнія примѣнима только къ узкой ортодоксальности, а не къ протестантизму вообще.

---

[1]) Ibid. p. 25.

[2]) Ibid. p. 25 и 26.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Риттеръ на значеніи въ Ренессансѣ древней культуры, изученіе которой составляетъ столь характерное свойство движенія; но нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ его книгѣ вполнѣ ясно и точно. Прежде всего Риттеръ не выясняетъ причины увлеченія древностью именно въ эту эпоху, вслѣдствіе чего онъ преувеличиваетъ ея вліяніе. Такъ, вліянію древности главнымъ образомъ онъ приписываетъ разрушеніе іерархической системы: познакомившись съ стилемъ древнихъ, гуманисты стали нападать на варварскую латынь схоластики, а потомъ на ея ученія, которыя замѣнялись древней философіей по мѣрѣ того, какъ усвоивали содержаніе этой послѣдней [1]). Изъ источниковъ видно, что въ дѣйствительности дѣло шло иначе, что не отъ стиля пошла оппозиція средневѣковому міросозерцанію, что древняя литература была *оружіемъ* въ борьбѣ, а не ея *источникомъ*, и что теологія начинаетъ вытѣсняться философіей гораздо позже ознакомленія гуманистовъ съ этой послѣдней. Впрочемъ, на-ряду съ этой фиктивной конструкціей процесса Риттеръ указываетъ одинъ дѣйствительный результатъ изученія античной литературы, который нанесъ чувствительный ударъ средневѣковому католицизму и помогъ гуманистамъ секуляризировать культуру. „Настоящая опасность для іерархическихъ воззрѣній заключалась въ томъ, говоритъ онъ, что ознакомились съ духовными благами, которыя давали предчувствіе вѣчнаго и не могли быть ни отвергнуты церковью, ни подчинены ей“ [2]).

Вліяніе древности на развитіе этихъ благъ, т.-е. на новую литературу, искусство и науку, Риттеръ считаетъ двойственнымъ: оно возбуждало къ творческой дѣятельности по примѣру древнихъ и вредило оригинальности творчества, вызывая подражательность, иногда рабскую, античной культурѣ [3]). Съ такимъ положеніемъ въ общей формѣ нельзя не согласиться; но трудность вопроса заключается въ томъ, чтобы выяснить сравнительную силу обоихъ вліяній, т.-е. прослѣдить степень критицизма гуманистовъ въ ихъ отношеніи къ древней литературѣ. Такое изслѣдованіе, существенное для исторіи Возрожденія, потому что оно опредѣлитъ, что́ внесла эта эпоха новаго и оригинальнаго въ исторію, невозможно при современномъ состояніи источниковъ. Тѣмъ не менѣе и при наличныхъ данныхъ можно утверждать, что съ самаго начала движенія отношеніе гуманистовъ къ древности было сочувственное, но критическое. Риттеръ другого мнѣнія.

[1]) Ibid. p. 48 и 49.
[2]) Ibid. p. 50.
[3]) Ibid. p. 46, 47, 55, 56, 57, 65, 66.

Признавая за гуманизмомъ ту заслугу, что онъ соединилъ нашу культуру съ античной [1]), Риттеръ утверждаетъ, что съ самаго начала исчезаетъ критическое отношеніе къ древности, что началось полное, слѣпое увлеченіе античной стариной. „Что казалось старымъ, то считалось за классическое, говоритъ Риттеръ; басня древней исторіи слыла истиной, и, что́ еще хуже, блага новыхъ народовъ не признавались, потому что они не были древними“ [2]). Относясь съ полнымъ презрѣніемъ къ Среднимъ вѣкамъ, гуманисты хотѣли замѣнить, по мнѣнію Риттера, христіанское богословіе греческой философіей и создать изъ языческой миѳологіи доступную для народа религіозную пищу [3]). Такое рабское преклоненіе передъ древностью уничтожало въ гуманистахъ всякое критическое чутье, всякую умственную самостоятельность. Всѣ древніе писатели, къ какой бы эпохѣ они ни принадлежали, имѣли въ ихъ глазахъ одинаковую цѣну и одинаковый авторитетъ, потому что „они не довѣряли ни своему вкусу, ни своему приговору“ [4]). Вообще критика отсутствовала. „Эти люди возстановленія наукъ, говоритъ Риттеръ, думаютъ скромно, даже боязливо; они далеки отъ свободы полагающейся на себя науки; они похожи болѣе на учениковъ, чѣмъ на учителей; у нихъ еще нѣтъ увѣренности, которая покоится на сознаніи, что проложенъ новый путь въ познаніи истины“ [5]). Таковы были, по мнѣнію Риттера, дѣятели эпохи, которая подорвала старые авторитеты и заложила широкое основаніе новой культуры. Всѣ черты этой характеристики заимствованы изъ сочиненій гуманистовъ или могутъ найти въ нихъ подтвержденіе, и, тѣмъ не менѣе, она совершенно невѣрна. Риттеръ ссылается для подтвержденія своихъ взглядовъ на итальянцевъ, на нѣмцевъ, на французовъ и на испанцевъ, и представляетъ такимъ образомъ движеніе, какъ нѣчто разъ данное и неизмѣнное. Получается картина, которая не имѣетъ никакого сходства съ дѣйствительностью. Итальянскія увлеченія второй половины XV вѣка приняты за характерные признаки всего движенія, и у Валлы отрицается смѣлость сужденія, у Альберти оригинальность, у Аккольти уваженіе къ Среднимъ вѣкамъ и т. п. Научная неразработанность эпохи отразилась на мнѣніяхъ глубокомысленнаго и основательнаго ученаго самымъ неподходящимъ для него образомъ.

---

[1]) Ibid. p. 47.
[2]) Ibid. p. 56.
[3]) Ibid. p. 62.
[4]) Ibid. p. 64.
[5]) Ibid. p. 68, 69.

Изучая вліянія, которыя оказало на культуру Возрожденіе, Риттеръ отмѣчаетъ вызванный имъ соціальный переворотъ, оставшійся незамѣченнымъ большинствомъ профессіональныхъ историковъ. „Филологія и книгопечатаніе, по его словамъ, образовали новый общественный классъ ученыхъ, которые вытѣснили духовенство изъ исключительнаго господства въ сферѣ науки и могли отказываться отъ церковныхъ и государственныхъ должностей“. Въ началѣ новой исторіи они представляли собою еще довольно замкнутый классъ, который былъ изолированъ отъ массы употребленіемъ латинскаго языка; но въ соціальномъ отношеніи „эти типографы и эти ученые проложили мостъ между высшими и низшими слоями народа“ [1]). Нельзя сказать, чтобы этотъ весьма важный вопросъ былъ разсмотрѣнъ Риттеромъ съ достаточной полнотой и ясностью. Но уже одна его постановка представляетъ важную заслугу не только для культурной исторіи вообще, но и въ частности для исторіи философіи, потому что эти свѣтскіе „литераторы“ подготовили появленіе новой философіи.

Штёкль стоитъ на строго католической точкѣ зрѣнія: средневѣковая церковь для него вмѣстилище истины; схоластика — образецъ христіанской науки. Ренессансъ, по его мнѣнію, былъ сплошнымъ заблужденіемъ, потому что онъ враждебно относился къ той и другой. Штёкль признаетъ за гуманистическимъ движеніемъ существенную роль въ той катастрофѣ, которой подвергся католицизмъ въ началѣ новой исторіи. Прежде всего оно разрушило средневѣковое „единство“ науки и создало массу новыхъ направленій: изъ философскихъ системъ античнаго міра каждый гуманистъ усвоивалъ ту, которая казалась ему наиболѣе подходящей; иные составляли себѣ эклектическое міросозерцаніе, иные „старались сохранить за собою извѣстную самостоятельность по отношенію къ древнимъ и пролагали свои пути“ [2]). Это былъ тотъ же разрушительный сепаратизмъ въ области науки, который въ политической сферѣ разрушилъ средневѣковую имперію и папство. Но распаденіе „единства“ средневѣкового міросозерцанія обусловливалось, по мнѣнію Штёкля, не лучшимъ знакомствомъ гуманистовъ съ древностью, потому что схоластики и по арабскимъ переводамъ знали все существенное въ античной философіи. Разница заключалась въ томъ, что въ Средніе вѣка извле-

---

[1]) Ibid. p. 51—57.

[2]) *Albert Stöckl. Geschichte der Philosophie des Mittelalters. III. Band. Periode der Bekämpfung der Scholastik. Mainz 1866,* p. 10, 11, 12, 13.

кали изъ нея только истину, руководясь церковными авторитетами; а гуманисты утратили этотъ критерій, объясняли философовъ ими самими и такимъ образомъ создали „ново-языческую философію и ново-языческую науку“ [1]). Штёкль не отрицаетъ, что и среди гуманистовъ было направленіе, которое пыталось примирять языческое съ христіанскимъ, въ особенности въ началѣ движенія; но критеріемъ въ этомъ случаѣ служила языческая философія, къ которой подгоняли христіанскія ученія, вслѣдствіе чего получались только ереси [2]). Съ фактической стороны эти разсужденія совершенно вѣрны: гуманизмъ уничтожилъ деспотическое „единство“ Среднихъ вѣковъ, освободилъ философію и науку отъ „критеріевъ истины“, навязанныхъ ей извнѣ, и внесъ существенное измѣненіе въ религіозное міросозерцаніе, которое въ Средніе вѣка считалось исключительно христіанскимъ. Иное дѣло — оцѣнка, которую даетъ этимъ явленіямъ Штёкль, для котораго, какъ для истаго католика, все, что́ расходится съ его церковью,—языческое или, по меньшей мѣрѣ, еретическое; но анализъ такой точки зрѣнія лежитъ за предѣлами нашей задачи.

Штёкль рѣшаетъ вопросъ и о причинахъ гуманизма. Почему же въ XIV и XV столѣтіяхъ вдругъ появились люди, которыхъ перестала удовлетворять схоластика съ ея благочестивымъ единствомъ? Причина этого заключалась, по мнѣнію Штёкля, въ легкомысленномъ отношеніи къ второстепеннымъ недостаткамъ тогдашней философіи, точно такъ же, какъ подобные недостатки церкви вызвали аналогичное протестантское движеніе. Схоластика, заботясь о содержаніи, игнорировала форму, излагала свои ученія крайне варварскимъ языкомъ и съ чрезвычайно запутанными діалектическими тонкостями. Античные писатели соблазнили гуманистовъ блестящими достоинствами, прямо противоположными этимъ недостаткамъ,—изяществомъ языка и ясностью изложенія. Гуманисты увлеклись формой, а потомъ ихъ фантазіей овладѣло и содержаніе античной литературы [3]). Штёклю слѣдовало бы подтвердить фактами столь соблазнительно-простое истолкованіе такого сложнаго явленія, какъ гуманизмъ. Но фактовъ у него нѣтъ, вслѣдствіе чего самая конструкція, сомнительная и съ перваго взгляда, окончательно падаетъ при первомъ ознакомленіи съ источниками, потому что въ каждомъ гуманистическомъ произведеніи звучитъ основная нота движенія—стре-

[1]) Ibid. p. 13—14.
[2]) Ibid. p. 15—16.
[3]) Ibid. p. 16—18.

мленіе жить полною индивидуальною жизнью. Классикамъ вѣрили, потому что имъ хотѣлось вѣрить, и если ихъ защищали съ такою страстностью, то потому, что боролись за право на существованіе аналогичнаго имъ настроенія.

Ближайшимъ послѣдствіемъ Возрожденія было, по мнѣнію Штёкля, отвращеніе къ схоластикѣ, которое „перешло потомъ на ея представителей и, наконецъ, на самую церковь“. Штёкль рисуетъ психологическую картину постепеннаго усиленія этого отвращенія, которое перешло потомъ въ ожесточенную, непримиримую ненависть, составлявшую единственную связь между представителями Ренессанса. Схоластика заключала въ себѣ истину и защищала ее—это и вызвало злобу гуманистовъ и борьбу на жизнь и на смерть за ихъ ложныя теоріи [1]). Все движеніе представляется такимъ образомъ какимъ-то злобнымъ ослѣпленіемъ, поистинѣ адской интригой исконнаго врага рода человѣческаго. Въ дѣйствительности средневѣковая наука находила себѣ иногда защитниковъ между гуманистами; иные изъ нихъ, какъ Салютати, были готовы даже защищать монашество; но они относились съ безпощадной враждой къ тѣмъ оковамъ, которыя налагалъ на человѣческій духъ средневѣковой католицизмъ. Борьба усиливалась и расширялась не потому, что оппозиція возбуждала злобу у гуманистовъ, а потому, что все яснѣе и яснѣе сознавалась невозможность влить новое вино въ старые мѣхи. Впрочемъ, Штёкль совершенно послѣдовательно не придаетъ всемірно-историческаго значенія ни Ренессансу, ни Реформаціи. Духъ злобы не восторжествовалъ: протестантство только оживило церковь, освободивъ ее отъ негодныхъ членовъ; гуманизмъ помогъ реформѣ схоластики, которая сбросила съ себя устарѣлыя формы, какъ „грубую шелуху“, и возродилась, подобно фениксу, въ орденѣ Іисуса [2]). Фактъ, что папство уцѣлѣло, и сохранились еще руины средневѣкового міросозерцанія; но теперешнее состояніе архаическихъ культурныхъ формъ давно пережитого прошлаго едва-ли можно назвать побѣдой. Достаточно сравнить дѣйствіе Силлабуса Пія IX съ буллами Иннокентія III или скромную рекомендацію Львомъ XIII Ѳомы Аквината, какъ идеала христіанской науки, съ средневѣковыми кострами, чтобы убѣдиться, на чьей сторонѣ побѣда въ новой исторіи.

Введенія Риттера и Штёкля—самое крупное и обстоятельное, что̀ сказано о Ренессансѣ историками философіи. Позднѣйшія произ-

---

[1]) Ibid. p. 18—20.
[2]) Ibid. p. 21.

веденія по исторіи новой философіи датируютъ обыкновенно ея начало съ позднѣйшихъ эпохъ или ограничиваются незначительными вводными замѣчаніями. То же самое встрѣчаемъ мы и въ общихъ обзорахъ по исторіи философіи. Нѣкоторые авторы, какъ *Тило*, *Кнауэръ* [1]) и др., считаютъ возможнымъ обходить гуманистическое движеніе абсолютнымъ молчаніемъ. Иные, какъ *Рабусъ* и *Фалькенбергъ* [2]), ограничиваются совершенно ничтожными общими замѣчаніями, при чемъ встрѣчаются такія грубыя ошибки и такое поверхностное отношеніе къ столь важному явленію, что приходится изумляться, какое слабое вліяніе оказалъ Риттеръ съ своими предшественниками на своихъ преемниковъ. Такъ *Швеглеръ* продолжаетъ выводить интересъ къ древнимъ изъ Византіи [3]); *Дюрингъ* считаетъ Возрожденіе ничѣмъ инымъ, какъ „болѣе истиннымъ знакомствомъ съ остатками греческой литературы“ [4]); *Иберверъ*, несомнѣнную заслугу котораго составляетъ довольно обстоятельная библіографія эпохи, игнорируетъ индивидуализмъ въ Ренессансѣ и объясняетъ интересъ къ древнимъ, кромѣ сухости схоластики и античныхъ остатковъ въ Италіи, только возрастаніемъ благосостоянія [5]). Наконецъ, *Киркнеръ* въ сочиненіи, предназначенномъ для самаго широкаго распространенія, повторяетъ почти всѣ старыя ошибки о гуманизмѣ и присоединяетъ къ нимъ двѣ новыя, относя эту эпоху къ Среднимъ вѣкамъ и смѣшивая въ одну кучу съ гуманистами Виклефа, Гусса и Саванароллу [6]).

---

[1]) *Chr. A. Thilo, Kurze pragmatische Geschichte der Philosophie. II. Theil. II. Auflage. Göthen. 1881. Knauer, Geschichte der Philosophie mit besonderer Berücksichtigung der Neuzeit. Wien 1876.*

[2]) *L. Rabus. Grundriss der Geschichte der Philosophie. Erlangen 1887*, p. 78. *Richard Falckenberg, Geschishte der neueren Philosophie von Nicolaus von Kues bis zur Gegenvart. Im Grundriss dargestellt. Leipzig 1886*, p. 20.

[3]) *Alb. Schwegler, Geschichte der Philosophie im Umriss. IV. Auflage. Stuttgart 1860*, p. 104.

[4]) *E. Dühring, Kritische Geschichte der Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart.* Berlin 1869, p. 205.

[5]) *Fr. Überweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie. III. Theil. V. Auflage. Berlin 1880*, p. 4 и 7.

[6]) Wir rechnen diese Zeit deshalb zum Mittelalter, weil die Gesinnung derselben noch ganz befangen und auctoritativ bestimmt ist. Wohl suchten diese Männer, angeregt durch die 1453 aus Constantinopel flüchtenden Griechen die Urtexte der alten Philosophen hervor; aber sie machten sich doch wieder von ihnen ebenso abhängig, wie die Scholastiker von den früheren verdorbenen Texten, und wie diese, so waren auch die Männer der Renais-

Въ общихъ обзорахъ и въ исторіяхъ отдѣльныхъ философскихъ системъ встрѣчаются иногда вѣрныя, иногда оригинальныя замѣчанія о гуманистическомъ движеніи. Но они обыкновенно брошены вскользь и всегда лишены фактическаго или теоретическаго обоснованія. Такъ, совершенно афористическій характеръ носитъ мѣткое замѣчаніе *Конрада Германа*, что философскій эклектизмъ гуманистовъ объясняется ихъ стремленіемъ къ примиренію языческаго и христіанскаго началъ [1]). Весьма интересное замѣчаніе дѣлаетъ объ этой эпохѣ *Эрдманъ* въ своемъ „*Очеркъ исторіи философіи*“. Ренессансъ, по его мнѣнію, несмотря на свои особенности, въ сущности носитъ средневѣковой характеръ въ той же мѣрѣ, въ какой эпоха римской имперіи принадлежитъ къ античному міру. Это положеніе, весьма спорное само по себѣ, подтверждается тѣмъ, что отличительной чертой Ренессанса является индивидуализмъ, не извѣстный древности. Поэтому, думаетъ Эрдманъ, не происхожденіе отъ римлянъ и не паденіе Константинополя играли самую важную роль въ движеніи, а политическое раздробленіе Италіи [2]). Такой точкѣ зрѣнія нельзя отказать въ оригинальности; но она не выдерживаетъ и снисходительной критики. Индивидуализмъ дѣйствительно составляетъ характерную особенность Ренессанса; но эта черта еще больше отличаетъ гуманизмъ отъ Среднихъ вѣковъ, чѣмъ отъ древняго міра. Если въ древности личность „исчезала въ націи или въ государствѣ“, то въ Средніе вѣка ее еще больше поглощало сословіе и корпорація. Индивидуализмъ, по крайней мѣрѣ въ духовной сферѣ, началъ развиваться у античныхъ народовъ весьма рано, и гуманисты встрѣтились съ нимъ у древнихъ писателей и за то преимущественно такъ и привязались къ ихъ произведеніямъ. Между тѣмъ индивидуалистическій элементъ совершенно отсутствуетъ въ средневѣковой литературѣ. Что касается до причинъ Ренессанса, то едва-ли политическая раздробленность Италіи занимала между ними значительное мѣсто. Во всякомъ случаѣ это по-

---

sance meist gute Christen; es fiel ihnen nicht ein, die Consequenzen ihrer antiken Lehren zu ziehen, Wohl wurde in diesen Jahrhunderten von einzelnen Männern, wie Wiclyffe, Husz, Savanarolla, gegen die Kirche opponirt; aber sie selbst standen doch dabei auf dem Grunde der Bibel, deren Auctorität in Zweifel zu ziehen ihnen fernlag. *Kirchner, Katechismus der Geschichte der Philosophie bis zur Gegenwart. Leipzig 1877*, p. 210.

[1]) *Conrad Hermann, Geschichte der Philosophie in pragmatischer Behandlung. Leipzig 1867*, p. 257—259.

[2]) *Joh. Ed. Erdmann. Grundriss der Geschichte der Philosophie. I. Band. Berlin 1866*, p. 502, 503.

ложеніе еще требуетъ доказательствъ. Повидимому, Эрдманъ самъ чувствовалъ, что его основная мысль аргументирована не достаточно, и въ новомъ изданіи своей книги прибавилъ новыя доказательства. Гуманисты, по его словамъ, „по большей части не только принадлежатъ къ духовному сословію, но и по своему настроенію люди благочестивые въ церковномъ смыслѣ—язычники головой и римскіе католики сердцемъ“ [1]). Аргументъ совсѣмъ неудачный, потому что стоитъ въ противорѣчіи съ фактами: почти всѣ вліятельные гуманисты, какъ мы увидимъ, не католики, хотя большинство изъ нихъ и не желаетъ порывать съ христіанствомъ.

Весьма глубокое пониманіе Ренессанса и совершенно правильный взглядъ на сущность гуманистическаго движенія высказалъ *Виндельбандъ* въ своей „*Исторіи новой философіи въ связи съ общей культурой и отдѣльными науками*“. Виндельбандъ не изучалъ документально Возрожденія, иначе онъ не поставилъ бы Данте наряду съ Петраркой, остановился бы на міровоззрѣніи послѣдняго и изложилъ бы развитіе философской мысли въ гуманизмѣ до начала знаменитаго спора о Платонѣ и Аристотелѣ во второй половинѣ XV вѣка. Пропущенный обзоръ составляетъ особенно существенный пробѣлъ его книги въ виду культурно-исторической цѣли автора. Но Виндельбандъ хорошо знакомъ съ спеціальными сочиненіями по Ренессансу и сумѣлъ извлечь изъ нихъ, въ особенности же изъ блестящихъ дивинацій Буркгардта, тѣ воззрѣнія, которыя не противорѣчатъ источникамъ, поскольку эти послѣдніе извѣстны въ настоящее время. Виндельбандъ вѣрно опредѣляетъ историческое значеніе гуманизма. „Мы называемъ, говоритъ онъ, это время перехода Ренессансомъ—именемъ, которое, образовавшись сначала въ приложеніи къ новому оживленію классическихъ занятій, имѣетъ тотъ болѣе глубокій и болѣе цѣнный смыслъ, что оно обозначаетъ время полнаго возрожденія европейской жизни. Въ пламени страстнаго движенія этихъ временъ вмѣстѣ сплавились результаты всей предшествующей культуры, идеи античной и христіанской эпохъ, и изъ горнила вышелъ новый культурный человѣкъ, какъ фениксъ, въ свѣжемъ обновленіи“ [2]). Сущность гуманистическаго движенія Виндельбандъ видитъ совершенно правильно въ индивидуализмѣ. „Высокое развитіе индивидуума, говоритъ онъ, сдѣлалось основаніемъ духовной свободы.

---

[1]) Ibid. Berlin 1869, p. 494.

[2]) *W. Windelband, Die Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange mit der allgemeinen Cultur und den besonderen Wissenschaften. I. Band. Leipzig 1878*, p. 2.

Индивидуумъ, сознавши свою цѣну и свое право и прежде всего пріученный политикой къ составленію собственнаго мнѣнія, началъ мыслить самостоятельно (von sich aus) и въ себѣ самомъ искать критерія для познанія и для оцѣнки вещей“ [1]). Вполнѣ основательно указываетъ далѣе Виндельбандъ на причины наиболѣе ранняго появленія движенія именно въ Италіи. „Тамъ наиболѣе сильны были оба элемента, изъ которыхъ вышла новая цивилизація: культуры античная и христіанская. Тамъ политическая децентрализація заставляла глубже вдумываться въ мѣстныя особенности, а борьба партій вынуждала индивидуума составлять себѣ ясное представленіе объ общемъ ходѣ политическихъ дѣлъ на родинѣ и вырабатывать самостоятельныя политическія убѣжденія“ [2]). Къ этому присоединились болѣе широкія вліянія, дѣйствовавшія не на одну только Италію. Виндельбандъ сводитъ всѣ эти вліянія, несмотря на различіе ихъ цѣлей, къ борьбѣ противъ исходнаго пункта схоластики—положенія „о тождественности философіи и церковнаго ученія“ [3]). Авторъ отклоняетъ отъ себя задачу изслѣдованія причинъ этой тенденціи и только мимоходомъ отмѣчаетъ нѣкоторыя изъ нихъ: Крестовые походы, индивидуализмъ и развитіе національнаго самосознанія у новыхъ народовъ [4]). Недостатокъ этихъ соображеній заключается въ ихъ черезчуръ общемъ характерѣ, что́ зависитъ впрочемъ отъ глубины и сложности самого вопроса. Намъ кажется только, что Виндельбандъ дѣлаетъ крупный промахъ, не отмѣтивъ въ ряду факторовъ, дѣйствовавшихъ противъ схоластики, практическое крушеніе аскетическаго идеала во вторую половину Среднихъ вѣковъ.

Провозгласивъ индивидуализмъ существеннымъ содержаніемъ Ренессанса, Виндельбандъ энергически возстаетъ противъ застарѣлаго заблужденія относительно роли въ немъ византійскихъ грековъ. Считать разрушеніе Константинополя и появленіе въ Италіи бѣглыхъ грековъ „началомъ или даже причиною“ гуманистическихъ занятій,— это, по его мнѣнію, „внѣшнее и извращенное пониманіе“ Ренессанса [5]). Дѣло совсѣмъ не въ нихъ и даже не въ увлеченіи древностью: изъ возрожденія индивидуума и политико-соціальной жизни, говоритъ онъ, вышелъ художественный и научный Ренессансъ. Такимъ образомъ на-ряду съ духовной культурой, которая господ-

[1]) Ibid. p. 8.
[2]) Ibid. p. 7.
[3]) Ibid. p. 3.
[4]) Ibid. p. 6.
[5]) Ibid. p. 8.

ствовала надъ Средними вѣками, постепенно усиливалась глубоко отъ нея различная свѣтская культура“ [1]). Виндельбандъ сводитъ къ этому и развитіе искусства, и расширеніе горизонта въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и демократическій духъ гуманистовъ, которые отрицали сословныя отличія и признавали просвѣщеніе единственнымъ основаніемъ для дѣленія общественныхъ классовъ, и даже развитіе новыхъ языковъ, какъ протестъ противъ все нивеллирующей латыни [2]). Въ книгѣ Виндельбанда нѣтъ цитатъ; но и въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, которыя послужили для него источникомъ, эти положенія не составляютъ строго научнаго вывода изъ фактическаго матеріала. Это только весьма правдоподобная руководящая точка зрѣнія для будущихъ изслѣдователей Ренессанса.

Наиболѣе слабая сторона Виндельбанда—его взглядъ на причины увлеченія древностью въ эпоху Возрожденія. Онъ совершенно справедливо отказывается видѣть въ немъ сущность Ренессанса и называетъ такую точку зрѣнія „поверхностной“ [3]). По его мнѣнію, это увлеченіе вышло изъ внутренняго родства (aus congenialer Auffassung und aus innerstem Bedürfnisse), которое онъ сводитъ къ эстетикѣ. „Занятіе древностью, говоритъ онъ, по существу основывалось въ дѣйствительности на эстетической потребности“ [4]). Противъ этого положенія рѣшительно говорятъ источники. Любой трактатъ истаго гуманиста, начиная съ Петрарки, ясно показываетъ, что въ древности искали не образовъ, не формы только, а главнымъ образомъ идей и фактовъ, которыми можно было бы воспользоваться для борьбы съ схоластикой и для выработки новаго міросозерцанія.

Общіе обзоры по исторіи философіи за предѣлами Германіи ничего не прибавляютъ къ пониманію Ренессанса. Большая часть изслѣдователей во Франціи, Англіи и Италіи совершенно обходятъ эту эпоху въ исторіи новой философіи [5]). Другіе, какъ *Кузэнъ* и

---

[1]) Ibid. p. 9.

[2]) Ibid. p. 9, 10.

[3]) Ibid. p. 8.

[4]) Ibid. p. 8, 9.

[5]) Такъ дѣлаетъ, напр., *Papillon* (Histoire de la philosophie moderne dans ses rapports avec le développement des sciences de la nature. Paris 1876). *Bowen* (Modern philosophy from Descartes to Schopenhauer and Hartmann. London 1877). *Natale* (Storia della filosofia moderna da Cartesio a Kant. Roma 1872). Изъ англійскихъ историковъ философіи мимоходомъ касается Ренессанса *Льюисъ* въ своей *„Исторіи философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени (С.-Петербургъ 1889)“*, столь извѣстной у насъ, благодаря многочисленнымъ переводамъ. Посвящая коротенькій па-

Фулье, хотя и останавливаются на ней, но не оказываютъ никакого содѣйствія ея изученію. *Кузэнъ* посвящаетъ въ своемъ курсѣ цѣлую лекцію философіи Возрожденія до XVII столѣтія [1]), но только повторяетъ въ ней старыя ошибки. По его словамъ, „взятіе Константинополя перенесло въ Европу искусство, литературу и философію древней Греціи и этимъ измѣнило всѣ, существовавшія до сихъ поръ направленія“ [2]). Слѣдствія этого мнимаго факта представляются Кузэну не вполнѣ ясно. Заѣзжіе греки „не создали нашихъ искусствъ, нашей литературы, потому что они уже существовали, говоритъ онъ; но изъ этого источника вошло въ европейское воображеніе чувство красоты формы, свойственное древности“ [3]). По его мнѣнію, въ основѣ европейской культуры лежатъ результаты предшествующаго средневѣкового развитія; заносное движеніе не произвело глубокаго переворота, и Шекспиръ, напр., совсѣмъ не подвергся его вліянію [4]). А въ то же время онъ говоритъ: „Греція не только вдохновила Европу; она какъ бы очаровала, околдовала и опьянила ее, и характеръ философіи этой эпохи—лишенное всякой критики подражаніе древней философіи“ [5]). Французскаго историка философіи совсѣмъ не затронули результаты размышленія надъ Ренессансомъ его нѣмецкихъ сотоварищей [6]). Философіи Ренессанса посвящаетъ особую главу въ своей „*Исторіи философіи*“ *Альфредъ Фулье*, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ писателей-философовъ современной Франціи. Но онъ, подобно Кузэну, разумѣетъ

раграфъ „Возрожденію наукъ“, Льюисъ замѣчаетъ только, что послѣ паденія Константинополя на смѣну церковнаго авторитета появился авторитетъ греческой философіи, который имѣлъ то преимущество передъ прежнимъ, что оставался „безъ глубокихъ корней въ жизни націи, безъ внѣшней установившейся власти“; вслѣдствіе чего его легко было разрушить (p. 362).

[1]) *Victor Cousin. Histoire générale de la Philosophie depuis les temps les plus anciens jusqu'à la fin du XVIII-e siècle. Paris 1863*, p. 248 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 249.

[3]) Ibid. p. 250.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. p. 251.

[6]) До какой степени твердо держится закоренѣлая ошибка о причинахъ Ренессанса во французской литературѣ, весьма характерно свидѣтельствуетъ опредѣленіе этой эпохи въ словарѣ Литтрэ. Знаменитый ученый и апостолъ философской школы говоритъ, что это „époque où les lettres grecques font leur entrée en Occident; ce qui excita la plus vive ardeur pour l'étude des monuments littéraires de l'antiquité; cette époque commence à la prise de Constantinople en 1453, qui causa l'émigration de Grecs instruits en Italie“. Littré. Dictionnaire IV, p. 1605.

подъ этой эпохой не только Возрожденіе въ обычномъ смыслѣ слова, но также Реформацію и періодъ скептицизма и научныхъ открытій. Причиною Ренессанса въ Италіи и онъ считаетъ паденіе Константинополя, и онъ говоритъ о повальномъ увлеченіи античной философіей. Только вліяніе древности толкуется у Фулье болѣе остроумно и оригинально, чѣмъ у Кузэна. „Схоластика, говоритъ онъ, освятила уваженіе къ древности, и это уваженіе обратилось противъ нея: одному авторитету противопоставили другой, и въ этой борьбѣ погибъ самый принципъ авторитета въ философіи“ [1]). Въ этой тирадѣ вѣрно то, что античная литература служила опорой въ борьбѣ съ схоластикой. Но ея авторитетъ основывался не на уваженіи къ ней въ Средніе вѣка; наоборотъ, гуманисты особенно и порицали схоластиковъ за отсутствіе этого уваженія да и сами относились къ этому авторитету сочувственно, но критически. Поэтому принципъ авторитета въ философіи едва-ли погибъ тѣмъ путемъ, какъ думаетъ Фулье. Его естественно устранилъ тотъ критицизмъ, который обнаружился у гуманистовъ при самомъ началѣ движенія, за цѣлое столѣтіе до паденія Константинополя. Разсужденіе Фулье было бы справедливо, если бы Гемистосъ Плетонъ и Фичино непосредственно столкнулись съ Ѳомой Аквинатомъ; но имъ предшествовало разложеніе схоластики въ концѣ Среднихъ вѣковъ и цѣлое столѣтіе гуманистическаго движенія.

Кромѣ историковъ, ставившихъ своей задачей изложеніе судебъ философіи древней и новой, эпохи Возрожденія касаются изслѣдователи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпохъ или философскихъ школъ. Сюда относится *Моригъ Карріеръ*, авторъ сочиненія: „*Философское міросозерцаніе реформаціоннаго времени въ его отношеніяхъ къ современности*“ и *Э. Ренанъ*, написавшій книгу объ Аверроэсѣ и его послѣдователяхъ. Карріеръ въ введеніи къ своей книгѣ совершенно вѣрно считаетъ индивидуализмъ исходнымъ пунктомъ обоихъ движеній, открывающихъ новое время. „Духъ личной свободы проснулся, говоритъ онъ, и выступилъ на борьбу во всѣхъ областяхъ. Онъ чувствовалъ себя совершеннолѣтнимъ и хотѣлъ слѣдовать не чужому авторитету, а только собственному голосу, хотѣлъ самъ видѣть, самъ установлять свою жизнь и пріобрѣтать спасеніе“ [2]). Признавая эту черту общей въ Ренессансѣ и Реформаціи, Карріеръ

[1]) *Alfred Fouillée, Histoire de la philosophie. Paris 1887*, p. 216.

[2]) *Moritz Carriere, Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit in ihren Beziehungen zur Gegenwart. II. Auflage. I. Theil. Leipzig 1887*, p. 1.

указываетъ, хотя нѣсколько туманно и неопредѣленно, и разницу между обоими движеніями. „Въ Италіи, говоритъ онъ, имѣло перевѣсъ изученіе древности и природы, въ Германіи—углубленіе ума въ себя самого и въ Бога съ стремленіемъ изъ природы и изъ ея силъ понять сущность божества... въ то время, какъ итальянцы часто противопоставляли свой натурализмъ схоластической теологіи и прятались за фразой, что можетъ быть одна истина въ наукѣ, другая въ религіи. Италія искала и нашла Бога въ природѣ, Германія въ душѣ“ [1]). Ожидаешь, что эта параллель нѣсколько выяснится въ изложеніи и что въ книгѣ будутъ намѣчены по крайней мѣрѣ главные фазисы развитія индивидуализма. Но Каррьеръ не держится хронологической точки зрѣнія и характеризуетъ все гуманистическое движеніе во всѣхъ странахъ и не только не отмѣчаетъ его историческаго развитія и мѣстныхъ особенностей, но по большей части совершенно игнорируетъ занимающую насъ эпоху. Только во главѣ *„Возобновленіе греческой философіи“* даетъ онъ краткій очеркъ изученія греческаго языка въ Италіи, а главу о воззрѣніяхъ на природу начинаетъ съ Пико-делла-Мирандола, главу о соціальныхъ тенденціяхъ и теоріяхъ съ Макіавелли. Во 2-мъ томѣ, посвященномъ религіи и философіи въ Италіи, разсматриваются итальянскіе мыслители, начиная только съ Кордано, такъ что для исторіи ранняго гуманизма книга Каррьера имѣетъ мало значенія [2]). *Ланге* въ своей *„Исторіи матеріализма“* весьма мѣтко характеризуетъ Возрожденіе. „Эта эпоха, говоритъ онъ, съ одушевленіемъ примыкаетъ къ стремленіямъ и преданіямъ древности; но въ то же время повсюду обнаруживаетъ зародыши новаго великаго и самостоятельнаго культурнаго періода“ [3]). Мысль совершенно вѣрная, но, высказанная мимоходомъ, она носитъ афористическій характеръ [4]).

Ренанъ въ книгѣ объ Аверроесѣ касается двухъ вопросовъ, имѣющихъ интересъ для исторіи гуманистическаго движенія; о философскомъ значеніи Ренессанса и объ отношеніи гуманистовъ къ авер-

---

[1]) Ibid. p. 3.

[2]) Въ 3 томѣ Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur (Berlin 1890, p. 236) Каррьеръ еще разъ возвращается къ философіи Возрожденія (*Zur Philosophie der Renaissance*), но разсматриваетъ только новыя сочиненія о Дж. Бруно.

[3]) *Fr. Alb. Lange, Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. II. Auflage, 1. Band. Iserlohn 1873*, p. 180.

[4]) *Vacherot* въ 3-мъ томѣ своей *Histoire critique de l'École d'Alexandrie. Paris 1851*, говоритъ о вліяніи неоплатонизма на Возрожденіе, но онъ имѣетъ въ виду только вторую половину XV вѣка (p. 117 и слѣд.).

роизму. Первый вопросъ рѣшается Ренаномъ момоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ. Отмѣтивъ, что аверроистъ Кремонини умеръ въ 1631 году, Ренанъ задаетъ себѣ вопросъ: „какимъ образомъ эта нелѣпая философія могла быть столь живучей?“ и отвѣчаетъ на него такъ: „мнѣ кажется, что гуманистическое движеніе было движеніемъ литературнымъ, а не философскимъ“ [1]). Поэтому философія осталась въ рукахъ средневѣковыхъ діалектиковъ. „Варварская Европа въ своей груди нашла порывъ къ ученой любознательности, но не чувство красоты формы. Теперь она въ школѣ древнихъ изучала реторику. Представители гуманистическаго движенія никогда рѣшительно не овладѣли философіей“ [2]). Съ такимъ объясненіемъ едва-ли можно согласиться. Философскій интересъ составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ гуманизма съ самаго начала движенія, начиная съ Петрарки. Правда, главное, почти исключительное вниманіе обращалось на практическую мораль; но для ея философскаго обоснованія необходимо было касаться и такихъ отвлеченныхъ вопросовъ, какъ, напр., о свободѣ воли, о судьбѣ и т. п. Если гуманисты не выработали самостоятельной философской системы, то причину этого слѣдуетъ искать въ ихъ безсиліи сразу противопоставить законченное міросозерцаніе такой цѣльной и всесторонне разработанной системѣ, какъ вырабатывавшійся цѣлыми столѣтіями средневѣковой аскетизмъ. Эта чрезвычайно трудная задача затруднялась еще тѣмъ, что психологическія основы новаго міросозерцанія, которое не должно было и не могло выйти за предѣлы христіанства, было невозможно примирить съ средневѣковымъ католицизмомъ, единственной извѣстной тогда формой христіанскаго ученія. Этимъ же объясняется, что только послѣ безплодныхъ попытокъ найти свой путь въ философіи, гуманисты только со второй половины XV столѣтія безусловно подчинились авторитету — одни Платона, другіе Аристотеля. Въ этомъ же заключается, по всей вѣроятности, и причина живучести аверроизма.

Въ итальянскомъ аверроизмѣ было нѣчто общее съ гуманизмомъ, хотя онъ заимствовалъ изъ схоластики форму и рабское преклоненіе передъ Аристотелемъ, какъ его понималъ и толковалъ Аверроесъ. Въ эту эпоху, говоритъ Ренанъ, „обнаруживается положительный духъ и наклонность къ матеріализму, которая господствуетъ въ сѣверной

---

[1]) *Ernest Renan, Averroès et l'averroïsme. Essai historique. 3-me édition. Paris 1866*, p. 322.

[2]) Ibid. p. 323.

Италіи; количество сильныхъ умовъ возрастаетъ, и здѣсь, какъ повсюду, они стараются прикрыться именемъ Аверроеса. Но нѣсколько жесткія формы перипатетизма и варварство арабской школы заставили аверроистовъ впасть въ мертвое педантство, которое не могло нравиться болѣе культивированнымъ ушамъ Флоренціи“ [1]). Въ сущности, слѣдовательно, Аверроесъ въ Италіи служилъ такою же опорою для новыхъ духовныхъ потребностей, какъ и древность, и аверроизмъ, и гуманизмъ являются параллельными и аналогичными теченіями. Тѣмъ не менѣе между ними шла борьба. Ренанъ отмѣчаетъ оппозицію аверроистамъ со стороны Петрарки, гуманистическихъ перипатетиковъ, платониковъ и просто гуманистовъ [2]). Эта борьба только у Петрарки и у платониковъ носила и могла носить принципіальный характеръ: первый, какъ мы увидимъ ниже, возставалъ противъ рѣзко-антихристіанскаго направленія аверроистовъ, вторые ратовали во имя превосходства ученія Платона. Гуманистическіе поклонники Аристотеля возражали только противъ неправильнаго чтенія и толкованія его текста, а остальные гуманисты—противъ схоластической формы. Эта послѣдняя борьба носила чисто филологическій характеръ и не была особенно сильной. Замѣчательно, что послѣдователи Петрарки до половины XV вѣка [3]) не приняли его пламеннаго воззванія выступить на защиту Христа противъ арабскаго магометанина. Было ли это горделивое презрѣніе къ этой схоластикѣ sui generis, или живѣе почувствовалось нѣкоторое родство съ гуманизмомъ основныхъ стремленій аверроистовъ, — на этотъ вопросъ книга Ренана не даетъ отвѣта, котораго и ожидать нельзя при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о гуманистической литературѣ.

Историческіе обзоры отдѣльныхъ частей философіи не даютъ почти ничего для исторіи Ренессанса. Новый историкъ психологіи *Гармсъ* обходитъ эту эпоху полнымъ молчаніемъ [4]): тотъ же авторъ въ своей исторіи логики мимоходомъ упоминаетъ о Валлѣ только для того, чтобы выразить порицаніе его логическимъ построеніямъ [5]). Съ бо́льшимъ вниманіемъ относится къ этой эпохѣ *Прантль* въ своей обстоятельной „*Исторіи логики на западѣ*“. Онъ непосредственно знакомъ съ тѣми произведеніями Петрарки, Бруни и

---

[1]) Ibid. p. 328.

[2]) Ibid. p. 328, 383, 388, 391.

[3]) Всѣ приведенные у Ренана примѣры относятся къ позднѣйшему времени. См. p. 391 и слѣд.

[4]) *Harms, Geschichte der Psychologie. Berlin 1879.*

[5]) *Harms, Geschichte der Logik. Berlin 1881*, p. 130.

Валлы, въ которыхъ первые особенно рѣзко нападаютъ на схоластику, а послѣдній дѣлаетъ попытку произвести реформу въ логикѣ [1]). Но онъ стоитъ на узко спеціальной точкѣ зрѣнія и оцѣниваетъ Ренессансъ исключительно по тѣмъ результатамъ, какіе имѣло это движеніе для логики. Поэтому Прантль весьма не высоко ставитъ гуманистическое движеніе. Прежде всего оно не убило схоластики, которая продолжала сохранять свое мѣсто, особенно въ университетахъ, на-ряду съ гуманизмомъ, совершенно игнорируя нападки его представителей [2]). Кромѣ того, его заслуги въ философіи исчерпываются „только ознакомленіемъ съ Платоновой поэзіей и съ болтливымъ дилеттантизмомъ Цицерона, т.-е., съ двумя направленіями, которыя по отношенію къ трезвому и разумному пониманію (Auffassung) далеко не могутъ быть поставлены на-ряду съ аристотелизмомъ“, который былъ хорошо извѣстенъ, хотя и въ нѣсколько искаженномъ видѣ, уже съ XIII столѣтія [3]). Наконецъ, самая борьба велась неудачными средствами: или посредствомъ возстановленія настоящаго Аристотеля, или замѣною логики риторикой. Это послѣднее направленіе было такъ сильно, что испортило первое, такъ какъ „аристотелизмъ вступилъ въ неудачный (verfehlt) союзъ съ риторикою“. „Само собой разумѣется, говоритъ Прантль, что вмѣстѣ съ цицеронизмомъ появились поверхностность, ненаучность (Unwissenschaftlichkeit) и тщеславіе, и естественно поэтому, что намъ нечего сообщить объ улучшеніи логики; но утѣшительное заключается въ томъ, что вообще появился какой-нибудь противникъ монотонной абсурдности схоластической логики“ [4]). Намъ кажется, что этотъ суровый приговоръ долженъ быть значительно видоизмѣненъ, если взглянуть на Ренессансъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ та, на которой стоитъ Прантль. Что схоластика продолжала существовать на-ряду съ гуманизмомъ—это фактъ, но подлежащій сомнѣнію; но не слѣдуетъ забывать, что Ренессансъ подкопалъ ея основы и заложилъ фундаментъ новой философіи. Совершенно вѣрно также, что до Валлы пытались замѣнить логику риторикой; но на-ряду съ этимъ гуманизмъ впервые потребовалъ изученія души человѣческой и этимъ самымъ создалъ новое направленіе для всѣхъ отдѣловъ философіи.

---

[1]) *Carl Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande. 4-ter Band. Leipzig 1870*, p. 152 и слѣд., 159, 161.

[2]) Ibid. p. 151.

[3]) Ibid. p. 152.

[4]) Ibid. p. 159.

Изъ всѣхъ отдѣловъ философіи съ наибольшимъ интересомъ относились итальянскіе гуманисты къ морали, которой посвящена масса произведеній ранняго Ренессанса. Тѣмъ не менѣе этика Возрожденія еще ждетъ своего историка, потому что въ общихъ обзорахъ этическихъ воззрѣній ей отводится крайне ничтожное мѣсто. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія *Маргейнеке* чувствовалъ важность переворота, произведеннаго въ этой области Ренессансомъ. „Съ тѣхъ поръ какъ Петрарка, говоритъ онъ, высказалъ положеніе, что его философія направлена не на знаніе, а на улучшеніе, ходячая философія получила свой приговоръ, и чистое христіанство впервые свободно вдохнуло свѣжій воздухъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе Маргейнеке ничего не прибавилъ къ изученію Возрожденія; то же самое можно сказать и о *Гассѣ* [2]). *Циглеръ* въ своей „*Исторіи христіанской этики*“ посвящаетъ гуманизму нѣсколько страницъ, скомпилированныхъ по общимъ сочиненіямъ и преимущественно по Буркгардту [3]). Самостоятельное наблюденіе автора надъ гуманистической этикой заключается въ томъ, что она носитъ антихристіанскій характеръ, потому что въ ней отсутствуетъ аскетическій взглядъ на человѣка. „Для христіанства, говоритъ Циглеръ, человѣкъ становится достойнымъ и интереснымъ только какъ объектъ и сосудъ благодати“ [4]). Гуманисты такъ не ставили вопроса; но свое ученіе о человѣческой природѣ они всегда старались, какъ мы увидимъ, примирить съ священ. Писаніемъ. Циглеръ обѣщаетъ подробнѣе изложить гуманистическую этику въ дальнѣйшихъ томахъ своего сочиненія; для этого ему придется ознакомиться непосредственно съ гуманистическими произведеніями, чтобы придать научную цѣну своимъ выводамъ.

Огромныя перемѣны, внесенныя Ренессансомъ въ пріемы философскаго мышленія, въ направленіе философской мысли и въ общее міросозерцаніе, привлекли вниманіе къ гуманистическому движенію историковъ философіи, и они оказали важныя услуги, если не фактическому изученію Возрожденія, то выясненію его сущности и историческаго значенія. Уже въ первой половинѣ прошлаго вѣка Брукеръ выставилъ правильную программу для изученія Ренессанса, и

---

[1]) *Marheinecke, Geschichte der christlichen Moral in den der Reformation vorhergehenden Jahrhunderten. I. Theil. Nürnberg und Sulzbach 1806*, p. 145.

[2]) *W. Gass, Geschichte der christlichen Ethik. Berlin 1881.*

[3]) *Theob. Ziegler, Geschichte der christlichen Ethik. Strassburg 1886*, p. 418 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 419.

еще до половины нынѣшняго столѣтія эта программа во многихъ частяхъ была значительно освѣщена новыми и совершенно правильными точками зрѣнія. Въ борьбѣ, часто безсильной, съ традиціонными заблужденіями, безпрестанно впадая въ фактическія ошибки, историки философіи *угадали* однако почти всѣ существенные моменты въ исторіи гуманизма. Уже Булэ, обративъ вниманіе на психологическую сторону въ гуманистическомъ движеніи, довольно близко подошелъ къ весьма важной истинѣ; Теннеманъ среди массы ошибокъ правильно опредѣлилъ отношеніе гуманистовъ къ древности и подмѣтилъ весьма важную черту въ гуманизмѣ—появленіе общественнаго мнѣнія; Гегель развилъ совершенно вѣрную точку зрѣнія на сущность Ренессанса и вывелъ изъ нея почти всѣ послѣдствія; Риттеръ тонко подмѣтилъ и хорошо формулировалъ неизбѣжность столкновенія гуманистовъ съ католицизмомъ и впервые указалъ на соціальную важность Возрожденія, а Виндельбандъ въ своихъ воззрѣніяхъ на Ренессансъ стоитъ почти совершенно на уровнѣ современной науки. Но всѣ эти воззрѣнія носятъ совершенно апріорный характеръ и выведены не на основаніи самостоятельнаго и научнаго изученія эпохи. Дивинація—характерная черта взглядовъ на Ренессансъ всѣхъ историковъ философіи съ тою разницею, что до половины нынѣшняго столѣтія они дѣлаютъ самостоятельныя догадки, а послѣ идутъ по слѣдамъ Буркгардта. Самостоятельнаго изученія источниковъ почти совершенно незамѣтно, что̀ чувствуется на фактическихъ ошибкахъ и чѣмъ объясняется одинъ крупный и до сихъ поръ не пополненный пробѣлъ въ исторіи новой философіи. Отъ схоластики прямо переходятъ къ борьбѣ платониковъ съ аристотеликами, т.-е., ко второй половинѣ XV вѣка. Между тѣмъ исторія философской мысли за столѣтіе до этой эпохи представляетъ собою органическую связь Среднихъ вѣковъ съ началомъ новаго времени и психологическое объясненіе какъ паденія схоластики, такъ и увлеченія античными философами. Этотъ важный и интересный періодъ, въ началѣ котораго стоитъ Петрарка, а въ концѣ Валла, еще ждетъ своего историка.

VI.

Отношеніе къ Ренессансу всеобщихъ историковъ искусства.—Замѣчанія Каррьера, Тэна и Шнаазе.—Взглядъ на Возрожденіе Мюнтца.

Въ сферѣ искусства гуманистическое движеніе произвело если не самый глубокій, то, по крайней мѣрѣ, самый безспорный переворотъ. Терминъ „Ренессансъ“ въ этой области имѣетъ вполнѣ опредѣленное значеніе и точные хронологическіе предѣлы. Художественное движеніе описано точно, раздѣлено на періоды по важнѣйшимъ моментамъ своего развитія, распредѣлено по школамъ сообразно особенностямъ современныхъ памятниковъ. Въ историческомъ отношеніи оно является самостоятельною частью гуманистическаго движенія и въ общемъ изслѣдовано гораздо лучше, чѣмъ другія стороны Возрожденія. Но, являясь объектомъ самостоятельной науки, искусство Ренессанса лежитъ за предѣлами нашего изслѣдованія. Въ нашу задачу входитъ только выясненіе тѣхъ заслугъ, какія оказали историки искусства изученію другихъ сторонъ Возрожденія и выясненію его историческаго значенія. При тѣсной связи художественнаго Ренессанса со всею совокупностью движенія можно предположить, что для изслѣдователей искусства выясненіе его культурной среды и въ особенности общественнаго настроенія составляетъ вопросъ громадной важности. Тѣмъ не менѣе сравнительно незначительная разработка исторіи гуманизма и сложность вопроса обыкновенно заставляютъ составителей даже обширныхъ обзоровъ всемірной исторіи искусства или совершенно обходить молчаніемъ гуманистическое движеніе, какъ это дѣлаетъ *Куглеръ* во 2 томѣ своего „*Руководства въ исторіи искусства*“ и въ „*Исторіи живописи со временъ Константина Великаго*“ [1]), или ограничиваться самыми общими замѣчаніями, какія мы находимъ, напр., въ „*Исторіи пластики*“ *Любке* или въ „*Письмахъ*“ *Шпрингера* [2]). Только немногіе писатели по всеобщей исторіи

[1]) *Францъ Куглеръ, Руководство къ исторіи искусства. 4-е изданіе, обработанное Вильгельмомъ Любке. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Ѳ. Корша. Часть вторая. Москва 1870.* См. р. 253 и слѣд. *Фр. Куглеръ, Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. 3-е изданіе. Переводъ съ нѣмецкаго И. К. Васильева. Москва 1872.* См. стр. 251 и слѣд.

[2]) *Любке, Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Переводъ В. Чаева. Москва 1870.* См. р. 403—404. *Ant. Springer, Kunsthistorische Briefe. Die bildenden Künste in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung.* Prag. 1857, p. 571 и слѣд.

искусства представляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи, какъ *Морицъ Каррьеръ*, *Тэнъ* и *Шнаазе*. Каррьеръ въ своемъ обширномъ сочиненіи ставитъ задачей изложить исторію искусства въ связи съ культурой; поэтому онъ не могъ игнорировать гуманистическаго движенія при изложеніи исторіи искусства Ренессанса. Но огромный томъ его книги, посвященный Возрожденію и Реформаціи, ничего не прибавляетъ къ фактическимъ свѣдѣніямъ о занимающей насъ эпохѣ, отчасти благодаря обширности содержанія, потому что онъ заключаетъ въ себѣ исторію литературы, искусства и философіи съ XV вѣка до Мильтона и Декарта включительно [1]). Кромѣ того, Каррьеръ, какъ въ упомянутомъ выше философскомъ сочиненіи, совершенно игнорируетъ ранній гуманизмъ, а во введеніи только нѣсколько болѣе развиваетъ тѣ же самыя идеи объ индивидуалистическомъ характерѣ начала новой исторіи [2]). Заслуживаетъ впрочемъ вниманія выраженный въ этой книгѣ взглядъ Каррьера на значеніе древности въ гуманистическомъ движеніи. „Выступивъ изъ-подъ средневѣкового авторитета, говоритъ онъ, человѣчество нуждалось во руководствѣ и нашло его въ классической древности; оно взяло выработавшійся тамъ природный идеалъ въ образецъ для устроенія себѣ свободной, свѣтлой и прекрасной жизни, для того чтобъ развернуть и завершить идеалъ своихъ собственныхъ задушевныхъ чувствъ въ такой же отчетливой и ясной формѣ; оно нашло готовые образцы политическаго величія и національной независимости, государства, не управляемаго и не стѣсняемаго жреческой кастой, уряжавшаго напротивъ мірскія дѣла здравомысленно и правомѣрно,— нашло образецъ философіи, не думавшей на основаніи догматическихъ нормъ излагать вполнѣ готовую и прямо только унаслѣдованную истину, а напротивъ самостоятельно искавшей истины съ тѣмъ, чтобы утвердить ее на прочныхъ основахъ. *Тутъ было на что опереть свою мысль и волю человѣчеству*“ [3]). Такая ясная и совершенно справедливая формулировка вліянія древности на гуманистическое движеніе чрезвычайно рѣдкое явленіе въ исторіографіи Возрожденія. Этотъ взглядъ, а также пониманіе значенія индивидуализма заставляютъ особенно сожалѣть, что идеи Каррьера, выраженныя имъ во

---

[1]) *Морицъ Каррьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Переводъ Е. Корша. Томъ IV. Возрожденіе и Реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. Москва 1874.*

[2]) Ibid. p. 1—4.

[3]) Ibid. p. 6—7.

введеніи, отличаются афористическимъ характеромъ и не являются точнымъ выводомъ изъ фактическаго содержанія его книги.

Курсъ Тэна, посвященный искусству Возрожденія, носитъ заглавіе „*Философія искусства въ Италіи*“ и представляетъ собою характеристику среды, изъ которой вышли великіе художники конца XV и начала XVI столѣтія. Опираясь на такія произведенія, какъ Cortegiano Кастильоне, Principe Макіавелли и мемуары Бенвенуто Челлини, и подыскивая подходящіе факты изъ содержательныхъ біографій ихъ современниковъ, Тэнъ рисуетъ живую и яркую картину психологическаго состоянія общества около 1500 года. Провѣрять сходство этой картины съ дѣйствительностью не входитъ въ нашу задачу, потому что изображаемая ею эпоха стоитъ за хронологическими предѣлами нашего изслѣдованія. Но Тэнъ мимоходомъ говоритъ о причинахъ наиболѣе ранняго появленія гуманизма въ Италіи и о нѣкоторыхъ его представителяхъ первой половины XV столѣтія. Онъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса о причинахъ Ренессанса вообще и объясняетъ его раннее появленіе въ Италіи національными особенностями и слабой степенью германизаціи этой страны. Итальянцы отличаются, по его словамъ, „крайней тонкостью и большой легкостью пониманія. Цивилизація какъ будто имъ врождена“, говоритъ Тэнъ и удивляется необыкновенному развитію итальянскаго гарсона, мужика и носильщика и ихъ необычайной эстетической чуткости [1]). Этотъ панегирикъ итальянской интеллектуальности, не убѣдительный по тону, остается совершенно бездоказательнымъ и голословнымъ. Но если даже признать справедливою эту характеристику, тѣмъ не менѣе изъ національныхъ особенностей нельзя вывести гуманизма, потому что это движеніе было интернаціональное. Можетъ быть, свойствами итальянскаго характера можно объяснить нѣкоторыя особенности итальянскаго Ренессанса, преимущественно его эстетическую сторону. Но и здѣсь они играли не исключительную роль, во-первыхъ, потому, что золотой вѣкъ итальянскаго искусства продолжался очень недолго, и во-вторыхъ, потому, что художественную славу Италіи раздѣляли другія націи, напр., Голландія. Что касается до второй причины — сравнительной слабости германскаго элемента въ Италіи, то оно лучше формулировано другими изслѣдователями, которые отмѣчаютъ живость и силу въ этой странѣ античныхъ традицій и воспоминаній. Къ этому сводится въ сущности и объясненіе Тэна [2]), только онъ

---

[1]) *H. Taine, Philosophie de l'art en Italie. Paris 1867*, p. 24—25.

[2]) Ibid. p. 26—27.

центръ тяжести переноситъ на національный факторъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ находился въ культурныхъ условіяхъ. Наконецъ, коротенькая характеристика раннихъ гуманистовъ не даетъ ничего новаго, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ страдаетъ преувеличеніемъ [1]). Въ цѣломъ и общемъ курсъ Тэна составляетъ живую иллюстрацію одного періода Ренессанса, сдѣланную по хорошо подобраннымъ источникамъ; но въ исторіографіи всего гуманистическаго движенія онъ не имѣетъ большого значенія.

Шнаазе въ 8-мъ томѣ своей „*Исторіи образовательныхъ искусствъ*“ дѣлаетъ довольно обширную характеристику гуманистическаго движенія въ Италіи. Въ противоположность Тэну, который по первоисточникамъ рисуетъ картину состоянія общества, не объясняя причинъ разнообразныхъ явленій эпохи и не пытаясь свести ихъ къ одному источнику, Шнаазе полагаетъ въ основаніе своей характеристики спеціальныя сочиненія и преимущественно книгу Фогта и только дополняетъ ее своими соображеніями съ цѣлью придать единство различнымъ сторонамъ Ренессанса. Съ этими соображеніями не всегда можно согласиться. Такъ, прежде всего Шнаазе не вѣрно рисуетъ общій характеръ гуманистическаго движенія. „Переходъ отъ Среднихъ вѣковъ, говоритъ онъ, связанный у сѣверныхъ народовъ съ суровой борьбой, здѣсь, въ Италіи, совершился легко, почти шутя. Церковная система, съ которой тамъ срослась вся духовная жизнь, здѣсь коснулась только поверхности; силы и свойства, въ которыхъ нуждалось новое время и которыя тамъ развивались постепенно—именно индивидуальность и натурализмъ—здѣсь были въ ходу уже давно. Тѣмъ народамъ при паденіи старой системы предстояли неизвѣстныя, новыя формы; одна только Италія имѣла великое прошлое, къ которому она могла обратиться“ [2]). Это совершенно оригинальное и, повидимому, весьма остроумное наблюденіе въ сущности представляетъ собою настоящій парадоксъ. Мнимая легкость перехода обусловливается первымъ впечатлѣніемъ, которое производятъ веселые гуманисты сравнительно съ суровыми пуританами и ранними борцами протестантизма, мягкость церкви къ представите-

---

[1]) Напр. Quand des pénibles hexamètres et des épîtres lourdement prétentieuses de Pétrarque, on passe aux élégants distiques de Politicien (?) ou à la prose éloquente de Valla, on se sent pénétré d'un plaisir presque physique. Les doigts et l'oreille scandent involontairement la marche aisée des dactyles poétiques et l'ample déroulement des périodes oratoires. Ibid. p. 32.

[2]) *Carl Schnaase*, *Geschichte der bildenden Künste. 8. Band. Stuttgart. 1879*, p. 521.

лямъ Ренессанса сравнительно съ ея неутомимой враждой къ вождямъ и послѣдователямъ Реформаціи и отсутствіе въ Италіи религіозныхъ войнъ. Не слѣдуетъ забывать однако, что первые гуманисты страдали отъ внутренняго разлада вслѣдствіе непримиримости новыхъ идеаловъ съ средневѣковыми воззрѣніями. Такимъ страданіемъ проникнуты многія произведенія Петрарки, которому Шнаазе даетъ суровую и не всегда справедливую характеристику [1]). Такое же настроеніе чувствуется въ перепискѣ веселаго Боккаччіо и у его преемниковъ. Не говоря уже о Салютати, сочиненіе котораго De saeculo et religione проникнуто настоящимъ отчаяніемъ, Поджіо написалъ меланхолическую книгу De miseria condilionis humanae, и многіе изъ его современниковъ подъ старость вырывали изъ сердца стремленія юности. Правда, въ XV столѣтіи эта нота звучитъ все рѣже и рѣже въ гуманистическихъ произведеніяхъ; но это не было то успокоеніе совѣсти, которое вознаграждало внутреннюю борьбу Лютера и ему подобныхъ. Гуманисты забывались въ увлеченіяхъ, и какъ дорого приходилось имъ расплачиваться за это, показываютъ судьбы гуманизма въ эпоху католической реакціи. Если сравнить жалкаго, доведеннаго до психической болѣзни внутренними и внѣшними противорѣчіями „послѣдняго гуманиста“ Торквато Тассо съ пережившимъ религіозныя бури Лютеромъ или съ величественнымъ старикомъ Мильтономъ, то будетъ ясно, что въ Италіи переходъ къ новому времени совершился „не шутя“. Если реформаціонное движеніе вызывало болѣе глубокую и болѣе интенсивную борьбу, чѣмъ гуманистическое, то это зависѣло оттого, что первое было переворотомъ религіознымъ, второе—культурнымъ. Не слѣдуетъ забывать также, что въ политическомъ отношеніи переходъ Италіи въ новую исторію сопровождался чужеземнымъ завоеваніемъ. Что касается до аргументовъ Шнаазе, которыми онъ пытается доказать свое положеніе, то они едва-ли выдерживаютъ критику. Средневѣковой католицизмъ и въ Италіи сросся съ духовной жизнью, и если церковь не отнеслась съ систематической враждой къ гуманизму, то отчасти потому, что она за почтительными пріемами гуманистовъ не замѣчала оппозиціонныхъ тенденцій Ренессанса, отчасти потому, что сама жила въ это время въ рѣзкомъ противорѣчіи съ своими собственными идеалами. Что касается до „индивидуальности и натурализма“, то хотя

---

[1]) Въ общемъ характеристика составлена по Фогту; но Schnaase не говоритъ объ *acedia* Петрарки, зато даетъ превосходное изображеніе его отношенія въ древней литературѣ. Ibid. p. 523—526.

ихъ слѣды въ жизни замѣчаются раньше эпохи Возрожденія, но самая борьба гуманизма и заключалась въ томъ, чтобы найти для индивидуализма нравственное основаніе и теоретическое оправданіе для новаго отношенія къ природѣ. Не вѣрно, наконецъ, что только южные народы имѣли опредѣленный идеалъ въ античномъ прошломъ, а сѣверные стояли передъ неизвѣстностью. Наоборотъ, передъ глазами реформаторовъ на сѣверѣ стоялъ образъ *христіанскаго* прошлаго, и опорою въ борьбѣ служила для нихъ Библія, высшій авторитетъ въ христіанскомъ обществѣ. Нравственное обновленіе человѣчества облегчалось тѣмъ, что его принципы имѣли общепризнанную абсолютную моральную цѣну. Работа гуманистовъ была труднѣе: имъ приходилось выбирать изъ языческой литературы то, что могло оправдать новыя потребности въ христіанскомъ обществѣ и что въ то же время можно было примирить съ существующимъ строемъ.

Мнѣніе Шнаазе, что гуманисты имѣли въ виду полную реставрацію античнаго міра, рѣшительно противорѣчитъ источникамъ. Между тѣмъ изъ этой тенденціи пытается онъ вывести гуманистическое движеніе. По его мнѣнію, неудача Кола-ди-Ріенцо привела къ мысли о необходимости „лучшаго знанія и болѣе основательнаго усвоенія античнаго образованія“ [1]). Писатели античнаго міра были для гуманистовъ „наши“, а „схоластическая мудрость представлялась имъ въ свѣтѣ чужеземнаго ига“; борьба шла противъ иноземной науки, а нравственный переворотъ имѣлъ уже вторичное значеніе, былъ только результатомъ паденія схоластики [2]). Такое построеніе гуманистическаго движенія также совершенно оригинально; но Шнаазе не приводитъ фактическихъ доказательствъ своего положенія, которое такимъ путемъ и не можетъ быть доказано. Наконецъ, нельзя согласиться и съ той суровой оцѣнкой, которую даетъ Шнаазе преемникамъ Петрарки. По его мнѣнію, борьба съ схоластикой родоначальника гуманистовъ у его послѣдователей превратилась въ схоластику: „ихъ споры были не менѣе пусты; ихъ знаніе точно такъ же хламъ цитатъ (Citatenkram)“. Передъ глазами Петрарки всегда нравственный идеалъ; „у его преемниковъ онъ совершенно отступилъ на задній планъ“. „У нихъ все сводится только къ тому, что они говорятъ, а не что они есть на самомъ дѣлѣ... Ихъ индивидуализмъ едва-ли что-нибудь иное, какъ не эгоизмъ и не пустая форма, чтобы по произволу принимать то или другое содержаніе“ [3]).

[1]) Ibid. p. 522.
[2]) Ibid. p. 523.
[3]) Ibid. p. 537—538.

Къ счастію, у основателей новой культуры не все было такъ плохо; иначе Ренессансъ не стоялъ бы во главѣ новаго періода исторіи человѣчества.

Тѣ историки европейскаго искусства, которые ограничиваютъ свои изслѣдованія болѣе узкими хронологическими предѣлами, по большей части только слегка касаются гуманистическаго движенія. Такъ, *Rio* въ своемъ „*Христіанскомъ искусствѣ*“ [1]) не даетъ самостоятельнаго очерка Возрожденія и только при описаніи отдѣльныхъ школъ даетъ незначительныя указанія на ихъ культурную среду. *Чиконьяра* въ обширной „*Исторіи скульптуры*“ посвящаетъ эпохѣ два отдѣльныхъ очерка, но оба они носятъ чисто внѣшній характеръ и не представляютъ никакого интереса для исторіи гуманизма [2]). Нѣсколько болѣе даетъ недавно начавшая появляться „*Исторія искусства во время Ренессанса*“ *Мюнтца*, которая, вѣроятно, займетъ такое же мѣсто въ исторіи искусства Возрожденія, какое занимаютъ Перро и Шипье въ исторіи восточнаго искусства. Подготовившись спеціальными изслѣдованіями по этой эпохѣ [3]), Мюнтцъ хорошо знакомъ съ главнѣйшей литературой по гуманизму, какъ это видно изъ его введенія. Поэтому описанію культурной среды [4]), въ которой развивались отдѣльныя школы, онъ предпосылаетъ въ введеніи общую характеристику гуманистическаго движенія. Если это описаніе, стоящее на уровнѣ современныхъ знаній о Ренессансѣ, не представляетъ интереса, такъ какъ тамъ сообщены *факты*, извѣстные изъ спеціальныхъ изслѣдованій,—то введеніе, гдѣ истолковывается смыслъ и значеніе этихъ фактовъ, заслуживаетъ вниманія по оригинальности нѣкоторыхъ взглядовъ автора. Мюнтцъ примыкаетъ къ тому широкому пониманію Ренессанса [5]), какое мы находимъ у Буркгардта; но крайне идеализируетъ движеніе. Такъ, при перечисленіи признаковъ Возрожденія онъ не

---

[1]) *Rio. De l'art chretien. 4 vols. Paris 1874.*

[2]) *Leop. Cicognara, Storia della scultura dal suo Risorgimento in Italia sino al secolo di Napoleone. Per servire di continuazione alle opere di Winckelmann e di d'Agincourt. Volume I. Venezia 1813, p. 268 и слѣд. Vol. II. 1816*, p. 5 и слѣд.

[3]) *E. Müntz, La Renaissance en Italie et en France au temps de Charles VIII. Paris 1885*, Его же *Les Précurseurs de Renaissance. Paris 1876*. Его же *Les Arts à la cours des Papes. Paris 1878—1882.*

[4]) *Eugène Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance. I. Italie. Les primitifs. Paris 1889.* Livre I, p. 45 и слѣд.

[5]) Но терминъ *humanisme* онъ понимаетъ довольно узко, не какъ общее направленіе культуры, а только, какъ renaissance des lettres. Ibid. p. 1.

только игнорируетъ темныя его стороны, но приписываетъ ему такія черты, которыя были тогда большой рѣдкостью, если не исключеніемъ, какъ, напр.: „иногда утонченный, но всегда столь благородный спиритуализмъ Платона *въ брачномъ союзѣ съ христіанскимъ милосердіемъ*“ [1]). Возражая противъ взгляда Сисмонди на Возрожденіе, дѣйствительно слишкомъ пессимистическаго, какъ мы увидимъ ниже, онъ впадаетъ въ противоположную крайность. „Мы должны представить себѣ эпоху одновременно и весьма дѣятельную, и весьма спокойную, говоритъ онъ о Ренессансѣ, безъ грубыхъ страстей Среднихъ вѣковъ и безъ глубокой развращенности XVI столѣтія“; политическая свобода была утрачена, но „какъ мудрость управленія и общее благо утѣшаютъ въ потерѣ periculosae libertatis! Впервые послѣ античнаго міра мы находимъ общество, организованное сообразно со всѣми требованіями чистаго разума. Если бы не чума, которая свирѣпствовала столь часто въ теченіе этого столѣтія, это былъ бы золотой вѣкъ“ [2]). Не говоря уже объ источникахъ, любое историческое сочиненіе значительно омрачитъ этотъ блестящій ореолъ эпохи, когда рушилось старое и не успѣло еще окрѣпнуть новое, когда почти все непродажное было или развратно, или жестоко. Въ такомъ же тонѣ характеризуетъ Мюнтцъ различные слои итальянскаго общества и переходитъ къ литературѣ. Здѣсь авторъ гораздо ближе къ истинѣ и если грѣшитъ противъ нея, то скорѣе въ противоположную сторону. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Мюнтцъ, что итальянская литература по поэтическому замыслу и по совершенству формы стояла весьма невысоко въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Ея сила состояла „въ истолкованіи и пропагандѣ философскихъ, моральныхъ и научныхъ идей“; „нельзя переоцѣнить, говоритъ онъ, заслугъ, оказанныхъ гуманистами, поскольку они были популяризаторами (vulgarisateurs): они совершили воспитаніе новаго общества“ [3]). Терминъ „vulgarisateur“ въ приложеніи къ гуманистамъ не вполнѣ ясенъ: не видно, допускаетъ ли Мюнтцъ *творчество* въ философской работѣ гуманистовъ, или сводитъ ее къ простой передачѣ античныхъ идей. Указывая источникъ содержательности гуманистическихъ произведеній, Мюнтцъ не устраняетъ этого недоразумѣнія. Тогдашняя литература, по его словамъ, „находя въ искренности своего энтузіазма (къ древности) необхо-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. p. 2 и 3.
[3]) Ibid. p. 20.

димую силу для слiянiя въ одно гармоническое цѣлое элементовъ языческихъ и христiанскихъ, вызвала столь же богатый, какъ и строго классифицированный міръ могучихъ и поэтическихъ идей“ [1]). Рѣчь идетъ, повидимому, не о механическомъ синкретизмѣ, а о настоящемъ творчествѣ, хотя въ дѣйствительности примирительная работа не была такъ удачна, потому что гуманисты примиряли античный міръ не съ христiанствомъ, а съ папствомъ. Но изъ дальнѣйшаго изложенiя Мюнтца видно, что онъ сводитъ заслуги гуманистовъ къ передачѣ древности. Прежде всего, онъ преувеличиваетъ увлеченiе древней литературой, хотя мѣтко и оригинально замѣчаетъ, что оно особенно усилилось во вторую половину XV вѣка [2]). Затѣмъ среди гуманистовъ на первый планъ выставлена „армiя грамматиковъ, филологовъ, риториковъ и риторовъ — народъ, который, какъ извѣстно, появляется только въ такiя эпохи, когда слабѣетъ сила духа“ [3]), неожиданно заявляетъ пламенный поклонникъ эпохи Возрожденiя. Упомянувъ далѣе съ похвалою объ историкахъ первой половины XV вѣка, Мюнтцъ замѣчаетъ: „но тріумфъ XV вѣка—это литература назиданiя, какъ нравственнаго, такъ и религiознаго“ [4]) и на первый планъ ставитъ Витторино-да-Фельтре, который не писалъ ничего, и Гуарино-да-Верона, который писалъ очень мало. Но и это не главное. „Какое лучезарное зрѣлище, когда, оставивъ педагогiю, достигаешь высокой философской спекуляцiи!“ [5]) восклицаетъ Мюнтцъ, приходя въ восторгъ передъ византiйскими греками и ихъ итальянскими учениками. Эти пришлецы „придали Ренессансу тотъ характеръ высокаго спиритуализма, который въ сущности составляетъ самый чистый элементъ его славы“, и созданный ими неоплатонизмъ превратилъ итальянскихъ художниковъ изъ реалистовъ въ идеалистовъ и „проложилъ путь Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэлю“ [6]). Въ нашу задачу не входитъ оцѣнка мнѣнiй о томъ, какiе факторы гуманизма оказали вліяніе на развитiе искусства въ

---

[1]) Ibid. p. 21.

[2]) S'il restait encore des trésors de sève et d'initiave chez des esprits de la trempe du Pogge, de Valla, d'Aeneas Sylvius, chez leurs successeurs l'érudition tient lieu de toute indépendance et de toute vigueur. Уже это сказано слишкомъ сильно; но преувеличенiе идетъ далѣе: S'exprimer autrement qu'en latin, mais c'eût été un déshoneur pour n'importe quel humaniste. Ibid. p. 21.

[3]) Ibid. p. 22.

[4]) Ibid. p. 26.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid. p. 27.

эпоху Возрожденія, потому что это вопросъ спеціальной науки. Тѣмъ не менѣе взглядъ Мюнтца намъ представляется одностороннимъ, и эта односторонность отразилась на его отношеніи къ гуманистическому движенію. Шпрингеръ, приписывая важное значеніе „самостоятельности индивидуальной фантазіи“ въ эту эпоху и выдвигая психологическую правду въ искусствѣ Ренессанса, замѣчаетъ совершенно справедливо, что „никто не будетъ съ глубокимъ интересомъ слѣдить за тонкостью психологической характеристики, за величественнымъ изображеніемъ возбужденныхъ страстей, кто не заключаетъ въ себѣ самомъ богато-развитой духовной жизни“ [1]). Мюнтцъ оставилъ безъ вниманія этотъ бурный индивидуализмъ Ренессанса и не слѣдитъ ни за его развитіемъ, ни за его проявленіями. При иной постановкѣ вопроса гуманистическая литература получила бы въ его глазахъ болѣе вѣрное освѣщеніе, и византійскіе греки заняли бы дѣйствительно имъ принадлежавшее маленькое мѣсто, хотя неоплатонизмъ сохранилъ бы все свое значеніе. Въ концѣ концовъ историки искусства въ дѣлѣ изученія гуманизма должны занять гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ историки философіи.

VII.

Отношеніе къ Ренессансу историковъ всеобщей литературы.—Значеніе біо- и библіографическихъ компендіумовъ.—Андресъ, Бутервекъ и Шлегель.—Новые нѣмецкіе обзоры исторіи всеобщей литературы. — Сисмонди и Галламъ.—Схема „литературной эволюціи“ проф. Карѣева.

Исторія всеобщей литературы въ теченіе XVII и XVIII столѣтій разрабатывалась чаще всего въ формѣ біо-и библіографическихъ компендіумовъ. Гуманистическое движеніе, къ которому принадлежали среди массы писателей и такія имена, какъ Петрарка и Боккаччіо, не могло быть обойдено молчаніемъ, и нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, какъ книги *Гилини*, *Гадди* — въ XVII вѣкѣ, работы *Фабриціуса*, *Нисерона*, *Blount'a* и *Бужине* въ XVIII, имѣли въ свое время значеніе справочныхъ книгъ при изученіи гуманизма [2]).

[1]) Springer. L. c. p. 574.

[2]) Одно изъ самыхъ раннихъ произведеній этой категоріи — *Teatro d'uomini etterati. Aperto dall'abbate Girolamo Ghilini, Academico incognito. In Venetia MDCXLVII.* Напечатаны 2 тома, гдѣ сообщены краткіе

Но представляемый ими фактическій матеріалъ давно уже исчерпанъ, такъ что эти компендіумы утратили всякую цѣну для исторіографіи Возрожденія. Появившіяся нѣсколько позже систематическія изложенія исторіи всеобщей литературы [1]) рѣдко давали результаты самостоятельныхъ изслѣдованій въ этой области; чаще всего при изложеніи фактовъ они опираются на мѣстныхъ изслѣдователей и преимущественно на Тирабоски, а при ихъ истолкованіи повторяютъ традиціонныя ошибки. Такъ, *Л. Вахлеръ* въ своемъ „*Опытѣ всеобщей исторіи литературы*“, повторивши старую ошибку о греческомъ вліяніи на гуманизмъ [2]), даетъ рядъ біографій по Тира-

---

біографическіе очерки преимущественно итальянскихъ писателей; при чемъ дѣятели первой половины XV вѣка отсутствуютъ. 3-й и 4-й томы этого сочиненія остались ненапечатанными; но ими пользовался Mazzuchelli (Scrittori d'Italia I, p. XIII). *Gaddi, De Scriptoribus non ecclesiasticis Graecis, Latinis, Italicis etc. T. I. Florentiae 1648, t. II. Lugduni 1649.* Изъ произведеній *Fabricius'a* къ занимающей насъ эпохѣ относится *Bibliotheca Latina mediae et infimae aetatis. Hamburgi 1734, tomi V* (существуетъ новое изданіе), которая носитъ преимущественно библіографическій характеръ. Книга варнавита *Niceron'a Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres dans la republique des lettres. Vol. 43. Paris 1829 — 45* въ свое время пользовалась широкой извѣстностью. Вышедшая въ началѣ XVIII столѣтія книга *Pope-Blount'a (Censura celebriorum Authorum sive Tractatus in quo varia Virorum Doctorum de Clarissimis cujusque Saeculi Scriptoribus judicia traduntur. Genevae 1710)* представляетъ интересъ для исторіи критики. Такое же значеніе имѣетъ книга *Baillet (Jugement des savans sur les principaux ouvrages des Auteurs, Nouvel edition. Amsterdam 1728. Vols 16).* Въ концѣ прошлаго вѣка вышелъ огромный библіографическій компендій *C. Joseph Bougine — Handbuch der allgemeinen Litteraturgeschichte nach Heymann's Grundriss. Zürich 1789—1800 (6 vols)* (О Возрожденіи I p. 534 и слѣд.). Въ томъ же духѣ еще болѣе обширное значеніе (11 томовъ) *Grässe, Lehrbuch einer allgemeinen Literärgeschichte aller bekannten Völker der Welt. Leipzig 1789—1842.*

[1]) Сюда относится знаменитое произведеніе *Danielis Morhofii Polyhistor, litterarius, philosophicus et practicus. Editio Quatra. Lubecae 1747* (1-е изданіе вышло въ 1688). Это сборникъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ—о библіотекахъ и о способахъ ихъ веденія, о палеографіи, о разныхъ видахъ литературы. о преподаваніи словесности и т. п. Нѣкоторыя замѣтки о Петраркѣ, Бруни и др. (въ главѣ De Epistolarum Scriptoribus I, p. 277 и слѣд.) не имѣютъ цѣны. Вышедшее нѣсколько раньше (1659) сочиненіе *Lambecii Prodromus Historiae Litterariae* представляетъ собою одну изъ самыхъ раннихъ попытокъ хронологическаго изложенія исторіи литературы.

[2]) *L. Wachler, Versuch einer allgemeinen Geschichte der Litteratur. Für studierende Jünglinge und Freunde der Gelehrsamkeit. II. Band. Lemgo 1794*, p. 225 и 242.

боски [1]), а его позднѣйшее сочиненіе на ту же тему представляетъ простой конспектъ съ библіографическими указаніями, но безъ всякихъ объясненій [2]). Такимъ же характеромъ отличается „*Исторія литературы*“ *Эйхгорна*. Повторивъ почти буквально то, что онъ раньше сказалъ о причинахъ Ренессанса въ своей исторіи культуры [3]), Эйхгорнъ даетъ коротенькія біографическія замѣтки о нѣкоторыхъ гуманистахъ, снабдивъ ихъ далеко не обстоятельной библіографіей, которая и въ свое время не имѣла значенія [4]). Болѣе интереса представляютъ тѣ изслѣдователи XVIII вѣка, которые постарались дать всеобщей литературѣ историко-философское освѣщеніе. Сюда принадлежитъ прежде всего аббатъ *Андресъ*, который съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Возрожденіи въ своей книгѣ: „*О происхожденіи, успѣхахъ и современномъ состояніи всей литературы*“. Несомнѣнной заслугой этого писателя слѣдуетъ признать его рѣзкую оппозицію противъ установившагося мнѣнія, что византійскіе греки — виновники новой культуры [5]). „Отцомъ новой культуры и виновникомъ возрожденія похороненныхъ наукъ былъ никто иной, какъ великій Петрарка, говоритъ онъ, и я не могу понять, какъ новые писатели довольствуются удивленіемъ передъ этимъ великимъ человѣкомъ, какъ передъ авторомъ канцонъ и сонетовъ, не видятъ въ немъ своего отца, истиннаго виновника (institutore) новой литературы, не ставятъ его на заслуженное мѣсто во главѣ Галилеевъ, Декартовъ, Ньютоновъ, Боссюэтовъ, Корнелей и всѣхъ новыхъ писателей“ [6]). Андресъ указываетъ далѣе заслуги въ этомъ дѣлѣ также Боккаччіо, изъ учениковъ и послѣдователей до паденія Константинополя, и этотъ бѣглый очеркъ, не имѣющій значенія по фактическому содержанію, не лишенъ цѣны, какъ наглядное доказательство несостоятельности ошибочнаго воззрѣнія, пустившаго чрезвычайно глубокіе корни. Но этимъ и исчерпываются заслуги Андреса. Смыслъ гуманистическаго движенія ему неясенъ, потому что онъ, какъ позже Сисмонди, ставитъ на-ряду съ гуманистами и совре-

---

[1]) Ibid. p. 315 и слѣд.

[2]) *L. Wachler, Handbuch der allgemeinen Geschichte der literärischen Cultur. II. Band. Marburg 1805*, p. 576—605.

[3]) *Joh. Gottfr. Eichhorn. Geschichte der Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neuesten Zeiten. II. Band. Göttingen 1805*, p. 10.

[4]) Ibid. p. 121—123, 124—128, 206—211, 278—281.

[5]) *Abbate D. Giovanni Andres. Dell'origine, progressi e stato attuale d'ogni letteratura. Parma 1782*, p. 331 и слѣд.

[6]) Ibid. p. 345.

менныхъ имъ средневѣковыхъ знаменитостей въ области права и медицины [1]). Болѣе того, отрицая византійское вліяніе на новую культуру, Андресъ сильно преувеличиваетъ заслуги въ этомъ дѣлѣ арабовъ [2]) и такимъ образомъ впадаетъ въ не менѣе грубую ошибку. Другой философъ, соотечественникъ Андреса, *Денина* въ своемъ „Разсужденіи о судьбахъ литературы“ возвращается къ прежней точкѣ зрѣнія на причины Ренессанса [3]), и его изложеніе гуманистической эпохи не имѣетъ никакого значенія.

Изъ нѣмецкихъ писателей XVIII вѣка съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Ренессансѣ *Бутервекъ* въ первомъ томѣ своей обширной „*Исторіи поэзіи и краснорѣчія*“. Бутервекъ суживаетъ свою задачу, во-первыхъ, устраненіемъ изъ обзора всей латинской литературы этого періода и, во-вторыхъ, чисто эстетической точкой зрѣнія. Онъ называетъ иногда себя „историкомъ вкуса“ (Geschichtschreiber des Geschmacks), разсматриваетъ только беллетристическія произведенія на итальянскомъ языкѣ; поэтому изъ сочиненій Петрарки онъ останавливается исключительно на его итальянской поэзіи, которую разбираетъ съ чисто-эстетической точки зрѣнія [4]), предпославъ разбору коротенькій біографическій очеркъ поэта, составленный по де-Саду. Точно такъ же поступаетъ онъ и съ Боккаччіо, совершенно не касаясь его значенія въ Ренессансѣ. Тѣмъ не менѣе Бутервекъ не можетъ обойти молчаніемъ гуманистическаго движенія, какъ только ему приходится прервать повѣствовательное изложеніе философскимъ анализомъ причинъ извѣстнаго литературнаго явленія или общимъ обзоромъ эпохи. Такъ, констатировавши поэтическое затишье послѣ смерти Петрарки и Боккаччіо до Лоренцо Великолѣпнаго, Бутервекъ съ недоумѣніемъ останавливается передъ этимъ фактомъ. Повидимому, всѣ обстоятельства благопріятствовали развитію поэзіи: „новая культура замѣтно развивалась; сочиненія древнихъ авторовъ становились все извѣстнѣе“; произведенія Петрарки и Боккаччіо облагородили національный языкъ и вызвали всеобщій энтузіазмъ; таланты щедро вознаграждались, и все-таки поэтовъ не

---

[1]) Ibid. p. 348.

[2]) См. Capitolo IX. Dell'influenza dell'arabica letteratura nel risorgimento dell'europea; capitolo XI: Dell'influenza degli arabi nella moderna coltura delle belle lettere. Въ особенности p. 330—331.

[3]) *Carlo Denina. Discorso sopra le vicende della letteratura. Volume I. Berlino 1784,* p. 178.

[4]) Болѣе важныя съ нашей точки зрѣнія замѣчанія Бутервека о произведеніяхъ Петрарки и Боккаччіо будутъ разсмотрѣны ниже въ глав. I и II.

было [1]). Бутервекъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, что виною этого застоя было изученіе древности, отвлекавшее будто бы лучшіе умы отъ національной поэзіи. „Этотъ упрекъ, говоритъ онъ, если это только упрекъ, чтобы быть справедливымъ, долженъ касаться древней литературы въ тѣ времена, когда энтузіазмъ къ античнымъ авторамъ достигъ крайней высоты. Но это случилось въ эпоху Лоренцо Медичи, и именно съ этого времени вновь начинаетъ процвѣтать національная литература съ новой силой“ [2]). Бутервекъ не можетъ найти другого объясненія для этого факта, кромѣ непонятнаго „плана судьбы“, и замѣчаетъ только, что эстетическое чувство не только не пало въ итальянскомъ обществѣ послѣ Петрарки, но развивалось все болѣе и болѣе [3]). Въ общей характеристикѣ эпохи Бутервекъ говоритъ, что „эстетическая культура и вмѣстѣ съ нею болѣе свободный и болѣе гуманный образъ мыслей улучшили отношенія общественной жизни, содѣйствовали успѣхамъ независимой философіи и, вѣроятно, привели бы Италію къ религіозной реформѣ“, если бы не помѣшала католическая реакція [4]). Эти мѣткія замѣчанія заставляютъ особенно жалѣть, что авторъ съ такимъ тонкимъ пониманіемъ общаго характера эпохи такъ сузилъ свою задачу въ изложеніи.

Гораздо менѣе интереса представляютъ взгляды на гуманистическое движеніе *Фр. Шлегеля* въ его *„Исторіи древней и новой литературы“*. Въ главѣ, посвященной этой эпохѣ, очень много разсужденій, похожихъ на церковную проповѣдь, гораздо больше, чѣмъ фактовъ. Онъ подробно излагаетъ свои мнѣнія о вліяніи Библіи и христіанства на поэзію, о необходимости религіознаго основанія въ международной политикѣ Европы и т. п. По отношенію къ гуманизму онъ повторяетъ уже извѣстный намъ рѣзкій взглядъ, выраженный имъ въ „Философіи исторіи“. Само по себѣ расширеніе научныхъ средствъ въ эту эпоху было, и по его мнѣнію, „великимъ, безцѣннымъ благомъ“; но на этой нивѣ выросли „плевелы“, которые повредили христіанству [5]). Въ качествѣ доказательства и здѣсь фигурируетъ безбожный Макіавелли [6]). Спеціально по отношенію къ исторіи

[1]) *Friedrich Bouterwek, Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des dreizehnten Jahrhunderts. I. Band. Göttingen 1801*, p. 216.

[2]) Ibid. p. 217.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. p. 346.

[5]) *Friedrich von Schlegel, Geschichte der alten und neuen Litteratur. Vorlesungen, gehalten zu Wien in Jahre 1812. Athenaeum in Berlin 1841*, p. 248.

[6]) Ibid. p. 250.

литературы Шлегель усматриваетъ въ гуманизмѣ тотъ вредъ, что увлеченіе древностью повлекло за собою пренебреженіе къ національному языку [1]). Петрарку и Боккаччіо онъ, повидимому, ставитъ внѣ движенія, потому что въ первомъ онъ видитъ только продолжателя средневѣковой лирики, во второмъ — творца итальянской прозы [2]).

Отъ краткихъ обзоровъ исторіи всеобщей литературы можно требовать только популяризаціи общихъ выводовъ и изложенія существенныхъ фактовъ, установленныхъ обширными изслѣдованіями. И въ дѣйствительности сочиненія, предназначенныя для большой публики, хорошо отражаютъ положеніе вопроса о Ренессансѣ въ болѣе обширныхъ изслѣдованіяхъ по всеобщей литературѣ. Они или отдѣлываются незначительными замѣчаніями о Петраркѣ и Боккаччіо, какъ *Розенкранцъ* [3]), или повторяютъ безъ критики общепринятые историко-литературные взгляды на Возрожденіе, какъ *Шерръ*. Руководясь эстетическою точкой зрѣнія, Шерръ ставитъ Данте, Петрарку и Боккаччіо въ одну группу, какъ національныхъ поэтовъ, не замѣчая, что съ всемірно-исторической точки зрѣнія авторъ Божественной Комедіи—человѣкъ иного періода, хотя и той же націи, къ которой принадлежатъ два другихъ поэта. Увлеченіе латинской рѣчью и Шерръ считаетъ виною упадка итальянской литературы и со стороны формы, и со стороны содержанія. Впрочемъ, въ объясненіи этого факта онъ обнаруживаетъ нѣкоторую оригинальность. Подражательный характеръ итальянской литературы, по его мнѣнію, „былъ созданъ провансальской лирикой“ [4]), и, слѣдовательно, не увлеченіе античными писателями, а старая привычка къ подраженію причинила вредъ итальянской поэзіи. Такую же оригинальность обнаруживаетъ Шерръ и въ оцѣнкѣ поэзіи Петрарки. Въ его поэтическихъ стремленіяхъ Шерръ видитъ „неустойчивость и неясность“; его Rime— простая „игра“, вѣчное подражаніе то французской лирикѣ, то Данте (въ Trionfi). Вообще „все существо Петрарки, говоритъ онъ, показываетъ и въ жизни, и въ поэзіи нѣчто пустое, безмозглое и безхарактерное (Holes, Mark-und Charakterloses); истинной творческой силы ему недостаетъ“ и т. д. Къ этому присоединяется еще невѣ-

[1]) Ibid. p. 247 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 242, 243.

[3]) *Karl Rosenkranz, Handbuch einer allgemeinen Geschichte der Poesie. II. Theil. Halle 1832,* p. 230 и слѣд.

[4]) *Johannes Scherr, Allgemeine Geschichte der Litteratur von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Ein Handbuch für alle Gebildeten. Stuttgart. 1851,* p. 187.

роятное тщеславіе, въ силу котораго Петрарка, по мнѣнію Шерра, предпочиталъ свои латинскія произведенія итальянскимъ, такъ какъ послѣднія не могли быть извѣстны за предѣлами его родины [1]). Подобный тонъ неосновательныхъ сужденій обезвреживаетъ взгляды Шерра на Ренессансъ и для большой публики.

Гораздо значительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ „*Исторія новой литературы*“ *Адольфа Штерна*, который отводитъ гуманистическому движенію видное мѣсто въ своей книгѣ. Кромѣ главъ о Петраркѣ и Боккаччіо, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, Штернъ даетъ сравнительно полный очеркъ Ренессанса XV вѣка. Новыхъ фактовъ и самостоятельнаго изученія источниковъ въ книгѣ нѣтъ; но авторъ, опираясь на лучшія спеціальныя сочиненія по эпохѣ и преимущественно на Буркгардта, правильно опредѣляетъ важность Возрожденія и вѣрно освѣщаетъ важнѣйшія его стороны. „Все, что̀ обнаруживаетъ хорошаго и дурного въ выдающихся итальянцахъ XV столѣтіе, было по большей части результатомъ новаго образованія“ [2]), говоритъ Штернъ и въ вводной главѣ *(Italien im 15 Jahrhundert)* разсматриваетъ проявленіе индивидуализма въ политикѣ и въ отношеніи къ аскетическому идеалу. Гораздо слабѣе глава, спеціально посвященная гуманизму *(Der Humanismus und die Humanisten)*. Эскизъ внѣшней и внутренней исторіи Ренессанса крайне поверхностный; Штернъ не приводитъ даже именъ выдающихся гуманистовъ, не говоря уже объ особенностяхъ ихъ воззрѣній [3]). Обстоятельнѣе главы, посвященныя національной поэзіи; но онѣ не представляютъ существеннаго интереса для исторіографіи Ренессанса. Заслуживаетъ вниманія только взглядъ Штерна относительно вліянія Ренессанса на національную поэзію. Онъ дѣлаетъ весьма мѣткое замѣчаніе, что гуманистическое настроеніе было „лучшимъ даромъ, который могъ выпасть на долю итальянской литературѣ XV вѣка“ [4]). Но не такъ удачно справился Штернъ съ другимъ вопросомъ о вліяніи увлеченія латинизмомъ. Онъ убѣжденъ, что итальянская литература переживала тяжелый кризисъ, и только колеблется, къ какому моменту слѣдуетъ его отнести: наиболѣе опасными кажутся

---

[1]) Ibid. p. 185—186.

[2]) *Adolf Stern, Geschichte der neuern Litteratur. I. Band. Leipzig 1882*, p. 152.

[3]) Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Штернъ счелъ необходимымъ отмѣтить взглядъ Грегоровіуса о заслугахъ гуманизма въ дѣлѣ національнаго объединенія Италіи. Ibid. p. 152 и 159.

[4]) Ibid. p. 163.

ему то первыя десятилѣтія XV вѣка, то послѣдняя его треть [1]). Для объясненія успѣшнаго избавленія Италіи отъ этой мнимой бѣды Штернъ приводитъ ранѣе его высказанное мнѣніе, что національную литературу спасъ флорентійскій патріотизмъ [2]).

Изъ французскихъ историковъ всеобщей литературы съ наибольшею обстоятельностью останавливается на Возрожденіи *Сисмонди* въ своемъ сочиненіи „*О литературѣ Европейскаго юга*“. Говоря объ итальянской литературѣ, Сисмонди совершенно естественно главнымъ образомъ имѣетъ въ виду тѣ произведенія Петрарки и Боккаччіо, которыя написаны на національномъ языкѣ. Но при ихъ разборѣ онъ оставляетъ въ сторонѣ историческую точку зрѣнія. Даже латинскія произведенія первыхъ гуманистовъ разсматриваются съ чисто литературной стороны. Такимъ же индивидуальнымъ характеромъ отличаются и характеристики авторовъ. Въ Петраркѣ, напр., онъ отмѣчаетъ его тщеславіе, его любовь къ наукѣ, энтузіазмъ ко всему великому и благородному и т. п. [3]), но все это безъ всякаго отношенія къ его времени. Сисмонди не находитъ нужнымъ игнорировать гуманистическое движеніе, хотя и считаетъ это возможнымъ, потому что его представители „собственно не принадлежатъ къ итальянской литературѣ“. Онъ упоминаетъ о нихъ только „изъ признательности къ выдающимся заслугамъ, которыя они оказали Европѣ“ [4]). Къ самому гуманистическому движенію онъ относится здѣсь гораздо мягче, чѣмъ въ своемъ историческомъ сочиненіи, о которомъ будетъ рѣчь ниже. „Если знаменитость принадлежитъ только итальянской поэзіи Петрарки и новелламъ Боккаччіо, говоритъ онъ, то наша признательность къ этимъ великимъ людямъ основывается на совершенно другихъ мотивахъ: они болѣе живо, чѣмъ кто-либо, чувствовали энтузіазмъ къ прекрасной древности, безъ котораго невозможно хорошо изучить ее; они посвятили долгую и трудолюбивую жизнь изученію и разысканію рукописей“ [5]). Эта оцѣнка гуманистическаго значенія Петрарки и Боккаччіо была бы еще болѣе возвышена, если бы Сисмонди не понималъ движенія чисто внѣшнимъ образомъ, не сводилъ бы его исключительно къ изученію древности. Онъ признаетъ заслуги гуманистовъ огромными, но сводитъ ихъ только къ ознако-

---

[1]) Ibid. p. 164.

[2]) Ibid. p. 171.

[3]) *Simonde de Sismondi, De la litterature du Midi de l'Europe. III édition. Tome I. Paris 1829,* p. 428.

[4]) Ibid. II, p. 28—29.

[5]) Ibid. p. 17.

мленію Европы съ античнымъ міромъ [1]). Причины увлеченія древностью ему непонятны; его слѣдствія представлены въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ. По его мнѣнію, „постоянное изученіе древнихъ лишало писателей всякой оригинальности"; они презирали родной языкъ, рабски подражали древнимъ вмѣсто того, чтобы „приводить ихъ въ связь съ современными нравами и новыми идеями" [2]). „Этимъ произведеніямъ, стоившимъ столькихъ изысканій и такого труда, недоставало жизни"; поэтому они лишены и краснорѣчія и поэзіи [3]). Такіе приговоры при непосредственномъ знакомствѣ съ источниками были бы невозможны [4]).

Изъ всѣхъ писателей по исторіи всеобщей литературы *Галламъ* въ своемъ *„Введеніи въ литературу XV—XVII столѣтій"* обнаруживаетъ наибольшее знакомство съ источниками интересующаго насъ періода и съ его спеціальной литературой. Онъ читалъ произведенія, по крайней мѣрѣ, выдающихся гуманистовъ и можетъ отнестись критически къ ихъ біографамъ [5]), въ силу этого онъ выдѣляетъ гуманистическое движеніе, какъ самостоятельное и важное явленіе въ исторіи литературы. Но эти достоинства въ значительной степени парализуются основной точкой зрѣнія Галлама на гуманизмъ. Подобно Сисмонди, онъ видитъ сущность этого движенія, по крайней мѣрѣ, до половины XV вѣка въ изученіи древности. Поэтому онъ разсматриваетъ произведенія гуманистовъ главнымъ образомъ со стороны языка и излагаетъ исключительно эту сторону движенія. На видное мѣсто между гуманистами онъ ставитъ такого формалиста, какъ Гаспаринода-Барцицца, изъ сочиненій Валлы разсматриваетъ

---

[1]) Ibid. p. 17 и 28.

[2]) Ibid. p. 23.

[3]) Ibid. p. 37.

[4]) Слабое знакомство Сисмонди съ гуманистическою литературою замѣтно и въ тѣхъ краткихъ характеристикахъ, которыя онъ привелъ „изъ благодарности" гуманистамъ. Такъ, о Поджіо онъ говоритъ, что это былъ un de ceux qui réunissent le plus de profondeur d'esprit, de philosophie, de chaleur d'âme, souvent d'eloquence, aux connaissance les plus vastes. (Ibid. p. 33). Ниже мы увидимъ, какъ мало заслуживаетъ этихъ комплиментовъ авторъ Фацецій. Съ другой стороны самыми знаменитыми произведеніями Валлы Сисмонди признаетъ исторію Фердинанда Арагонскаго и Элеганціи, проходя молчаніемъ и De Voluptate и даже De Donatione Constantini (Ibid. p. 36).

[5]) *Hallam, Introduction to the literature etc.* Я цитирую по переводу *Borghers'a Histoire de la littérature de l'Europe pendant les quinzième, seizième et dix-septième siècles. Tome I. Paris 1839*, p. 84, 85.

только Элеганціи, для оцѣнки ихъ литературныхъ произведеній ссылается чаще всего на Кортезе, который стоитъ приблизительно на той же точкѣ зрѣнія [1]). Исторія гуманизма исчерпывается у него усвоеніемъ языка и матеріальной культуры древности. Эта односторонность обнаруживается особенно замѣтно, когда Галламъ пытается объяснить причины увлеченія древностью. Онъ перечисляетъ ихъ цѣлую массу. Сюда относятся: убѣжденіе, что новые итальянцы наслѣдники древнихъ римлянъ; паденіе Гогенштауфеновъ, освободившее Италію отъ чужеземнаго ига и возвысившее тамъ національное самосознаніе; изученіе гражданскаго права, возбуждавшее „таинственное уваженіе къ древности"; монументальные остатки стараго Рима, поддерживавшіе интересъ къ античному міру; появленіе свѣтскихъ ученыхъ и ослабленіе религіозныхъ запрещеній читать языческихъ авторовъ; возвышеніе экономическаго благосостоянія горожанъ, у которыхъ появляется вкусъ къ умственному труду и, наконецъ, интересъ къ Виргилію, вызванный рисунками Джіотто и Божественной Комедіи [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ, какъ различныя воспоминанія объ античномъ прошломъ, относятся спеціально къ Италіи, а гуманистическое движеніе съ большей или меньшей силой охватило всю Европу; слѣдовательно, ихъ вліяніемъ можно объяснять только тотъ фактъ, что Возрожденіе началось въ Италіи и пріобрѣло здѣсь наибольшую интенсивность. Другія причины, какъ уменьшеніе церковной опеки и богатство городовъ, только могли благопріятствовать движенію, но не опредѣляли его направленія. Такія явленія, какъ секуляризація ученаго сословія, пріобрѣтаютъ важность не какъ причина, а какъ результатъ гуманизма. Наконецъ, интересъ къ Виргилію былъ всегда довольно значителенъ, но имъ нельзя объяснить Ренессанса. Галламъ просмотрѣлъ существенную причину Возрожденія—появленіе новыхъ потребностей выросшей личности и стремленіе сбросить наложенныя на нее католицизмомъ оковы. Въ силу этого онъ не замѣтилъ въ гуманистическихъ произведеніяхъ самой интересной стороны ихъ содержанія. По его мнѣнію, страсть къ древнимъ языкамъ „изглаживала въ ученыхъ всякую другую идею о наукѣ"; „ихъ родной языкъ былъ почти нѣмъ"; интересъ къ точнымъ наукамъ былъ настолько рѣдкимъ явленіемъ, что любовь Витторино-да-Фельтре къ геометріи казалась чѣмъ-то особенно замѣчательнымъ; даже полатыни гуманисты писали чрезвычайно мало такого, что̀ стоило бы

[1]) Ibid. p. 86, 88, 147.
[2]) Ibid. p. 104—105.

воспоминанія или даже заслуживало бы цитаты". Кромѣ De Re uxoria Фр. Барбаро и De Nobilitate Поджіо, въ гуманистической литературѣ, по словамъ Галлама, нѣтъ ничего, кромѣ инвективъ и панегириковъ. „Ихъ знанія не были еще достаточно точны, чтобы имъ можно было пускаться въ область критической философіи", хотя Траверсари и Никколи и исправляли латинскія рукописи. „Мы можемъ разсматривать Италію, какъ ученицу, полную пылкости, дѣятельности, умную и съ будущимъ", заключаетъ Галламъ свою характеристику гуманистической литературы, „но только, какъ ученицу, которая не обладаетъ еще истиннымъ знаніемъ и можетъ только возбуждать соревнованіе у другихъ народовъ [1]). Достаточно просмотрѣть списокъ гуманистическихъ произведеній только до половины XV вѣка, приложенный въ концѣ нашей книги, чтобы убѣдиться, до какой степени далека отъ истины эта характеристика. Всѣ отрасли науки о человѣкѣ затронуты гуманистами, при чемъ раціоналистическому анализу подвергнуты всѣ основы морали и общежитія. Правда, тотъ фактъ, что значительная часть гуманистической литературы все еще остается въ рукописяхъ, препятствуетъ правильному о ней представленію. Но и напечатаннаго достаточно, чтобы не впасть въ такую крайнюю односторонность, въ какую увлекла Галлама его узкая точка зрѣнія. Его интересуютъ только тѣ произведенія гуманистовъ, въ которыхъ обнаруживаются успѣхи въ латинской рѣчи и въ знаніи древности. Онъ останавливается на Барцицціе и игнорируетъ Альберти, разбираетъ письмовникъ перваго и Элеганціи Валлы и знаетъ только по заглавію De Re uxoria, а De Voluptate обходитъ полнымъ молчаніемъ.

Не обходятъ молчаніемъ гуманистическаго движенія и русскіе обзоры исторіи всеобщей литературы. Такъ, *Вл. Зотовъ*, опуская латинскую литературу XV вѣка, останавливается на Петраркѣ и Боккаччіо и хорошо подобранными переводами русскихъ поэтовъ изъ Canzoniere даетъ представленіе объ итальянской поэзіи родоначальника гуманистовъ [2]). Только на этихъ двоихъ корифеяхъ гуманизма останавливается и *проф. Карѣевъ* въ своей *„Литературной эволюціи на Западѣ"*; но его книга захватываетъ вопросъ гораздо шире

[1]) Ibid. p. 105—106.

[2]) *Вл. Зотовъ*, *Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Томъ II. С.-Петербургъ 1878*, p. 385 и слѣд. Сборники по исторіи всеобщей литературы Милюкова и Корша монографическаго характера; поэтому мы разсмотримъ ниже относящіеся къ Ренессансу отдѣлы.

и глубже, и Петрарка вмѣстѣ съ Боккаччіо являются у него только иллюстраціей общаго положенія. Отмѣтивши индивидуализмъ съ свойственнымъ ему живымъ и субъективнымъ интересомъ къ окружающей средѣ, какъ существенную черту гуманистической эпохи [1]), авторъ слѣдитъ за тѣми видоизмѣненіями, которыя внесло новое настроеніе въ литературныя традиціи. „Средневѣковая соціальная, культурная и литературная эволюція, говоритъ онъ, привела постепенно къ усиленію личнаго творчества, къ бо́льшему отраженію жизни въ поэзіи и къ сознанію общественной роли литературы“ [2]). Дѣйствительно, эта характеристика отмѣчаетъ всѣ черты, отличающія гуманистическую литературу отъ средневѣковой. Но новое настроеніе воспользовалось для своего выраженія унаслѣдованными литературными традиціями, подвергши ихъ соотвѣтственнымъ измѣненіямъ. Гуманисты пользуются или литературными формами, завѣщанными античнымъ міромъ и только сохраненными средневѣковымъ христіанствомъ, или тѣми, которыя сложились въ предшествующую эпоху. Но они передѣлываютъ ихъ соотвѣтственно съ потребностями своего времени. Въ эпоху Возрожденія обѣ традиціи оказываютъ вліяніе другъ на друга, и позже это взаимодѣйствіе, усиливаясь съ теченіемъ времени, привело къ тому, что античная литература въ своихъ жизненныхъ элементахъ сдѣлалась національнымъ достояніемъ новой Европы, хотя оба направленія еще долго держались, какъ самостоятельныя литературныя теченія [3]). Такимъ образомъ получается слѣдующая схема „литературной эволюціи“ въ эпоху Ренессанса: классическая и національная традиціи, видоизмѣненныя подъ вліяніемъ индивидуализма, приходятъ во взаимодѣйствіе и производятъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ явленій. Проф. Карѣевъ иллюстрируетъ свое положеніе на литературной дѣятельности Данте и Петрарки. Авторъ „Божественной Комедіи“ стоитъ внѣ нашихъ интересовъ: что касается до Петрарки, то его отношеніе къ обѣимъ традиціямъ формулировано совершенно вѣрно. „Древняя литература тѣмъ и привлекала Петрарку, говоритъ г. Карѣевъ, что онъ въ ней находилъ выраженіе мыслей и настроеній, которыя соотвѣтствовали совершенно новому его душевному складу“. Съ другой стороны — „продолжая въ своихъ пѣсняхъ традицію трубадуровъ, воспѣвая любовь въ найденныхъ ими формахъ, онъ воспроизводитъ уже не ту любовь, которую воспѣвали

[1]) *Н. Карѣевъ, Литературная эволюція на Западѣ. Изданіе журнала „Филологическія Записки“. Воронежъ 1886*, p. 185 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 188.

[3]) Ibid. p. 225 и слѣд.

провансальцы и его итальянскіе предшественники... Вся оригинальность Canzoniere Петрарки въ томъ, что здѣсь въ первый разъ поэзія дѣлается откровеніемъ человѣческой души со всей ея борьбой, со всѣми ея скорбями и противорѣчіями“ [1]). Это видоизмѣненіе традицій подъ вліяніемъ новаго настроенія составляетъ существенное содержаніе не только литературной, но и культурной исторіи Ренессанса. Къ сожалѣнію, г. Карѣевъ, вынужденный общей цѣлью своей книги „намѣчать, а не описывать и не разсказывать“ [2]), обходитъ молчаніемъ гуманистическую литературу XV вѣка, и его формула по отношенію къ ней остается апріорнымъ построеніемъ [3]).

Несмотря на цѣлый рядъ неточностей и неясностей въ общемъ взглядѣ на Ренессансъ, историки всеобщей литературы оказали важную услугу изученію гуманистическаго движенія. Еще въ XVIII столѣтіи Андресъ и Бутервекъ боролись противъ неправильнаго отношенія къ существеннымъ вопросамъ въ исторіи Возрожденія, и замѣчанія послѣдняго о несправедливости обвиненій античныхъ писателей за литературное затишье первой половины XV вѣка принадлежатъ къ числу самыхъ тонкихъ наблюденій въ исторіографіи Ренессанса. Въ XIX столѣтіи историкамъ литературы, несмотря на частныя ошибки, удалось тѣмъ не менѣе опредѣлить отличительныя черты гуманистической литературы, и они совершенно справедливо поставили ее во главѣ литературнаго процесса новаго времени.

VIII.

Отношеніе къ Ренессансу историковъ классической филологіи, исторіографіи, права и педагогическихъ идей.—Геренъ и Бурсіанъ; Вахлеръ и Вегеле; Вейтцель и Савиньи; Раумеръ и Карлъ Шмидтъ.—Общіе результаты изученія Возрожденія съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Индивидуалистическое настроеніе, характеризующее эпоху Ренессанса, отразилось въ интересѣ гуманистовъ къ научной и педагогической дѣятельности. Кромѣ философіи и поэзіи, ихъ наиболѣе любимымъ занятіемъ было филологическое и историческое изученіе древ-

---

[1]) Ibid. p. 221 и 222.

[2]) Ibid. p. 190.

[3]) Проф. Карѣевъ мимоходомъ говоритъ и объ относительной силѣ обѣихъ литературныхъ традицій послѣ Петрарки и Боккаччіо; но здѣсь онъ повторяетъ обычное преувеличеніе вліянія латинскаго языка и литературы въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтія (Ibid. p. 226—228).

няго міра, при чемъ выработанные на этихъ занятіяхъ научные пріемы они прилагали къ изученію современности и недавняго прошлаго. Вслѣдствіе этого историки классической филологіи и исторіографіи не могутъ обходить молчаніемъ гуманистическаго движенія. Такъ, самый ранній изъ изслѣдователей первой категоріи *Геренъ* отводитъ видное мѣсто гуманизму въ своей двухтомной „*Исторіи изученія классической литературы*“ [1]). Въ первомъ ея томѣ Геренъ поставилъ себѣ задачей сдѣлать обзоръ событій, имѣвшихъ вліяніе на развитіе классическихъ знаній, и дать краткую характеристику лицъ, содѣйствовавшихъ этому развитію въ Средніе вѣка, отъ V и до XIV вѣка включительно. При такой широкой задачѣ обозрѣніе по необходимости отличается краткостью и крайне общимъ характеромъ. Нѣсколько подробнѣе останавливается Геренъ на Петраркѣ и, опираясь на книгу де-Сада, сочиненіе котораго онъ называетъ классическимъ для всей литературы этого періода, излагаетъ его біографію въ панегирическомъ тонѣ. О другихъ гуманистахъ XIV вѣка онъ говоритъ кратко и отмѣчаетъ только ихъ труды по изученію древности. Второй томъ, обнимающій XV вѣкъ, распадается на три отдѣла: въ первомъ Геренъ описываетъ развитіе классическихъ знаній главнымъ образомъ въ различныхъ городахъ Италіи, а также и по сю сторону Альпъ, во второмъ излагаетъ біографіи грековъ, переселившихся въ Италію, и итальянскихъ гуманистовъ, въ третьемъ — развитіе самаго изученія классическихъ знаній и его вліяніе на другія науки. Для фактической исторіи эпохи Геренъ даетъ очень немного; опираясь преимущественно на Тирабоски, онъ приводитъ иногда отрывки изъ переписки того или другого гуманиста; но эти краткія выдержки не представляютъ значительнаго интереса. Кромѣ того, фактическія свѣдѣнія, приведенныя въ книгѣ, не подвергались критической провѣркѣ и поэтому весьма часто ошибочны [2]). Но заслуга

---

[1]) *A. H. L. Heeren, Geschichte des Studiums der classischen Litteratur seit dem Wiederaufleben der Wissenschaften. Mit einer Einleitung, welche die Geschichte der Werke der Classiker im Mittelalter enthält. I. Band. Göttingen 1797.* Второй томъ, появившійся нѣсколько позже, озаглавленъ иначе. *Geschichte der Künste und Wissenschaften seit der Wiederherstellung derselben bis an das Ende des XVIII. Jahrhunderts. Von einer Gesellschaft gelehrter Männer ausgearbeitet. IV. Abtheilung. Philologie. 1. Geschichte des Studiums der griechischen und römischen Litteratur von Heeren. II. Band. Göttingen 1801.*

[2]) Напр., по словамъ Герена, Л. Бруни служилъ папамъ Мартину V и Евгенію IV, II, p. 68 и 69, тогда какъ послѣ Констанскаго собора онъ

Герена заключается, во-первыхъ, въ новомъ пріемѣ изслѣдованія эпохи; онъ не только описываетъ явленіе, но старается найти его причины. Отмѣчая быстрое развитіе въ XV вѣкѣ классическихъ знаній, Геренъ тщательно перечисляетъ всѣ обстоятельства, крупныя и мелкія, которыя могли оказать на это вліяніе. „Духъ націи могъ свободнѣе развиваться“, по его мнѣнію, во-первыхъ, потому, что Италія въ это время пользовалась политическою независимостью извнѣ и спокойствіемъ внутри; во-вторыхъ, этому содѣйствовало многообразіе политическихъ формъ и сложныя дипломатическія отношенія, требовавшія тонкости и гибкости ума. Извѣстную роль играло при этомъ тогдашнее положеніе Византіи, которое влекло ее къ Италіи и содѣйствовало литературной связи между Востокомъ и Западомъ. Но Геренъ чувствуетъ, что всего этого недостаточно для полнаго объясненія движенія, и останавливается передъ нимъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. „Изслѣдователь исторіи всякаго искусства и науки, говоритъ онъ, какъ бы глубоко ни проникалъ его взоръ, всегда увидитъ себя вынужденнымъ признаться, что въ извѣстные періоды быстрый расцвѣтъ многихъ отраслей литературы не можетъ быть вполнѣ объясненъ изъ существующихъ внѣшнихъ условій; но что это есть слѣдствіе другихъ болѣе глубоко лежащихъ причинъ, или, если можно такъ выразиться, дѣло случая. Къ этому замѣчанію можно отнести и возобновившееся тогда изученіе классиковъ въ Италіи“ [1]). Естественно, что, при тогдашнемъ состояніи историческаго знанія, Геренъ не могъ найти разгадки этого случая, которая заключалась въ настроеніи тогдашняго общества. Но онъ пытался заглянуть въ душу изображаемыхъ имъ дѣятелей и тамъ найти нѣкоторое объясненіе занимавшаго его явленія. Гуманизмъ сдѣлался политической силой, и Геренъ показываетъ, какъ интересы демагоговъ, тирановъ и князей, стремившихся прежде всего къ блеску, должны были дѣйствовать на развитіе изученія древности. Классическая наука вошла въ составъ свѣтскаго образованія и сдѣлалась общественной модой; но авторъ не довольствуется такимъ объясненіемъ и желаетъ найти психическую подкладку этого явленія. Онъ отмѣчаетъ вліяніе страсти собирать какіе-либо предметы, которая отъ препятствій возгорается и переходитъ въ настоящій энтузіазмъ. „Можно съ увѣренностью сказать, говоритъ онъ, что если бы пріобрѣтеніе рукописей классиковъ было

не возвращался въ Римъ. Или онъ называетъ учителемъ Валлы Марсуппини, p. 216 и т. д.

[1]) B. II, p. 4.

связано тогда съ меньшимъ расходомъ, съ меньшими издержками, то ихъ изученіе не сдѣлало бы такихъ успѣховъ“ [1]). Еще менѣе удовлетворительны объясненія Герена, когда ему приходится говорить о настроеніи самихъ гуманистовъ. Онъ очень мѣтко указываетъ внѣшнія причины, усиливавшія ихъ дѣятельность. Ихъ положеніе было непрочно и зависѣло отчасти отъ каприза мецената, а главнымъ образомъ отъ собственной славы, пропорціонально которой платилось жалованье. Въ связи съ этимъ стоятъ съ одной стороны обширныя связи гуманистовъ и ихъ огромная переписка, съ другой—обильная литературная дѣятельность, а также и жаркая полемика. Но Геренъ пытается указать и другія причины интереса къ античной литературѣ. „Хотя геній и въ этой наукѣ всегда сохраняетъ свои права, однако существуетъ немного спеціальностей, въ которыхъ и посредственная голова, если только нѣтъ недостатка въ прилежаніи, можетъ славою своей учености достигнуть извѣстной степени отличія и даже пріобрѣсти большую извѣстность. Подобными примѣрами далеко не бѣденъ и этотъ періодъ“ [2]). Подъ это ядовитое объясненіе не подходятъ весьма многія и самыя интересныя личности среди гуманистовъ. Другая заслуга Герена заключается въ попыткѣ намѣтить внутреннюю исторію изученія древности, показать разницу въ отношеніи къ ней изслѣдователей. Вопросъ о роли античной литературы и культуры въ міровоззрѣніи итальянскихъ гуманистовъ имѣетъ огромную важность для исторіи эпохи. Но его рѣшеніе стоитъ въ неразрывной связи съ изученіемъ тогдашняго настроенія общества, именно съ той причиной движенія, которая осталась непонятной для Герена; тѣмъ не менѣе его замѣчанія очень интересны и въ общимъ вѣрны. „Въ Средніе вѣка изучали древнюю литературу ради языка, а не содержанія“ [3]), говоритъ онъ; въ эпоху Возрожденія цѣлью этого изученія было „образованіе духа“ (Bildung des Geistes): „учились латыни не для того, чтобы понимать пандекты, и греческому языку,—чтобы разумѣть новый Завѣтъ; классическая литература была тогда гораздо менѣе вспомогательной наукой, чѣмъ она сдѣлалась потомъ. Ее изучали прежде всего ради нея самой. Древнихъ писателей и поэтовъ разсматривали, какъ совершеннѣйшіе образцы и логики, и вкуса. У нихъ хотѣли научиться и правильно мыслить, и изящно выражаться“ [4]). Это послѣднее замѣчаніе, совершенно вѣрное для

[1]) Ibid. p. 8.
[2]) Ibid. p. 7.
[3]) B. I, p. 258.
[4]) B. II, p. 278, 279.

извѣстнаго періода, неприложимо однако не только ко всей эпохѣ Возрожденія, но и къ XV столѣтію. Оно показываетъ только, что сочиненія гуманистовъ не вполнѣ поняты и недостаточно оцѣнены авторомъ. То же самое проявляется и въ послѣднихъ параграфахъ 2-го тома, гдѣ говорится о вліяніи изученія древности на другія науки. Геренъ отвергаетъ его существованіе тамъ, гдѣ оно не бросается въ глаза сразу, какъ въ богословіи и правѣ, и не указываетъ его сущности въ исторіографіи и философіи. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, книга Герена въ свое время сослужила важную службу, потому что возбуждала интересъ къ Ренессансу и давала достаточный фактическій матеріалъ для первоначальнаго съ нимъ ознакомленія. Въ XIX столѣтіи итальянскіе гуманисты не нашли такого изслѣдователя, какъ Геренъ, потому что новый историкъ классической филологіи К. Бурсіанъ ограничивается въ своей книгѣ одной Германіей и посвящаетъ нѣсколько неважныхъ страницъ только тѣмъ представителямъ итальянскаго Ренессанса, которые были проводниками новаго движенія въ Германію [1]). Въ нашу задачу не входитъ обзоръ спеціально-филологической литературы о заслугахъ отдѣльныхъ гуманистовъ въ исторіи изученія классическихъ языковъ и грамматики. Что же касается до выясненія общаго характера Возрожденія и его отношенія къ древности, то Геренъ не нашелъ себѣ преемниковъ среди позднѣйшихъ филологовъ.

Немногимъ болѣе сдѣлали для гуманизма историки нашей науки. Съ наибольшей обстоятельностью говоритъ объ историкахъ-гуманистахъ *Вахлеръ* въ своей „*Исторіи историческаго изслѣдованія и искусства*“. Вахлеръ даетъ общую характеристику тогдашней исторіографіи, объясняетъ ея особенности современнымъ политическимъ строемъ и общественными теченіями и перечисляетъ историковъ этой эпохи съ краткою оцѣнкой ихъ произведеній. Ниже мы разсмотримъ его приговоры объ отдѣльныхъ гуманистахъ и остановимся теперь только на его общихъ замѣчаніяхъ. Вахлеръ распредѣляетъ гуманистическую исторіографію по двумъ періодамъ: первый съ конца XIII до первой четверти XV столѣтія, и второй до конца XV вѣка. Исторіографія перваго періода слагалась подъ вліяніемъ главнымъ образомъ политической и моральной дѣйствительности, которая своими темными сторонами только возбуждала одушевленіе

[1]) *Conrad Bursian, Geschichte der classischen Philologie in Deutschland von den Anfängen bis zur Gegenwart. München und Leipziy 1883,* p. 91 и слѣд.

и придавала силу современнымъ историкамъ. Политическій и моральный упадокъ вызывали, по его словамъ, „серьезное стремленіе наказать и улучшить настоящее живымъ воспроизведеніемъ прошлаго“; политическое разъединеніе и борьба партій возбуждали „надежду соединить раздѣленные народы и государства, противорѣчивые политическіе интересы въ общемъ патріотическомъ чувствѣ“. „Исторія перестаетъ быть посредственной передатчицей случившихся событій, сознаетъ свои высшія цѣли и почти непосредственное вліяніе на общественную мысль и волю. Многіе предразсудки отпали, иные искоренены развивающимся ростомъ знаній; взгляды стали болѣе свободными и болѣе широкими“ [1]). Дальнѣйшее изложеніе Вахлера при своей краткости не даетъ фактическаго подтвержденія этой характеристики, но ея общій тонъ вѣренъ. Иное дѣло причины переворота въ исторіографіи. Тѣ отрицательныя явленія въ современной дѣйствительности, въ которыхъ Вахлеръ видитъ исключительную причину прогресса исторической науки, не могли одни и сами по себѣ оказать на нее столь благотворнаго вліянія. Основы переворота, очевидно, лежали глубже, чѣмъ думаетъ Вахлеръ. Гораздо научнѣе характеристика Вахлера пріемовъ изслѣдованія и изложенія у историковъ этого періода. Совершенно вѣрно отмѣчаетъ онъ у нихъ лучшее знаніе человѣка и жизни, а въ то же время нѣкоторую изысканность и декламацію въ изложеніи и такую подражательность античнымъ писателямъ, что указать образецъ для даннаго произведенія не представляетъ никакого затрудненія. Они стремятся къ живости и занимательности изложенія, впадаютъ иногда въ тонъ новеллистовъ, но это не мѣшаетъ имъ заботиться о точности и добросовѣстности изслѣдованія [2]). Эта характеристика можетъ быть подтверждена источниками и вполнѣ соотвѣтствуетъ основному характеру Ренессанса.

Слабѣе оцѣнка исторіографіи второго періода. Вахлеръ обращаетъ вниманіе только на усилившееся подражаніе древнимъ образцамъ [3]), совсѣмъ не отмѣчая, что за этотъ періодъ увеличивается количество біографической литературы и что замѣтно падаетъ безпристрастіе въ историческихъ сочиненіяхъ о недавнемъ прошломъ. Но характеристика пріемовъ изслѣдованія и изложенія и здѣсь сохра-

[1]) *L. Wachler, Geschichte der historischen Forschung und Kunst seit der Wiederherstellung der litterärischen Cultur in Europa. I. Band. Göttingen 1813*, p. 42.

[2]) Ibid. p. 46.

[3]) Ibid. p. 91 и 106.

няетъ прежнія достоинства. Такъ, Вахлеръ вѣрно считаетъ отсутствіе всемірно-историческихъ обзоровъ „хорошимъ признакомъ лучшаго историческаго вкуса [1]) и отмѣчаетъ въ исторіяхъ современныхъ событій политическую опытность и знаніе дѣла, при чемъ подражаніе классикамъ ограничивалось языкомъ и расположеніемъ матеріала, а цѣлью авторовъ служитъ безпристрастное „поученіе объ истинномъ интересѣ властителей и государствъ, предостереженіе противъ ложныхъ мѣръ и побужденіе къ патріотизму и храбрости“ [2]). У историковъ отдѣльныхъ городовъ Вахлеръ находитъ и другія цѣли: благодарность меценату, признательность извѣстной фамиліи или одному ея члену и т. п.; но это не мѣшаетъ ему находить у историковъ Милана и Венеціи „заботливое пользованіе документами и актами“; у флорентійцевъ — „точное знаніе народнаго настроенія и политическихъ партій“; у неаполитанцевъ и римлянъ „вѣрную характеристику правителей и двора“ [3]). Эту картину гуманистической исторіографіи нельзя назвать фальшивой, потому что всѣ указанныя черты встрѣчаются у тогдашнихъ историковъ; но Вахлеръ затушевалъ недостатки, поэтому освѣщеніе получается не вполнѣ точное. Одни писанія какого-нибудь Порчелло способны наложить тѣнь на гуманистическую исторіографію, а онъ не былъ, какъ мы увидимъ, единственнымъ историкомъ въ этомъ родѣ. Впрочемъ, самъ Вахлеръ нѣсколько исправляетъ свой очеркъ замѣчаніями относительно тогдашняго состоянія вспомогательныхъ для исторіи дисциплинъ. Такъ, хронологія обыкновенно и совершенно игнорируется, или сильно страдаетъ въ историческихъ сочиненіяхъ этого періода [4]); собираніе надписей, монетъ и вообще монументальныхъ памятниковъ уже началось и производилось съ большимъ усердіемъ; но оно едва вышло изъ состоянія простого коллекціонерства и не оказывало еще вліянія на исторіографію [5]); историческая критика едва зародилась и не нашла еще систематическаго приложенія въ историческихъ произведеніяхъ [6]). Съ этими замѣчаніями за исключеніемъ послѣдняго нельзя не согласиться. Что касается до исторической критики въ эту эпоху, то Вахлеръ цѣнитъ ее слишкомъ низко больше по апріорнымъ соображеніямъ. „Для исторической критики, говоритъ онъ, Италія не

---

[1]) Ibid. p. 106.
[2]) Ibid. p. 116—118.
[3]) Ibid. p. 124—125.
[4]) Ibid. p. 92.
[5]) Ibid. p. 97 и 101—102.
[6]) Ibid. p. 102—103 и 105.

имѣла еще достаточной литературной зрѣлости и свободы. Философія прибѣгала къ вѣрѣ и старалась иногда обойтись только фантазіей. Благородный духъ сомнѣнія не имѣлъ еще надъ ней никакой силы. Предразсудки религіи, глубоко и непосредственно вошедшіе въ духовную жизнь, господствовали надъ нею и теперь, какъ прежде, и энтузіазмъ къ классической древности робко устранялъ хладнокровное изслѣдованіе объ истинномъ и ложномъ, о подлинномъ и неподлинномъ, какъ святотатственный грѣхъ противъ священнаго остатка безсмертной эпохи, и за удивленіемъ передъ внѣшней формой и за подражаніемъ ей часто забывалъ критику содержанія“ [1]). Правда, что такихъ критиковъ, какъ Валла, было не много среди итальянскихъ гуманистовъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они были лишены аналогичнаго настроенія. Разсужденія Вахлера построены отчасти на шаткихъ, отчасти на невѣрныхъ основаніяхъ. Прежде всего, гуманисты пользовались сравнительно широкой свободой, и многія ихъ произведенія, осужденныя позже на Тридентскомъ соборѣ, ранѣе читались безпрепятственно. Гуманистическая философія (точнѣе говоря, мораль, потому что другими ея сторонами до второй половины XV вѣка мало интересовались) требовала ранѣе всего критики, потому что приходилось примирять отжившее и традиціонное съ новыми потребностями, наилучшее выраженіе которыхъ можно было найти только у языческихъ авторовъ. Наконецъ, средневѣковое міросозерцаніе, конечно, было плохой школой для критическаго воспитанія; но увлеченіе древней литературой началось *критикою* рукописей, и почти цѣлое столѣтіе критическое отношеніе къ содержанію античныхъ авторовъ красной нитью проходитъ черезъ гуманистическія произведенія и по понятной причинѣ: и въ античной литературѣ были различныя теченія, а кромѣ того, ихъ приходилось примирять съ католицизмомъ. Если гуманистическая критика не устранила господствовавшихъ въ исторіографіи ошибокъ и подлоговъ, то это обусловливалось трудностью дѣла, а не отсутствіемъ у гуманистовъ критическихъ тенденцій.

Но, несмотря на нѣкоторую невѣрность окраски, сдѣланная Вахлеромъ характеристика гуманистической исторіографіи имѣетъ научную цѣну. Къ сожалѣнію, его выводы недостаточно подтверждены фактическими данными, такъ какъ самый разборъ гуманистическихъ произведеній слишкомъ кратокъ. Вслѣдствіе этого характеристики Вахлера представляютъ собою скорѣе программу для изслѣдованія гума-

[1]) Ibid. p. 102—103.

пистической исторіографіи, чѣмъ его научные результаты. Тѣмъ не менѣе Вахлеръ говоритъ о гуманизмѣ обстоятельнѣе своихъ преемниковъ [1]). Можно было бы ожидать, что итальянскій изслѣдователь исторіографіи *Габріэль Роза* съ особеннымъ вниманіемъ остановится на своихъ соотечественникахъ-гуманистахъ. Онъ признаетъ, что они „проложили путь глубокому знанію исторіи и достоинству, силѣ и независимости мысли“ [2]); но посвящаетъ имъ очень немного и совершенно незначительныхъ страницъ, выдвигая почему-то на первый планъ на-ряду съ Марсиліо Фичино и Анжело Полиціано одного только Поджіо [3]).

Несравненно болѣе цѣнны имѣютъ замѣчанія о гуманизмѣ историка нѣмецкой исторіографіи *Вегеле*, хотя фактическихъ подробностей у него еще меньше, чѣмъ у Вахлера. Несмотря на то, что Вегеле имѣетъ въ виду исключительно свою національную исторіографію, онъ не считаетъ возможнымъ обойти молчаніемъ Возрожденіе. Гуманизмъ, по его словамъ, „вызываетъ къ жизни ученую, отчасти уже критическую исторіографію, закаляетъ ее на образцахъ вновь пробужденной древности и въ то же время направляетъ ее на служеніе національнымъ мотивамъ и интересамъ, другими словами, реформируетъ ее“. Средневѣковая исторіографія, по мнѣнію Вегеле, далека отъ насъ, потому что она продуктъ давно пережитой культуры и чуждаго намъ теперь міросозерцанія; только съ эпохи Возрожденія историческія произведенія становятся „близкими намъ духовно и по-человѣчески“ [4]). Эта заслуга прежде всего оказана итальянскимъ гуманизмомъ, „который ранѣе всего преобразовалъ міръ и положилъ основаніе новому міросозерцанію“ [5]). Отмѣтивши, что итальянская исторіографія и ранѣе Ренессанса освободилась въ лицѣ Дж. Виллани отъ многихъ недостатковъ предшествовавшей эпохи, Вегеле тѣмъ не менѣе вполнѣ признаетъ важное вліяніе въ этой сферѣ гуманизма. Благодаря ему, античная исторіографія получила

---

[1]) Впрочемъ, книга *Lambert'a* (*Histoire des histoires*) мнѣ извѣстна только по заглавію. Сочиненіе Гервинуса о флорентійской исторіографіи будетъ разсмотрѣно ниже.

[2]) *Gabriele Rosa, Storia generale delle storie. Seconda edizione riveduta e coretta. Milano-Napoli 1873*, p. 254.

[3]) Ibid. 255. Для образца его приговоровъ можно привести слѣдующій: Se Dante ghibellino pendeva per l'impero romano, Petrarca guelfo preferiva la republica di Livio, di Sallustio etc. p. 254.

[4]) *Franz X. von Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. München und Leipzig 1885*, p. 5.

[5]) Ibid. p. 30.

впервые научную обработку по первоначальнымъ источникамъ и выработанные ею методы нашли приложеніе въ изслѣдованіяхъ по другимъ эпохамъ. Кромѣ того, гуманистическое движеніе расширило формы историческихъ произведеній, введя въ нихъ біографію, автобіографію и мемуары, и создало болѣе широкіе горизонты для общихъ воззрѣній историковъ, открывъ въ античномъ мірѣ новой и обширный объектъ для историческаго изученія [1]). Наконецъ, Вегеле примыкаетъ къ мнѣнію Буркгардта, что изученіе античнаго міра пріучало гуманистовъ „къ объективному историческому интересу“ и помогало имъ научнѣе относиться къ ближайшимъ эпохамъ, какъ въ наше время изученіе средневѣковой исторіи помогаетъ предохраниться отъ односторонности при изученіи новаго періода [2]). Ниже мы обстоятельно разсмотримъ этотъ взглядъ Буркгардта; теперь достаточно замѣтить, что аналогія Вегеле не вполнѣ вѣрна, такъ какъ гуманисты относились къ древнему міру иначе, чѣмъ большинство новыхъ историковъ относится къ Среднимъ вѣкамъ.

Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній, Вегеле приводитъ нѣсколько коротенькихъ характеристикъ гуманистическихъ историковъ, начиная съ Петрарки и кончая Коччіо; но это только примѣры, иллюстрирующіе мысль автора, а не фактическая основа его общихъ положеній. Выводы Вегеле сохраняютъ апріорный характеръ, и научная исторія гуманистической историографіи еще ждетъ своего изслѣдователя. То же самое можно сказать и о философіи исторіи этой эпохи. Большая часть историковъ этой отрасли историческаго знанія или обходятъ Ренессансъ совершеннымъ молчаніемъ [3]), или, держась біографическаго метода, останавливаются только на нѣкоторыхъ гуманистахъ, преимущественно на Макіавелли, и совершенно игнорируютъ представителей Возрожденія до половины XV вѣка. Тѣ изъ нихъ, которые останавливаются на этой эпохѣ, ограничиваются немногими замѣчаніями. Такъ, Рохольль говоритъ: „причины возрожденія наукъ и искусствъ древнихъ извѣстны. Это возрожденіе древности создало новаго человѣка. Образъ человѣка въ его достоинствѣ выступаетъ на первый планъ въ воззрѣніяхъ“. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько строкъ о Пико-делла-Мирандола и Валлѣ [4]).

[1]) Ibid. p. 31 и 32.

[2]) Ibid. p. 35.

[3]) Итальянскіе историки философіи исторіи не составляютъ исключенія. Такъ *Fontana* начинаетъ свою книгу „*La filosofia della storia nei pensatori italiani Imola 1873*“ съ Vico.

[4]) *Rocholl, Die Philosophie der Geschichte. Darstellung und Kritik der Versuche zu einem Aufbau derselben. Göttingen 1878,* p. 40.

Отношеніе итальянскихъ гуманистовъ къ государственнымъ наукамъ, къ праву и въ частности къ изученію римскаго права—также одинъ изъ наименѣе затронутыхъ вопросовъ и общею литературой, и спеціальной исторіографіей этой эпохи. Немногочисленные историки политическихъ ученій обходятъ абсолютнымъ молчаніемъ гуманистовъ, за исключеніемъ Макіавелли. *Вейтцель*, въ первомъ томѣ своей „*Исторіи государственныхъ наукъ*“, посвящаетъ гуманизму двѣ страницы, преисполненныхъ самыми превратными сужденіями. Усвоивъ ошибочный взглядъ Сисмонди на Возрожденіе, Вейтцель доводитъ его до крайнихъ нелѣпостей. По его мнѣнію, изученіе древности было занесено въ Италію греческими бѣглецами и только „задержало ходъ истиннаго образованія“. Гуманисты представляются ему „кастою, какъ въ Египтѣ“; ихъ „наука стала сухимъ буквоѣдствомъ, пустою болтовней (Zungendreschen), труднымъ изслѣдованіемъ ненужныхъ вопросовъ“ и т. д. Свои разсужденія Вейтцель заканчиваетъ самымъ рѣзкимъ приговоромъ о гуманизмѣ, какой только существуетъ въ литературѣ: онъ называетъ гуманистическую науку „мудростью, въ которую переодѣлась глупость и которая сдѣлалась достояніемъ дураковъ и педантовъ“ [1]).

Совершенно иначе относится къ Ренессансу *Савиньи* въ своей классической „*Исторіи римскаго права въ Средніе вѣка*“. По его мнѣнію, посредствомъ гуманизма юридическая наука была „вновь оживлена, облагорожена и многосторонне обогащена, не будучи вынужденной при этомъ отказаться отъ духовнаго пріобрѣтенія, сдѣланнаго въ теченіе четырехъ столѣтій“ [2]). Заслуга Возрожденія въ этой реформѣ юриспруденціи заключалась, по словамъ Савиньи, въ освобожденіи отъ „традиціонныхъ оковъ“, которое совершено было какъ посредствомъ историческаго изученія права, такъ и путемъ философской его критики, и послужило въ сущности основаніемъ для новой науки [3]). Савиньи не преувеличиваетъ непосредственнаго вліянія гуманизма на изученіе права, онъ видитъ его замѣтные результаты только черезъ два столѣтія послѣ начала движенія и объясняетъ такую медленность тою организаціей, которую получило изученіе и преподаваніе права въ Средніе вѣка. Замкнутостью сословія юристовъ и оцѣпенѣлостью ихъ научныхъ пріемовъ объясняется, по его

---

[1]) *Weitzel, Geschichte der Staatswissenschaft. I. Theil. Stuttgart und Tübingen 1832*, p. 131—132.

[2]) *F. C. Savigny, Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Sechster Band. 2. Ausgabe. Heidelberg 1850*, p. 1—2.

[3]) Ibid. p. 419.

мнѣнію, и тотъ интересный фактъ, что сами гуманисты, если они были юристами по спеціальности, какъ, напримѣръ, Франческо Аретино, не вносили новаго духа въ изученіе права [1]). Но отсутствіе замѣтнаго непосредственнаго вліянія Ренессанса на право не мѣшаетъ Савиньи называть нѣкоторыхъ гуманистовъ „предшественниками новой школы“ въ юриспруденціи. Характеристика заслугъ этихъ „предшественниковъ“ [2]) слишкомъ кратка; вообще можно сказать, что наличная гуманистическая литература даетъ гораздо больше матеріала для этого вопроса, чѣмъ было извѣстно, повидимому, Савиньи. Ниже мы увидимъ, что весьма многіе изъ наиболѣе крупныхъ гуманистовъ касались вопросовъ права не только по историческимъ и философскимъ побужденіямъ, но и въ силу практическихъ соображеній. Тѣмъ не менѣе несомнѣнную заслугу Савиньи составляетъ правильная постановка вопроса объ отношеніи гуманизма къ праву и его общее рѣшеніе, которое можетъ послужить программою для другихъ изслѣдователей [3]).

Точно такъ же оцѣниваетъ вліяніе Ренессанса на юриспруденцію *Штинтцингъ*, касаясь итальянскаго гуманизма въ своей „*Исторіи нѣмецкой юриспруденціи*“. Опредѣливъ существенный характеръ гуманистическаго движенія, какъ „освобожденіе индивидуума отъ традиціонныхъ оковъ въ мышленіи и знаніи, въ религіи и въ нравственныхъ воззрѣніяхъ“, какъ „разрывъ съ авторитетомъ традицій“ и какъ „возвращеніе знанія къ его первоначальному чистому источнику“, Штинтцингъ приходитъ къ убѣжденію, что „гуманизмъ, Реформація и возрожденіе юриспруденціи — родственныя явленія“ [4]). Отрицая, подобно Савиньи, непосредственное вліяніе гуманизма на право въ XIV и XV ст., онъ подчеркиваетъ главнымъ образомъ не недостатки тогдашней юриспруденціи, а враждебное отношеніе къ ней представителей Ренессанса. По его словамъ, гуманисты относились къ праву съ бо́льшей враждой, чѣмъ къ какой-либо другой схоластической дисциплинѣ [5]), и въ этомъ, повидимому, онъ видитъ

---

[1]) Ibid. p. 10—12.

[2]) Изъ занимающей насъ эпохи Савиньи относитъ къ числу предшественниковъ новой школы слѣдующихъ гуманистовъ: Траверсари, Никколи, Веджіо и Валлу.

[3]) Сколько намъ извѣстно, Савиньи еще ждетъ себѣ преемника для исторіи права въ гуманистическую эпоху. Работы Fiting'a не доходятъ въ настоящее время еще и до половины Среднихъ вѣковъ.

[4]) *R. Stintzing, Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft. 1 Abtheilung. München und Leipzig 1880,* p. 89—90.

[5]) Ibid. p. 89—90.

главную причину медленности вліянія. Но съ такимъ объясненіемъ едва-ли можно согласиться. Изъ гуманистическихъ рѣчей и переписки видно, что вражда къ праву не была признакомъ всѣхъ представителей Ренессанса, и что Франческо Аретино не былъ единственнымъ гуманистически образованнымъ юристомъ. Медленность реформы вѣрнѣе всего обусловливалась ея трудностью и сложностью, такъ какъ она должна была захватить не только науку права, но и юридическую практику.

Съ несравненно бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ къ праву, относились гуманисты къ педагогіи: большая часть изъ нихъ сами преподавали новую науку или ex officio, за опредѣленное вознагражденіе, или изъ любви къ дѣлу, а нѣкоторые, кромѣ того, писали теоретическіе трактаты о воспитаніи. Поэтому историки педагогическихъ теорій и практической педагогіи не могутъ игнорировать гуманистическаго движенія, и въ виду тѣсной связи задачъ воспитанія съ основными воззрѣніями на человѣческую природу и жизнь, педагогическія теоріи Ренессанса представляютъ большой интересъ для пониманія сущности гуманистическаго движенія. Но съ этой стороны эпоха Возрожденія изслѣдована еще весьма недостаточно. Въ нѣкоторыхъ историческихъ обзорахъ педагогики о гуманизмѣ упоминается вскользь и при обзорѣ средневѣковыхъ школъ [1]); въ болѣе обширныхъ трудахъ гуманизму отводится подобающее мѣсто. Такъ, *Раумеръ* въ своей *„Исторіи педагогики“* отводитъ итальянскому Ренессансу четыре главы, которыя представляютъ однако весьма мало интереса. Въ нихъ авторъ даетъ коротенькія біографическія замѣтки о нѣкоторыхъ гуманистахъ, составленныя по большей части безъ непосредственнаго знакомства съ источниками [2]). Систематическаго изложенія педагогическихъ воззрѣній гуманистовъ въ книгѣ нѣтъ; не упомянуты даже спеціальные трактаты по воспитанію. Нѣкоторый интересъ представляетъ попытка Раумера намѣтить фазисы развитія гуманистическаго движенія въ Италіи и указать характерные

---

[1]) *Fr. Körner, Geschichte der Pädagogik von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Leipzig 1857*, p. 99.

[2]) Въ біографіи Петрарки, а также въ замѣчаніяхъ о Поджіо и Валлѣ, авторъ пользуется нѣкоторыми ихъ произведеніями. См. *K. von Raumer. Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer bis auf unsere Zeit. I Theil. 2-te Auflage. Stuttgart 1846*, p. 17—27 и 39—43. Но страннымъ образомъ біографіи педагоговъ по преимуществу, какъ Гуарино и Витторино, заимствованы изъ вторыхъ, даже изъ третьихъ рукъ. Ibid. p. 32—35.

его признаки. Сущность Ренессанса ему не ясна: онъ склоненъ видѣть ее въ увлеченіи древностью. Поэтому Данте фигурируетъ у него среди гуманистовъ, и его воззрѣнія качественно не отличаются отъ взглядовъ Петрарки [1]). Изъ увлеченія древностью выводятся и остальныя явленія Ренессанса: Платонъ возбудилъ „энтузіазмъ къ красотѣ“ и „отвращеніе къ схоластикѣ“, которое возрасло еще болѣе, когда ознакомились съ подлиннымъ Аристотелемъ [2]). Къ этой хронологической путаницѣ присоединяется фантастическое представленіе о религіозномъ настроеніи гуманистовъ. Идя по слѣдамъ католическихъ писателей, Раумеръ, съ одной стороны, забываетъ, что средневѣковой католицизъ не исчерпываетъ христіанства, а съ другой— не видитъ психологической причины увлеченія древностью. „Живая любовь къ древности, говоритъ онъ, рано или поздно должна была привести къ конфликту съ христіанской вѣрой“ [3]). Любовь къ древней литературѣ представляется Раумеру, какъ неизбѣжный паганизмъ, и міровоззрѣніе гуманистовъ является какимъ-то психологическимъ абсурдомъ. „Языческое настроеніе, говоритъ онъ, языческая жизнь, языческія сочиненія характеризуютъ многихъ итальянскихъ ученыхъ; но весьма часто все это страннымъ образомъ соединено съ церковной вѣрой и благочестивымъ энтузіазмомъ“ [4]). Нельзя указать ни одного гуманиста, который подходилъ бы подъ эту характеристику. Раумеръ не замѣчаетъ въ Ренессансѣ индивидуалистическаго движенія, которое и представляетъ главный интересъ въ теоріяхъ и практикѣ тогдашнихъ педагоговъ.

Лучше составленъ очеркъ Возрожденія въ „*Исторіи педагогики*“ *Карла Шмидта*, потому что авторъ пользуется лучшими пособіями. Исторіи педагогическихъ идей въ эту эпоху нѣтъ въ его книгѣ; вмѣсто этого Шмидтъ даетъ краткія біографіи гуманистовъ, составленныя главнымъ образомъ по Фогту, а отчасти даже по Мейзелю. Только многочисленныя выдержки изъ сочиненій Петрарки указываютъ на самостоятельное знакомство съ источниками [5]), да обстоятельное изложеніе педагогическихъ трактатовъ этой эпохи [6])

[1]) Ibid. p. 28—63.

[2]) Ibid. p. 63.

[3]) Ibid. p. 28.

[4]) Ibid. p. 63.

[5]) *Карлъ Шмидтъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Изданіе 3-е, дополненное и исправленное Ланге. Переводъ Циммермана. Томъ II. Москва 1879*, p. 356 и слѣд.

[6]) Ibid. p. 379 и 383.

составляетъ несомнѣнное преимущество Шмидта передъ Раумеромъ. Что касается до общей оцѣнки движенія, то она заимствована у Рюккерта [1]).

Подводя итоги результатамъ изученія различныхъ сторонъ Ренессанса съ всемірно-исторической точки зрѣнія, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить двѣ ихъ характерныя черты: во-первыхъ, отсутствіе такихъ выводовъ, которые получили бы полное и безспорное всеобщее признаніе въ наукѣ, и, во-вторыхъ, болѣе или менѣе апріорный характеръ общихъ положеній о сущности и историческомъ значеніи движенія. Въ цѣломъ и общемъ нѣкоторые философы исторіи и авторы всемірно-историческихъ обзоровъ, начиная съ Гегеля и кончая Г. Веберомъ, вѣрно подмѣтили характерные признаки Возрожденія и отвели ему надлежащее мѣсто въ общемъ ходѣ историческаго процесса. Но это не устранило возможности до настоящаго времени игнорировать Ренессансъ при обзорѣ всемірно-историческихъ событій и повторять застарѣлыя ошибки о его причинахъ и объ общемъ ходѣ его развитія. То же самое можно сказать и объ отдѣльныхъ сторонахъ гуманистическаго движенія: далеко не всѣ историки церкви признаютъ его важность въ этой сферѣ; даже историки культуры считаютъ возможнымъ обходить его молчаніемъ, а тѣ изъ нихъ, которые останавливаются на Ренессансѣ, часто расходятся въ пониманіи его культурнаго значенія. Не всѣмъ историкамъ искусства ясно, какія стороны гуманизма оказали вліяніе на могучее развитіе предмета ихъ изученія въ XV и въ XVI столѣтіяхъ; не всѣ историки всеобщей литературы признаютъ всемірно-историческую важность Ренессанса въ подлежащей ихъ вѣдѣнію области. Согласнѣе другихъ историки философіи; но и въ ихъ средѣ встрѣчаются изслѣдователи, которые продолжаютъ стоять на точкѣ зрѣнія іезуита Торселлини.

Эта шаткость выводовъ обусловливается отчасти сложностью вопроса, отчасти религіозными симпатіями и антипатіями, а глав-

---

[1]) Ibid. p. 393. Мимоходомъ касается итальянскаго гуманизма и *Paulsen* въ *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten von Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Leipzig 1885.* Онъ видитъ въ гуманизмѣ „великое и универсальное движеніе, которое охватило всѣ народы и всѣ сферы жизни“ и которое было направлено противъ „супранатуралистически-аскетическаго взгляда на міръ и на жизнь“ и положило начало „новому раціоналистически-культурному развитію жизни“ (p. 5 и 7). Исторіи педагогическихъ воззрѣній гуманистовъ нѣтъ и въ этой книгѣ; а въ характеристикѣ отдѣльныхъ дѣятелей Ренессанса, напр., Петрарки, Паульсенъ повторяетъ Фогта (p. 29).

нымъ образомъ тѣмъ, что общія заключенія сдѣланы на основаніи весьма ограниченнаго знакомства съ непосредственными источниками или даже представляютъ собою догадки совершенно апріорнаго характера. Отъ этого же зависитъ незначительность фактическихъ данныхъ для изученія Ренессанса во всѣхъ изслѣдованіяхъ этой категоріи. Не говоря уже о тѣхъ изслѣдователяхъ, которымъ гуманистическая литература должна служить только основаніемъ для общихъ выводовъ объ эпохѣ, весьма малое знакомство съ ней обнаруживаютъ и тѣ писатели, для которыхъ произведенія гуманистовъ составляютъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія. Изъ историковъ культуры одинъ Мейнерсъ знакомъ съ латинскими произведеніями, хотя только Петрарки; философы, кромѣ Прантля, въ лучшемъ случаѣ знаютъ Петрарку и Валлу. Изъ другихъ изслѣдователей только Галламъ, Савиньи и историки педагогіи обнаруживаютъ нѣкоторое знакомство съ непосредственными источниками. При такомъ отношеніи къ Ренессансу всемірно-исторической литературы, ея заслуги въ дѣлѣ изученія гуманизма исчерпываются выясненіемъ его самаго общаго значенія въ ряду другихъ явленій всемірной исторіи.

IX.

Отношеніе къ Ренессансу историковъ отдѣльныхъ итальянскихъ центровъ.—Флорентійскіе историки.—Реймонтъ и Грегоровіусъ.—Колленуччіо и Джіанноне.—Историки Милана и Венеціи.—Отношеніе къ Возрожденію историковъ всей Италіи.—Сисмонди, Канту и Чиполла.—Общій характеръ воззрѣній на гуманизмъ національныхъ историковъ.

Итальянскій Ренессансъ, занимая видное мѣсто во всемірной исторіи, стоялъ въ то же время въ тѣсной связи съ мѣстной жизнью и оказалъ вліяніе на національное развитіе своей родины. Поэтому если для изслѣдователей различныхъ сторонъ всемірно-историческаго процесса эпоха Возрожденія представляется однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ общечеловѣческаго развитія, то можно думать, что историки итальянскаго прошлаго должны останавливаться на ней съ двойнымъ вниманіемъ: они должны изучать ея національное значеніе съ тѣмъ большею обстоятельностью, что это была пора наибольшаго вліянія Италіи на остальную Европу, по крайней мѣрѣ, въ новое время. Можно ожидать, что національные историки Италіи

выяснятъ вліяніе Ренессанса какъ на политическій и соціальный строй его родины, такъ и на всѣ стороны національной культуры. Такое ожиданіе тѣмъ основательнѣе, что Италія обладаетъ чрезвычайно развитою мѣстной исторіографіей, такъ какъ главнѣйшіе ея центры долгое время жили самостоятельною политическою жизнью. Между тѣмъ національная исторіографія и въ особенности политическая далеко не оправдываетъ этихъ ожиданій.

Между мѣстными историками Италіи начала новаго времени первое мѣсто и по количеству, и по качеству, безспорно, занимаютъ флорентійцы. Уже между представителями Ренессанса въ занимающую насъ эпоху Флоренція имѣла нѣсколькихъ историковъ, между прочимъ такихъ выдающихся гуманистовъ, какъ Бруни и Поджіо; но всѣ они, какъ мы увидимъ ниже, ничего не даютъ для исторіи движенія въ родномъ городѣ. Одни изъ нихъ излагаютъ главнымъ образомъ внѣшнюю исторію Флоренціи, другіе обращаютъ вниманіе на внутренній строй, но только на политическій. То же самое можно сказать и объ ихъ ближайшихъ преемникахъ до Макіавелли включительно: *Нери Каппони* имѣетъ въ виду исключительно внѣшнія событія и выставляетъ на первый планъ свою фамилію [1]); *Дж. Кавальканти* излагаетъ только исторію К. Медичи, но совершенно оставляетъ въ сторонѣ гуманистическое движеніе [2]). Самъ *Макіавелли*, занятый внутренней политикой Флоренціи, не обращаетъ вниманія въ своей знаменитой книгѣ на культурную исторію родины. Другіе флорентійскіе историки XVI столѣтія или описываютъ современныя событія, какъ *Nardi*, *Varchi* и *Segni*, или, захватывая болѣе обширныя эпохи, какъ *Nerli*, *Bruto* и *Ammirato*, обходятъ молчаніемъ гуманистическое движеніе [3]). Въ XVII столѣтіи Флоренція не имѣла выдающагося историка; но научное движеніе, развившееся въ Италіи во второй половинѣ прошлаго вѣка, а также спеціальныя работы по Возрожденію, которыя появились въ нынѣшнемъ столѣтіи, настолько выдвинули впередъ гуманистическое движеніе, что оно должно было занять мѣсто въ флорентійской исторіи. Дѣйствительно, наиболѣе крупные изъ новѣйшихъ истори-

[1]) *Commentarj di Neri di Gino Capponi dall 1419—1456* (Muratori, Scriptores, XVIII).

[2]) *G. Cavalcanti, Istorie Fiorentine. Firenze 1838—39.*

[3]) Болѣе ранніе обзоры флорентійскихъ событій имѣютъ иногда цѣну для исторіографіи Ренессанса фактическими указаніями. Таковы, напр., *Bartholomaei Fontii, Annales suorum temporum ab anno 1448 ad an. 1483* (У Galletti, p. 151 и слѣд.).

ковъ Флоренціи *Джино Каппони* и *Perrens* посвящаютъ въ своихъ книгахъ отдѣльныя главы гуманистическому движенію. Но оба эти очерка не представляютъ значительнаго интереса для исторіографіи Возрожденія. Каппони весьма кратко и совершенно внѣшнимъ образомъ излагаетъ распространеніе изученія древности, совершенно не касаясь вопроса ни о причинахъ движенія, ни о его слѣдствіяхъ и воздерживаясь отъ всякой оцѣнки его культурно-историческаго значенія [1]). Нѣсколько подробнѣе останавливается на Ренессансѣ Perrens; но и его очеркъ носитъ чисто внѣшній характеръ, при чемъ авторъ почти никогда не пользуется непосредственно источниками и по весьма существеннымъ вопросамъ ссылается иногда на такіе сомнительные авторитеты, какъ Женгинэ [2]). Это отсутствіе самостоятельнаго изученія источниковъ особенно чувствуется на общихъ замѣчаніяхъ о движеніи, которыя носятъ на себѣ замѣтное вліяніе крайнихъ взглядовъ Сисмонди [3]).

Не обходятъ молчаніемъ Ренессанса и историки „вѣчнаго города", который былъ также однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ гуманистическаго движенія. Но до нынѣшняго столѣтія и у нихъ мы не находимъ цѣннаго матеріала для исторіи Возрожденія. Ранніе историки новаго Рима являются обыкновенно въ то же время и біографами папъ, вслѣдствіе чего къ политическимъ интересамъ присоединяются у нихъ церковные и совершенно отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ гуманистическаго движенія. Такъ, *Б. Платина*, папскій историкъ XV вѣка, ученикъ гуманистовъ и самъ гуманистъ, не даетъ почти никакихъ свѣдѣній о хорошо извѣстномъ ему движеніи. Говоря о Николаѣ V, о первомъ настоящемъ меценатѣ на папскомъ престолѣ, онъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ упоминаетъ о его „щедрости къ ученымъ людямъ", хотя и считаетъ папу виновни-

---

[1]) *Gino Capponi, Storia della rèpublica di Firenze. Tomo I. Firenze 1875*, p. 528 и слѣд. Аналогичный очеркъ во второмъ томѣ заходитъ за хронологическіе предѣлы нашего изслѣдованія.

[2]) *F. T. Perrens, Histoire de Florence depuis la domination des Médicis jusqu'à la chute de la république. Tome I. Paris 1888*, p. 245.

[3]) Ibid. p. 227 и passim. О взглядахъ Сисмонди см. ниже. Вышедшее въ 1887 г. сочиненіе *Wiss'a* (*Aus der Kulturgeschichte von Florenz. Berlin*) ничего не даетъ для исторіи Возрожденія, кромѣ ничтожныхъ замѣчаній о Боккаччіо (p. 32), Альберти (p. 73) и Никколи (p. 75). *Pöhlmann* въ введеніи къ своей книгѣ—*Die Wirthschaftspolitik der Florentiner Renaissance und das Princip der Verkehrsfreiheit* (въ Abhandl. der Jablonowskyschen Gesellschaft der Wissenschaften. Hist. Sect. XIII) повторяетъ взгляды Буркгардта.

комъ Возрожденія [1]). Въ теченіе трехъ послѣдующихъ столѣтій „священный городъ“ не имѣлъ выдающихся историковъ; они появляются только съ половины XIX вѣка, и Ренессансъ тотчасъ же начинаетъ занимать видное мѣсто въ исторіи Рима. Мы видѣли, какъ относятся къ этому движенію новѣйшіе историки папъ; не обходятъ его молчаніемъ и тѣ изслѣдователи, которые имѣютъ въ виду преимущественно политическія судьбы Рима. Такъ, *Папенкордтъ*, поставившій себѣ задачей „представить политическую исторію города въ Средніе вѣка“, считаетъ необходимымъ тѣмъ не менѣе остановиться на состояніи культуры при началѣ новой исторіи, потому что это время принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ эпохъ развитія человѣческаго духа“ [2]). Для этой цѣли онъ разсматриваетъ отношеніе папъ къ гуманистамъ, и его небольшой очеркъ, составленный отчасти на основаніи непосредственнаго знакомства съ источниками [3]), по фактическимъ указаніямъ не лишенъ цѣны и въ настоящее время. Еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ останавливается на гуманизмѣ *Реймонтъ* въ своей „*Исторіи города Рима*“. Его очеркъ, посвященный этому движенію, представляетъ первый подробный сводъ фактовъ, характеризующихъ отношеніе папъ къ Возрожденію [4]), и въ этомъ заключается его главное значеніе. Но Реймонтъ не ограничивается фактической исторіей Ренессанса въ Римѣ и пытается выяснить его причины, основной характеръ и историческое значеніе. Нельзя сказать однако, чтобы его сужденія вполнѣ оправдывались источниками. Въ общемъ Реймонтъ держится той точки зрѣнія на Ренессансъ, на которой стоятъ клерикальные историки. Сущность гуманизма, по его мнѣнію, составляетъ возстановленіе изученія античной литературы, а его причины заключаются въ той роли, которую игралъ латинскій языкъ въ средневѣковой

---

[1]) Laudatur quidem ejus liberalitas, qua in omnes usus est: maxime erga litteratos, quos et pecunia, et officiis curialibus, et beneficiis mirifice juvit. Eos enim praemiis nunc ad lectiones publicas, nunc ad componendum de intergo aliquid, nunc ad vertendos Graecos autores in Latinum ita perpulit, ut litterae graecae et latinae, quae sexcentis jam antea annis in situ et tenebris jacuerant, tum demum splendorem aliquem adeptae sint. (*Historia B. Platinae de vitis Pontificum Romanorum. Coloniae Agrippinae. MDCX*, p. 314.

[2]) *Fel. Papencordt, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Herausgegeben und mit Anmerkungen, Urkunden, Vorwort und Einleitung, versehen von D-r C. Höfler. Paderborn 1857*, p. 469.

[3]) Ibid. p. 492 и слѣд.

[4]) *Alfred von Reumont. Geschichte der Stadt Rom. III. Band. Berlin 1868.* 291—294, 305—314, 321—328.

церкви и наукѣ. Въ XV вѣкѣ измѣнилось только отношеніе къ древней литературѣ: вѣра въ авторитетъ была подорвана, папство казалось отжившимъ, церковная наука находилась въ упадкѣ; въ то же время появилось стремленіе къ знанію и научному изслѣдованію и исчезъ „послѣдній остатокъ средневѣкового страха передъ тѣмъ направленіемъ мыслей и чувства, съ которымъ христіанство боролось и которое оно побѣдило“ [1]). Остается неяснымъ вопросъ, было ли это новое „направленіе мыслей и чувства“ неизбѣжнымъ результатомъ культурнаго роста личности или случайнымъ проявленіемъ тогдашняго „временнаго упадка церкви“, какъ выражаются обыкновенно клерикальные писатели. Реймонтъ склоняется, повидимому, ко второму рѣшенію. По крайней мѣрѣ, историческое значеніе гуманизма онъ видитъ не въ этомъ новомъ направленіи, которое представляется ему чистымъ язычествомъ. „Эти тенденціи“, говоритъ онъ, „имѣли двѣ стороны: онѣ могли положить основаніе живому развитію и могли дѣйствовать разрушительно. Онѣ сдѣлали то и другое. Культура XV столѣтія безконечно расширила кругъ идей во всѣхъ сферахъ (Ideenkreis auf allen Feldern) тѣмъ, что схватилась за полузабытое наслѣдство античнаго міра и овладѣла имъ. Но вслѣдствіе безграничной преданности прославляемымъ авторитетамъ, стремясь подчинить новое закону классическаго и очевидно смѣшивая средства съ цѣлями, она создала новое язычество, отъ котораго новое время... только съ трудомъ и не вполнѣ освободилось“ [2]). Мы уже не разъ встрѣчались съ этими обвиненіями; аргументація Реймонта точно такъ же не нова: у него фигурируетъ здѣсь и Гермафродитъ Беккаделли, и инвективы Ринуччини, и Фацеціи Поджіо, и презрѣніе къ родному языку и т. д. [3])—словомъ, все то, что́ мы видѣли у Пастора, съ тою разницею, что у Реймонта аргументы не приведены въ систему, такъ что обвиненія кажутся совершенно голословными.

Тщательно собирая всѣ обвиненія противъ гуманистовъ, какъ основательныя, такъ и фиктивныя, Реймондъ суживаетъ ихъ заслуги даже сравнительно съ собственнымъ опредѣленіемъ полезной стороны движенія. „Расширенія круга идей“ онъ совершенно не отмѣчаетъ въ произведеніяхъ гуманистовъ. Такъ, говоря о меценатствѣ Николая V, Реймонтъ замѣчаетъ, что отъ дѣятельности его гуманистовъ „выгода была болѣе матеріальная въ извѣстномъ смыслѣ, нежели

[1]) Ibid. p. 287—288.
[2]) Ibid. p. 289.
[3]) Ibid. p. 314, 335 и passim.

собственно и непосредственно духовная“ [1]), и сводитъ ее къ критикѣ текста и къ переводамъ съ греческаго языка. Помимо этого, вся ихъ литературная производительность стояла гораздо ниже папскаго покровительства [2]): ихъ проза не имѣетъ никакой цѣны; ихъ историческія произведенія не выдерживаютъ сравненія съ современными хрониками; ихъ стихи лишены всякой поэзіи [3]). Если прибавить къ этому произведенную гуманистами порчу національнаго языка [4]), то становится совершенно непонятнымъ, почему за гуманизмомъ самъ же авторъ признаетъ важное историческое значеніе. Суживая вмѣстѣ съ клериками историческое значеніе гуманизма, Реймонтъ тѣмъ не менѣе вполнѣ правильно понимаетъ его отношеніе къ папству. По его мнѣнію, сближеніе папъ съ гуманизмомъ имѣло роковое для нихъ значеніе. Антагонизмъ между ними былъ неизбѣженъ, потому что въ эпоху Возрожденія „дѣло шло не только о замѣнѣ одного авторитета другимъ, но все болѣе и болѣе стремились замѣнить уваженіе къ традиціи и силу авторитетовъ неограниченной свободой мысли и приложеніемъ этическихъ принциповъ культурной эпохи, основаніе которыхъ было отлично отъ христіанскихъ“. Гуманисты не только возставали противъ монашества, но „ихъ принципы начали проникать даже въ духовную науку и тамъ обнаруживать свое разрушительное дѣйствіе“ [5]). Проявленіе этой антихристіанской дѣятельности Реймонтъ видитъ не только въ Гермафродитѣ и Фацеціяхъ, но также и въ сочиненіи Валлы о Дарѣ Константина, и порицаетъ папство, хотя въ очень скромныхъ выраженіяхъ, за его связь съ гуманизмомъ [6]). Въ этомъ отношеніи Реймонтъ нѣсколько расходится съ Пасторомъ и стоитъ ближе къ Штёклю.

Совершенно иначе относится къ Ренессансу лучшій изъ историковъ средневѣкового Рима *Ф. Грегоровіусъ*. Въ послѣднемъ томѣ своей замѣчательной книги онъ отводитъ гуманистическому движенію обширную главу и дѣлитъ ее на шесть частей. Въ двухъ первыхъ онъ разсматриваетъ отношеніе церкви къ Ренессансу и историческое значеніе движенія, въ остальныхъ даетъ обстоятельный очеркъ за-

---

[1]) Ibid. p. 328.

[2]) So stand die literarische Production der Zeit ihrem innern Werthe nach in keinem Verhältniss zu den aufgewandten Mitteln. Ibid. p. 329.

[3]) Ibid. p. 330.

[4]) Ibid. p. 355—357. Только отношеніе гуманистовъ къ праву представлено Реймонтомъ вѣрно (p. 364 и слѣд.), потому что онъ повторяетъ въ этомъ случаѣ взгляды Савиньи.

[5]) Ibid. p. 319—320.

[6]) Ibid. p. 314, 323, 328, 329.

слугъ римскихъ гуманистовъ въ изученіи монументальныхъ памятниковъ Рима, въ эпиграфикѣ, въ исторіографіи и въ поэзіи. Фактическое содержаніе этой главы не заключаетъ въ себѣ новаго матеріала, но извѣстные факты превосходно расположены и правильно оцѣнены [1]). Такъ, говоря о подражательномъ характерѣ гуманистической исторіографіи, Грегоровіусъ въ немногихъ словахъ даетъ ему вѣрную оцѣнку. „Этотъ проходъ черезъ классицизмъ, говоритъ онъ, былъ необходимъ, чтобы разрушить устарѣлыя формы монастырскихъ и городскихъ хроникъ, чтобы пріобрѣсти политическую точку зрѣнія для оцѣнки событій и поднять исторіографію на высоту художественнаго произведенія“ [2]).

Гораздо важнѣе тѣ части очерка Грегоровіуса, гдѣ онъ говоритъ объ общемъ характерѣ гуманизма и о его исторической важности. Грегоровіусу принадлежитъ одно изъ самыхъ лучшихъ въ наукѣ опредѣленій историческаго значенія Возрожденія. „Ренессансъ, говоритъ онъ, былъ Реформаціей итальянцевъ. Они освободили науку отъ догматическихъ оковъ; они впервые создали ее, какъ европейскую силу. Они возвратили человѣчеству и всей культурѣ человѣка, и они выработали то космическое образованіе, въ процессѣ котораго мы стоимъ еще теперь и котораго дальнѣйшее развитіе и цѣль мы и теперь еще не можемъ предчувствовать. Возрожденіе науки было первымъ великимъ актомъ той неизмѣримой нравственной революціи, въ которой еще находится Европа; ея эпохи, до сихъ поръ обнаружившіяся, составляютъ: итальянскій Ренессансъ, нѣмецкая Реформація и французская Революція. И первая эпоха съ правомъ называется гуманизмомъ, потому что съ нея начинается новое человѣчество“ [3]). Общее впечатлѣніе отъ гуманистической литературы оправдываетъ такую характеристику; но при современномъ состояніи исторіографіи Ренессанса она является только правдоподобной гипотезой, удачной дивинаціей, а не строгимъ научнымъ выводомъ изъ критически провѣренныхъ фактовъ. Поэтому взглядъ Грегоровіуса на Возрожденіе далеко не нашелъ еще всеобщаго признанія.

---

[1]) *Ferdinand Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Vom V. bis zum XVI. Jahrhundert. Zweite durchgearbeitete Auflage. VII. Band. Stuttgart 1873.* Особенно хорошо составленъ систематическій обзоръ трудовъ гуманистовъ по изученію монументальныхъ древностей Рима (p. 565 и слѣд.), эпиграфики (p. 575) и исторіографіи (p. 596); слабѣе очеркъ ихъ поэтическихъ произведеній.

[2]) Ibid. p. 597.

[3]) Ibid. p. 513. Ср. p. 540, 541.

Грегоровіусъ не даетъ очерка историческаго развитія гуманизма; но онъ мѣтко формулируетъ его сущность и вѣрно опредѣляетъ различныя вліянія. Существенную черту Ренессанса составляетъ, по его мнѣнію, индивидуализмъ. „Универсальность естественно была основною чертою гуманизма“, говоритъ онъ [1]) и отсюда выводитъ его отношеніе и къ средневѣковому католицизму, и къ античной литературѣ. „Идеалъ христіанина, говоритъ Грегоровіусъ, котораго церковь считала по существу грѣшникомъ и страдальцемъ, страстно стремящимся къ небесамъ отрицателемъ этого прекраснаго міра, болѣе не удовлетворялъ новаго времени“, и гуманисты не могли признать „этого погруженнаго въ матеріализмъ христіанства съ его фальшивымъ идеаломъ“. Они обратились къ античной литературѣ и тамъ нашли болѣе подходящее удовлетвореніе новыхъ потребностей [2]). Но самое увлеченіе древней литературой Грегоровіусъ значительно преувеличиваетъ. Онъ говоритъ „о ново-латинскомъ язычествѣ“, утверждаетъ, что „все христіанское“ казалось гуманистамъ „варварскимъ и устарѣлымъ, что языкъ Данте считался у нихъ неправоспособнымъ (illegitim)“ [3]),— словомъ, повторяетъ обычныя обвиненія, не приводя для нихъ никакихъ основаній, и съ этой точки зрѣнія обсуждаетъ отношеніе церкви къ гуманистамъ. Рѣзкая противоположность средневѣковаго католицизма съ стремленіями Ренессанса не подлежитъ никакому сомнѣнію, и Грегоровіусъ превосходно ее характеризуетъ [4]). Но дальнѣйшіе выводы автора отличаются крайне проблематичнымъ характеромъ. Ихъ исходнымъ пунктомъ служитъ несомнѣнное, по Грегоровіусу, „язычество“ гуманистовъ. Покровительство церкви Ренессансу онъ готовъ считать примиреніемъ христіанства съ язычествомъ и признаніемъ со стороны церкви недостаточности исключительно религіознаго образованія [5]). Благодаря язычеству гуманистовъ, церковь получила новые тріумфы и извлекла только выгоды изъ противоестественнаго, повидимому, союза. Съ одной стороны, „папство обязано было новымъ культурно-историческимъ величіемъ именно своей способности войти въ древность“; съ другой—„итальянскій народный духъ удовлетворялъ свои реформаціонныя потребности литературой и искусствомъ именно потому, что односторонне погрузился въ язы-

---

[1]) Ibid. p. 539.
[2]) Ibid. p. 511—512. Ср. p. 539—540.
[3]) Ibid. p. 513.
[4]) Ibid. p. 515—516.
[5]) Ibid. p. 515.

чество [1]). Въ концѣ концовъ св. Престолъ, благодаря Ренессансу, одержалъ побѣду надъ Реформаціей, по крайней мѣрѣ, въ Италіи. „Папство было въ состояніи, говоритъ Грегоровіусъ, сбросить съ себя и съ Италіи еретическій покровъ язычества, послѣ того какъ классическій Ренессансъ послужилъ ему для того, чтобы занять итальянскую націю въ опаснѣйшія времена реформаціонныхъ стремленій и чтобы усвоеніемъ античной науки снабдить себя современнымъ оружіемъ и придать себѣ монументальный блескъ въ Римѣ“ [2]). Правда, эта побѣда была мѣстная: за Альпами культурныя стремленія гуманистовъ получили полное осуществленіе; но Италія не воспользовалась благами Возрожденія. Наоборотъ—„тупое равнодушіе народа къ религіи, говоритъ Грегоровіусъ,—*порожденіе какъ свѣтскаго характера (Verweltlichung) церкви, такъ и Ренессанса*—до настоящаго дня еще составляетъ величайшее препятствіе къ нравственному обновленію (Verjüngung) итальянскаго національнаго духа“ [3]). Изъ ложной посылки получился цѣлый рядъ бездоказательныхъ и совершенно невѣроятныхъ выводовъ.

Но до крайности ограничивая непосредственное *культурное значеніе* Ренессанса для Италіи, Грегоровіусъ въ 6 томѣ своей книги приписываетъ ему въ высшей степени благотворное *политическое значеніе*. Если гуманисты помѣшали нравственному обновленію итальянцевъ посредствомъ религіозной реформы, то они спасли Италію не только отъ терзавшихъ ее партій. Этой странѣ, говоритъ Грегоровіусъ, въ XIV столѣтіи грозила очевидная опасность вымереть (abzusterben), какъ Эллада и Византія... Во вновь ожившемъ классическомъ образованіи распутились партіи гвельфовъ и гибеллиновъ, церкви и имперіи, какъ совершенно индифферентныя для націи. Возобновленіе античной культуры было величайшимъ національнымъ дѣломъ итальянцевъ; оно спасло ихъ отъ судьбы Греціи, оно дало имъ третье, духовное господство надъ Европой“ [4]). Было бы въ высшей степени важно и интересно изучить гуманистическое движеніе съ этой точки зрѣнія; фактическій матеріалъ для этого, какъ мы увидимъ ниже, есть, но его разработка еще не начата ни въ спеціальной литературѣ по Ренессансу, ни въ общихъ сочиненіяхъ по итальянской исторіи. Самая идея о спасительности гуманизма для Италіи вполнѣ оригинальна, и

---

[1]) Ibid. p. 515 и 516.
[2]) Ibid. p. 516, 517.
[3]) Ibid. p. 517.
[4]) Ibid. VI, p. 5, 6.

національные историки чаще всего стоятъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія.

Историки остальныхъ крупныхъ центровъ Италіи—Неаполя, Милана и Венеціи—въ лучшемъ случаѣ сообщаютъ нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія о гуманистическомъ движеніи въ данной мѣстности, а чаще всего обходятъ его абсолютнымъ молчаніемъ. Такъ *Колленуччіода-Пезаро*, составившій во второй половинѣ XV вѣка исторію Неаполя, ограничивается изложеніемъ чисто внѣшнихъ фактовъ, хотя самъ принадлежалъ къ гуманистическому движенію [1]); его преемники сообщаютъ нѣкоторыя данныя о гуманистахъ, окружавшихъ неаполитанскихъ государей. Самый обстоятельный изъ новыхъ историковъ Неаполя *Пьетро Джіанноне* нѣсколько подробнѣе останавливается на гуманистическомъ движеніи. Тѣ главы его книги, гдѣ говорится о мѣстныхъ ученыхъ, имѣютъ значеніе для фактической исторіи гуманизма [2]); Джіанноне пытается даже выяснить причины Ренессанса и описать ходъ его развитія; но эти попытки никоимъ образомъ нельзя признать удачными. Авторъ считаетъ виновниками Возрожденія въ Италіи византійскихъ бѣглецовъ, а въ частности въ Неаполѣ Фердинанда I [3]). Сообразно съ такимъ пониманіемъ движенія располагается и фактическое изложеніе: придворнымъ ученымъ Роберта и его ближайшихъ преемниковъ, людямъ, по большей части стараго закала, отводятся отдѣльныя главы, а нѣкоторыя лица изъ гуманистической свиты Альфонса упомянуты мимоходомъ, только какъ воспитатели Фердинанда, гуманистамъ котораго также посвящена особая глава [4]). Что касается до изложенія хода развитія Ренессанса, то Джіанноне перечисляетъ занятія гуманистовъ и повторяетъ обычныя обвиненія, что они презирали родной языкъ, слѣпо вѣрили древнимъ и были убѣждены, что „природа такова, какъ описалъ ее Плиній и что

---

[1]) *Collenutii, jurisconsulti Pisaurensis, Historiae Neapolitanae ad Herculem I, Ferrariae Ducem, libri VI. Basileae MDLXXII.* О Fazio см. ниже въ главѣ о неаполитанскихъ гуманистахъ.

[2]) *Pietro Giannone, Storia civile del regno di Napoli. Vol. IV. Milano 1846*, p. 42, 216, 218, 227.

[3]) Глава *Rinnovellamento delle buone lettere in Napoli* (p. 354 и слѣд.) отнесена къ правленію Фердинанда и начинается слѣдующимъ образомъ: L'origine di tal rinnovellamento non solo al favore di questo principe, ma deve principalmente attribuirsi alla caduta di Constantinopoli. Ср. что говорится о Фердинандѣ выше на той же страницѣ и p. 55.

[4]) Ibid. p. 42, 216, 218, 227, 358, 359 и слѣд.

она не можетъ дѣйствовать иначе, какъ сообразно съ принципами Аристотеля“ [1]).

Историки Милана и Венеціи имѣютъ еще менѣе значенія для исторіографіи Ренессанса. Миланскій историкъ второй половины XV вѣка *Бернардино Коріо* даетъ кое-какія фактическія указанія, а *Пьетро Верри* въ XVIII вѣкѣ и самый обстоятельный изъ новыхъ историковъ Милана графъ Джулини обходятъ гуманистическое движеніе полнымъ молчаніемъ [2]). Венеція, подобно Флоренціи, славилась своими историками; но для исторіи гуманистическаго движенія они не представляютъ интереса. Начиная съ гуманиста *Кончіо*, самаго ранняго историка Венеціи въ занимающую насъ эпоху, кончая *Дарю*, самымъ обстоятельнымъ изъ новыхъ ея историковъ [3]), всѣ они не даютъ никакихъ свѣдѣній о венеціанскомъ гуманизмѣ. Что касается до источниковъ второстепенныхъ итальянскихъ городовъ, то въ лучшемъ случаѣ они сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ ученыхъ [4]).

Итакъ, вопросъ о вліяніи Возрожденія на историческую жизнь отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ не только не рѣшенъ, но даже и не поставленъ мѣстными историками, за исключеніемъ римскихъ. При современномъ положеніи нашихъ свѣдѣній о Ренессансѣ другого отношенія къ нему трудно и ожидать. Трудно говорить о мѣстномъ вліяніи гуманистовъ, когда не приведенъ еще въ извѣстность ихъ численный составъ, когда недостаточно извѣстны ихъ взаимныя отношенія и политическія стремленія. Болѣе матеріала—для общей харак-

---

[1]) Ibid. p. 357.

[2]) *Bernardino Corio, L'historia di Milano volgarmente scritta. Venegia 1554. Pietro Verri, Storia di Milano continuata fino al MDCCXCII da Pietro Custodi. Firenze 1851* (2 vols). *Giorgio Giulini, Memorie spettanti alla storia, al governo ed alla descrizione della città e campagna di Milano nei secoli bassi. Milano 1856* (7 vols; къ интересующей насъ эпохѣ относятся тома пятый и шестой). *Istoria di Milano Rosmini (Milano 1820)* и *Cusani, Storia di Milano. Milano 1862—77* мнѣ не удалось воспользоваться.

[3]) *M. Antoni Coccii Sabellici Rerum Venetarum ab urbe condita ad Marcum Barbadicum, Serenissimum Venetiarum Principem, et Senatum Decades IV.* Въ opera v. II, p. 1085 и слѣд. *Daru, Histoire de la République de Venise. Vol. II. Paris 1819. Romanin* въ 3-мъ и 4-мъ томахъ своей *Storia documentata di Venezia, Venezia 1853—61*, даетъ нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія о мѣстныхъ гуманистахъ, иногда даже по рукописнымъ источникамъ (см. III, p. 366 и слѣд. и IV, p. 499 и слѣд.).

[4]) Фактическія данныя для исторіи Ренессанса мѣстныхъ историковъ будутъ разсмотрѣны ниже въ соотвѣтствующихъ главахъ.

теристики національнаго значенія Ренессанса; но и онъ остается мало разработаннымъ общими историками Италіи. Самый древній изъ нихъ, знаменитый *Гвиччардини*, не захватываетъ занимающей насъ эпохи [1]; въ XVII столѣтіи Италія имѣла одного только *Бріани*, который составилъ короткій компендіумъ общей исторіи [2]. Самый обстоятельный изъ историковъ Италіи въ XVIII вѣкѣ—*Лебредъ* ограничивается изложеніемъ политическихъ событій [3]. Только въ нашемъ столѣтіи измѣнилось отношеніе историковъ къ гуманистическому движенію.

Фактическое изученіе исторіи Ренессанса въ XVIII столѣтіи въ трудахъ Mehus'a, Маццукелли, Тирабоски и друг. и сравнительно глубокое пониманіе его общаго характера, какъ оно выразилось у нѣкоторыхъ историковъ философіи и культуры, сдѣлало необходимымъ отводить гуманистическому движенію болѣе видное мѣсто въ исторіи Италіи. И дѣйствительно, самый ранній историкъ Италіи въ XIX вѣкѣ—*Сисмонди* уже разсматриваетъ гуманистическое движеніе въ своей обширной „*Исторіи итальянскихъ республикъ въ Средніе вѣка*“, которую онъ доводитъ до XVII столѣтія [4]. Не ограничиваясь повѣствовательнымъ прагматизмомъ и часто прерывая изложеніе философскимъ объясненіемъ и анализомъ событій, Сисмонди пытается выяснить историческій смыслъ гуманистическаго движенія и его значеніе для Италіи. Но эти попытки нельзя признать удачными, потому что автору неясна, во-первыхъ, сущность Ренессанса, а во-вторыхъ, онъ стоитъ исключительно на національно-политической точкѣ зрѣнія, которая оказывается слишкомъ узкой для правильной оцѣнки гуманизма.

Сисмонди незнакомъ съ произведеніями гуманистовъ, кромѣ историческихъ, которыми онъ пользуется иногда для фактическаго изложенія политической исторіи. Еще біографію Петрарки онъ излагаетъ по обширной работѣ де-Сада, вслѣдствіе чего тамъ нѣтъ фактическихъ промаховъ, но осмыслить политическую дѣятельность родона-

---

[1]) *Guicciardini, La historia d'Italia, dove si descrivono tutte le cose seguite dal 1484 per fino al 1532. Venegia 1569.*

[2]) *Briani, Istoria d'Italia dalla venuta di Annibale sino al anno di Cristo 1527. Venezia 1623* (2 vols).

[3]) *Le Bret, Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Deutschland und England. 44 Band. Italien. Halle 1778—87* (9 vols).

[4]) *I. C. L. Simonde de Sismondi. Histoire des Républiques Italiennes du moyen age. T. 1—X.* Первое изданіе вышло въ 1809—18 годахъ. Я цитирую по Nouvelle édition. Paris 1840.

чальника гуманистовъ Сисмонди не въ состояніи [1]). Для Боккаччіо у него не было такого пособія, поэтому его оцѣнка автора Декамерона, котораго онъ считаетъ „однимъ изъ самыхъ глубокихъ ученыхъ и наилучшихъ критиковъ“ [2]), совершенно голословна. Съ остальными гуманистами Сисмонди совсѣмъ незнакомъ. Вынужденный, такимъ образомъ, повторять чужія слова въ изложеніи столь важнаго и столь сложнаго движенія, Сисмонди впадаетъ въ противорѣчіе. „XIV столѣтіе—блестящая эпоха для Италіи“, говоритъ онъ въ IV томѣ своего сочиненія и въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ констатируетъ блестящее положеніе ученыхъ, распространеніе просвѣщенія, обиліе творчества, возстановленіе греческой и латинской литературы, созданіе итальянскаго языка и новой поэзіи, усовершенствованіе исторіографіи, педагогіи и юриспруденціи и быстрый успѣхъ искусствъ [3]). Сисмонди нѣсколько преувеличиваетъ заслуги XIV столѣтія и забываетъ, что, кромѣ Данте и нѣкоторыхъ историковъ, виновниками этихъ успѣховъ были гуманисты, и что результаты ихъ работы стояли въ неразрывной связи съ интересомъ къ древности. Между тѣмъ этотъ интересъ представляется ему „педантствомъ, которое отняло у столѣтія его силу“ [4]). „Изученіе мертвыхъ языковъ, говоритъ онъ, вдругъ пріостановило жизнь у этой націи, столь склонной принимать новыя формы“ [5]). По отношенію къ XV столѣтію это противорѣчіе еще рѣзче. Сисмонди говоритъ объ этой эпохѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ еще бо̀льшимъ сочувствіемъ [6]). Тогда, по его словамъ, „духовная культура Италіи въ короткое время сдѣлала быстрые успѣхи. Привычка къ наблюденію, съ одной стороны, изученіе древнихъ, съ другой, развили многія науки, которыя ставятъ своей цѣлью счастіе людей“ [7]). Сисмонди констатируетъ далѣе успѣхи наукъ общественныхъ и политическихъ; при чемъ ихъ виновниками онъ прямо называетъ Гуарино, Валлу, Филельфо, Поджіо,

---

[1]) Quelques-uns (tyrans) l'engagèrent dans des actions contraires à ses principes, à ses devoires comme citoyen de Florence et comme Guelfe. Ibid. III, p. 480. Какъ бы ни смотрѣть на политическую дѣятельность Петрарки, средневѣковая терминологія гвельфа или гибеллина къ нему не подходитъ. О книгѣ De-Sade см. ниже.

[2]) Ibid. IV, p. 185. Біографію Варлаама и Боккаччіо Сисмонди пересказываетъ по Tiraboschi. Ibid. p. 183 и слѣд.

[3]) Ibid. IV, p. 82.

[4]) Ibid. p. 193.

[5]) Ibid. V, p. 169.

[6]) Ibid. VII, p. 316—317.

[7]) Ibid. p. 315, 316.

Фичино и друг., а ихъ покровителей Альфонса Аррагонскаго, Козимо Медичи и Николая V превозноситъ до небесъ [1]). Между тѣмъ нѣсколько раньше мы находимъ настоящій обвинительный актъ противъ гуманистовъ. „Разныхъ Гуарино, Валлъ, Филельфо, Поджіо и Фичино породили не итальянская умственная работа, не итальянское воображеніе, а упорное изученіе древности, безъ отношенія къ современности, усвоеніе мыслей, логическихъ формулъ, поэтическихъ образовъ и законовъ, которые выработаны для другихъ народовъ, для другихъ языковъ, для другихъ нравовъ. Ихъ создало абсолютное преимущество, предоставлявшееся памяти надъ другими способностями, и рабское подчиненіе индивидуальнаго вкуса образцамъ и литературнымъ авторитетамъ. Можетъ быть, это полное уклоненіе отъ естественныхъ и истинныхъ впечатлѣній, отъ оригинальной мысли, отъ вкуса, свойственнаго каждой новой націи, болѣе повредило литературѣ въ Италіи и во всей Европѣ, чѣмъ принесли ей пользы образцы Греціи и Рима, несмотря на ихъ возвышенную красоту. Но особенно въ политикѣ этого столѣтія мы должны отмѣтить рабскій характеръ, который наложила на мысль эрудиція“ [2]).

Въ приведенной тирадѣ налицо всѣ причины, вызвавшія столь противорѣчивое и недружелюбное отношеніе Сисмонди къ гуманистическому движенію. Прежде всего онъ не понимаетъ смысла увлеченія древностью. Оно представляется ему мертвымъ и рабскимъ подражаніемъ античнымъ писателямъ. Гуманисты „научались думать, чувствовать и говорить, какъ Цицеронъ, Титъ Ливій или Виргилій“; но древній міръ, создавшій этихъ писателей, уже умеръ, и гуманизмъ подражалъ смерти (la tristesse glacée de la mort) [3]). Сисмонди отрицаетъ всякое содержаніе въ произведеніяхъ гуманистовъ: они представляются ему голыми фразами, возрожденіемъ античныхъ софизмовъ. „Задачей гуманистовъ, говоритъ онъ, не было анализировать и судить, но сбивать съ толку цицероновскими фразами... Они даже въ глазахъ свѣта не чувствовали себя отвѣтственными за свои мысли или за свои сужденія, а только за свой стиль...; говорить послѣдовательно въ двухъ противоположныхъ смыслахъ они считали двойной славой“ [4]). Сисмонди и въ голову не приходитъ искать въ движеніи умственнаго и нравственнаго содержанія, объяснять его духовными потребностями эпохи. Правда, эта сторона исторической

[1]) Ibid. p. 316, 317, 314 и 312.
[2]) Ibid. VI, p. 262.
[3]) Ibid. V, p. 169—170.
[4]) Ibid. VI, p. 264.

жизни занимаетъ второстепенное мѣсто въ его книгѣ; но нельзя сказать, чтобы Сисмонди совершенно ее игнорировалъ: наоборотъ, весьма мѣтко, хотя мимоходомъ и безъ всякой связи, изображаетъ онъ паденіе католицизма въ эту эпоху [1]) и нравственный упадокъ тогдашняго общества [2]), отмѣчаетъ даже индивидуалистическое настроеніе, характеризующее XV столѣтіе [3]). Онъ не приводитъ въ связь съ этими явленіями гуманистическаго движенія главнымъ образомъ потому, что ему незнакомы его проявленія. По этой же причинѣ, желая указать хотя какіе-нибудь благотворные результаты увлеченія древностью, онъ ищетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было или гдѣ они до сихъ поръ почти не отмѣчены спеціальной литературой—въ богословіи и въ правѣ. Джіованни д'Андреа, Бальдо и Бартоло, которыхъ онъ называетъ, стоятъ совершенно внѣ гуманизма; а изъ массы другихъ именъ, приведенныхъ въ подстрочномъ примѣчаніи, только Луиджи Марсильи и Лапо-да-Кастильонкіо принадлежатъ къ гуманистамъ [4]). Но первый былъ незамѣчательный богословъ, а значеніе второго въ исторіи права остается до сихъ поръ невыясненнымъ.

Оторвавши Ренессансъ отъ его естественной почвы, Сисмонди ставитъ его въ непосредственную связь съ политической исторіей. Возрожденіе, по его мнѣнію, стояло въ связи съ политическими страстями [5]); самое увлеченіе поэзіей и наукой зависѣло отъ раздробленности Италіи, такъ какъ слава поэта и ученаго далеко заходила за предѣлы его родины, а извѣстность политика ограничивалась узкими предѣлами его государства [6]). Результатомъ такой постановки вопроса было, во-первыхъ, крайнее расширеніе понятія Возрожденія. Чтобы придать наглядность этой связи, Сисмонди ведетъ новое движеніе съ XIII столѣтія и ставитъ въ одну категорію и гуманистическое движеніе, и нѣкоторое оживленіе того времени въ средневѣковой юриспруденціи и медицинѣ. На одной линіи съ Петраркой стоитъ у него не только Данте, но Джіованни д'Андреа, и Ренессансъ утрачиваетъ свои специфическіе признаки. Благодаря этому, Сисмонди избавляется отъ старой и грубой ошибки относительно творческаго вліянія

---

[1]) Ibid. IV, p. 367—368.
[2]) Ibid. p. 82—85.
[3]) Ibid. V, p. 167—168.
[4]) Ibid. V, p. 170—171.
[5]) Ibid. IV, p. 114.
[6]) Ibid. p. 478—479.

византійскихъ грековъ на Ренессансъ [1]); но отъ этого же зависитъ отчасти крайне односторонняя и совершенно несправедливая оцѣнка гуманистическаго движенія въ XV вѣкѣ. Исходя изъ того въ общемъ справедливаго положенія, что политическая свобода необходима для культурнаго развитія, Сисмонди преувеличиваетъ вліяніе на гуманистовъ ея упадка въ XV столѣтіи. Вслѣдствіе вліянія на ихъ умы „соціальнаго безпорядка“, говоритъ онъ, „нельзя ожидать отъ ихъ трудовъ ничего достойнаго тѣхъ временъ, которымъ они подражали... Въ писателяхъ XV вѣка мы не находимъ ни возвышенности, ни благородства, ни любви къ родинѣ, ни политическихъ чувствъ“ [2]). Въ доказательство этого обвиненія онъ приводитъ, во-первыхъ, тотъ фактъ, что Бруни, Поджіо и Марсуппини, будучи секретарями Флорентійской республики, не оказали на нее такого вліянія, какого ожидалъ отъ ихъ учености авторъ, и, во-вторыхъ, что послѣдній не нашелся сразу отвѣтить на рѣчь секретаря Фридриха III и, „чтобы извлечь изъ затрудненія педанта“, долженъ былъ говорить Джіаноццо Манетти. Болѣе того, тогдашніе ученые, у которыхъ „было болѣе тщеславія, чѣмъ любви къ славѣ, болѣе жадности, чѣмъ честолюбія“, у которыхъ „краснорѣчіе было отдѣлено отъ политики, а стиль—отъ мысли“, предпочитали тираннію республики и развращали общество [3]).

Сисмонди совершенно неправъ, утверждая, что политическіе и соціальные недуги подрывали нравственную цѣну гуманистическихъ трактатовъ: причину ихъ слабости слѣдуетъ искать въ несовмѣстимости новыхъ идеаловъ съ средневѣковымъ католицизмомъ и въ безсиліи гуманистовъ произвести соотвѣтствующую реформу послѣдняго. Совершенно невѣрно также, что сочиненія гуманистовъ лишены возвышенности и благородства: наоборотъ, они проникнуты этими свойствами повсюду, гдѣ идетъ рѣчь о человѣческой природѣ и о разумѣ. Фактическія основанія обвиненій Сисмонди также не выдерживаютъ критики и даже отличаются наивностью: обвинять гуманистическихъ статсъ-секретарей Флоренціи за то, что они не перевоспитали своихъ гражданъ, какъ Саванаролла, и не сдѣлали того, что̀ было не-

[1]) Ихъ роль въ общемъ вѣрно, хотя нѣсколько неопредѣленно, указываетъ Сисмонди въ IV томѣ своей книги (p. 182—183).

[2]) Ibid. VI, 261, 262.

[3]) Ibid. p. 262—264. Замѣтимъ кстати, что свѣдѣніе о замѣшательствѣ Марсуппини, которое сообщаетъ Naldo Naldi въ біографіи Манетти, Сисмонди заимствуетъ изъ вторыхъ рукъ, изъ книги Roscoe; иначе ему пришлось бы сказать, что педанта выручилъ другой еще большій педантъ.

возможно, такъ же неосновательно, какъ изъ замѣшательства Марсуппини дѣлать выводъ о его политической неспособности. Но Сисмонди правъ въ томъ отношеніи, что политическій индифферентизмъ нѣкоторыхъ гуманистовъ доходилъ до цинизма, что вообще опредѣленныя и твердыя политическія убѣжденія были между ними большою рѣдкостью. Изъ этого не слѣдуетъ, что гуманистическое движеніе осталось безъ благотворнаго вліянія на тогдашнія политическія отношенія; но для его выясненія нужно несравненно болѣе глубокое пониманіе Ренессанса, чѣмъ то, которое обнаруживаетъ Сисмонди.

Кромѣ политической точки зрѣнія, Сисмонди при оцѣнкѣ Возрожденія становится еще на національную. „Прогрессъ просвѣщенія XV вѣка, говоритъ онъ, не былъ національнымъ развитіемъ“, и въ этомъ заключалась вторая главная причина неудачи гуманистическаго движенія [1]). Сисмонди въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ говоритъ объ окончательномъ литературномъ застоѣ въ эту эпоху, потому что „цѣпи учености задушили воображеніе“, потому что писатели пользовались мертвымъ языкомъ, на которомъ „сынъ не понималъ своей матери, влюбленный—своей возлюбленной“ [2]). Вредное вліяніе этого факта отразилось, по мнѣнію Сисмонди, и на позднѣйшей итальянской литературѣ. „Недостатки, за которые до сихъ поръ ее упрекаютъ, говоритъ онъ, могутъ быть всѣ объяснены первой ошибкой литераторовъ, что они оставили національный языкъ въ то столѣтіе, которое должно было самымъ выдающимся образомъ соединить вкусъ съ геніемъ. То столѣтіе, которое послѣдовало за Данте и Петраркой, потеряно для литературы: педантство отняло у нея всю силу и всѣ ея памятники остаются погребенными въ иностранномъ языкѣ“ [3]). Дѣйствительно, весьма длинный промежутокъ времени отъ Петрарки до Аріосто былъ сравнительно безплоденъ для итальянской поэзіи, и исторія литературы когда-нибудь выяснитъ истинныя причины этого пробѣла. Во всякомъ случаѣ, онѣ не тамъ, гдѣ думаетъ ихъ найти Сисмонди. Прежде всего латинскій языкъ не господствовалъ такъ безраздѣльно, какъ обыкновенно утверждаютъ, и весьма многіе гуманисты пользовались обоими языками, при чемъ иные, какъ Бруни и Салютати, писали на-ряду съ латинской прозой итальянскіе стихи, какъ то дѣлалъ Петрарка. Если въ этой національной литературѣ не было талантовъ, то въ этомъ не виновато „латинское педантство“, которое не убивало художественнаго творчества въ сферѣ пла-

[1]) Ibid. VI, p. 261—262.
[2]) Ibid. V, p. 169.
[3]) Ibid. IV, 193.

стическихъ искусствъ. Самый терминъ—педантство—не подходитъ къ гуманистической наукѣ: всѣ ея трактаты, за исключеніемъ развѣ чисто филологическихъ, скорѣе напоминаютъ салонную ученость просвѣтителей XVIII вѣка.

Итакъ, въ первой крупной исторіи Италіи мы не находимъ не только выясненія мѣстнаго историческаго значенія Ренессанса, но и правильной постановки этого вопроса. Ближайшій преемникъ Сисмонди—*Лео*, занятый исключительно политической исторіей Италіи, почти его не касается. Правда, въ исторіи Флоренціи XIV и XV столѣтій онъ отводитъ два отдѣла научно-художественному движенію этой эпохи [1]), но оба они не представляютъ интереса ни по взглядамъ автора на Ренессансъ, ни по фактическому изложенію. Лео видитъ въ гуманизмѣ филологическое движеніе, въ изложеніи котораго сообщаетъ нѣкоторыя данныя объ итальянскихъ представителяхъ Ренессанса, заимствованныя отчасти изъ Мегуса, отчасти изъ другихъ историковъ итальянской литературы.

Итальянскіе историки относятся къ Ренессансу, въ большинствѣ случаевъ, отрицательно; иные, какъ *Джудичи* [2]), обходятъ его совершеннымъ молчаніемъ. *Босси* въ 17-мъ томѣ своей обширной „*Исторіи древней и новой Италіи*“ даетъ обѣщаніе показать „средства, благодаря которымъ такъ двинулись впередъ научныя занятія въ Италіи, вліяніе, которое имѣла литература на цивилизацію (incivilmento) народовъ, на соціальныя отношенія, на политику и законодательство и, наконецъ, причины, которыя вызвали ея паденіе“ [3]). Но эти обѣщанія остаются неисполненными. Босси утверждаетъ только, что XV вѣкъ былъ подготовительной эпохой, констатируетъ благія послѣдствія просвѣщенія [4]) и по Тирабоски излагаетъ, съ незначительными дополненіями [5]), важнѣйшіе факты по исторіи

---

[1]) *H. Leo, Geschichte der italienischen Staaten 4. Theil. Hamburg 1830.* Uebersicht der Kunst-und Literatur-Geschichte Toscanas vom Ende des 13-ten Jahrhunderts bis 1430, p. 284 и слѣд. Von Cosimo's de Medici Wirken für Kunst und Wissenschaft, p. 348 и слѣд.

[2]) *Emiliani-Giudici, Storia dei communi italiani. Firenze 1864—66, 3 vols.* Книга *Carlo Morbio, Storie dei municipii italiani illustrate con documenti inediti. Milano MDCCCXL* представляетъ собою описаніе древностей, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ документовъ, не имѣющихъ отношенія къ интересующей насъ эпохѣ.

[3]) *Luigi Bossi, Della istoria d'Italia antica e moderna. Volume XVII. Milano 1822*, p. 275.

[4]) Ibid. p. 343—344.

[5]) Ibid. p. 334.

литературы, науки и искусства въ XV вѣкѣ. Но воззрѣнія Босси весьма рѣдко встрѣчаются въ итальянской исторической литературѣ. *Чезаре Бальбо*, суммируя обычные взгляды итальянцевъ на Ренессансъ, пытается нѣсколько смягчить ходячій приговоръ о гуманистическомъ движеніи. По его словамъ, „упадокъ, или, вѣрнѣе, замедленіе прогресса началось не съ XV вѣка, какъ обыкновенно говорятъ, но со смерти Петрарки и Боккаччіо, около 1375 года, и продолжалось не все столѣтіе, а только приблизительно до 1450 года. Послѣ этого прогрессъ быстро и самымъ блестящимъ образомъ вновь ускорился, благодаря четыремъ импульсамъ, которые дѣйствовали въ эту эпоху: міру, религіозному и политическому, прибытію грековъ и, наконецъ, великому изобрѣтенію книгопечатанія. Такимъ образомъ движеніе этого періода дѣлится на два аллюра (andamenti): одинъ медленный, другой быстрый, одинъ посредственный, другой великій, и эта посредственность XV вѣка въ культурѣ, какъ въ политикѣ, сводится только къ первой его половинѣ“ [1]). Еще суровѣе относится къ Возрожденію самый знаменитый изъ современныхъ историковъ Италіи — Канту.

Чезаре Канту не придаетъ особаго значенія гуманистическому движенію. Во второмъ томѣ своей „*Исторіи итальянцевъ*“ онъ посвящаетъ нѣсколько главъ культурному состоянію Италіи въ эту эпоху, но нигдѣ не употребляетъ термина Возрожденіе вслѣдствіе того, что не признаетъ такого значенія за гуманизмомъ. Главѣ, спеціально посвященной гуманистамъ, онъ даетъ названіе *Gli eruditi*, изъ которыхъ выдѣляетъ весьма немногихъ въ особую главу подъ заглавіемъ *Scienziati* [2]). Уже съ первыхъ словъ первой главы видно отношеніе автора къ гуманистическому движенію. „Отъ имени Медичи, говоритъ онъ, мы можемъ лучше всего перейти къ разсмотрѣнію ученыхъ того времени. Одни прославляютъ ихъ какъ просвѣтителей Италіи и Европы; другіе обвиняютъ, что они сбили съ пути оригинальную культуру и были предшественниками тѣхъ педантовъ, которые всегда съ тѣхъ поръ вредили нашей странѣ, замѣняя изученіе вещей изученіемъ словъ. Кто признаетъ прогрессомъ только возвращеніе назадъ и красотою только подражаніе античному, долженъ признать, что какъ въ древности греки были просвѣтителями античнаго міра, такъ и Италія имъ обязана новымъ возрожденіемъ. А

[1]) *Cesare Balbo, Della storia d'Italia dalle origini fino all'anno 1814. Sommario. Edizione terza. Parigi 1847, p. 231.*

[2]) *Cesare Cantù. Storia degli Italiani. Tomo II. Seconda edizione. Torino 1858*, p. 990 и 1008.

развѣ наши читатели рѣшатся повѣрить, что родина Данте обязана своей культурой загрязненнымъ, бѣглымъ грамматикамъ изъ Константинополя?“ [1]). Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Канту не согласенъ ни съ обвинителями, ни съ панегиристами гуманистовъ. Онъ отрицаетъ за ними всякую важность, потому что они были учениками грековъ, хотя въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ думали крайніе сторонники византійскаго вліянія. Движеніе представляется ему вызваннымъ античной литературой и лишеннымъ національной почвы, какъ думалъ и Сисмонди. Канту не задаетъ себѣ вопроса о причинахъ увлеченія древностью, а просто разсказываетъ, какъ распространялось знаніе греческаго языка въ Италіи, какъ отыскивали рукописи, какъ развивалось меценатство и популярность писателей, о которыхъ сообщаетъ нѣкоторыя біографическія подробности, — словомъ, все то, что̀ было извѣстно о гуманизмѣ уже въ XVIII вѣкѣ, благодаря трудамъ Мегуса, Тирабоски и друг. Самостоятельнаго знакомства съ гуманистической литературой у него такъ же мало, какъ у Сисмонди. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что въ главѣ Scienziati Канту не сказалъ почти ничего о научныхъ заслугахъ гуманистовъ [2]), а главное, изъ такихъ фактическихъ промаховъ, какіе рѣдко встрѣчаются въ литературѣ XVIII вѣка. Такъ, одно изъ самыхъ популярныхъ сочиненій эпохи, которое выдержало болѣе сотни изданій, трактатъ Валлы, „De Linguae latinae elegantia“ онъ приписываетъ Поджіо [3]), а сочиненія послѣдняго De Avaritia и Contra Hipocritas— Валлѣ. Валлу же вмѣсто Поджіо заставляетъ онъ вступить въ полемику съ Гуарино изъ-за Юлія Цезаря [4]).

Такъ же, какъ Сисмонди, преувеличиваетъ Канту увлеченіе гуманистовъ древностью и формой. По его мнѣнію, „каждый выбиралъ себѣ автора, передъ которымъ идолопоклонствовалъ и котораго проповѣдовалъ съ апостольскимъ жаромъ“. При этомъ въ собственныхъ произведеніяхъ гуманисты обращали будто бы почти исключительное вниманіе на форму. „Оскорбленіе элегантности стиля, по его словамъ, причиняло болѣе стыда, чѣмъ оскорбленіе истины и приличія, и эти раздоры педантовъ возбуждали страсти и разъединяли города и провинціи“ [5]). Это значитъ смотрѣть на увлеченіе древностью и на гуманистическія инвективы даже не въ лупу, а въ микроскопъ. Въ даль-

[1]) Ibid. p. 990.
[2]) Ibid. p. 1008—1009.
[3]) Ibid. p. 995.
[4]) Ibid. p. 996.
[5]) Ibid. p. 999.

нѣйшей характеристикѣ гуманистическаго движенія Канту повторяетъ Сисмонди; тѣ же самые упреки въ отсутствіи оригинальности, въ разладѣ слова съ дѣломъ, въ политической неспособности и сервилизмѣ [1]). Уклоненія весьма незначительны и дополненія только фактическія. Такъ, напр., Канту къ извѣстному разсказу о Марсуппини прибавляетъ, что и Петрарка, находясь при дворѣ Дж. Висконти, отказался безъ приготовленія отвѣчать генуэзскимъ посламъ. Какъ будто способность къ импровизаціи составляетъ существенный признакъ истиннаго государственнаго человѣка. Наконецъ, вмѣстѣ съ Сисмонди, обвиняетъ Канту гуманистовъ въ презрѣніи къ родному языку. Но, повторивши извѣстный разсказъ Варки, что въ его время дѣтямъ запрещали читать итальянскія книги, чтобы усовершенствовать ихъ въ латинской рѣчи, и приведя нѣсколько образчиковъ испорченнаго итальянскаго языка (въ концѣ XV вѣка), Канту самъ же указываетъ на Маттео Пальміери и Л. Альберти, какъ на авторовъ, превосходно владѣвшихъ роднымъ языкомъ [2]), и количество такихъ примѣровъ можно увеличить до какихъ угодно размѣровъ, такъ что то, что̀ Канту считаетъ общимъ правиломъ, вѣрнѣе назвать исключеніемъ.

Болѣе сдержанно и менѣе опредѣленно относится къ Ренессансу *Карло Чиполла* въ своей „*Исторіи итальянскихъ сеньорій*“. Онъ не считаетъ возможнымъ обходить молчаніемъ гуманистическаго движенія и отмѣчаетъ его, хотя весьма кратко, при изложеніи исторіи Венеціи, Флоренціи, Рима и Неаполя [3]). Но его взгляды на общее значеніе Возрожденія страдаютъ нѣкоторою неопредѣленностью. Повидимому, онъ раздѣляетъ мнѣніе Герцони, что прилагать къ итальянской исторіи французское слово Renaissance—абсурдъ. „Если, вслѣдствіе распространившагося обычая, говоритъ Чиполла въ подстрочномъ примѣчаніи, у меня часто срывается съ пера слово Rinascimento, то я никогда не думалъ, что въ немъ заключается такое сужденіе

---

[1]) Характеристика гуманистовъ на страницѣ 1001 представляетъ простой пересказъ соотвѣтствующаго мѣста изъ Сисмонди (VI, p. 261—265); при чемъ главныя мысли переданы почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Для примѣра приведемъ одно сравненіе. Сисмонди говоритъ: C'est pour avoir ainsi séparé la science d'avec action, l'eloquence d'avec la politique, et le style d'avec la pense que les érudits du XV siècle ne contribuèrent poind etc. VI, p. 264. У Канту: Sconcio peggior che litterario, s'insegnò a separare il sentimento dalla parola, la letteratura dall azione, la forma dal pensiero etc. p. 1001.

[2]) Ibid. p. 1006—1008.

[3]) *Carlo Cipolla, Storia delle signiorie italiane dal 1313 al 1530. Parte I. Milano 1881,* p. 257, 285, 286, 407, 408, 484—486.

объ эпохѣ, которое оно выражаетъ, а желалъ только указать имъ время, которое характеризуется классицизмомъ, возстановленнымъ трудами гуманистовъ". Онъ согласенъ также съ Герцони, что „эпоха св. Ѳомы, Данте и Петрарки — нѣчто совершенно иное, нежели періодъ невѣжества и слабости", что, наоборотъ, „XV и XVI столѣтія во многихъ отношеніяхъ были ниже тѣхъ, которыя имъ предшествовали". Тѣмъ не менѣе Чиполла признаетъ, что только въ XV вѣкѣ „возродилась древность, какъ элементъ интеллектуальной жизни". Тогда, говоритъ онъ, „образовалась научная атмосфера, не скажу теперь, насколько лучшая и насколько худшая, чѣмъ была въ предшествующее столѣтіе, но несомнѣнно отъ нея отличная" [1]). Въ самомъ изложеніи Чиполла оставляетъ эту сдержанность и склоненъ признать за Ренессансомъ то значеніе, которое заключается въ его этимологіи. „Греко-латинская древность, говоритъ онъ, съ XIV столѣтія постепенно проникала въ итальянскую жизнь, какъ источникъ культуры и высшая цѣль существованія, потому что она обозначала искусство, науку и гражданскую жизнь". Сообразно съ этимъ, за Возрожденіемъ признается „огромная политическая важность" и могучее соціальное вліяніе. „Древность, говоритъ Чиполла, была соединительнымъ кольцомъ между средневѣковой и новой культурой: посредствомъ нея произошли и соціальныя перемѣны (transformazione sociale"). Отказываясь употреблять слово Renascimento въ его буквальномъ смыслѣ, Чиполла замѣняетъ его весьма близкимъ по значенію—rinnovamento della coltura и въ политической исторіи не считаетъ возможнымъ умолчать объ этомъ обновленіи „въ силу его соціальныхъ и политическихъ послѣдствій" [2]). Къ сожалѣнію, въ его книгѣ мы не находимъ даже и попытокъ прослѣдить категорически признанныя вліянія Возрожденія.

Итакъ, историки Италіи не отвергаютъ политическаго и соціальнаго значенія Ренессанса; но въ ихъ произведеніяхъ мы не находимъ не только рѣшенія этого вопроса, но даже правильной его постановки. Причину такого отношенія къ гуманистическому движенію слѣдуетъ искать отчасти въ современномъ состояніи спеціальной литературы по Возрожденію, отчасти въ патріотическихъ увлеченіяхъ. Ниже мы увидимъ, что политическія стремленія такихъ корифеевъ гуманизма, какъ Петрарка и Боккаччіо, до сихъ поръ не выяснены, а объ ихъ преемникахъ еще и рѣчи не заходило. Вопросъ

[1]) Ibid. p. 285—286. О книгѣ *Guerzoni, Il primo rinascimento. Verona 1878,* см. ниже.

[2]) Ibid. p. 407, 408, 285.

о патріотизмѣ гуманистовъ точно также остается открытымъ, потому что на-ряду съ ихъ изреченіями въ космополитическомъ духѣ можно указать несомнѣнные слѣды ихъ патріотизма, какъ мѣстнаго, такъ и общеитальянскаго. Нѣсколько яснѣе ихъ соціальныя стремленія, но практическіе результаты демократизма гуманистовъ, по самой сложности дѣла, еще долго останутся открытымъ вопросомъ. Кромѣ того, нѣкоторыя стороны гуманистическаго движенія, при поверхностномъ къ нимъ отношеніи, легко могли показаться итальянцамъ оскорбительными для ихъ патріотическаго чувства. Несомнѣнное увлеченіе античной литературой и латинскимъ языкомъ придавало движенію антинаціональный характеръ, а старый предразсудокъ о византійскомъ происхожденіи гуманизма дѣлалъ оскорбительнымъ предположеніе, что за національное „возрожденіе“ итальянцы были обязаны бѣглымъ ренегатамъ. Къ этому присоединился еще тотъ фактъ, что гуманисты оставались равнодушными къ церковной реформѣ и служили мѣстнымъ тираннамъ, которые не только уничтожили политическую свободу въ Италіи, но и навлекли на нее бѣдствія чужеземнаго нашествія. Итальянскія войны и католическая реакція такъ же случайно ассоціировались съ представленіемъ о гуманистическомъ движеніи, какъ ужасы Террора съ великими идеями 89 года. Въ силу этого, если отсутствіе монографическихъ изслѣдованій помѣшало выяснить національное значеніе Ренессанса, то ложныя ассоціаціи воспрепятствовали даже правильной постановкѣ этого вопроса.

X.

Значеніе для исторіографіи Ренессанса историковъ мѣстной литературы отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ.—Заслуги Манцукелли, Дзено и Тирабоски.—Женгенэ и Маффеи.—Рутъ, Эбертъ и Джудичи.—Отношеніе къ гуманизму Канту, Сеттембрини и де-Санктиса.—Адольфъ Гаспари.—Общій характеръ заслугъ историковъ итальянской литературы въ исторіографіи Возрожденія.

Исторія итальянской литературы занимаетъ въ исторіографіи гуманизма гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ политическая исторія Италіи. Правда, патріотизмъ и здѣсь мѣшалъ правильной оцѣнкѣ движенія, и вопросъ о вліяніи Ренессанса на національную литературу поставленъ на вполнѣ научную почву только въ самое послѣднее время. Но подъ вліяніемъ того же чувства итальянцы весьма рано начали

изучать родную старину и біографіи знаменитостей прошлаго, такъ что патріотизмъ, препятствовавшій выясненію національнаго значенія Возрожденія, оказалъ важное содѣйствіе его фактическому изученію. Еще въ XV вѣкѣ начали появляться сочиненія о знаменитыхъ писателяхъ или въ формѣ коротенькихъ біографій, какъ у Бистичи, или въ формѣ похвальныхъ словъ (Elogia), какъ у Джовіо, или въ видѣ краткой оцѣнки ихъ литературной дѣятельности, какъ у Кортезе, и такія произведенія продолжали появляться до конца прошлаго столѣтія [1]). Почти каждый годъ въ Италіи имѣлъ такого историка литературы, а въ болѣе крупныхъ центрахъ, какъ Флоренція или Венеція, ихъ было по нѣскольку. Конечно, далеко не всѣ писатели этой категоріи имѣютъ значеніе для исторіографіи Возрожденія [2]), но нѣкоторые изъ нихъ, какъ *Негри* для Флоренціи, *Агостини* для Венеціи, *Аргеллати* и *Сасси* для Милана, *Монжиторе* для Сициліи, *Топпи* для Неаполя, *Маффеи* для Вероны и проч. не утратили своей цѣны въ настоящее время.

На почвѣ этихъ мѣстныхъ изслѣдованій развилась исторія общеитальянской литературы, которая воспринимала въ себя результаты мѣстныхъ изысканій, иногда дополняя ихъ новыми изслѣдованіями, иногда только систематизируя и обобщая чужую работу. До нынѣшняго столѣтія чаще всего такія произведенія излагались въ біо- и библіографической формѣ; но иногда встрѣчались попытки и философскаго изложенія развитія итальянской литературы. Самая ранняя исторія литературы въ Италіи принадлежитъ *Джиммъ* [3]). Это двухтомный фоліантъ, въ которомъ изложеніе ведется отъ Адама, итальянская исторія начинается съ Ноя, основавшаго колоніи въ Италіи и насадившаго тамъ науки и искусства. Содержаніе книги не исчерпывается литературой: тамъ изложена политическая и церковная исторія, трактуется вопросъ о янсенизмѣ, рѣшается проблема о томъ, есть ли

---

[1]) Бистичи, Джовіо и Кортезе будутъ разсмотрѣны въ главѣ, посвященной источникамъ и спеціальной литературѣ по Возрожденію, мѣстные историки литературы—въ соотвѣтствующихъ главахъ.

[2]) Таково, напр., произведеніе *Franc. Tinto, La nobiltà di Verona. Verona MDXCII.* Книга заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ разсужденія о происхожденіи философіи и тому подобныхъ матеріяхъ. Факты приведены только изъ жизни Веронскихъ святыхъ, а прочія знаменитости только перечислены (p. 493 и слѣд.).

[3]) *Giacinto Gimma, Idea della Storia dell' Italia Letterata. Napoli 1723, 2 vols.* Рецензія книги съ обширными выдержками, которой я пользуюсь, въ журналѣ *Bibliotheque Italique. 1728. Tome II. Geneve 1728,* p. 1 и слѣд.

теперь на землѣ кровь Христова, и т. д. Спеціально для Возрожденія книга не даетъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ. Гораздо важнѣе трудъ *Крешимбени*; но предметомъ его изслѣдованія служила исключительно народная поэзія [1]), вслѣдствіе чего его книга почти не имѣетъ значенія для исторіи Ренессанса. „*Конспектъ литературнаго сокровища Италіи*“ извѣстнаго *Фабриціуса* представляетъ собою простой списокъ печатныхъ сочиненій объ Италіи [2]). Только съ половины XVIII столѣтія появляются такія произведенія по исторіи итальянской литературы, которыя до сихъ поръ еще не утратили своей цѣны. Сюда относятся, во-первыхъ, „*Фоссіевы Диссертаціи*“ *Апостоло Дзено*. Въ половинѣ XVII вѣка вышло сочиненіе *Фоссіуса „О латинскихъ историкахъ“*, въ третьей части котораго содержатся краткія біографіи гуманистовъ, оставившихъ латинскія сочиненія историческаго содержанія [3]). Къ этому перечню, совершенно незначительному ни по содержанію, ни по обеъму, Дзено написалъ двухтомный комментарій [4]), безъ котораго нельзя обойтись и теперь при спеціальномъ изученіи Возрожденія. Въ его книгѣ нѣтъ систематическихъ біографій, но отдѣльныя біографическія данныя и даты весьма тщательно собраны и критически провѣрены по первоначальнымъ источникамъ, иногда рукописнымъ. Кромѣ основательной критики, которая во второй половинѣ XVIII вѣка встрѣчается довольно часто въ итальянскихъ ученыхъ работахъ, книга Zeno имѣетъ огромную цѣну по библіографическимъ даннымъ. При современномъ состояніи исторіографіи Ренессанса, составленіе даже простыхъ списковъ сочиненій отдѣльныхъ гуманистовъ сопряжено съ большими затрудненіями; каталоги Дзено имѣютъ поэтому весьма важное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ указаны обыкновенно почти всѣ изданія и отмѣчено, гдѣ находятся рукописи не-

---

[1]) *G. M. Crescimbeni, Storia della Volgar Poesia. 6 vols. Venezia 1730.*

[2]) *Albertus Fabricius, Conspectus Thesauri Litterarii Italiae, praemissam habens, praeter alia, notitiam Diariorum Italiae litterariorum thesaurorumque ac corporum Historicorum et Academiarum subjuncto Peplo Italiae Jo. Matthaei Toscani. Hamburgi 1730.* Этотъ Peplus Italiae, вышедшій впервые въ Парижѣ въ 1578 г., представляетъ собою стихотворныя Elogia итальянскимъ писателямъ, съ краткими ихъ біографическими очерками.

[3]) *Ger. Joan. Vossius, De Historicis latinis libri III. Lugduni Batavorum 1651.*

[4]) *Apostolo Zeno, Dissertazioni Vossiane cioè giunte e osservazioni intorno agli storici italiani che hanno scritto latinamente, rammentati dal Vossio nel III libro de Historicis Latinis. Tomo I. Venezia 1752. Tomo II. 1753.*

изданныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, каталоги не всѣ полны, составлены не для всѣхъ писателей, и далеко не всѣ гуманисты занесены были въ перечень Фоссіуса.

Одновременно съ вторымъ томомъ книги Дзено появился замѣчательный трудъ графа *Маццукелли*—„*Писатели Италіи*“ [1]), біографическій словарь, задуманный въ колоссальныхъ размѣрахъ. Маццукелли внесъ въ свою работу результаты всей предшествующей литературы, дополнивъ ея пробѣлы самостоятельными изслѣдованіями. Біографіи писателей коротки и носятъ чисто внѣшній характеръ; но онѣ составлены съ тщательной критикой и съ чрезвычайно обширной эрудиціей. То же самое можно сказать и о его библіографическихъ указаніяхъ. Если бы работа Маццукелли была закончена, мы имѣли бы необходимую настольную книгу для исторіи Возрожденія, которая наполовину облегчала бы трудъ его изученія, давая возможность своими указаніями сразу оріентироваться въ біографическомъ и въ библіографическомъ матеріалѣ, хотя онъ, какъ у Дзено, исчерпывается только заглавіями сочиненій и ихъ изданіями. Но Маццукелли умеръ, не окончивши работы, и шесть толстыхъ фоліантовъ его словаря доходятъ только до буквы С.

Первыя попытки систематическаго изложенія исторіи всѣхъ отдѣловъ литературы, науки и искусства относятся къ послѣдней четверти прошлаго вѣка: въ 1779 г. вышла „*Исторія свободныхъ искусствъ и наукъ въ Италіи*“ *Ягеманна* [2]), въ 1782 году — „*Исторія итальянской литературы*“ *Тирабоски* [3]). Оба сочиненія имѣютъ много общаго: они написаны по одному плану, имѣютъ въ виду преимущественно систематизацію отдѣльныхъ работъ для образованнаго читателя, а не самостоятельныя изслѣдованія. Оба автора держатся строго хронологическаго порядка, предпосылаютъ изложенію каждаго столѣтія современное политическое состояніе и въ особенности развитіе меценатства, а затѣмъ излагаютъ по рубрикамъ всѣ виды литературы, включая сюда и ученую, и богословскую, и философскую, а также и исторію изящныхъ искусствъ и ученыхъ учрежденій. И недостатки въ обоихъ сочиненіяхъ по существу тѣ же

---

[1]) *Conte Giammaria Mazzuchelli, Gli Scrittori d'Italia cioè notizie storiche, e critiche intorno alle vite, e agli scritti dei Letterati Italiani. Volume I. Parte 1 e 2; Vol. II. Part. 1—IV. Brescia 1753.*

[2]) *Chr. Jos. Jagemann, Die Geschichte der freyen Künste und Wissenschaften in Italien. Dritten Bandes zweiter und dritter Theil. Leipzig 1779.*

[3]) *Abate Girolamo Tiraboschi, Storia della letteratura Italiana Nuova edizione. Tomo V, Parti III e Tomo VI, Parti V. Venezia 1823.*

самые: эпоха Ренессанса не выдѣлена, какъ самостоятельное движеніе и въ каждой рубрикѣ, послѣ короткой общей характеристики, излагаются біографіи соотвѣтствующихъ дѣятелей съ указаніями на ихъ произведенія, при чемъ коротенькія біографіи носятъ чисто внѣшній характеръ, а библіографіи крайне не полны. Въ общемъ обѣ „Исторіи“ представляютъ собою справочныя книги; но сочиненіе Ягеманна теперь совершенно устарѣло, а книга Тирабоски легла въ основаніе почти всѣхъ позднѣйшихъ работъ аналогичнаго содержанія и до настоящаго времени составляетъ необходимое пособіе при изученіи Ренессанса. Причина этого заключается прежде всего въ бо́льшемъ обиліи матеріала у Тирабоски: Ягеманнъ посвятилъ XIV и XV столѣтію по одному томику въ 16-ю долю листа; у Тирабоски, въ новомъ изданіи, XIV вѣкъ занимаетъ три тома in 8°, а XV—5 такихъ же томовъ. Кромѣ того, Ягеманнъ рѣдко обращается къ первоначальнымъ источникамъ и никогда къ рукописямъ; Тирабоски дѣлаетъ это весьма часто, вслѣдствіе чего его книга представляетъ иногда интересъ самостоятельнаго изслѣдованія.

Обширной извѣстностію пользовалась въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія книга *Женгенэ* [1]); но для исторіографіи Возрожденія она не имѣетъ существеннаго значенія. Женгенэ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на національной литературѣ, и здѣсь онъ совершенно самостоятеленъ; но въ изложеніи гуманистическихъ произведеній онъ опирается главнымъ образомъ на Тирабоски и не даетъ ничего новаго [2]). Главная его заслуга заключается въ томъ, что онъ останавливается на латинскихъ произведеніяхъ Петрарки и Боккаччіо и этимъ самымъ подчеркиваетъ западно-европейское происхожденіе гуманизма, хотя о его причинахъ Женгенэ говоритъ такъ же мало, какъ и его итальянскій предшественникъ. Въ томъ же самомъ отношеніи къ Женгенэ, въ какомъ онъ находился къ Тирабоски, стоитъ аббатъ *Маффеи* [3]). Его *„Исторія итальянской литературы“* имѣетъ цѣлью дать хорошее руководство учащейся молодежи и тѣмъ образованнымъ людямъ, для которыхъ трудъ Тирабоски слишкомъ обширенъ. Предшествовавшія компиляціи этой книги, сдѣланныя *Landi* (въ пяти томахъ) и *Zanini*, кажутся ему или слишкомъ обширными или имѣютъ тотъ же пробѣлъ, что̀ и у Тирабоски, т.-е.,

[1]) *P. L. Ginguené, Histoire litteraire d' Italie. II édition. T. II et III. Paris 1824.*

[2]) См. мѣткій отзывъ у Hallam'a Hist. de la litt. I, p. VII.

[3]) *Abate Giuseppe Maffei. Storia della literatura italiana dall origine della lingua sino a' nostri giorni 3 edizione. Parte I. Italia 1834.*

пропускаютъ XVIII вѣкъ. Чтобы пополнить эти недостатки, Маффеи написалъ свой компендіумъ, въ которомъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за Женгенэ, подвергая его впрочемъ значительнымъ сокращеніямъ. Въ исторіи XV вѣка этимъ сокращеніямъ подверглась почти вся латинская литература, что̀ лишаетъ книгу Маффеи всякой цѣны для исторіи Ренессанса. Самостоятельнѣе и справедливѣе относится къ гуманистическому движенію нѣмецкій историкъ итальянской литературы *Рутъ*. Занятый исключительно поэтическими произведеніями, написанными на родномъ языкѣ, Рутъ не даетъ въ своей книгѣ обзора латинской литературы, но пытается опредѣлить общее значеніе гуманизма и въ частности изученія древнихъ для національной поэзіи. Въ общемъ Рутъ считаетъ гуманистическое движеніе весьма благотворнымъ въ этомъ отношеніи. „Итальянской поэзіи для достиженія наивысшаго процвѣтанія были необходимы, говоритъ онъ, двѣ существенныхъ вещи: проявленіе національности въ поэзіи и возвышеніе ея посредствомъ древнихъ образцовъ“ [1]). По его мнѣнію, XV столѣтіе дало то и другое; историческія событія дали возможность проявиться національному самосознанію у итальянцевъ [2]), гуманизмъ познакомилъ съ античными образцами; поэтому XV вѣкъ не былъ временемъ „застоя и реакціи“, а наоборотъ — „эпохою внутренняго броженія развитія и просвѣщенія итальянскаго характера“ [3]).

Развивая далѣе свою идею, Рутъ выясняетъ подробнѣе, въ чемъ заключалась полезная и вредная сторона Ренессанса. Обычныя преувеличенія относительно увлеченія латинскимъ языкомъ оказали вліяніе и на воззрѣнія Рута. По его мнѣнію, преемники Петрарки образовали два рѣзко противоположныхъ направленія: одни развивали его интересъ къ древней литературѣ, другіе подражали его итальянскимъ произведеніямъ. Первые образовали ученую аристократію, примкнули къ аристократіи политической и глубоко презирали національный языкъ [4]). Не подлежитъ сомнѣнію, что поэзія Петрарки, какъ и его латинская проза, вызывали подражанія; но нельзя утверждать, чтобы между ними была рѣзкая противоположность: Л. Марсильи коммен-

---

[1]) *E. Ruth, Geschichte der italienischen Poesie. II. Theil. Leipzig 1847*, p. 1, 2.

[2]) Въ объясненіи историческихъ событій этой эпохи Рутъ не обнаруживаетъ большого глубокомыслія. Bei der historischen Entwicklung der Nationalität, говоритъ онъ, war ein mächtiger Hebel in einem Grundzug des Charakters thätig, in dem Neid und der Eifersucht. Ibid. p. 2.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. p. 10 и слѣд.

тировалъ стихотворенія Петрарки; Салютати, Бруни, Л. Б. Альберти и другіе сами писали сонеты. Далѣе упреки гуманистамъ въ крайнемъ формализмѣ—также ходячее преувеличеніе. Рутъ заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что объясняетъ поэтическую безплодность эпохи исключительнымъ интересомъ гуманистовъ къ формѣ [1]), забывая, что и въ противномъ лагерѣ за это время не было создано ничего крупнаго. Гораздо ближе къ истинѣ стоитъ Рутъ тамъ, гдѣ онъ выясняетъ заслуги Ренессанса, благодаря которому, по его мнѣнію, потерпѣла полное пораженіе схоластика и создалась новая философія, а въ литературѣ произошла реакція противъ средневѣковой поэзіи трубадуровъ, а главнымъ образомъ появились „свободный взглядъ на природу“, а также психологическая правда и болѣе изящный вкусъ [2]).

Соотечественникъ Рута, *Эбертъ*, въ своей „*Исторіи итальянской національной литературы*“, приблизительно такъ же оцѣниваетъ заслуги Ренессанса, не упоминая или не признавая его вреднаго вліянія на національную поэзію. Въ коротенькомъ очеркѣ, посвященномъ этой эпохѣ, Эбертъ утверждаетъ, что гуманизмъ положилъ начало тому объединенію языческихъ и христіанскихъ элементовъ культуры, которое лежитъ въ основаніи новой цивилизаціи, и что спеціально въ сферѣ поэзіи ему обязано человѣчество первыми началами эстетическаго воспитанія [3]). *Джудичи*, подобно Руту, считаетъ гуманистическое движеніе внѣ сферы изученія историка національной литературы. Признавая въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ важность этой эпохи [4]), онъ видитъ въ ней „появленіе элементовъ въ

---

[1]) Ibid. p. 13.

[2]) Ibid. p. 13 и 14. Страннымъ образомъ Рутъ исключаетъ изъ сферы этого вліянія искусства, die ganz aus christlichen Elementen erzeugt waren und in schneidendem Gegensatz mit der aristokratischen Poesie und Gelehrsamkeit standen. Ibid. p. 14.

[3]) *Adolf Ebert, Handbuch der italienischen National-Litteratur. Historisch geordnete Anthologie der Poesie und Prosa von der ältesten bis auf die neueste Zeit, nebst einem Abriss der Literatur-Geschichte. II. Ausgabe. Frankfurt a/M. 1864,* p. 26.

[4]) *P. Emiliani-Giudici, Storia della letteratura italiana. Volume I, IV impressione. Firenze 1865* (1-е изданіе вышло въ 1855 году). Эпоху гуманизма онъ называетъ: grande periodo di scoprimento, di ricostruzione, d'impulso, di operosità straordinaria, di entusiasmo senza pari; periodo che medita lo ardito concetto e coraggiosa mente lo manda ad esecuzione, di riparare a'guasti recati da parecchi secoli di devastazioni feroci, di rovesciamenti inauditi, di portentose trasformazioni, p. 338.

нѣкоторомъ родѣ чужеземныхъ“ и поэтому считаетъ себя въ правѣ ограничиться краткимъ и чисто внѣшнимъ изложеніемъ фактической исторіи движенія [1]), отказавшись даже отъ его общей характеристики. „Существованіе этой эпохи, говоритъ онъ, которая правильно можетъ быть названа эпохою реконструкціи (di recostruzione), было неизбѣжнымъ кризисомъ человѣческой мысли, который сопровождался соединеніемъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ, столь перепутанныхъ другъ съ другомъ, что едва-ли можно сказать, первыя или вторыя имѣютъ большее значеніе. Это вопросъ, который всегда представляетъ изучающему цивилизацію новыхъ народовъ дѣвственное поле (campo vergine) для самыхъ важныхъ разсужденій“ [2]). Самъ Джудичи воздерживается отъ всякой попытки въ этомъ родѣ.

Чезаре Канту въ своей *„Исторіи итальянской литературы“* отводитъ особую главу гуманистическому движенію, но повторяетъ въ ней въ тѣхъ же выраженіяхъ тѣ же самые взгляды, съ которыми мы познакомились при разборѣ его историческаго сочиненія [3]). Даже фактическія ошибки о Валлѣ и Поджіо остались неисправленными и въ этой книгѣ [4]). Несравненно болѣе интереса для исторіи Ренессанса представляютъ лекціи по исторіи итальянской литературы неаполитанскаго профессора *Сеттембрини*. Сеттембрини принадлежитъ къ числу немногихъ итальянскихъ историковъ, которые придаютъ важное значеніе гуманизму и считаютъ его крупнымъ и благотворнымъ явленіемъ національной исторіи. Онъ жалуется, что латинская литература XV вѣка плохо извѣстна, и совѣтуетъ своимъ слушателямъ изучать гуманистическихъ писателей, „которыхъ мы несправедливо позабыли, презираемъ, какъ педантовъ, и, слѣдуя мнѣнію чужеземцевъ или неразумныхъ, или завистливыхъ, говоримъ, что они не принадлежатъ къ нашей литературѣ“ [5]). Сеттембрини совершенно правильно думаетъ, что гуманизмъ былъ результатомъ національныхъ условій тогдашней итальянской жизни, хотя это и не мѣшаетъ Ренессансу имѣть всемірно-историческое значеніе. „Петрарка и Боккаччіо, говоритъ онъ, не были причиною реставраціи изученія античнаго міра, какъ это легко думать, но они ста-

---

[1]) Ibid. p. 343 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 348—349.

[3]) *Cesare Cantù, Storia della letteratura italiana. Firenze 1865*, p. 96 и 97.

[4]) Ibid. p. 127—128. Эти ошибки исправлены только во французскомъ переводѣ всемірной исторіи Канту. L. c. p. 635.

[5]) *Luigi Settembrini, Lezioni di litteratura Italiana dettate nell' universita di Napoli. Seconda edizione. Vol. I. Napoli 1869*, p. 251.

рались вмѣстѣ съ другими и несомнѣнно болѣе другихъ реставрировать его. Въ этомъ отношеніи они выражаютъ общую тенденцію, потребность и стремленіе своего вѣка. Писатель не создаетъ эпохи, но влечетъ ее за собою; онъ не причина только, но слѣдствіе и причина [1]). Гуманизмъ, по мнѣнію Сеттембрини, движеніе народное. „Итальянскій народъ, говоритъ онъ, по окончаніи великой борьбы между имперіей и церковью, не видя болѣе ни императоровъ, ни папъ, которыхъ онъ пересталъ уважать и въ которыхъ не вѣрилъ, обратился къ самому себѣ, въ самомъ себѣ искалъ своего будущаго и нашелъ воспоминаніе о великомъ и славномъ прошломъ... Не вѣрьте вмѣстѣ съ добрымъ Кинэ, что онъ вернулся назадъ, что онъ искалъ жизни въ могилѣ, что поэтому онъ не нашелъ ея, и Италія осталась страною мертвыхъ. Вспомните о Колумбѣ, который искалъ Индію и земной рай, и открылъ Америку; точно такъ же хотя казалось, что итальянцы ищутъ міръ мертвыхъ. они нашли новый міръ въ религіи, въ наукѣ, въ искусствѣ; казалось, что они заняты пустымъ дѣломъ, потому что работали подъ землею; но они закладывали фундаментъ новаго зданія, и это зданіе—новая цивилизація“ [2]).

Положеніе Сеттембрини, что гуманизмъ былъ движеніемъ народнымъ, можетъ быть принято только въ самомъ общемъ значеніи этого слова, а не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему авторъ. Въ высшихъ, наиболѣе культурныхъ слояхъ итальянскаго народа отжили старые идеалы, явились новыя индивидуальныя потребности, и античная литература послужила опорою и для борьбы съ отжившими идеями, и для выработки новаго міросозерцанія. Это—дѣйствительно „фундаментъ“ новой культуры; но въ XV столѣтіи надъ нимъ работалъ не весь народъ, а лишь весьма немногіе его представители, и значеніе античныхъ воспоминаній, которыя были доступны массѣ, сильно преувеличено Сеттембрини: въ возможности реставрировать прошлое разочаровался уже Петрарка, и позднѣйшіе гуманисты были далеки отъ мечтаній Кола-ди-Ріенцо и Поркари. Сравненіе ихъ съ Колумбомъ не вполнѣ удачно: они яснѣе и сознательнѣе понимали свои задачи и не думали возстановить земной рай античнаго величія. Смыслъ ученаго движенія Сеттембрини понимаетъ глубоко и вѣрно: его результатовъ слѣдуетъ искать не въ наукѣ только, говоритъ онъ, „а въ религіи, въ философіи, въ искусствѣ“ [3]); но самый его

---

[1]) Ibid. p. 185 и 186.
[2]) Ibid. p. 250.
[3]) Ibid. p. 252.

характеръ опредѣленъ весьма не точно. „Ученость была реакціей противъ христіанства, говоритъ Сеттембрини, потому что, воскрешая языческія произведенія, она воскрешала настоящій паганизмъ, поклоненіе природѣ не въ идолахъ, но въ произведеніяхъ искусства; старалась представить прекраснымъ, желаннымъ и достойнымъ поклоненія все созданіе, уже отвергнутое христіанствомъ, которое есть преклоненіе передъ чистымъ духомъ“ [1]). Такой взглядъ основанъ на недоразумѣніи, которымъ страдаютъ обыкновенно католическіе церковные писатели. Если отождествлять христіанство съ средневѣковымъ аскетизмомъ, какъ дѣлаетъ Сеттембрини, гуманистическое движеніе дѣйствительно отличалось антихристіанскимъ характеромъ; но тогда придется признать возвращеніемъ къ паганизму и протестантизмъ, и всю современную цивилизацію. Нельзя признать также вполнѣ удачной и попытку Сеттембрини намѣтить отдѣльные моменты развитія гуманизма въ XV вѣкѣ. „Грамматикъ Ауриспа, говоритъ онъ, грамматикъ и философъ Валла, моральный философъ и поэтъ Понтано обозначаютъ три фазиса, чрезъ которые прошелъ латинизмъ въ XV столѣтіи“ [2]). Такое построеніе рѣшительно не оправдывается гуманистическою литературой. Примѣръ Ауриспы выбранъ неудачно, потому что, какъ мы увидимъ, этотъ гуманистъ далеко не былъ только грамматикомъ. Чистые филологи-формалисты, какъ Траверсари или Барцицца, встрѣчаются на протяженіи всего столѣтія; но это не мѣшаетъ признать движеніе, во главѣ котораго стоитъ Петрарка, съ начала до конца философскимъ въ томъ смыслѣ, что оно захватило всѣ стороны человѣческаго духа. Наконецъ, остается недостаточно обоснованнымъ и вполнѣ оригинальное и совершенно справедливое мнѣніе Сеттембрини, что „въ XV столѣтіи Римъ сдѣлался главнымъ центромъ латинизма“. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что возвращеніе папъ въ Италію, которые вернулись туда главами христіанства и сеньерами сеньеріи, должно было усилить фуроръ къ латинскому языку“ [3]). Сеттембрини только намекаетъ здѣсь на дѣйствительную причину, повидимому, противоестественнаго союза папства съ гуманизмомъ. Для папъ важенъ былъ не латинскій языкъ, а чуткость общественнаго мнѣнія къ произведеніямъ гуманистовъ, которые казались способными за соотвѣтствующее вознагражденіе защищать главу церкви отъ вселенскаго собора и владѣтеля церковной области отъ его свѣтскихъ враговъ.

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. p. 254.
[3]) Ibid. p. 256.

Несмотря на нѣкоторые взгляды Сеттембрини на Ренессансъ, съ которыми нельзя согласиться, несмотря на отсутствіе въ его книгѣ новыхъ фактическихъ данныхъ для исторіи гуманистическаго движенія, его лекціи представляютъ значительный интересъ по глубинѣ и мѣткости отдѣльныхъ замѣчаній о Возрожденіи и главнымъ образомъ по общему взгляду на значеніе гуманизма въ исторіи Италіи и всей Европы. Между тѣмъ противъ этого взгляда возсталъ другой итальянскій ученый *Бонавентура Дзумбини*. Въ обширной и весьма рѣзкой статьѣ противъ всей книги Сеттембрини, онъ нападаетъ между прочимъ на автора за его совѣтъ молодежи изучать гуманистическое движеніе. Признавая, что латинская литература этого періода почти совершенно неизвѣстна, Дзумбини тѣмъ не менѣе считаетъ возможнымъ не только оспаривать мнѣніе Сеттембрини, что въ этихъ произведеніяхъ отразилась дѣйствительная жизнь эпохи, но даже высказать слѣдующее необычное въ ученой критикѣ замѣчаніе: „мнѣ кажется, что въ ней нѣтъ ничего лучшаго, чѣмъ педантство“ [1]). Гуманистическія произведенія, о которыхъ авторъ знаетъ очень мало, низведены такимъ образомъ на печальное извращеніе ученой литературы.

Точку зрѣнія Сеттембрини въ общемъ раздѣляетъ *Фр. Де-Санктисъ* въ своей „*Исторіи итальянской литературы*“. Не излагая, подобно большинству своихъ предшественниковъ, латинской литературы гуманистовъ, Де-Санктисъ даетъ общую характеристику движенія и выясняетъ его культурное значеніе. Называя гуманизмъ „эпохою обновленія (Rinovamento)“, онъ считаетъ его началомъ новаго времени для Италіи не только въ культурномъ отношеніи, но и въ политическомъ: вмѣстѣ съ паденіемъ схоластики и средневѣкового міросозерцанія „гвельфы и гибеллины сдѣлались устарѣлыми именами“ [2]). Но, признавая Ренессансъ явленіемъ *національнымъ* [3]), Де-Санктисъ въ занимающую на эпоху отрицаетъ за нимъ *народный* характеръ: „все движеніе, говоритъ онъ, оставалось на поверхности, не выходило изъ народа и не проходило въ народъ“ [4]). Съ этими наблюденіями надъ общимъ характеромъ Ренессанса нельзя

---

[1]) *Bonaventura Zumbini, Saggi critici. Napoli 1876*, p. 272—274.

[2]) *Franc. De Sanctis, Storia della letteratura italiana. Seconda edizione. Volume primo. Napoli 1873*, p. 264.

[3]) Agli' italiani pareva avere raquistato la conoscenza e il possesso di se stessi, essere rinati alla civiltà. E la nuova era fu chiamata il *rinascimento*. Ibid. p. 366.

[4]) Ibid. p. 367.

не согласиться, и они подтверждаются источниками. Иное дѣло частныя характеристики. Такъ, прежде всего, нравственный обликъ гуманистовъ Де-Санктисъ рисуетъ въ слишкомъ уже мрачныхъ краскахъ. „Литераторъ, говоритъ онъ, не обязанъ имѣть мнѣній и тѣмъ менѣе сообразовать съ ними жизнь. Мысль, какая бы она ни была, для него нѣчто данное, пришедшее извнѣ—его дѣло только дать ей одѣяніе. Его мозгъ — богатый складъ фразъ, сентенцій, изящныхъ выраженій (di eleganze); его ухо полно тактовъ и гармоній—и все это пустыя формы, лишенныя всякаго содержанія“ [1]). Правда, геройская вѣрность своимъ принципамъ не была достояніемъ гуманистовъ, которые были не чужды лицемѣрія, ради выгоды и въ практическихъ вопросахъ иногда торговали своимъ перомъ. Но отъ этого еще далеко до безсодержательности, и о писаніяхъ Валлы, Поджіо и другихъ нельзя сказать, чтобы это были только „пустыя формы, лишенныя всякаго содержанія“. Это преувеличеніе тѣмъ болѣе несправедливо, что Де-Санктисъ выводитъ нравственные недостатки гуманистовъ исключительно изъ ихъ придворной службы, совершенно игнорируя ихъ болѣе глубокое основаніе — отсутствіе твердо-установленнаго этическаго идеала. Такъ же преувеличиваетъ Де-Санктисъ и грамматическую сторону движенія. По его словамъ, „изъ всѣхъ произведеній гуманистовъ выдѣляются Элеганціи Лоренцо Валлы, и уже ихъ заглавіе опредѣляетъ физіономію вѣка“ [2]). Если бы это было такъ, то къ Ренессансу нельзя было бы примѣнить той совершенно вѣрной общей характеристики, какую даетъ ему самъ Де-Санктисъ. Гораздо ближе къ истинѣ было бы выбрать для характеристики столѣтія не Элеганціи Валлы, а его же Даръ Константина или De Voluptate ac vero bono.

При выясненіи вліянія гуманистическаго движенія на національную литературу Де-Санктисъ пытается примирить два противоположныхъ взгляда: увлеченіе античной литературой повредило оригинальности творчества; но вина за это падаетъ не на античныхъ писателей, потому что безплодіе объясняется отсутствіемъ талантовъ. „Слѣдствіями этой придворной и литературной культуры съ ея разнообразными центрами по всей Италіи, говоритъ онъ, были нѣкоторая вялость (stanchezza) творчества, инертность мысли, подражаніе античнымъ формамъ, какъ абсолютнымъ образцамъ, и взглядъ на человѣка и природу сквозь эти формы. Писатель не говоритъ того, что думаетъ или представляетъ себѣ, или чувствуетъ, потому что

[1]) Ibid. p. 368.
[2]) Ibid.

передъ нимъ не образъ, а фразы Горація или Виргилія“ [1]). Съ этими положеніями никоимъ образомъ нельзя согласиться. Обиліе и смѣлость идей поражаютъ не только въ произведеніяхъ такого писателя, какъ Валла, но даже у Поджіо, который вовсе не былъ глубокимъ мыслителемъ. Античныя формы въ данномъ случаѣ не могли стѣснять, потому что онѣ давали полную возможность выразить любую идею. Это—несомнѣнное преувеличеніе, которое въ сущности и не нужно для дальнѣйшаго хода мыслей Де-Санктиса. Эти слѣдствія оказываются только „шелухой (guscio)“, разбить которую не составляетъ никакого труда для крупнаго писателя, и „классики въ этомъ совершенно невиноваты (sono innocentissimi)“ [2]). Вина падаетъ, слѣдовательно, на эпоху, которая не произвела крупнаго художественнаго таланта. Объясняя далѣе отсутствіе драмы, Де-Санктисъ полемизируетъ противъ того мнѣнія, что латинизмъ убилъ этотъ видъ поэзіи, и отмѣчаетъ тѣ черты въ гуманистической культурѣ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависѣло это явленіе. „Бѣдная латынь, говоритъ онъ, не могла убить ничего, потому что ничего не было, никакой серьезности въ чувствѣ религіозномъ, политическомъ, нравственномъ, общественномъ или частномъ, изъ котораго могла бы выйти драма. Этотъ міръ, лишенный серьезной мысли (spensierato) и чувственный, могъ создавать только идиллическое и комическое“ [3]). Въ такомъ вопросѣ возможны пока только гипотезы; но объясненіе, которое видитъ сплошное легкомысліе въ одномъ изъ величайшихъ переворотовъ всемірной исторіи, едва-ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Гораздо удачнѣе другое, тоже недостаточно обоснованное мнѣніе Де-Санктиса. Онъ отвергаетъ слѣпое увлеченіе латинскимъ языкомъ и попытку замѣнить родную рѣчь латынью у всѣхъ гуманистовъ; такіе гуманисты были, и къ ихъ числу онъ относитъ Валлу; но эти тенденціи, по его словамъ, встрѣтили сильную оппозицію со стороны флорентійскихъ гуманистовъ, и попытка сдѣлать изъ латыни народный языкъ для Италіи, какимъ былъ греческій для Византіи, окончилась неудачей [4]). Ниже мы увидимъ, что подобное теченіе, повидимому, дѣйствительно существовало, хотя было настолько слабо, что ограничивалось, вѣроятно, разговорами и не нашло литературнаго выраженія. Валла не высказываетъ такой мысли въ своихъ

[1]) Ibid. p. 368—369.
[2]) Ibid. p. 369.
[3]) Ibid. p. 375.
[4]) Ibid. p. 371, 372.

сочиненіяхъ, и относитъ его къ этой группѣ гуманистовъ, какъ дѣлаетъ Де-Санктисъ, нѣтъ никакого основанія. Было бы чрезвычайно интересно выяснить связь этого теченія съ какими-нибудь опредѣленными кружками или мѣстными центрами; но наличные источники не даютъ для этого никакихъ основаній, и утвержденіе Де-Санктиса, что оппозиція противъ крайняго латинизма шла исключительно изъ Флоренціи, какъ мы увидимъ ниже, не оправдывается источниками.

Самое значительное и по объему и по содержанію, что̀ написано о гуманизмѣ новѣйшими историками итальянской литературы [1]), принадлежитъ *Адольфу Гаспари*. Кромѣ двухъ обширныхъ главъ, посвященныхъ родоначальникамъ гуманизма, Петраркѣ и Боккаччіо, Гаспари отводитъ цѣлую главу итальянскимъ гуманистамъ XV вѣка и даетъ весьма важные очерки начатковъ гуманизма въ XIV столѣтіи, его слѣдовъ у „эпигоновъ“ великихъ флорентійскихъ поэтовъ и его проявленія въ національной литературѣ XV вѣка [2]). Отличительная черта Гаспари—обстоятельное знакомство съ главнѣйшими изданными произведеніями гуманистовъ, съ новѣйшей литературой объ этой эпохѣ и чрезвычайная осторожность въ общихъ выводахъ. Онъ старательно воздерживается отъ такихъ положеній, для которыхъ трудно найти твердую фактическую почву при современномъ состояніи исторіографіи Ренессанса безъ предварительныхъ монографическихъ изслѣдованій. Въ этомъ заключается главное и существенное достоинство книги Гаспари. Сообщенные тамъ факты критически провѣрены, и съ фактической стороны книга оставляетъ желать только большей

[1]) Изъ новѣйшихъ исторій итальянской литературы книга *Sauer'a* (*Geschichte der italienischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Leipzig 1883*) мнѣ извѣстна только по рецензіямъ, изъ которыхъ видно однако, что въ исторію Ренессанса она вноситъ только ошибки. Такъ, напр., Sauer на стр. 108 утверждаетъ, что Николай V и Пій II съ тою цѣлію поддерживали гуманизмъ, чтобы отвлечь вниманіе писателей отъ скандаловъ куріи, называетъ сочиненіе Боккаччіо De claris mulieribus физіологіей женщинъ, а его Corbaccio — подражаніемъ Ювеналу (p. 73 и 75). См. рецензію *Renier* въ *Giornale storico della letteratura italiana*, vol. II, p. 206. Срв. рецензію *Gaspary*, *Deutsche Litteraturzeitung 1883, № 34*. Лекціи *Finzi* (*Lezioni di storia della letteratura italiana dettate aduso delle scuole e delle colte persone*. Vol. II. Seconde edizione Torino 1887) простой учебникъ. Сочиненіе *Invernizzi*, какъ спеціальное по Возрожденію, будетъ разсмотрѣно въ послѣдней главѣ.

[2]) *Adolf Gaspary*, *Geschichte der italienischen Litteratur. I. Band. Berlin 1885*, p. 344—480 и 528—547. *II. Band. Berlin. 1888*, p. 1—217 и 636—666.

полноты и большей глубины, но этотъ пробѣлъ зависитъ главнымъ образомъ отъ современнаго состоянія спеціальной литературы. Такъ, Гаспари упрекаетъ Фогта за его стремленіе къ рѣзкимъ (въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ) характеристикамъ [1]); но это можно признать недостаткомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что эти характеристики рѣдко основаны на достаточномъ изученіи источниковъ. Самъ Гаспари впадаетъ въ противоположную крайность: его біографическіе очерки носятъ чаще всего чисто внѣшній характеръ и почти совсѣмъ не знакомятъ съ міросозерцаніемъ гуманистовъ [2]), т.-е. съ самой существенной стороной въ исторіи гуманистическаго движенія. То же самое можно сказать о характеристикѣ литературной дѣятельности гуманистовъ. Гаспари отмѣтилъ всѣ ея направленія и описалъ относящіяся къ каждому изъ нихъ произведенія гуманистовъ; но это описаніе, весьма точное и обстоятельное, носитъ чисто внѣшній, фактическій характеръ: перечисляются книги и излагается ихъ содержаніе, причемъ ихъ анализъ, съ цѣлью показать ихъ взаимную связь и выяснить ихъ историческое значеніе, отсутствуетъ. Но это не уничтожаетъ важнаго значенія книги Гаспари, какъ систематическаго изложенія критически-провѣренныхъ результатовъ спеціальныхъ работъ по Возрожденію [3]).

При всей осторожности по отношенію къ широкимъ обобщеніямъ Гаспари не избѣгаетъ общихъ выводовъ по частнымъ вопросамъ исторіи Возрожденія, если находитъ достаточное для нихъ фактическое основаніе. Такъ, вопросъ объ отношеніи гуманистовъ къ старой церкви рѣшенъ имъ совершенно правильно, и ихъ попытки примирить новые взгляды съ католицизмомъ убѣдительно доказаны обильными фактами [4]). Точно такъ же старая ошибка о поголовномъ увлеченіи гуманистовъ древностью и въ особенности латинскимъ языкомъ навсегда опровергнута цѣлымъ рядомъ вѣскихъ фактовъ [5]). Въ борьбѣ

---

[1]) Ibid. II, p. 650.

[2]) Изъ біографическихъ замѣтокъ Гаспари о гуманистахъ XV вѣка только характеристики Филельфо, Валлы и Панормиты даютъ нѣкоторое понятіе объ ихъ личныхъ свойствахъ; кромѣ того, авторъ излагаетъ воззрѣнія Альберти. Ниже мы разсмотримъ отношеніе Гаспари къ Петраркѣ, Боккаччіо и къ другимъ гуманистамъ.

[3]) Обширныя примѣчанія, въ которыхъ иногда обсуждаются спеціальные вопросы (напр. о Malpaghini II, p. 651), а чаще всего приводится литература предмета, также имѣютъ цѣну по обильному библіографическому матеріалу.

[4]) Ibid. II, p. 198.

[5]) Ibid. p. 135—136 и 177—179.

противъ этого распространеннаго заблужденія Гаспари оставляетъ на минуту свою обычную осторожность. Разобравъ итальянскія произведенія Леонардо Джустиніани, написанныя въ народномъ духѣ, онъ говоритъ, что эта поэзія—„замѣчательное явленіе въ ученый вѣкъ у ученаго человѣка; но въ XV столѣтіи мы находимъ *вообще совмѣстное существованіе и связь народнаго и классически ученаго* (das Nebeneinander und die Verbindung des Volksthümlichen und classisch Gelehrten finden wir im 15 Jahrhundert überhaupt); *это характеристично для эпохи* (sie sind der Epoche charakteristisch), которую обвиняли въ томъ, что она обратилась къ исключительной учености и этимъ порвала національную традицію“ [1]). Обвиненіе, конечно, несправедливо: связь съ національной традиціей держалась; но нельзя сказать, чтобы связь съ такой народной поэзіей, которую оставилъ по себѣ Венеціанскій гуманистъ, была *общею* и даже *характеристическою* чертою для всѣхъ представителей Ренессанса въ XV вѣкѣ. Этотъ выводъ основанъ на произведеніяхъ одного Л. Джустиніани, и если его канцонетты являются продолженіемъ балладъ Саккетти, Сальдоньери и Алессо Донати, то эти послѣдніе не были гуманистами, а между гуманистами не было такихъ поэтовъ.

Осторожность Гаспари при общихъ выводахъ переходитъ иногда въ чрезмѣрное довѣріе къ авторитету не только источниковъ, но и спеціальной литературы. Такъ, въ томъ же вопросѣ о крайнемъ увлеченіи латинскимъ языкомъ онъ придаетъ уже слишкомъ большую цѣну показаніямъ упомянутой нами инвективы Чино Риниччини и нѣкоторыхъ посвященій Доменико-да-Прато. Не найдя фактическаго подтвержденія ихъ обвиненій въ гуманистической литературѣ, приведя даже примѣры, опровергающіе эти обвиненія, Гаспари тѣмъ не менѣе соглашается, что многіе гуманисты презирали родной языкъ, и готовъ видѣть въ этомъ даже общее явленіе среди гуманистовъ „первыхъ десятилѣтій XV вѣка“, которое исчезло только съ сороковыхъ годовъ этого столѣтія [2]). На оцѣнкѣ моральныхъ произведеній гуманистовъ обнаруживаются результаты чрезмѣрнаго довѣрія Гаспари къ авторитету спеціальной литературы, результаты, на этотъ разъ болѣе печальные, потому что они привели къ невѣрному освѣщенію одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ гуманистическаго движенія. Гаспари вѣрно подмѣтилъ, что вся философія гуманистовъ

[1]) Ibid. p. 182.
[2]) Ibid. p. 177—179.

сводится въ сущности къ морали; но онъ считаетъ ихъ этическія произведенія простыми стилистическими упражненіями [1]). Этотъ взглядъ, отрицающій всякое историческое значеніе за бо́льшей частью гуманистической литературы, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ источниками и держится до сихъ поръ только благодаря отсутствію ихъ научнаго анализа съ этой точки зрѣнія. Гаспари его почти не аргументируетъ. Опираясь на выраженіе Филельфо, который часто сопоставляетъ eloquium moresque, какъ неразрывныя понятія, онъ думаетъ, что гуманисты потому только интересовались моралью, что Цицеронъ считаетъ знаніе философіи необходимымъ условіемъ для хорошаго оратора. Но это положеніе остается совершенно голословнымъ. Гаспари только перечисляетъ гуманистическіе трактаты моральнаго содержанія и констатируетъ наличность этого элемента въ гуманистической перепискѣ. Только о трактатѣ *De Re Uxoria* Фр. Барбаро мимоходомъ дѣлаетъ онъ замѣчаніе, что авторъ имѣлъ въ виду „написать хорошей латынью ученую книгу“, содержаніе для которой дали ему древніе [2]). Ниже при анализѣ этого произведенія мы увидимъ, какое важное культурное значеніе имѣетъ этотъ памятникъ, содержаніе котораго весьма характерно для особенностей венеціанскаго гуманизма. Другое доказательство, что это была „абстрактная безплодная мораль“, Гаспари видитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи у гуманистовъ между словомъ и дѣломъ [3]). Но это уже совсѣмъ другое дѣло. Нравственные недостатки гуманистовъ могли отчасти обусловливаться свойствами ихъ теоретической морали; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы гуманисты не стремились выработать себѣ твердыхъ этическихъ воззрѣній [4]).

---

[1]) Ibid. II, p. 121 и 157.

[2]) Ibid. II, p. 121.

[3]) Ibid. II, p. 122—123.

[4]) На русскомъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, существуютъ два общихъ обзора исторіи итальянской литературы—В. Костомарова и М. Пинто, и оба они не представляютъ интереса для исторіографіи Возрожденія. *Костомаровъ* (*Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная по I. Шерру и многимъ другимъ источникамъ подъ редакціей А. Милюкова. III. С.-Петербургъ 1863. Книга 2. Италія*) мимоходомъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ гуманистахъ, ученой дѣятельности которыхъ будто бы „далъ направленіе“ Хрисолорасъ, „обновивъ любовь къ изученію классицизма“ (p. 235); хотя въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „за Петраркой остается великая заслуга—постановки той истинной точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на творенія древнихъ, если желаешь, чтобы ихъ изученіе принесло истинную пользу“ (Ibid. p. 179). Гуманистическое движеніе сво-

Изъ всѣхъ изслѣдователей по различнымъ отраслямъ историческаго знанія историки итальянской литературы оказали наибольшую заслугу изученію гуманизма. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія главнымъ образомъ ихъ произведенія собрали фактическій матеріалъ для исторіи Ренессанса; позже въ трудахъ Сеттембрини и Де-Санктиса, а также Рута и отчасти Эберта, мы находимъ правильную постановку основныхъ общихъ вопросовъ по гуманизму. Адольфъ Гаспари соединяетъ оба направленія: обильный фактическій матеріалъ соединенъ у него съ научнымъ рѣшеніемъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ исторіографіи Возрожденія: объ отношеніи гуманистовъ къ церкви и къ національной литературѣ. Самые недостатки книги Гаспари весьма поучительны, потому что они бросаютъ яркій свѣтъ на современное состояніе спеціальной литературы по Возрожденію.

дится исключительно къ изученію филологіи; при чемъ однако упоминаются латинскія произведенія только Петрарки и Боккаччіо, „Генеалогія боговъ“ котораго составляетъ, будто бы, 15 томовъ (р. 205). Оцѣнка итальянской поэзіи Петрарки также не представляетъ интереса. Костомаровъ или цитируетъ для этой цѣли Бутервека и Шлегеля (р. 181 и 183), или дѣлаетъ собственныя замѣчанія, съ которыми весьма трудно согласиться. Такъ, напр., въ Canzoniere, по его словамъ, „любовь не является исполненною жизни; она не ликуетъ и не сѣтуетъ, а только представляется рефлексіей любви“ (р. 184), а политическія стремленія Петрарки сводятся къ безхарактерности (р. 185). Книга *Цинто* (*Исторія итальянской національной литературы. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Т. I. С.-Петербургъ 1869*) совершенно игнорируютъ Возрожденіе. Только по поводу Петрарки, гуманистическая дѣятельность котораго оставлена въ сторонѣ, авторъ замѣчаетъ, что „въ половинѣ XIV столѣтія поклоненіе древности достигло крайнихъ предѣловъ“. Тогда будто бы „всѣ проявленія новѣйшей жизни подводились подъ одну и ту же мѣрку древняго образованія; писатели, всѣ безъ исключенія, тамъ же искали себѣ образцовъ, и словомъ, и примѣромъ развивали въ народѣ вкусъ, котораго сами были рабами“ (р. 266). И все это въ половинѣ XIV столѣтія, когда Петрарка и Боккаччіо едва-едва начали стряхать прахъ со старыхъ манускриптовъ и когда на-ряду съ ними нельзя найти ни одного крупнаго гуманиста!

XI.

Отношеніе къ Ренессансу историковъ религіозныхъ и культурныхъ движеній въ Италіи.—Комба и Кипе.—Исторіки итальянскаго искусства, политической мысли и національной исторіографіи.—Феррари и Раналли.—Васть, Рудельбахъ и Виллари.

Кромѣ политическихъ и литературныхъ историковъ Италіи, гуманистическаго движенія касаются изслѣдователи другихъ сторонъ національной жизни. Такъ, мѣстные церковные историки XVIII столѣтія, *Рокко Пирро* и *Угелли* [1]), сообщаютъ нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія о гуманистахъ духовнаго званія. Въ новое время *Эмиліо Комба* отводитъ Возрожденію цѣлую главу въ своей „*Исторіи реформы въ Италіи*“ [2]). Первой части этой главы онъ даетъ заглавіе: „*сомнѣніе* (il dubio)“, второй—„*невѣріе* (l'incredulità)“. Представителями религіознаго сомнѣнія Комба считаетъ наряду съ Данте Петрарку и Боккаччіо; къ числу невѣрующихъ отнесены гуманисты XV вѣка. Впрочемъ, Петрарка представленъ скорѣе маловѣрнымъ, чѣмъ сомнѣвающимся [3]), потому что въ его нападкахъ нѣтъ никакого новаго принципа [4]). Сомнѣніе „гнѣздилось“ въ Боккаччіо; но и его „сомнѣніе, веселое, живое, легкомысленное и уже безнравственное, не удаляется отъ церкви далѣе, чѣмъ птенецъ отъ матери. Оно звучитъ, какъ щебетанье скворцовъ около колокольни“ [5]). Въ доказательство нѣкотораго уклоненія отъ церкви корифеевъ гуманизма Комба приводитъ выдержки изъ „Писемъ безъ адреса“ Петрарки и изъ Декамерона, гдѣ находятся нападки на курію и духовенство. Въ общемъ мысль автора подтверждается источниками

[1]) *Rocchus Pirrus, Sicilia sacra, disquisitionibus et notitiis illustrata. Editio III. Panormi 1733* (2 vols). *Ferdinandus Ughellus, Italia sacra sive de Episcopis Italiae et Insularum adjacentium, rebusque ab iis praeclare gestis, deducta serie ad nostram usque aetatem. Editio II. Venetiis. MDCCXVII* (10 vols).

[2]) *Emilio Comba. Storia della riforma in Italia narrata col sussidio di nuovi documenti. Volume I Introduzione. Firenze 1881.* Capitolo IV. Rinascimento, p. 412 и слѣд.

[3]) Ma è chiaro intanto che la fede è decaduta a'suoi di, e che se il Petrarca la rappresenta in qualche proporzione, è come fuggiasco non come torre ferma nè come difensore. Ibid. p. 417.

[4]) Ma non vi è mosso da alcun principio nuovo. Ibid. p. 416.

[5]) Ibid. p. 417.

особенно относительно Боккаччіо. Что касается до Петрарки, то его еще съ бо̀льшимъ правомъ можно отнести къ сомнѣвающимся; только его сомнѣніе касается не догматовъ и не іерархической системы, а аскетической морали, на что̀ можно найти многочисленныя указанія въ его автобіографіи и перепискѣ. Но Комба совсѣмъ не касается этого пункта.

Вопросъ о невѣріи гуманистовъ XV вѣка поставленъ авторомъ слишкомъ широко въ хронологическомъ отношеніи. Комба признаетъ источникомъ невѣрія „языческое сомнѣніе“ и ищетъ его проявленія въ литературѣ, въ искусствѣ, въ философіи, въ политикѣ и въ самой церкви [1]), при чемъ Поджіо и Валла поставлены въ одну линію съ платониками, Макіавелли и Львомъ X. При такой постановкѣ вопроса оказывается, что люди, подобные „Салютати, Манетти, Гуарино и Біондо“, были исключеніемъ, а невѣріе характерною чертою эпохи [2]). Несомнѣнно, что Бекаделли, Поджіо и нѣкоторыхъ другихъ гуманистовъ первой половины XV вѣка нельзя назвать религіозными людьми; но между ихъ индифферентизмомъ и невѣріемъ академиковъ существенная разница, такъ что считать атеизмъ характерной чертой Ренессанса нѣтъ рѣшительно никакого основанія.

Весьма интересную попытку культурно-философской исторіи Италіи представляетъ собою книга *Эдгара Кине* объ итальянскихъ революціяхъ. Разсматривая исторію Италіи, какъ рядъ послѣдовательныхъ революцій, Кине ставитъ Петрарку во главѣ моральнаго переворота, считаетъ Боккаччіо основателемъ направленія „искусство для искусства“ и приписываетъ Возрожденію развитіе космополитизма, который привелъ Италію къ политическимъ бѣдствіямъ, и уничтоженіе сознанія права, что̀ породило Макіавелли [3]). По общему взгляду на движеніе и по характеристикѣ его главнѣйшихъ дѣятелей [4]) книга Кине принадлежитъ къ числу наиболѣе оригинальныхъ сочиненій о гуманистической эпохѣ. Признавая, что дѣятельность Петрарки произвела моральный переворотъ, Кине видитъ его источникъ въ отношеніи родоначальника гуманистовъ къ любви, а его орудіе въ итальянской поэзіи пѣвца Лауры. Онъ отрицаетъ у

---

[1]) Ibid. p. 425 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 428.

[3]) *Edgar Quinet, Les Révolutions d'Italie.* (Въ Oeuvres complètes Vol. IV. Paris 1857). Первое изданіе вышло въ 1848 г. Livre I, chap. VIII: Une révolution morale. Pétrarque; chap. IX: L'art pour l'art. Boccace. Livre II, chap. I: Le cosmopolitisme; chap. III: Comment a péri la conscience du droit.

[4]) Кине подробно говоритъ только о Петраркѣ и Боккаччіо.

Петрарки серьезный интересъ къ политикѣ и къ церкви. „Воспитанный вдали отъ страстей гражданскихъ войнъ, онъ не зналъ ихъ языка“, говоритъ Кине и изъ равнодушія Петрарки къ мѣстнымъ партіямъ выводитъ заключеніе, что онъ былъ космополитъ [1]). Такъ же индифферентно въ сущности относился онъ, по мнѣнію Кине, и къ папству. Правда, онъ называлъ авиньонскую курію „вавилонской блудницей“; но „онъ не возьметъ ея сюжетомъ для своихъ поэмъ: для этого онъ недостаточно ее любитъ и недостаточно ненавидитъ; его презрѣніе къ тому, что̀ онъ называетъ домомъ лицемѣрія и клоакою всѣхъ преступленій, уже граничитъ съ равнодушіемъ“ [2]). Единственнымъ сюжетомъ Петрарки, по мнѣнію Кине, была любовь. „Удалите изъ Божественной Комедіи политику и религію, говоритъ онъ, какой источникъ вдохновенія сохранитъ Италія? Любовь. Точно такъ же и въ геніи Петрарки вполнѣ живетъ (subsiste) только любовь“ [3]). Въ этомъ и является родоначальникъ гуманистовъ великимъ новаторомъ. Сущность переворота характеризуется здѣсь двумя чертами: во-первыхъ: „великій человѣкъ впервые съ блескомъ заключилъ свою мысль въ объектъ, который не былъ Богомъ“, и во-вторыхъ: „онъ не скрываетъ болѣе любви подъ идеаломъ теологіи, философіи или родины. Онъ наполняетъ ею пустоту, которую оставилъ въ сердцѣ исчезающій соціальный міръ. Лаура занимаетъ мѣсто ослабѣвающей и загрязненной церкви“ [4]). Эта поэзія любви является объединяющей силой новаго времени. „Голосъ Петрарки, говоритъ Кине, какъ воскъ, начинаетъ соединять суровыя антипатіи происхожденій и расъ; его страсть такъ заразительна, какъ будто бы душа Лауры была раздѣлена между Сѣверомъ и Югомъ. Шекспиръ, Камоэнсъ, Ронсаръ заключаютъ союзъ въ поэзіи Петрарки. Онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, проявляетъ въ любви единство генія новыхъ народовъ“ [5]).

Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Кине сильно преувеличиваетъ историческое значеніе чувства Петрарки. Любовь къ Лаурѣ важный факторъ въ его личной біографіи, и въ его Rime много характерныхъ чертъ Ренессанса. Но нельзя сказать, чтобы нераздѣленное чувство исключительно владѣло душой перваго гуманиста. Уже его итальянская поэзія свидѣтельствуетъ, что политическія судьбы

[1]) Les Révolutions, p. 128.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. p. 129.
[4]) Ibid. p. 131.
[5]) Ibid. p. 129.

Италіи составляли предметъ его живого интереса, а переписка и латинскіе трактаты, подтверждая эту истину, показываютъ, что церковные идеалы въ этической сферѣ затрогивали его живѣе и глубже, чѣмъ холодность Лауры. Самъ Кине считаетъ необходимымъ дополнить характеристику Петрарки еще одной чертой, которой онъ придаетъ весьма существенное значеніе. „Петрарка, говоритъ онъ, даетъ первый примѣръ того внутренняго безпокойства, которое съ этого момента постоянно усиливается. Онъ не можетъ ни на чемъ остановиться и сосредоточиться: онъ безпрерывно мечется, какъ больной“ [1]). Кине вѣрно и тонко подмѣтилъ этотъ внутренній разладъ, который красной нитью проходитъ черезъ всю біографію Петрарки; но онъ не даетъ полнаго объясненія такому настроенію. „Въ религіи, говоритъ онъ, Петрарка не принадлежитъ ни къ какому ордену, въ политикѣ ни къ какой партіи. Онъ находится внѣ всѣхъ обычныхъ путей; благодаря внезапной революціи, человѣкъ оказывается уединеннымъ въ человѣчествѣ“ [2]). Съ такимъ объясненіемъ едва-ли можно согласиться. Источникъ acedia Петрарки не въ его изолированности, потому что, какъ мы увидимъ ниже, у него не было недостатка въ друзьяхъ и единомышленникахъ, а въ отношеніи къ отживающимъ культурнымъ формамъ. Въ его глазахъ продолжали сохранять авторитетъ тѣ старые идеалы, противъ которыхъ возставали назрѣвшія въ немъ потребности человѣка новой эпохи.

Такъ же односторонне смотритъ Кине на психологическія основы литературной дѣятельности Боккаччіо. „Послѣ того, какъ почувствовали ничтожество той всемірной имперіи, которую папство обѣщало Италіи, говоритъ онъ, что оставалось дѣлать, чтобы ее разрушить? Насмѣхаться. Человѣкъ, который въ виду этого разрушеннаго міра и павшихъ надеждъ довольствуется усмѣшкою вмѣсто того, чтобы кощунствовать, ознаменуетъ новую эпоху. Такимъ разрушителемъ сновъ и былъ Боккаччіо“ [3]). Кине приписываетъ этой насмѣшкѣ идейное происхожденіе, раціоналистическую сознательность и сравниваетъ автора Декамерона съ Вольтеромъ. Мы увидимъ ниже, что идеи Боккаччіо далеко не обладали той ясностью и опредѣленностью, которая необходима для такой сатиры, и что не въ *міросозерцаніи*, а въ *настроеніи* слѣдуетъ искать ключъ къ объ-

---

[1]) Ibid. p. 133.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. p. 141.

ясненію его оппозиціоннаго тона. Нельзя согласиться также и съ общей оцѣнкой Кине литературной дѣятельности Боккаччіо. Сущность произведенной имъ „революціи“ заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что „доктрина — искусство для искусства, *независимо отъ всякой мысли о родинѣ и морали,* сдѣлалась достояніемъ итальянскихъ писателей“, что они, занятые „красотою въ словѣ“, вмѣстѣ съ художниками „не видѣли реальнымъ опасностей, которыя угрожали родинѣ“, и что „собственный геній ослѣпилъ и заковалъ въ цѣпи Италію“ [1]). Истинно художественная поэзія и настоящее искусство всегда преслѣдовали свои собственныя цѣли. Въ эпоху Возрожденія это направленіе было формулировано теоретически, вошло во всеобщее сознаніе и создало колоссальный переворотъ въ искусствѣ и поэзіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы писатели XV вѣка были злымъ геніемъ своей родины. Что моральные вопросы составляли для нихъ предметъ глубокаго интереса, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія простой списокъ сочиненій гуманистовъ; но мы увидимъ ниже, что гуманисты далеко не были чужды и политическихъ интересовъ, такъ что сваливать на нихъ вину за итальянскія войны нѣтъ никакого основанія [2]).

Этотъ космополитизмъ и холодное равнодушіе къ судьбамъ родины, которые Кине находитъ уже у Петрарки и Боккаччіо, въ XV столѣтіи достигли, по его мнѣнію, полнаго развитія. Всѣ „филологи“, какъ Поджіо, Валла и пр., принимаютъ латинскія имена; „они болѣе ни венеціанцы, ни ломбардцы—они граждане человѣчества“ [3]). Къ этому присоединилось еще всеобщее презрѣніе къ военному дѣлу, такъ что „итальянцы, довольствуясь направленіемъ умовъ, заботу о побѣдѣ, какъ занятіе низшее и грубое, пре-

---

[1]) Ibid. p. 150.

[2]) Только обобщеніе одной стороны въ итальянскихъ произведеніяхъ Боккаччіо, сдѣланное Кине, отличается рѣдкой въ исторіографіи гуманизма мѣткостью. Кине предостерегаетъ отъ того мнѣнія, что нападки Декамерона на духовенство могли ускорить религіозную реформу въ Италіи. Наоборотъ. „До Боккаччіо поднимался крикъ гнѣва противъ папства, говоритъ Кине. Но вотъ явился человѣкъ, который вдругъ измѣнилъ этотъ гнѣвъ, эту страсть къ нововведенію въ улыбку безъ злобы, въ граціозную забаву“. Этотъ смѣхъ „безо всякаго яда, но и безъ глубины“ обезоружилъ Италію. „Съ этого момента устанавливается какъ бы договоръ между итальянскимъ искусствомъ и духовенствомъ. *Первое получитъ свободу все говорить, второе все дѣлать*“ (p. 146—147). Эта фраза превосходно характеризуетъ отношеніе между церковью и гуманизмомъ въ XV вѣкѣ.

[3]) Ibid. p. 233.

доставили наемникамъ“ [1]). И эти обвиненія точно такъ же совершенно голословны и сильно преувеличены. Изъ латинизаціи собственныхъ именъ нельзя вывести накакого заключенія, и если дѣйствительно у гуманистовъ XV столѣтія мы не находимъ такого патріотическаго одушевленія, какъ у Петрарки, то отъ этого еще далеко до космополитизма! Что же касается до презрѣнія къ военному дѣлу, то оно рѣшительно противорѣчитъ источникамъ: мы увидимъ ниже, что, кромѣ описанія военныхъ подвиговъ, такіе завзятые гуманисты, какъ напр. Бруни, посвящали особые трактаты этой спеціальности.

Весьма остроумную главу посвящаетъ Кине вопросу объ отношеніи гуманистовъ къ праву. Приведя фактъ, отмѣченный уже Савиньи, что Ренессансъ оказалъ мало непосредственнаго вліянія на юриспруденцію, Кине объясняетъ его психологическими соображеніями. Для средневѣковыхъ юристовъ римское право было не отвлеченной наукой, а живой силой, воплощеніемъ „вѣчной, абсолютной справедливости“, потому что они вѣрили въ вѣчность имперіи; а его пониманіе было для нихъ не столько результатомъ научнаго изученія, сколько „интуиціей“, „непосредственнымъ плодомъ научнаго вдохновенія“. Кромѣ того, юриспруденція была единственною областью, гдѣ разумъ чувствовалъ себя „сувереномъ“, и „римское право въ Средніе вѣка сдѣлалось Библіей разума“. Въ эпоху Возрожденія предѣлы господства разума расширились, всѣ прежнія вѣрованія были подорваны, вслѣдствіе этого юриспруденція утратила „всякую санкцію—и историческую, и моральную, и религіозную“, что и подготовило путь ученіямъ Макіавелли [2]). Всѣ выводы Кине основаны на отвлеченныхъ разсужденіяхъ безо всякой попытки найти имъ фактическое подтвержденіе. Но его мысль, что въ гуманистическомъ настроеніи слѣдуетъ искать основанія отношенія Макіавелли къ праву, заслуживаетъ полнаго вниманія, и разсужденія о правѣ представителей ранняго Возрожденія представляютъ много интересныхъ указаній во этому вопросу.

Отмѣчая различныя стороны гуманистическаго движенія, Кине объясняетъ ихъ преимущественно паденіемъ средневѣковыхъ культурныхъ формъ и видитъ въ Ренессансѣ явленіе не творческое, а только разрушительное по отношенію къ отжившей старинѣ. Новыхъ началъ, за исключеніемъ любви Петрарки, онъ не видитъ въ гу-

---

[1]) Ibid. p. 235.
[2]) Ibid. p. 252—256.

манизмѣ; самый космополитизмъ представляется ему не какъ положительная доктрина, а скорѣе, какъ простое проявленіе упадка патріотическаго чувства. Вслѣдствіе этого отношеніе Ренессанса къ древности ему совершенно непонятно. Увлеченіе гуманистовъ античной литературой представляется ему настоящимъ донкихотствомъ, и если Боккаччіо не осмѣялъ этой слабости, то только потому, что самъ былъ ею зараженъ [1]). Латинскимъ произведеніямъ гуманистовъ Кине не придаетъ рѣшительно никакой цѣны. „Древность подавляетъ (accable) геній Петрарки, говоритъ онъ. Среди хаоса его латинскихъ сочиненій, одна только Лаура производитъ живое впечатлѣніе дѣйствительности; только она — живое лицо на грудѣ римскихъ развалинъ“ [2]). Въ половинѣ XV вѣка онъ не находитъ ни одного крупнаго имени, ни одного оригинальнаго произведенія. „Я ищу національныхъ писателей, говоритъ онъ, и нахожу только подражателей латинскимъ авторамъ“ [3]). Та самая литература, которая не только пробила первую брешь въ законченной системѣ средневѣкового міросозерцанія, и заложила фундаментъ новой культуры, представляется Кине только смѣшнымъ и нелѣпымъ подражаніемъ классикамъ [4])!

Историковъ итальянскаго искусства по ихъ отношенію къ гуманистическому движенію можно раздѣлить на три категоріи. Одни

---

[1]) Описаніе Петраркою своей встрѣчи съ римскими поселянками онъ прямо называетъ сценой изъ Донъ-Кихота. При этомъ Кине почему-то ведетъ это увлеченіе съ XIII вѣка. Ibid. 141—142.

[2]) Ibid. p. 137.

[3]) Ibid. p. 231.

[4]) Сочиненіе *Карло Денина*, озаглавленное такъ же, какъ и книга Кине, излагаетъ преимущественно политическія событія. Но въ 4-мъ томѣ авторъ даетъ отдѣльный очеркъ Ренессанса подъ заглавіемъ *„Progressi delle lettere e delle belle arti“*, совершенно незначительный по объему и содержанію. Заслуживаетъ вниманія только его защита гуманистовъ противъ обвиненія въ чрезмѣрномъ увлеченіи древностью, которое задержало развитіе народнаго языка. Признавая этотъ фактъ, Денина возражаетъ обвинителямъ, что безъ этихъ „латинистовъ“ имъ не видать бы ни наукъ, ни искусствъ *(Carlo Denina, Delle Revoluzioni d'Italia libri ventiquattro. Edizione quinta. Tomo IV. Venezia 1803,* p. 97). Гуманистическую эпоху захватываютъ культурно-историческіе очерки *Tullio Dandolo (I secoli dei due sommi italiani Dante e Colombo, Framento d'una storia del pensiero ne' tempi moderni. Vol. I—II. Milano 1852).* Но представителямъ Ренессанса, кромѣ Петрарки и Боккаччіо, авторъ отводитъ незначительный очеркъ *(Eruditi e letteratti italiani del secolo XV.* II. 99 и слѣд.), въ которомъ приведено нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о весьма немногихъ гуманистахъ.

считаютъ необходимымъ посвящать ему особыя сочиненія; другіе, не выдѣляя движенія, даютъ его фактическій очеркъ передъ изложеніемъ исторіи отдѣльныхъ школъ; третьи или ограничиваются незначительными замѣчаніями о гуманистахъ, какъ *Раналли* [1]), или совершенно ихъ игнорируютъ, какъ старый *Вазари* [2]) и какъ новые авторы краткихъ обзоровъ въ родѣ *Coindet* [3]). Къ первой категоріи принадлежатъ *Буркгардтъ* и *Сэймондсъ* [4]), сочиненія которыхъ, посвященныя гуманистическому движенію, мы разсмотримъ ниже. Ко второй относятся самые обстоятельные историки живописи, какъ *Lanzi* и въ новое время *Crowe* и *Cavalcasselle* [5]); но ихъ замѣчанія не представляютъ интереса для исторіографіи Возрожденія.

Изъ историковъ политической мысли въ Италіи на эпохѣ Ренессанса останавливается въ своемъ „*Курсѣ*“ *Джузеппе Феррари*. Цѣлыхъ двѣ лекціи посвящаетъ онъ Петраркѣ, а его послѣдователямъ въ XV вѣкѣ только одинъ коротенькій очеркъ [6]), значительную часть котораго занимаетъ изображеніе тогдашней политической дѣйствительности. Такое неравномѣрное распредѣленіе матеріала зависитъ отъ общихъ воззрѣній автора на эту эпоху. Пораженный печальной картиной политическаго неустройства тогдашней Италіи, Феррари переноситъ темныя краски и на ея культуру. „Съ 1378 до 1450 года, говоритъ онъ, на протяженіи около 70 лѣтъ, т.-е.

---

[1]) *Ferdinando Ranalli, Storia delle belle arti in Italia. Terza edizione. Volume I Firenze 1869*, p. 104—106.

[2]) *Giorgio Vasari, Le vite de' piu eccelenti pittori, scultori e architetti. Firenze 1846.* Вазари предпосылаетъ своему обширному сочиненію два введенія, одно теоретическаго, другое историческаго содержанія (I, p. 189 и слѣд.); но о гуманистическомъ движеніи не упоминаетъ даже и послѣднее.

[3]) *Coindet, Histoire de la peinture en Italie. Paris 1861.*

[4]) *Jacob Burckhardt, Geschichte der Renaissance in Italien. Stuttgart. 1868.* (Въ Geschiche der neueren Baukunst von J. Burckhardt und W. Lübke). Нѣкоторыя культурно-историческія замѣчанія автора въ этой книгѣ не представляютъ интереса, такъ какъ онъ гораздо обстоятельнѣе высказался въ своемъ знаменитомъ сочиненіи по общей исторіи эпохи. *Symonds, Renaissance in Italy. The fine arts. London 1877.*

[5]) *Lanzi, Storia pittorica della Italia del Risorgimento delle belle arti fin presso al fine del XVIII secolo. 6 edizione. Milano. 1823. Crowe et Cavalcasselle, Geschichte der Italienischen Malerei. Deutch Original-Ausgabe besorgt von Max Jordan. Leipzig 1869.*

[6]) *Giuseppe Ferrari, Corso sugli scrittori politici italiani. Milano 1863.* О Петраркѣ (p. 103—145) см. ниже. Лекція, посвященная гуманистамъ XV вѣка, озаглавлена „*Scuola classica*“ (p. 149—170).

двухъ поколѣній, литература безмолвствуетъ, поэзія нѣма, философія прервалась, политика безсознательная; никто не наслѣдуетъ Данте, св. Ѳомѣ, Толомео-да-Лукка“ [1]). Такъ характеризуетъ Феррари эпоху, когда жилъ Бруни и Біондо, Альберти и Валла, когда падала аскетическая мораль и схоластическая наука, когда философія изъ „служанки“ становилась госпожею. И такой взглядъ не единственный предразсудокъ, унаслѣдованный авторомъ у своихъ предшественниковъ. „Нѣтъ болѣе ни флорентинцевъ, говоритъ онъ, ни миланцевъ, ни жителей Форли, ни неаполитанцевъ; мы видимъ только классическихъ сенаторовъ, античныхъ патриціевъ, людей изъ сословія всадниковъ, жрецовъ Зевса“ [2]). Намъ уже не разъ приходилось говорить, насколько основательны всѣ эти обвиненія, а Феррари не приводитъ ни одного новаго аргумента. При такомъ отношеніи къ эпохѣ нельзя ожидать отъ автора внимательнаго изученія политическихъ воззрѣній гуманистовъ, и Феррари, называя ихъ „петраркистами“ [3]), приводитъ наудачу нѣсколько авторовъ, защищавшихъ монархію. Изъ первой половины столѣтія онъ останавливается почему-то только на Бекаделли, который не писалъ собственно политическихъ трактатовъ [4]), и обходитъ молчаніемъ и республиканскія тенденціи Поджіо, и даже сочиненіе Валлы о Дарѣ Константина, вслѣдствіе чего его книга не даетъ вѣрнаго представленія о политическихъ воззрѣніяхъ гуманистовъ.

На совершенно иной точкѣ зрѣнія по отношенію къ Ренессансу стоитъ *Раналли* въ своихъ *„Лекціяхъ по исторіи“*. Двѣ изъ нихъ, посвященныя гуманистамъ [5]), не представляютъ интереса по своему содержанію. Пообѣщавъ выяснить въ одной заслуги гуманистовъ въ исторической критикѣ, а въ другой „истинныя свойства (indole vera)“ ученыхъ первой половины XV вѣка, Раналли приводитъ въ первой общеизвѣстные факты о Петраркѣ, а во второй перечисляетъ по Тирабоски главнѣйшихъ гуманистовъ и ихъ важнѣйшія произведенія. Но особенность Раналли заключается въ томъ, что онъ постоянно подчеркиваетъ ту мысль, что ученость гумани-

---

[1]) Ibid. p. 153.
[2]) Ibid. p. 159.
[3]) Ibid. p. 162—163.
[4]) Ibid. p. 163—164.
[5]) *Ferdinando Ranalli, Lezioni di Storia. Volume I. Firenze 1867.* p. 72—99.

стовъ не была сухою отвлеченною эрудиціей, а стояла въ тѣсной связи съ жизнью и вызывалась ея потребностями [1]). Эта мысль, по существу вѣрная и очень важная, къ сожалѣнію, только *настоятельно высказана*, а *не доказана* авторомъ, что̀ весьма ограничиваетъ значеніе его книги [2]).

Намъ остается разсмотрѣть отношеніе къ Возрожденію авторовъ монографическихъ изслѣдованій о дѣятеляхъ второй половины XV и XVI столѣтій [3]), которые положительно или отрицательно примыкали къ гуманистическому движенію, какъ, напр., кардиналъ Виссаріонъ и Пій II [4]), Савонаролла и Макіавелли, Франческо Сфорца и Лоренцо Великолѣпный. Далеко не всѣ біографы этихъ дѣятелей считаютъ необходимымъ дать предварительную характеристику Ренессанса, этого не дѣлаютъ, напр., важнѣйшіе біографы Л. Медичи—Roscoe и Реймонтъ. Но у другихъ мы находимъ вводные очерки, имѣющіе болѣе или менѣе важное значеніе для исторіографіи ранняго гуманизма.

Новѣйшій біографъ Виссаріона *Анри Вастъ* не обходитъ молчаніемъ гуманистическаго движенія; но его замѣчанія о Ренессансѣ не отличаются глубокимъ пониманіемъ ни сущности Возрожденія, ни его причинъ. „Намъ нѣтъ надобности настаивать (insister) здѣсь на великихъ причинахъ, которыя произвели итальянскій Ренессансъ“, говоритъ Вастъ и соглашается признать, что античныя традиціи

---

[1]) См. напр., p. 92.

[2]) Сочувственное отношеніе Ранальди къ отечественнымъ гуманистамъ доводитъ его до нѣсколько пристрастнаго отношенія къ византійскимъ грекамъ. По его словамъ, они più che la sapienza di nobile patria... portarono in Italia il sofisma; con insieme la superbia faziosa e battagliera dei sofisti etc. p. 85. Всѣ эти свойства у итальянскихъ гуманистовъ не заноснаго, а мѣстнаго происхожденія, какъ и само Возрожденіе. *Gervinus* въ своей *Geschichte der Florentinischen Historiographie bis zum sechzehnten Jahrhundert mit Erläuterungen über den sittlichen, bürgerlichen und schriftstellerischen Charakter des Machiavell (Historische Schriften. 1. Frankfurt a. M. 1833*, p. 1 и слѣд.), признавая важное значеніе Ренессанса вообще, отрицаетъ за нимъ всякія заслуги въ исторіографіи (p. 50).

[3]) Многочисленныя работы по исторіи итальянскихъ университетовъ, какъ *Davari*, *Corradini*, *Renazzi*, *Gherardi* и друг. даютъ фактическій матеріалъ для исторіи гуманистовъ. Мы разсмотримъ его въ соотвѣтствующихъ главахъ.

[4]) Хотя Виссаріонъ и Пій II хронологически захватываютъ занимающую насъ эпоху, но дѣятельность перваго оказала важное вліяніе на развитіе гуманизма только во второй половинѣ XV вѣка, а Эней Сильвій почти всю первую половину этого столѣтія провелъ за предѣлами Италіи.

въ языкѣ, въ правѣ, въ архитектурѣ подготовляли движеніе, что въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ „великій голосъ Дантовъ и Петраркъ, которые въ XIII и XIV столѣтіяхъ проповѣдовали vita nuova и пытались направлять къ изученію древнихъ и науку, и что, наконецъ, „могучее вліяніе“ на Возрожденіе оказало „божественное искусство“ книгопечатанія [1]). Но въ сущности эти „великія причины“ имѣли, по мнѣнію Васта, весьма отдаленное вліяніе на развитіе гуманизма. „Слѣдуетъ припомнить однако, говоритъ онъ, что въ концѣ XIV столѣтія за блестящей эпохой Петрарки, Боккаччіо и Ріенци послѣдовало глубокое затменіе, и что книгопечатаніе было введено въ Италіи только въ 1465 году“. За этотъ промежутокъ времени пришли греки и, обучивши итальянцевъ, создали Ренессансъ [2]). Вастъ настаиваетъ, что итальянскій гуманизмъ „приготовленъ“ въ Византіи [3]), и старательно перечисляетъ грековъ, которые учили въ Италіи, и итальянцевъ, которые ходили за языкомъ и рукописями въ Константинополь [4]). Этому усвоенію новыхъ учебныхъ пособій Вастъ придаетъ огромное значеніе, такъ какъ сущность Возрожденія онъ видитъ съ соединеніи двухъ цивилизацій—византійской и католической. Въ домѣ Виссаріона, поселившагося въ Италіи, находили себѣ пріютъ греческіе бѣглецы, и „тогда, говоритъ Вастъ, былъ совершонъ тотъ ядовитый бракъ двухъ литературъ и двухъ цивилизацій, который породилъ Ренессансъ: сговоръ имѣлъ мѣсто въ флорентійскомъ соборѣ, подъ ауспиціями верховнаго первосвященника. Религіозная унія приготовила унію литературы и искусства, и церковь оказала могущественное содѣйствіе Ренессансу, какъ и всякому прогрессу въ Средніе вѣка“ [5]). Итакъ итальянскій гуманизмъ вышелъ изъ квартиры византійскаго выходца, и идеи іезуита Торселлини еще разъ повторѣны во второй половинѣ XIX столѣтія.

Русскій біографъ Виссаріона г. *Садовъ* не повторяетъ ошибокъ своего предшественника. Причину Возрожденія въ Италіи онъ видитъ „въ свободѣ тамъ индивидуальной и общественной мысли“, а

---

[1]) *Henri Vast, Le cardinal Bessarion (1403—1472). Étude sur la chrétienté et la Renaissance vers le milieu du XV-e siècle. Paris 1878.* p. 162.

[2]) Ibid. p. 162—163.

[3]) Ibid. p. 16—17. Содержаніе этого отрывка такъ формулировано въ оглавленіи: La Renaissance grecque prépare la Renaissance italienne. Ibid. p. 463.

[4]) Ibid. p. 163—165.

[5]) Ibid. p. 111.

роль Византіи сводитъ только къ содѣйствію итальянцамъ въ ознакомленіи ихъ съ греческимъ языкомъ и литературой [1]). Что касается до сущности гуманистическаго движенія, то г. Садовъ склоненъ, кажется, видѣть ее въ изученіи древности. „Дѣятельность гуманистовъ, говоритъ онъ, главнѣйшимъ образомъ обращена была на слѣдующіе предметы: отыскиваніе считавшихся утраченными произведеній классическихъ авторовъ, распространеніе вновь открытыхъ и прежде извѣстныхъ классическихъ сочиненій, изученіе древности въ языкѣ и бытѣ и распространеніе въ общее свѣдѣніе тѣми или другими способами результатовъ этого изученія“ [2]). Съ такой характеристикой Ренессанса никоимъ образомъ нельзя согласиться. Указанныя г. Садовымъ стремленія несомнѣнно существовали въ гуманизмѣ; но это только внѣшняя сторона движенія, которой оно далеко не исчерпывалось. Признавая Элеганціи Валлы и археологическія произведенія Біондо за проявленіе существенной стороны дженія г. Садовъ только возвращается къ старому и крайне узкому взгляду на гуманизмъ, какъ на страницу изъ исторіи классической филологіи [3]).

Изъ біографовъ Савонароллы болѣе другихъ останавливается на Возрожденіи *Рудельбахъ*. Его краткій фактическій очеркъ движенія не имѣетъ значенія; но нѣкоторый интересъ представляетъ его общая оцѣнка Ренессанса. Во второй четверти нынѣшняго столѣтія уже довольно прочно установился взглядъ, что гуманистическое движеніе—событіе всемірно-историческое и что оно составляетъ самостоятельную эпоху; но въ то же время сущность Возрожденія продолжали видѣть въ филологическихъ успѣхахъ этой эпохи. Поэтому

[1]) *Садовъ, Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма. С.-Петербургъ 1883. Стр.* 183—185.

[2]) Ibid. p. 188.

[3]) Самый обстоятельный изъ біографовъ Пія II *Georg Voigt* (*Enea Silvio de'Piccolomini, als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter. B. I—III Berlin 1856—1863*) посвятилъ особую книгу гуманистической эпохѣ. *Ambr. Firmin-Didot* въ біографіи Альдо Мануцци *(Alde-Manuce e l'hellénisme à Venice. Paris 1875)* даетъ важный обзоръ распространенія знаній по греческому языку въ Италіи (Introd. p. XXVIII и слѣд. и въ текстѣ p. 18 и слѣд.). Нѣкоторый интересъ съ этой же точки зрѣнія представляетъ біографія младшаго Филельфо, написанная *Гильомомъ Фавромъ (Guillaume Favre, Vie de Jean-Marius Philelfe. 1810)* и изданная въ 1 томѣ его *Mélanges d'histoire litteraire. Genève 1856*, гдѣ авторъ перечисляетъ ученыхъ эллинистовъ въ Италіи и слѣдитъ за постепенными успѣхами тамъ греческаго языка (p. 147 и 9 и слѣд.).

Рудельбахъ съ недоумѣніемъ останавливается на такой оцѣнкѣ историческаго значенія гуманизма: ему кажется, что „смѣшали рычагъ съ разумомъ, который имъ управляетъ, могущественное средство и аппаратъ съ тѣмъ, что̀ должно было вдохнуть въ нихъ жизнь“ [1]). Не будучи въ состояніи въ самомъ гуманизмѣ подъ увлеченіемъ древностью усмотрѣть тотъ духъ, который приводилъ въ движеніе этотъ рычагъ и сообщалъ жизнь ученому аппарату, Рудельбахъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ рѣшается примкнуть къ обычному пониманію Ренессанса: это движеніе филологическое, но оно „исторически важно“ въ двухъ отношеніяхъ, во-первыхъ, „потому что всѣ Средніе вѣка, поскольку тогда существовали научныя стремленія, склонялись къ древности и напряженно стремились къ завоеванію ея тогда скрытыхъ сокровищъ“ [2]); и во-вторыхъ, потому что эта филологія устраняла внѣшнія препятствія противъ „свидѣтельства истины“, т.-е. содѣйствовала критикѣ католическаго церковнаго ученія [3]). Со взглядомъ на гуманизмъ, какъ на простое продолженіе научнаго движенія въ Средніе вѣка, мы уже не разъ встрѣчались у церковныхъ историковъ, и если сводить Ренессансъ на филологію, то все отличіе гуманистовъ и схоластиковъ можно свести къ стилю, какъ это и дѣлаютъ писатели въ родѣ Штёкля. Что касается до отношенія Возрожденія къ Реформаціи, то здѣсь взглядъ Рудельбаха, крайне суживающій вліяніе гуманизма, представляетъ собою отраженіе обычныхъ воззрѣній протестантскихъ церковныхъ историковъ [4]).

Изъ огромной литературы о Макіавелли наибольшій интересъ для исторіографіи Ренессанса представляетъ извѣстное изслѣдованіе *Пасквале Виллари*. Его обширное введеніе, посвященное Возрожденію, по богатству содержанія представляетъ собою цѣлое спеціальное изслѣдованіе. Выяснивши существенныя стороны Ренессанса, Виллари даетъ очеркъ его исторіи въ важнѣйшихъ итальянскихъ

---

[1]) *Rudelbach, Hieronymus Savonarola und seine Zeit. Hamburg 1835.* p. 39.

[2]) Ibid. p. 40.

[3]) Ibid. p. 45.

[4]) *Perrens* въ введеніи къ своему сочиненію *Jérome Savonarole, sa vie, ses prédications, ses écrits. Tome I. Paris (1853)*, признавая за начало новаго времени половину XV столѣтія, отказывается считать эрой паденіе Константинополя. Въ это время произошли болѣе глубокія перемѣны: la révolution est partout: dans les faits, dans les hommes, dans les idées (p. XXI и слѣд.); но роль гуманизма въ этихъ перемѣнахъ не только не выяснена, но даже не намѣчена.

центрахъ параллельно съ ихъ политическимъ положеніемъ. Мы остановимся здѣсь только на первой главѣ его введенія и разсмотримъ остальныя въ соотвѣтствующихъ главахъ нашей книги.

Виллари начинаетъ свою книгу признаніемъ колоссальной важности гуманистической эпохи. „Трудно найти въ исторіи новой Европы періодъ, равняющійся по значенію тому, который обыкновенно называется въ итальянской исторіи Ренессансомъ“, говоритъ онъ, и перечисляетъ всѣ стороны общественной жизни, которыя подверглись тогда существеннымъ перемѣнамъ. Въ эту эпоху происходитъ „быстрое преобразованіе общества“, развивается „чрезвычайная дѣятельность всѣхъ духовныхъ силъ“; „старыя традиціи, формы и учрежденія распадаются: схоластика отступаетъ передъ философіей, вѣра въ авторитетъ исчезаетъ передъ успѣхами свободнаго разума и свободнаго изслѣдованія“. Тогда же начинаютъ развиваться естественныя науки, „расцвѣтаютъ торговля и промышленность“, предпринимаются далекія путешествія и открываются новыя страны, создаются государственная наука и военное искусство. Тогда хроника уступаетъ мѣсто исторіи; наряду съ возродившейся античной культурой рыцарская поэзія, тоже переродившись, создаетъ цѣлый рядъ новыхъ формъ литературныхъ произведеній, а въ то же время пластическія искусства достигаютъ небывалой высоты развитія. Благодаря тому, что латинская рѣчь продолжала оставаться языкомъ образованнаго общества, результаты итальянскихъ переворотовъ быстро сдѣлались достояніемъ всего европейскаго Запада. „Кажется, что міръ, освѣщенный солнцемъ итальянской культуры, опять становится новымъ и юнымъ“ [1]), говоритъ Виллари.

Набрасывая эту широкую картину эпохи, Виллари не скрываетъ и ея темныхъ красокъ. Блестящая Италія оказывается крайне слабой и политически, и морально: „свобода исчезаетъ, повсюду появляются тиранны, семейныя узы, повидимому, ослабли“, и все это заканчивается позорнымъ завоеваніемъ. Виллари съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ останавливается передъ этими „необъяснимыми противорѣчіями“ между блескомъ и позоромъ; но вмѣсто того, чтобы „стараться объ установленіи общихъ приговоровъ и сужденій“, онъ предпочитаетъ „наблюдать и излагать факты“ [2]). Однако изъ этихъ наблюденій вытекаютъ иногда сами собою общіе выводы.

Въ небольшомъ, но чрезвычайно содержательномъ и блестящемъ очеркѣ Виллари показываетъ, что политическія права въ городскихъ

[1]) Я цитирую по нѣмецкому переводу: *Pasquale Villari, Niccolo Machiavelli und seine Zeit. Band I. Rudolstadt 1882.* p. 1—2.

[2]) Ibid. p. 2—3.

республикахъ Италіи были исключительнымъ достояніемъ сравнительно немногихъ гражданъ и то одного только главнаго города и что вслѣдствіе этого большая часть мѣстныхъ гражданъ и всѣ подчиненные города не только предпочитали монархію, но и не чувствовали ужаса передъ чужеземнымъ нашествіемъ. Такое отношеніе главныхъ городовъ къ подчиненнымъ, а также существованіе церковной области дѣлали невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, крайне затрудняли объединеніе Италіи [1]). Изъ этого ясно, что гуманистическое движеніе совершенно неповинно въ тѣхъ политическихъ невзгодахъ, которыя постигали Италію съ конца XV столѣтія, и что гуманисты, защищая античными примѣрами то республику, то монархію, и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, искали въ древности оружія для борьбы за новыя потребности.

Одновременно съ паденіемъ городскихъ республикъ Виллари отмѣчаетъ и разрушеніе средневѣковыхъ соціальныхъ формъ. Раздѣленіе средневѣкового общества на агломератъ корпорацій, въ которыхъ терялась личность, быстро исчезаетъ въ Италіи въ XIV столѣтіи, и главную роль въ этомъ Виллари приписываетъ индивидуализму. Отсюда выводитъ онъ и важность дипломатіи, и свойства тирановъ, и ихъ отношеніе къ наукѣ, искусству и литературѣ и даже моральныя перемѣны, причемъ роль гуманистовъ въ этомъ индивидуалистическомъ процессѣ совершенно не отмѣчена. Такое игнорированье весьма важнаго фактора составляетъ самый существенный пробѣлъ въ очеркѣ Виллари и влечетъ за собою нѣсколько частныхъ положеній, съ которыми едва-ли можно согласиться. Такъ, прежде всего нравственный упадокъ эпохи Виллари объясняетъ исключительно паденіемъ корпоративнаго строя. „Нравственное чувство Среднихъ вѣковъ, говоритъ онъ, было основано преимущественно на тѣсной связи семьи и касты“; паденіе касты увлекло за собою и семью, такъ что „индивидуумъ, предоставленный самому себѣ, руководился только личнымъ интересомъ, только эгоизмомъ, и нравственный упадокъ былъ неизбѣженъ“ [2]). Односторонность такого объясненія вполнѣ очевидна. Что въ основѣ средневѣковой морали лежалъ аскетическій принципъ—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и если общественные порядки оказывали огромное вліяніе на житейскія отношенія, то индивидуальная нравственность цѣликомъ опредѣлялась церковной доктриной. Когда съ культурнымъ ростомъ личности пало старое міросозерцаніе, утратила основаніе и

[1]) Ibid. p. 3—7.
[2]) Ibid. p. 8.

старая мораль. Виллари самъ чувствуетъ недостаточность своихъ объясненій и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что нравственный упадокъ этой эпохи „неразрѣшимая загадка“ [1]). „Это—переходное время, говоритъ онъ, когда страсти и характеры двухъ различныхъ эпохъ такъ смѣшались между собою, что являются передъ нашими глазами таинственнымъ сфинксомъ, который внушаетъ намъ изумленіе и даже ужасъ“ [2]). Время дѣйствительно переходное; но его загадочность нѣсколько уменьшится, если принять во вниманіе, что новыя *индивидуальныя* потребности, разрушивши основы старой морали, не успѣли еще создать прочныхъ основаній новой этики.

Игнорированье Виллари при объясненіи соціальныхъ перемѣнъ *индивидуалистическаго* процесса, который совершался въ самой личности, вынуждаетъ его иногда оставлять безъ объясненія наиболѣе характерныя явленія этой эпохи. Онъ только приводитъ замѣчательные примѣры могучаго вліянія рѣчи и литературы, а меценатство тирановъ объясняетъ слѣдующими вопросами: „чему другому обязанъ итальянскій тираннъ за господство, какъ не своему генію? Какъ же могъ онъ быть равнодушенъ къ тому, что̀ воспитываетъ и усиливаетъ геній“ [3]). Меценатство и у тирановъ должно было имѣть и имѣло въ дѣйствительности также и многія другія побужденія, которыя заставляли покровительствовать гуманизму и венеціанскихъ аристократовъ, и римскихъ епископовъ. Но, оставляя въ сторонѣ гуманистическое движеніе, какъ факторъ общественной жизни, Виллари совершенно правильно оцѣниваетъ его культурно-историческое значеніе. Онъ отмѣчаетъ, что гуманисты разрушили схоластику и положили основаніе новой философіи, наукѣ и литературѣ [4]), и весьма мѣтко выясняетъ ихъ отношеніе къ древности. Признавая и даже нѣсколько преувеличивая увлеченіе гуманистовъ античной литературой, Виллари считаетъ его необходимымъ и благотворнымъ. У классиковъ находили гуманисты и родственное настроеніе, и готовыя формы для его выраженія, тогда какъ родной языкъ, богатый для эпоса и лирики, не имѣлъ еще выработаннаго стиля для философскихъ произведеній, рѣчей и исторіографіи, а отечественная литература была проникнута средневѣковымъ духомъ. Если принять во вниманіе, что классическій міръ гуманисты считали своимъ собственнымъ славнымъ прошлымъ, то ихъ увлеченіе древностью окажется совершенно естественнымъ. Виллари считаетъ его и прогрессив-

[1]) Ibid. p. 13.
[2]) Ibid. p. 14.
[3]) Ibid. p. 13.
[4]) Ibid. p. 20—21.

нымъ. Обвинителямъ гуманистовъ онъ предлагаетъ сравнить De Monarchia Данте съ политическими произведеніями Макіавелли и хронику Виллани съ исторіей Гвиччардини, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ культурномъ переворотѣ, который произвело это движеніе [1]).

Сопоставляя результаты изученія гуманистическаго движенія въ всемірно-исторической и національной исторіографіи, можно замѣтить весьма характерную разницу между ними. Въ цѣломъ и общемъ національная исторіографія даетъ гораздо болѣе фактическаго матеріала для изученія Возрожденія, всемірно-историческая—правильнѣе опредѣляетъ его историческое значеніе. Но вліяніе апріорнаго характера общихъ сужденій о Ренессансѣ въ національной исторіографіи, особенно въ политической, чувствуется еще сильнѣе. Повидимому, выясненіе національнаго значенія гуманизма гораздо проще и легче, чѣмъ истолкованіе его всемірно-исторической роли. Между тѣмъ всеобщіе историки, по крайней мѣрѣ въ новое время, гораздо однообразнѣе смотрятъ на гуманизмъ, чѣмъ мѣстные итальянскіе, и въ произведеніяхъ этихъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, чувствуется чрезмѣрная субъективность въ крайне рѣзкой оцѣнкѣ Ренессанса. Причину этого слѣдуетъ искать въ отсутствіи непосредственнаго знакомства съ гуманистической литературой и въ сравнительной бѣдности спеціальныхъ сочиненій по исторіи движенія. Дивинація общаго характера Возрожденія на основаніи немногихъ фактовъ всегда будетъ тѣмъ удачнѣе, чѣмъ шире историческія воззрѣнія писателя и чѣмъ свободнѣе онъ отъ патріотическихъ или религіозныхъ увлеченій. Всемірно-историческая исторіографія въ этомъ отношеніи поставлена выгоднѣе національной, и невыгодное положеніе этой послѣдней можетъ быть парализовано только тщательнымъ изученіемъ гуманистическихъ произведеній, какъ это доказываетъ примѣръ историковъ итальянской литературы. Выйдя за узкіе предѣлы изученія исключительно изящной литературы на итальянскомъ языкѣ и ознакомившись съ латинскими сочиненіями гуманистовъ, они внесли существенныя поправки въ историческую оцѣнку Возрожденія. Мы постараемся показать, что при ближайшемъ ознакомленіи съ источниками количество такихъ поправокъ можно еще значительно увеличить.

---

[1]) Ibid. p. 18—24.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Спеціальная литература о Возрожденіи. Общіе выводы.

Исторіографія гуманистическаго движенія развивалась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ трехъ факторовъ: взгляда гуманистовъ на собственную дѣятельность, состоянія источниковъ, характера движенія и его мѣста среди другихъ явленій національно-итальянской и всемірной исторіи.

Гуманисты считали своею специфическою особенностью studia humanitatis, наружными выраженіями которыхъ были изученіе латинскаго и греческаго языковъ и вообще классической древности, а также краснорѣчіе и поэзія. Но эти внѣшніе признаки въ ихъ глазахъ далеко не исчерпывали смысла ихъ дѣятельности: для нихъ это только средство для достиженія „добродѣтели", т.-е. для выработки нравственнаго идеала, который долженъ былъ направлять развитіе индивидуальныхъ свойствъ личности и ея общественную дѣятельность. Цѣль studia humanitatis—образованіе личности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а необходимымъ средствомъ этой цѣли считалось изученіе древности, т.-е. античной науки и литературы. Ни одинъ изъ корифеевъ Возрожденія не ставилъ себѣ исключительной цѣлью изучить древность; тѣмъ не менѣе замѣна цѣли средствомъ и сведеніе гуманизма къ изученію древности было дѣломъ чрезвычайно легкимъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, въ самомъ движеніи были, такъ сказать, недоразвившіеся гуманисты въ родѣ Билья, Траверсари и даже Гаспарино-да-Барцицца, которые или не шли дальше формы, или при всѣхъ своихъ свѣдѣніяхъ сохраняли средневѣковые интересы. Такіе ученые сходили за гуманистовъ, особенно если они поддерживали связи или даже если только

не вступали въ борьбу съ настоящими дѣятелями Возрожденія. Но обыкновенно интересъ къ древности сопровождался и другими гуманистическими стремленіями, такъ что онъ сдѣлался показателемъ принадлежности къ движенію въ глазахъ самихъ представителей Ренессанса. Знаніе древности и studia humanitatis сдѣлались для нихъ синонимами. Не удивительно, что позднѣйшіе историки сузили движеніе и свели его къ исторіи изученія классическаго міра.

Эту ошибку легко было устранить ознакомленіемъ съ источниками, т.-е. съ сочиненіями гуманистовъ, потому-что трактаты дѣятелей Возрожденія и въ особенности ихъ переписка ясно показываютъ, что движеніе было гораздо шире сложившагося о немъ представленія. Но ознакомленіе съ источниками Ренессанса и теперь затруднительно, а еще недавно встрѣчало чрезвычайно много препятствій. Эпоха Возрожденія не оставила такого произведенія, которое, какъ поэма Данте, заключало бы въ себѣ энциклопедію культуры своего времени. Чтобы составить себѣ представленіе о гуманизмѣ необходимо знакомство съ массою трактатовъ и въ особенности съ перепиской гуманистовъ, а письма Петрарки, Боккаччіо, Поджіо и Верджеріо изданы только во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія; хорошаго изданія переписки Салютати нѣтъ до настоящаго времени, а письма Гуарино, Дечембріо, Валлы, Виссаріона и массы другихъ совсѣмъ не изданы. Не лучше стоитъ дѣло и съ другими произведеніями гуманистовъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ были изданы латинскія сочиненія Петрарки, Боккаччіо, нѣкоторыя произведенія Валлы, Поджіо, Манетти, Біондо и другихъ; но съ весьма многими трактатами Салютати, Бруни и Джіованни-да-Равенна читатель можетъ ознакомиться только изъ нашей книги, а огромное большинство гуманистическихъ произведеній остаются до сихъ поръ неизданными. Если принять во вниманіе, что и печатныя изданія этихъ трактатовъ, по большей части, библіографическая рѣдкость, то будетъ совершенно понятно, что традиціонныя ошибки въ исторіографіи Возрожденія держатся особенно прочно и что перемѣны во взглядахъ на гуманизмъ по большей части результатъ догадки по немногимъ даннымъ, а не научный выводъ изъ источниковъ.

Такое печальное положеніе источниковъ — результатъ сравнительно слабаго интереса къ эпохѣ, что̀ обусловливается отчасти характеромъ движенія, отчасти его историческимъ мѣстомъ. Культурная исторія — сравнительно молодая наука; она только-что зарождалась, когда Муратори предпринялъ свое монументальное изданіе, которое поэтому весьма слабо захватило источники исторіи гуманизма.

Кромѣ того, изученіе гуманистическаго движенія представляетъ особыя трудности сравнительно съ другими культурными переворотами. Только одна сторона Возрожденія—секуляризація искусства—засвидѣтельствована крупными памятниками, которые даютъ полную возможность наглядно констатировать важность и глубину переворота и прослѣдить его постепенность. Другая сторона Ренессанса—секуляризація мысли и чувства—распадается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ теченій: одно привело къ новой философіи, другое къ новой морали, третье къ новой политикѣ и т. д. Всѣ эти процессы, весьма важные и крупные по своимъ результатамъ, едва замѣтно начались въ душѣ отдѣльной личности и первоначально находили свое выраженіе по бо́льшей части въ такихъ памятникахъ, которые сами по себѣ не имѣютъ философской, научной или литературной цѣны. Совершенно естественно, что скромныя начала движенія были затемнены произведеніями его собственныхъ продолжателей и были совершенно подавлены болѣе шумными переворотами, какъ Реформація и Революція, которые отчасти вели къ тѣмъ же самымъ результатамъ. Такимъ образомъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія гуманистическое движеніе оставалось въ тѣни, которая была гораздо гуще, чѣмъ слѣдовало для правильнаго освѣщенія картины историческаго прогресса. Эта тѣнь не смягчалась національными историками, хотя имъ были болѣе доступны источники и они могли дать болѣе правильное освѣщеніе эпохѣ. Итальянцамъ до послѣдняго времени поверхностный патріотизмъ весьма часто мѣшалъ правильно оцѣнить гуманистическое движеніе [1]). Возрожденіе совпало съ самыми тяжелыми временами для Италіи: сначала ее терзали кондотьеры, потомъ усилившіеся тиранны, и, наконецъ, она подверглась чужеземному нашествію, которое было тѣмъ ужаснѣе, что разноплеменные враги на итальянской почвѣ боролись за господство надъ Италіей. Между тѣмъ гуманисты служили тираннамъ и даже кондотьерамъ, увлекаясь древностью, игнорировали, повидимому, современность и высказывали такіе взгляды на патріотизмъ, которые казались космополитическими. Наконецъ, если принять во вниманіе, что результаты гуманистическаго движенія имѣютъ болѣе всемірно-историческое, чѣмъ мѣстное значеніе, то легко понять, какъ трудно было правильно оцѣнить Возрожденіе патріотически настроеннымъ историкамъ [2]).

---

[1]) См. въ 1-мъ изд. оцѣнку Возрожденія Balbo (p. 137), Cantù (p. 137, 148), Zumbini (p. 151), Ferrari (p. 165) и Monzani (p. 701).

[2]) Ср. 1-е изд. p. 141 и 173—174.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, почти черезъ всю исторіографію гуманистическаго движенія красной нитью проходятъ три коренныхъ недостатка: неправильное пониманіе его сущности, малое знакомство съ источниками и невѣрная оцѣнка его результатовъ.

I.

Начало спеціальной исторіографіи Возрожденія. — Виллани, Бандини, Манетти, Фаціо и Бистиччи. — Значеніе діалога Кортезе и хроникъ Коччіо и Форести. — Отношеніе къ гуманизму до начала XIX столѣтія. — Сочиненія Беттинелли, Эргарда и Шарпантье.

Исторіографія гуманизма уже къ началу XVI столѣтія завершила характерный циклъ развитія: она началась тѣмъ, что новые ученые поставлены были въ ряду средневѣковыхъ знаменитостей, затѣмъ выдѣлены были въ особую группу и, наконецъ, эта группа объединена была общей идеей, которая оправдывала ея самостоятельное мѣсто. Сначала сознана была важность гуманистовъ, затѣмъ ихъ оригинальность и, наконецъ, былъ отмѣченъ характерный признакъ движенія. Все это сдѣлано было, конечно, весьма несовершенно. Представителями перваго фазиса исторіографіи Возрожденія являются Ф. Виллани, Доменико Бандини, вѣроятно, также Дж. Манетти и отчасти Бартоломео Фаціо. Виллани знаетъ только первое поколѣніе гуманистовъ и старшихъ представителей второго и сообщаетъ о нихъ весьма скудныя свѣдѣнія: но онъ устанавливаетъ опредѣленную точку зрѣнія для ихъ оцѣнки: все это ораторы, ученые, поэты, и что̀, по его мнѣнію, особенно важно, всѣ они знатоки и поклонники древности [1]). Совершенно такимъ же характеромъ отличаются біографіи гуманистовъ Д. Бандини, только авторъ часто пользуется своимъ предшественникомъ [2]). Сочиненіе Манетти остается неизданнымъ, и мы знаемъ его только по незначительнымъ отрывкамъ. Оно носитъ заглавіе: *О знаменитыхъ людяхъ, долго жившихъ* [3]); но въ предисловіи къ біографіямъ Данте, Петрарки и Боккаччіо онъ гово-

---

[1]) О Виллани см. 1-е изд. p. 842—43. Его біографіи гуманистовъ ibid. p. 277—78, 517, 591 и 817.

[2]) О Доменико см. 1-е изд. 331—333. Его біографіи гуманистовъ ibid. p. 286, 518, 591 и 816—17.

[3]) *De illustribus longaevis libri X (immo VI) ad Ludovicum Gusmanum.* Отрывки у Mehus'a Vita A. Travers. l. c.

ритъ, что описалъ въ этомъ сочиненіи „почти всѣ болѣе важныя дѣянія всѣхъ мужей, которые у какого-либо народа долго славились или святостью жизни, или выдающеюся ученостью, или подвигами“ [1]). Мы не знаемъ, какіе гуманисты попали въ эту рубрику, потому что Мегусъ напечаталъ только біографіи Салютати и Никколи [2]); но по всей вѣроятности они занимали тамъ особую группу. По крайней мѣрѣ, въ біографіи Никколи авторъ объясняетъ, въ чемъ заключается главное значеніе studia humanitatis [3]) и какую роль въ нихъ играетъ греческій языкъ [4]).

Книга Б. Фаціо „О знаменитыхъ людяхъ“ весьма цѣнный историческій памятникъ, хотя фактическихъ данныхъ въ немъ очень немного [5]). Авторъ выдѣляетъ уже гуманистовъ въ особую группу, но ставитъ ихъ на-ряду съ другими современными дѣятелями по весьма интереснымъ соображеніямъ. Книга имѣла дидактическую цѣль — возбуждать къ добродѣтели. Примѣры всѣхъ великихъ людей имѣютъ важное воспитательное значеніе; но герои древности слишкомъ высоки для подражанія: „душу объемлетъ какое-то отчаяніе,—говоритъ авторъ,—что мы безсильны сравняться съ ними славою, такъ какъ мы считаемъ ихъ прямо какими-то божествами и восторгаемся ими; до такой степени они прославлены писателями“. Другое дѣло современники: пусть они одарены всѣми высокими качествами, но, находясь постоянно передъ нашими глазами, они „не отнимаютъ у насъ вполнѣ надежды сравняться съ ними или доблестью, или славой“ [6]). Съ этой точки зрѣнія онъ не считаетъ возможнымъ выпустить изъ книги юристовъ, медиковъ, полководцевъ, художниковъ, и выясняетъ ихъ значеніе въ обществѣ и государствѣ [7]). Только

[1]) У Galletti p. 69. О біографіи см. 1-е изд. p. 290 и 518.

[2]) См. 1-е изд. p. 817 и 850.

[3]) Haec enim humanitatis studia ad virtutem apprime spectare et pertinere manifestum est. Nam in his ipsis prae aliis artium studiis honestum quaeritur, quaesitumque haud dubie reperitur. Ex honesto autem justitia, fortitudo, modestia caeteraeque virtutes emanare et effluere videntur. У Mehus'a, l. c., p. LXXVI.

[4]) Sine quibus (graecis litteris) nostra haec studia manca et debilia esse videbantur. Ibid. p. LXXVII.

[5]) О его біографіи Бруни см. 1-е изд. p. 697, Никколи—p. 850, Билья—p. 903, Гаспарино—p. 912, Гуарино—p. 928, Верджеріо—p. 968.

[6]) *Bartholomaei Facii, De viris illustribus liber, nunc primum ex ms. cod. in lucem erutus. Recensuit, praefationem vitamque auctoris addidit Laurentius Mehus. Florentiae. MDCCXLV.* p. 2.

[7]) Характерно, что представители церкви не выдѣлены въ особую группу. Теологовъ Фаціо относитъ чисто внѣшнимъ образомъ къ медикамъ,

Фаціо начинаетъ книгу гуманистами, т.-е. поэтами и ораторами, а заключаетъ ее государями, и это, повидимому, не простая случайность. Онъ заявляетъ, что отдѣльныя лица въ каждой рубрикѣ расположены въ случайномъ порядкѣ, но надъ самыми рубриками онъ думалъ [1]) и поставилъ, какъ кажется, на первый планъ такихъ дѣятелей, въ которыхъ проявились высшія, по его мнѣнію, индивидуальныя качества, а въ концѣ книги тѣхъ, извѣстности которыхъ много содѣйствовало ихъ положеніе. По крайней мѣрѣ, одно положеніе, безъ выдающихся личныхъ свойствъ, имѣетъ въ его глазахъ мало цѣны: онъ упоминаетъ о Мартинѣ V и Николаѣ V и пропускаетъ Евгенія IV. Съ другой стороны, тѣ parvenus, которые индивидуальными свойствами достигли власти и вліянія, поставлены въ особую рубрику и трактуются съ большимъ сочувствіемъ [2]). Во всякомъ случаѣ, Фаціо не преувеличиваетъ значенія краснорѣчія, одной изъ главныхъ сторонъ гуманистической дѣятельности; ораторы, по его мнѣнію, утратили прежнюю цѣну, потому что на судѣ, въ сенатѣ и въ совѣтахъ князей говорятъ теперь на народномъ языкѣ. Слѣдовательно, не въ краснорѣчіи смыслъ дѣятельности гуманистовъ [3]).

Самымъ крупнымъ представителемъ второго фазиса въ развитіи ранней исторіографіи гуманизма былъ *Веспасіано Бистиччи* (1421 — 1498). Книга Бистиччи носитъ отчасти характеръ личныхъ воспоминаній о разныхъ современныхъ знаменитостяхъ, съ которыми автору пришлось познакомиться [4]). Подобно Фаціо, біографическія замѣтки Бистиччи раздѣлены на рубрики: сначала идутъ папы и государи, затѣмъ кардиналы, далѣе прелаты, государственные

папъ къ свѣтскимъ государямъ, при чемъ Мартина V онъ называетъ Odus Columna и перечисляетъ его заслуги по отношенію къ его владѣніямъ, а Николая V—Thomas Sarzanensis и разсказываетъ о его учености.

[1]) Ego tamen neque dignitatem, neque excellentiam hominum in suo genere in iis commemorandis conservabo, sed ut quisque mihi prior occurrerit, ita a me litteris mandabitur. Unum illud curae fuerit, ut de singulis quibusdam ordinibus ac generibus seorsim scribam. Ibid. p. 2—3.

[2]) De quibusdam civibus privatis. p. 52.

[3]) Къ этой же категоріи писателей слѣдуетъ отнести Джовіо, Elogia котораго, по своей краткости, не имѣютъ значенія для исторіи Возрожденія. Наиболѣе характерныя изъ нихъ отмѣчены въ 1-мъ изд. (см. p. 294 и 520).

[4]) Книга Бистиччи впервые издана кардиналомъ *Mai* въ I томѣ Specilegium Romanum подъ такимъ заглавіемъ: *Vitae CIII virorum illustrium, qui saeculo XV extiterunt, auctore coaevo Vespasiano Florentino Romae MDCCCXXXIX.* О другихъ изданіяхъ см. *Frizzi, Di Vespasiano da Bisticci e delle sue biografie. Firenze 1878* p. 5. Я цитирую по изданію Bartoli.

люди и, наконецъ, ученые (letterati); но въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ почти нѣтъ ни медиковъ, ни юристовъ; онъ посвященъ почти исключительно гуманистамъ [1]). Авторъ не объясняетъ такой исключительности; но онъ вполнѣ сознаетъ оригинальность новыхъ ученыхъ, хотя едва-ли сумѣлъ бы опредѣлить, въ чемъ она заключается. Бистиччи простодушный, наивный и очень искренній разсказчикъ [2]), и его книга первостепенный источникъ для исторіи гуманизма, потому что авторъ передаетъ факты, иногда интимные изъ жизни его представителей и описываетъ впечатлѣніе, которое они производили на него [3]). Гуманисты въ его разсказѣ являются живыми людьми; но смыслъ и значеніе ихъ стремленій совсѣмъ не понятны автору.

Но всѣ эти произведенія представляютъ собою только источники для біографій отдѣльныхъ гуманистовъ, а не исторію движенія. Первая попытка объединить дѣятельность отдѣльныхъ гуманистовъ и разсмотрѣть ихъ какъ представителей одного движенія была сдѣлана только въ концѣ XV вѣка Кортезе въ его діалогѣ „Объ ученыхъ мужахъ“. Авторъ понимаетъ гуманизмъ сравнительно широко: онъ видитъ въ немъ научное движеніе вообще [4]), и въ посвященіи книги Лоренцо Медичи ставитъ ея задачей анализъ заслугъ каждаго изъ гуманистовъ въ отдѣльности [5]). Но въ самомъ діалогѣ точка зрѣнія значительно мѣняется: мѣсто научнаго движенія заступаетъ краснорѣчіе [6]). Авторъ говоритъ прежде всего о причинахъ паденія крас-

---

[1]) Исключеніе составляютъ двѣ незначительныя замѣтки о юристахъ Giovanni da Miles и Antonio Caffarelli, p. 516.

[2]) Характеристика его біографій у Frizzi, p. 104 и слѣд.

[3]) О біографіи Бруни см. 1-е изд. p. 697, Никколи—p. 851, Гуарино—p. 928.

[4]) Cum maximis in rebus, Magne Laurenti, nostrorum hominum praeclara ingenia soleo laudare, tum praesertim in his studiis, quae ex tenebris tanquam ad intuendam lucem revocarunt. Nam quum esset aliquando ex diuturna barbarorum vexatione Italia liberata, tum incredibilis multitudo se contulit ad omnium magnarum artium disciplinas celebrandas. *Pauli Cortesii, De hominibus doctis dialogus, cura viris cl. Alex. Politi et Dom. M. Manni cum adnotationibus et auctoris vita primum in lucem erutus. Florentiae MDCCXXXIV.* Я цитирую по перепечаткѣ Galletti p. 221.

[5]) Quum quaereretur, quinam essent hi, quorum ingeniis sunt sopita studia excitata, rogavimus omnes Antonium (главный собесѣдникъ діалога)... ut, si ei placeret, quid de his viris sentiret, explicaret. Ibid. p. 221—222.

[6]) Quaeritis igitur, quanti et quales in disertorum numero habiti sint et qui mihi aliquam eloquentiae laudem maxime accessisse videantur. Ibid. p. 223.

норѣчія [1]) и затѣмъ слѣдитъ за его возрожденіемъ и развитіемъ, при чемъ исторія движенія начинается съ Хризолора и Бруни [2]); Петрарка является только ихъ предшественникомъ [3]), за Боккаччіо не признается никакого значенія [4]), а прочіе гуманисты разсматриваются преимущественно съ точки зрѣнія стиля [5]). Такимъ образомъ *Кортезе первый вдвойнѣ сузилъ смыслъ гуманизма: свелъ его къ научному движенію въ посвященіи діалога и къ развитію краснорѣчія въ самомъ сочиненіи.* Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ *Коччіо Сабеллико.* Въ діалогѣ „*О возстановленіи латинскаго языка*“ авторъ сводитъ все движеніе къ латинской стилистикѣ и ставитъ во главѣ его Гаспарино-да-Барцицца [6]).

Этими произведеніями исчерпывается спеціальная литература о Возрожденіи до начала нынѣшняго столѣтія. Начиная съ XVI вѣка гуманистическое движеніе изучалось и излагалось только въ общихъ сочиненіяхъ историческаго содержанія, въ связи съ другими событіями. Поэтому отъ этихъ историковъ гуманизма нельзя ожидать детальнаго изученія эпохи по мало-доступнымъ источникамъ; они могли только лучше освѣтить Ренессансъ, сопоставивъ его съ другими движеніями, и такимъ путемъ выяснить его историческое значеніе. Но для этого необходимъ былъ правильный взглядъ на сущность гуманизма, а его-то и не могли унаслѣдовать позднѣйшіе историки. Сочиненіе Фаціо, которое могло навести на вѣрную мысль о характерѣ гуманизма, издано было только около половины XVIII вѣка; книга Бистиччи, гдѣ гуманисты изображены сравнительно правдоподобно, появилась впервые въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, и даже діалогъ Кортезе сталъ извѣстенъ вполнѣ только въ XVIII вѣкѣ. Оставался одинъ Коччіо, который перенесъ свой взглядъ въ свою всемірно-историческую хронику,

---

[1]) Explicandae nobis potius erunt hae causae, quae eloquentiae studia funditus ex Italia sustulerunt. Ibid.

[2]) Magistro igitur Chrysolora plerique nostrorum hominum, tanquam ex palaestra quadam impulsi se ad eloquentiae studium contulerunt. Quorum inprimis laudandus est Leonardus Aretinus. Ibid. p. 224.

[3]) См. 1-е изд. р. 294.

[4]) См. 1-е изд. р. 519—20. Eodem modo de Ioanne Ravennate et Coluccio Salutato judicare licet, qui nunquam etiam ab orationis asperitate maestitiaque abesse potuerunt, прибавляетъ Кортезе къ отзыву о Боккаччіо (р. 224).

[5]) Оцѣнку Бруни см. 1-е изд. р. 697, Лоски—р. 891, Гуарино—р. 928, Гаспарино—912, Верджеріо—р. 968. О Никколи Кортезе только упоминаетъ.

[6]) *Linguae latinae reparatio. Dialogus.* Въ Opera omnia Basileae MDXL. T. III coll. 324.

замѣнивши только Гаспарино Хризоломъ, котораго сдѣлалъ родоначальникомъ и латинской рѣчи, а его современникъ Форести изложилъ въ своей хроникѣ взглядъ на гуманизмъ діалога Кортезе [1]). *Такимъ образомъ объ эти хроники*, оказавшія сильное вліяніе на нѣмецкую исторіографію XVI и XVII столѣтія, *надолго установили свое воззрѣніе на гуманизмъ*. До конца XVI вѣка этотъ взглядъ, перенесенный въ Германію Шеделемъ [2]), царилъ безраздѣльно; въ концѣ столѣтія онъ подвергся новому искаженію. Каріонъ, приписывая грекамъ итальянскій гуманизмъ, ведетъ его начало не отъ Хризолора, а только съ паденія Константинополя; этотъ взглядъ въ XVII столѣтіи приняли іезуиты Торселлини и Петавій и повторилъ знаменитый Cellarius [3]). Гуманизмъ все болѣе окутывался мракомъ, разсѣять который могло только знакомство съ источниками, и примѣръ Боксгорна показываетъ, какое благотворное вліяніе на пониманіе гуманизма имѣло ознакомленіе даже съ немногими произведеніями гуманистовъ [4]). Біографія первыхъ гуманистовъ могла бы до извѣстной степени замѣнить малодоступные источники для выясненія сущности Возрожденія; но въ эту эпоху и даже въ XVIII вѣкѣ въ Петраркѣ видѣли не гуманиста, а пѣвца Лауры [5]), а научное изученіе біографіи Боккаччіо еще не начиналось [6]).

Въ XVIII вѣкѣ и въ особенности во вторую его половину были проложены надлежащіе пути къ научному пониманію Возрожденія, благодаря съ одной стороны ознакомленію съ источниками, съ другой— философскому отношенію къ историческому процессу. Къ сожалѣнію, оба теченія шли слишкомъ изолированно и мало оказывали вліянія другъ на друга. Работы Фабриція, Pope-Blount'a и Бужинэ [7]), а еще болѣе Дзено, Маццукелли и Тирабоски [8]), а въ особенности капитальный трудъ Мегуса [9]) и его изданія, дали массу новыхъ свѣдѣній о гуманистахъ и ихъ произведеніяхъ. Но это былъ только сырой біо- и библіографическій матеріалъ, расположенный чисто внѣшнимъ образомъ и не освѣщенный никакою мыслію. Для спеціальныхъ изслѣдо-

---

[1]) См. о нихъ выше, р. 9.
[2]) См. выше, р. 10.
[3]) См. выше, р. 12 и слѣд.
[4]) См. выше, р. 12.
[5]) См. 1-е изд., р. 296.
[6]) См. 1-е изд., р. 520.
[7]) См. 1-е изд., р. 15.
[8]) См. 1-е изд., р. 143 и слѣд.
[9]) См. 1-е изд., р. 307.

ваній о гуманизмѣ эти произведенія необходимы и теперь; но ими трудно было пользоваться для историческихъ работъ болѣе общаго содержанія, потому что въ нихъ не было не только общихъ выводовъ, но и монографической обработки матеріала. Съ другой стороны, философы и историки съ философскимъ отношеніемъ къ своей наукѣ, разсматривая движеніе, въ его цѣломъ, поняли его важность, но только догадывались о его сущности и впадали въ ошибки, которыя были тѣмъ легче, что традиціонныя заблужденія упорно выдавались за истину. Такъ французскіе „просвѣтители“ и ихъ нѣмецкіе единомышленники считаютъ гуманизмъ возрожденіемъ не древности, а наукъ и искусствъ вообще, но продолжаютъ выводить его изъ Византіи [1]); на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ ранніе историки философіи [2]). Только могучему уму Гегеля, который свелъ Возрожденіе къ его первоначальному источнику, къ индивидуальному развитію, удалась глубокая дивинація сущности движенія [3]), и эта догадка, по мѣрѣ ознакомленія съ источниками, все болѣе и болѣе будетъ пріобрѣтать значеніе научной истины. Въ концѣ XVIII столѣтія и въ самомъ началѣ нынѣшняго обнаруживается, наконецъ, правда, у весьма немногихъ писателей, и благотворное соединеніе философскаго духа съ изученіемъ источниковъ, которое повлекло за собою освобожденіе отъ старыхъ ошибокъ и правильное освѣщеніе отдѣльныхъ сторонъ Возрожденія. Важная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Де-Саду [4]). Несмотря на односторонній взглядъ на Петрарку, книга Де-Сада сообщеніемъ цѣлой массы новаго матеріала въ удобочитаемой формѣ возбудила интересъ къ латинскимъ произведеніямъ перваго гуманиста. Вслѣдствіе этого пала сама собой одна изъ самыхъ старыхъ ошибокъ относительно гуманизма—ученіе о его византійскомъ происхожденіи. Andres уже прямо отрицаетъ этотъ устарѣлый взглядъ [5]), Булэ придаетъ греческому вліянію весьма второстепенное значеніе и отмѣчаетъ другія причины Возрожденія [6]). Но особенно важное значеніе имѣла книга Майнерса, который не только отрицалъ греческое вліяніе на гуманизмъ, но и сдѣлалъ первую попытку поставить въ должные предѣлы вліяніе древности вообще [7]). При такомъ положеніи дѣла появилось первое

---

[1]) См. выше, р. 3 и слѣд.
[2]) См. 1-е изд., р. 57 и слѣд.
[3]) См. выше, р. 5—6 и въ 1-мъ изд. р. 64.
[4]) См. 1-е изд., р. 309 и слѣд.
[5]) См. 1-е изд., р. 96.
[6]) См. 1-е изд., р. 59 и 323.
[7]) См. 1-е изд., р. 37.

сочиненіе, спеціально посвященное эпохѣ Возрожденія. Къ сожалѣнію, авторъ этой работы далеко не стоялъ на высотѣ своей задачи.

Первымъ спеціальнымъ историкомъ Ренессанса былъ аббатъ *Беттинелли*, жившій во второй половинѣ XVIII в. (1718—1808). Это была эпоха сильнаго научнаго движенія въ Италіи, когда Muratori, Mazzuchelli, Tiraboschi, Zeno, Quirini, Mehus и многіе другіе заложили своими тщательными работами прочное основаніе для научнаго изученія итальянской исторіи, литературы и культуры. Беттинелли былъ тоже плодовитый писатель [1]), но въ иномъ духѣ. Кропотливое собираніе источниковъ и критическое ихъ изученіе не въ его характерѣ. Онъ былъ „философъ“ въ духѣ французовъ XVIII вѣка, поклонникъ Вольтера, котораго онъ лично посѣтилъ и отъ котораго получилъ его сочиненія съ собственноручной надписью [2]). Вольтеровскія идеи и проводилъ онъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ на самыя разнообразныя темы. Онъ составилъ, между прочимъ „*Письма Виргилія на Елисейскія поля*“, направленныя противъ Данте, „*Похвальное слово Петраркѣ*“, „*Переписку двухъ дамъ*“, „*Письма о цвѣтахъ и собачкахъ*“, „*Письма Лесбіи объ эпиграммахъ*“, „*Письма объ изящныхъ искусствахъ*“, „*Любовные діалоги*“ [3]) и т. п. произведенія. Все это болѣе или менѣе остроумная салонная болтовня элегантнаго аббата, ученика іезуитовъ и друга французскихъ просвѣтителей. Въ такомъ же духѣ написано и его четырехтомное „*Возрожденіе Италіи въ наукахъ, въ искусствахъ и въ нравахъ послѣ X вѣка*“ [4]). Сочиненіе начинается длиннымъ введеніемъ, въ которомъ авторъ излагаетъ свой взглядъ на исторію [5]). Польза этой науки, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что она „указаніями писателей дѣлаетъ болѣе твердымъ наше поведеніе“ [6]). Поэтому нужно

[1]) Полное собраніе его сочиненій вышло въ Венеціи 1801 года въ 24 томахъ.

[2]) Намекая на его произведеніе Lettere di Virgilio agli Elisi, надпись гласила: Compatriote de Virgile
Et son secrétaire aujourd'hui
C'est à vous d'écrire sous lui—
Vous avez son âme et son stile.

[3]) *Elogio del Petrarca* (1787), *Carteggio tra due Dame antiche, Lettere sui fiori e i cagnolini, Lettere a Lesbia sugli epigrammi* (1787), *Lettere sulle belle arti* (1790) и *Dialoghi di Amore* (1796).

[4]) *Risorgimento d'Italia negli studi, nelle arti e nei costumi dopo il mile dell'abate Saverio Bettinelli Vol. 4. Milano 1819—20.*

[5]) Introductione sopra lo studio della storia al signor Marchese Matteo Ordogno di Rosales.

[6]) Risorgimento I. p. 3.

обращать главное вниманіе на описаніе жизни отдѣльныхъ лицъ и преимущественно на дѣятелей культуры, а не политики: „мнѣ должно быть гораздо пріятнѣе, говоритъ онъ, — сдѣлаться изобрѣтателемъ плуга или часовъ, чѣмъ знаменитѣйшимъ завоевателемъ и опустошителемъ“ [1]). Либеральный аббатъ смотритъ очень пессимистически на политическій строй вообще, считая насиліе и несправедливости необходимой принадлежностью всякой политической формы. Поэтому политическая исторія приноситъ меньше пользы, такъ какъ она не учитъ добродѣтели. Такъ какъ обширная республика человѣческаго рода,— говоритъ Беттинелли,—инымъ кажется республикою людей по истинѣ жестокихъ или коварныхъ, или кровожадныхъ, то нужно знать ихъ обычаи и систему, чтобы можно было жить среди нихъ съ возможно меньшимъ зломъ. Но мнѣ кажется, что это приноситъ пользу главнымъ образомъ тѣмъ, которые предназначены заправлять общественными дѣлами и вести другихъ людей или на добычу, или на бойню, какъ стадо безъ разума и свободы“ [2]). Руководствуясь этими соображеніями, Беттинелли прежде всего останавливается на новой исторіи, потому что „древняя—дѣло любопытства и учености; она служитъ пониманію поэзіи, театра, медалей, статуй и подобныхъ памятниковъ старины, но внѣ этого она только торжество памяти, а часто еще и обмана“ [3]). Авторъ преслѣдуетъ болѣе широкія и глубокія задачи. Прежде всего онъ желаетъ будить мысль обыкновеннаго читателя, „дать полезное времяпрепровожденіе и предоставить въ привлекательной формѣ научное занятіе тому, кто иначе провелъ бы свое время въ праздности и за романами“. „Моя главная цѣль,—говоритъ онъ, заставить думать; поэтому я разсматриваю болѣе, такъ сказать, душу исторіи, чѣмъ ея тѣло... и прежде всего исторію человѣка и его талантовъ“ [4]). Такимъ путемъ Беттинелли думаетъ исполнить и нравственную задачу историка, которая заключается въ томъ, чтобы „разоблачить заблужденія и научить терпѣливому умѣренію страстей, т.-е. наиболѣе необходимой для жизни добродѣтели“ [5]). Къ предшествовавшимъ ему историкамъ, включая сюда Гвиччардини и Макіавелли, авторъ относится строго и не всегда справедливо. Онъ упрекаетъ ихъ за неточность хронологіи, за отсутствіе ссылокъ, за суевѣріе, за пристрастіе, за вставку рѣчей

---

[1]) Ibid. p. 6.
[2]) Ibid. p. 7.
[3]) Ibid. p. 14.
[4]) Ibid. p. 16, 17 и 21.
[5]) Ibid. p. 24.

въ изложеніи, а главнымъ образомъ за общее направленіе: „они болѣе заботились,—по его словамъ,—о стилѣ и о талантливыхъ мысляхъ, чѣмъ объ общей пользѣ и о хорошей философіи“ [1]). Наоборотъ, такіе современники, какъ Zeno, Muratori, Mazzuchelli и друг., возбуждаютъ его полное сочувствіе. Къ сожалѣнію, Беттинелли далеко уступаетъ первымъ по глубинѣ историческаго пониманія и совсѣмъ не обладаетъ точностью и тщательностью научной работы вторыхъ, что почти совершенно уничтожаетъ значеніе его толстой книги.

Вторую половину перваго тома „Возрожденія“ Беттинелли составляетъ обзоръ современнаго автору положенія Италіи и ея исторіи до XIV столѣтія. Это бѣглое перечисленіе общеизвѣстныхъ фактовъ, которое перерывается по временамъ разсужденіями о пользѣ наукъ, о бѣдствіяхъ войнъ и т. п. Исторія Возрожденія составляетъ второй томъ, въ которомъ идетъ рѣчь о научныхъ занятіяхъ (Degli studi) въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Съ фактической стороны книга Беттинелли не представляетъ никакого интереса. Самостоятельнаго знакомства съ источниками у автора нѣтъ; онъ компилируетъ предшествующихъ писателей и преимущественно Тирабоски, приводитъ массу именъ, сообщаетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ біографіи гуманистовъ, повторяетъ ходячія противъ нихъ обвиненія въ паганизмѣ, заносчивости и различныхъ увлеченіяхъ. Но этотъ краткій перечень именъ и фактовъ не имѣетъ даже значенія справочной книги, потому что онъ переполненъ неточностями и ошибками [2]). Вниманія заслуживаютъ только взгляды поклонника французскихъ энциклопедистовъ на причины, общій ходъ и значеніе Возрожденія.

Прежде всего Беттинелли неясны причины гуманистическаго движенія. Его родоначальникомъ онъ считаетъ Петрарку. „Въ его изученіи Цицерона, говоритъ онъ, можно видѣть, мнѣ кажется, сѣмя обильной жатвы, выросшей въ его вѣкъ и въ послѣдующія столѣтія“ [3]). Вообще геній Петрарки представляется ему въ колоссальныхъ и даже фантастическихъ размѣрахъ. „Онъ былъ великій философъ, физикъ, астрономъ... Его можно назвать основателемъ Платоновой философіи, которая создала черезъ него новую и единственную поэзію въ Италіи и сдѣлала ее болѣе возвышенной и болѣе неподражаемой,

---

[1]) Ibid. p. 8, 11 и 12.

[2]) Напр., сочиненіе De re uxoria приписано Захаріи Барбаро (II, 108); Л. Валла родился въ Пьяченцѣ въ 1415 году (Ibid. p. 115) и т. д.

[3]) Ibid. II p. 64.

чѣмъ всякая другая“ [1]). Эта всесторонняя геніальность, неоправдываемая однако источниками, сдѣлала Петрарку необходимымъ условіемъ появленія гуманизма. По мнѣнію Беттинелли, безъ него наука „или не возродилась бы, или возродилась бы позже, т.-е. послѣ другого Петрарки, потому что для всякаго столѣтія необходимъ такой руководитель и такой образецъ для всеобщаго подражанія“ [2]). Итакъ, геніальность Петрарки увлекла его къ изученію древности и создала ему послѣдователей. Но къ этой основной причинѣ, вліяніе которой однако ничѣмъ не доказано, Беттинелли присоединяетъ рядъ другихъ, которыя или сами требуютъ объясненія, или вовсе не существовали. „Для этого достаточно было большого количества античныхъ образцовъ и ихъ всемірнаго распространенія; потомъ должна была пасть греческая имперія, и ея бѣглецы принесли намъ полны руки своихъ богатствъ; удалось изобрѣсти книгопечатаніе, вслѣдствіе чего эти богатства чрезвычайно быстро увеличились и распространились. Кромѣ того, только послѣ Петрарки правительства сдѣлались болѣе прочными, партіи ослабѣли, междоусобныя войны уменьшились, во всѣхъ городахъ были уничтожены мелкіе и жестокіе тираны, и на ихъ развалинахъ возвысились государи болѣе могущественные и болѣе кроткіе, друзья искусствъ и мирныхъ наслажденій, каковы были Медичи и всѣ другіе; точно также и богатыя республики стремились, какъ показываетъ Венеція, къ иной славѣ, отличной отъ военной, которая легко утомляетъ свободные народы, преданные торговлѣ. Изъ массы незамѣченныхъ обстоятельствъ, произведшихъ золотой вѣкъ въ Италіи, достаточно отмѣтить только эти“, заключаетъ Беттинелли свое разсужденіе [3]). Причины Возрожденія остаются невыясненными, несмотря на все многословіе автора.

Не имѣя опредѣленнаго представленія о причинахъ Ренессанса, Беттинелли плохо понимаетъ и его характерныя свойства и значеніе. Онъ обвиняетъ прежде всего гуманистическое движеніе за его отвлеченное, учено-художественное направленіе, за игнорированіе практическихъ потребностей. „Всегда будетъ оставаться трудной проблемой и вызывать суровый упрекъ тотъ фактъ, — говоритъ онъ,—что мы видимъ такое богатство въ постройкахъ, въ живописи и скульптурѣ и рядомъ съ этимъ такую непрочность правительства, такое паденіе торговли и земледѣлія, какъ будто бы

---

[1]) Ibid. p. 16 и 17.
[2]) Ibid. p. 25.
[3]) Ibid. p. 24.

изящныя картины, изящныя статуи, изящные дворцы были необходимѣе хлѣба; что греческую философію лучше понимали, чѣмъ свою собственную литературу, исторію и экономію; что обнаруживали пылкое стремленіе открывать новыя рукописи, а не рудники; приводить въ порядокъ книги, манускрипты и библіотеки, а не рѣки и источники; населять страну не жителями, а риторическими и поэтическими законами“ [1]). Если сравнить эту тираду съ предшествующей, то въ словахъ Беттинелли окажется противорѣчіе, которое происходитъ отъ неясности для автора всего движенія. „Трудная проблема“ и „суровый упрекъ“ произошли отъ плохого знакомства съ источниками. Меценаты-правители никогда не забывали о практическихъ нуждахъ государства и далеко не такъ исключительно увлекались наукой и искусствомъ, какъ думаетъ Беттинелли. Сами гуманисты, если имъ приходилось теоретически касаться политическихъ вопросовъ, всегда указывали государямъ на эти потребности, какъ это показываютъ письма Петрарки, сочиненія Альберти и проч. Въ общемъ, конечно, вѣрно, что гуманистическое движеніе по существу не было ни національнымъ, ни политическимъ, ни экономическимъ; но въ этомъ не заключается ни „трудной задачи“, ни „суроваго упрека“. Духовное рабство въ XIV и XV столѣтіяхъ ложилось на развившуюся личность болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ политическій гнетъ и національныя невзгоды, какъ это доказываютъ произведенія гуманистовъ и реформаціонныя попытки въ церковной сферѣ.

Недостатокъ гуманистическаго движенія, по мнѣнію Беттинелли, заключался не только въ его отвлеченномъ характерѣ, но и въ отсутствіи въ немъ „философскаго духа“, который обнаруживается впервые въ теоріи Галилея. „Кто повѣрилъ бы,—восклицаетъ онъ,—что понадобилось пять вѣковъ, чтобы произвести Галилея и Академію Климента, и что первый свѣтъ разума будетъ заключаться въ физикѣ? Изъ этого можно думать, что прежде разуму мало слѣдовали, что его мало развивали благодаря слѣпому преклоненію передъ древними. Люди были убѣждены, что достаточно много читать, начинять память мертвыми языками и старыми воззрѣніями, чтобы быть великимъ человѣкомъ, и совсѣмъ не заботились подвергать ихъ анализу и дѣлать изъ нихъ разумное употребленіе. Поэтому тѣ, которые умѣли цитировать болѣе сочиненій и авторовъ, которые болѣе читали и болѣе повторяли прочитанное, были учеными и учителями, хотя внѣ этого они мыслили и разсуждали часто хуже невѣждъ.

---

[1]) Ibid. p. 231.

Только въ наше время познали, наконецъ, что первая наука—умѣть мыслить, что немногаго стоитъ филологія безъ философіи, что изученіе древности въ высшей степени полезно только тому, кто умѣетъ увидать ошибки, отличить ихъ отъ истины, взять лучшее, избѣжавши недостатковъ и, наконецъ, подчинять грековъ и латинянъ философской критикѣ“ [1]). Эта характерная тирада указываетъ не только не незнакомство Беттинелли съ гуманистической литературой, но и на поверхностное отношеніе къ извѣстнымъ ему фактамъ. Не пять вѣковъ отдѣляли Галилея отъ Возрожденія, и вопросъ о естественной его связи съ гуманистическимъ движеніемъ самъ собою напрашивается на положительное рѣшеніе. Если Беттинелли, по недостаточному знакомству съ литературой, и не могъ замѣтить критическаго отношенія гуманистовъ къ древности, то ему достаточно было вдуматься въ фактъ связи Галилея съ Ренессансомъ, чтобы измѣнить свой взглядъ на гуманизмъ и подмѣтить органическое родство своего времени съ эпохою Возрожденія.

Два послѣдніе тома книги Беттинелли не представляютъ никакого интереса. Въ третьемъ собраны общеизвѣстные факты по исторіи литературы, музыки и живописи, которые прерываются разсужденіями о способности женщинъ къ поэтическому творчеству, о вліяніи на душу краснорѣчія и поэзіи и т. п. Четвертый томъ заключаетъ въ себѣ такія же свѣдѣнія по культурной исторіи Италіи, изложенныя безъ всякой связи, а часто и безъ хронологическаго порядка. Обширный объемъ первой исторіи итальянскаго Ренессанса не соотвѣтствуетъ ея содержательности, и книга Беттинелли ничего не прибавила ни къ фактическому изученію Возрожденія, ни къ его философскому пониманію.

Также мало значенія имѣетъ книга *Эргарда*, посвященная исторіи гуманистическаго движенія преимущественно въ Германіи. Въ противоположность Беттинелли, Эргардъ имѣетъ весьма опредѣленный взглядъ на сущность гуманизма и на его причины, который не отличается однако ни глубиной, ни оригинальностью. Гуманизмъ, по его мнѣнію, исключительно научное движеніе, и это придаетъ огромную важность эпохѣ. „Какъ кажется, говоритъ авторъ, Провидѣніе желало показать этимъ великимъ и изумительнымъ примѣромъ, что свѣтъ наукъ совершенно необходимъ, что это даже единственное средство, чтобы изъ мрачной смуты прійти къ

[1]) Ibid. p. 68—69. Ту же самую мысль еще разъ повторяетъ Беттинелли на стран. 230.

миру и къ счастью, что, далѣе, свѣтское могущество (weltliche Herrschergewalt) есть не единственное и даже не самое необходимое средство, которое можетъ сдѣлать народъ великимъ и счастливымъ; наоборотъ, есть нѣчто болѣе великое, болѣе прекрасное и болѣе гуманное (menschlicheres), а именно просвѣщеніе и развитіе духа, что̀ не всегда связано съ могуществомъ, а появляется иногда отдѣльно и, сопровождая науку, распространяется по всѣмъ слоямъ народа“ [1]). Это благотворное движеніе „должно было имѣть многія, отчасти весьма отдаленныя и совершенно неожиданныя причины“ [2]), говоритъ Эргардъ и приводитъ только одну: паденіе Византіи. Такимъ образомъ авторъ не дѣлаетъ ни одного шага впередъ въ пониманіи гуманизма сравнительно со своими предшественниками. То же самое можно сказать и о его изложеніи исторіи движенія: Эргардъ ограничивается весьма короткими біографическими замѣтками о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ гуманистахъ [3]).

Совершенно естественно, что первыя спеціальныя изслѣдованія, посвященныя гуманизму, не оказали никакого вліянія на его дальнѣйшую исторіографію. Они не могли служить ни проводникомъ болѣе правильнаго взгляда на эпоху, ни источникомъ фактическихъ свѣдѣній для лучшаго съ ней ознакомленія. Эту роль продолжали играть общія сочиненія и въ особенности вышедшія въ началѣ нынѣшняго столѣтія книги Нисерона, Женгенэ и Сисмонди, хотя новаго въ нихъ—только ошибки. Книга Нисерона—справочный лексиконъ біографическихъ свѣдѣній, собранныхъ всегда изъ вторыхъ рукъ [4]); Женгенэ—популяризаторъ Тирабоски [5]); Сисмонди—главный виновникъ тѣхъ голословныхъ обвиненій, которыя дѣлаютъ изъ Возрожденія—эпоху застоя, а изъ гуманистовъ—продажныхъ педантовъ, и его единственная заслуга—устраненіе мнѣнія о греческомъ происхожденіи гуманизма [6]). Также мало понятна сущность движенія Галламу, хотя онъ знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями гуманистовъ; для него Ренессансъ—филологическое движеніе, Бар-

---

[1]) Erhard, l. c., p. 201—202.

[2]) Ibid. p. 2.

[3]) О Петраркѣ см. 1-е изд., p. 336, о Боккаччіо—p. 529, о Бруни—p. 698. Кромѣ того, Erhard даетъ незначительныя свѣдѣнія о слѣдующихъ гуманистахъ изъ занимающей насъ эпохи: о Дж.-да-Равенна (по Мейнерсу) p. 220, о Гаспарино p. 232, о Гуарино p. 234.

[4]) См. 1-е изд., p. 95.

[5]) См. 1-е изд., p. 145.

[6]) См. 1-е изд., p. 130 и слѣд.; ср. p. 101.

ццца—первостепенный гуманистъ, Элеганціи Валлы—главное произведеніе Возрожденія, а остальная литература сводится къ инвективамъ и къ панегирикамъ [1]). Въ началѣ сороковыхъ годовъ Шарпантье написалъ двухтомное сочиненіе, спеціально посвященное Возрожденію, но оно также мало было способно оказать какое-либо вліяніе на исторіографію гуманизма, какъ и книги Беттинелли и Эргарда. Шарпантье считаетъ сущностью гуманизма возстановленіе древности и видитъ въ этомъ главную причину паденія средневѣковой культуры [2]). Виновниками этого движенія онъ считаетъ Петрарку и Боккаччіо; но ихъ труды пропали бы даромъ, если бы не были поддержаны меценатами и позднѣйшими гуманистами [3]). Изложеніе исторіи самаго движенія сводится къ коротенькимъ біографическимъ очеркамъ отдѣльныхъ гуманистовъ, при чемъ свѣдѣнія почерпаются почти исключительно изъ вторыхъ рукъ, и гуманистическая литература, кромѣ переписки Петрарки, остается совершенно неизвѣстной автору [4]).

Сороковые и пятидесятые годы нынѣшняго столѣтія представляютъ значительный шагъ впередъ въ пониманіи гуманизма. Правда, въ общихъ сочиненіяхъ, какъ у Шлоссера, старыя ошибки сохраняютъ все свое значеніе [5]), но въ большинствѣ случаевъ старый взглядъ на происхожденіе Ренессанса изъ Византіи болѣе не повторяется. Упорнѣе держатся ошибки Сисмонди, которыя цѣликомъ вошли въ произведенія Канту [6]); но мало-по-малу падаютъ и эти заблужденія, хотя ихъ устраненіе не сразу повело къ установленію правильнаго взгляда на движеніе. Такъ Рюккертъ и Кине сводятъ начало гуманизма къ психологическому источнику, хотя понимаютъ его слишкомъ узко [7]); Риттеръ видитъ въ Возрожденіи грандіозный переворотъ, но слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе древности [8]). Шире другихъ взглянулъ на Ренессансъ *Мишле* въ введеніи къ 7 тому своей Исторіи Франціи. Онъ видитъ въ Возрожденіи не

---

[1]) См. 1-е изд., p. 102 и слѣд.

[2]) Charpentier, l. c., I, p. 4, ср. въ 1-мъ изд. p. 156—159.

[3]) Ibid. p. 173.

[4]) Біографіи Петрарки, Боккаччіо и Бруни см. 1-е изд. 336—337, 529, 698. Кромѣ того, незначительныя свѣдѣнія о Салютати—170, о Дзаноби—169, о Дж.-да-Равенна—172 и Гуарино—178.

[5]) См. 1-е изд., p. 17.

[6]) См. 1-е изд., p. 137 и 19.

[7]) См. 1-е изд., p. 44 и 159.

[8]) См. 1-е изд., p. 67.

только научное движеніе, не только появленіе новаго искусства, но также „открытіе міра и открытіе человѣка“, и объясняетъ необыкновенный успѣхъ древности ея внутреннимъ родствомъ съ новымъ настроеніемъ [1]). Но это только афоризмъ, хотя и не лишенный глубины и мѣткости; научныя доказательства этого взгляда остаются внѣ плана и задачи книги Мишле.

Итакъ, къ концу 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ исторической наукѣ не существовало опредѣленнаго и установившагося взгляда на гуманистическое движеніе. Тѣмъ не менѣе исторіографія сдѣлала огромный успѣхъ и въ этомъ отношеніи: старыя ошибки были отвергнуты, и нѣкоторыя отдѣльныя стороны Возрожденія получили правильное освѣщеніе. Но вѣрныя мысли и глубокія замѣчанія о гуманизмѣ были разсѣяны въ общихъ сочиненіяхъ по различнымъ отраслямъ историческаго знанія, что̀ значительно ослабляло ихъ вліяніе. Чувствовалась потребность въ спеціальной работѣ, которая замѣнила бы спорадическія мнѣнія однимъ систематически проведеннымъ и научно обоснованнымъ воззрѣніемъ, и почти одновременно были сдѣланы двѣ замѣчательныя попытки въ этомъ направленіи: одна принадлежитъ Фогту, другая Буркгардту [2]).

II.

„Возрожденіе классической древности“ Г. Фогта.—Общій взглядъ Фогта на ранній гуманизмъ, и его вліяніе на изложеніе и оцѣнку гуманистической литературы. — Взглядъ Фогта на значеніе и роль Флоренціи въ исторіи гуманистическаго движенія.—Книга Буркгардта; ея характеръ и значеніе.

Книга Фогта, появившаяся въ 1859 году и переизданная въ 1880—81 годахъ въ значительно исправленномъ видѣ и расширенномъ объемѣ [3]), до сихъ поръ остается главнымъ источникомъ свѣ-

---

[1]) *Michelet, Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. Paris 1855.* p. I—III.

[2]) Нѣсколько раньше книги Фогта вышла работа *Schück'a Zur Charakteristik der italienischen Humanisten des 14 und 15 Jahrhunderts. Breslau, 1857.* Это изложеніе „Генеалогіи“ Боккаччіо и нѣсколько примѣровъ аллегорическаго объясненія римской поэзіи у другихъ гуманистовъ не имѣетъ важнаго значенія въ исторіографіи Возрожденія.

[3]) Со 2-го изданія сдѣланъ русскій переводъ: *Г. Фойгтъ, Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. И. П. Разсадина. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1884.*

дѣній по исторіи ранняго гуманизма. Это единственное до сихъ поръ систематическое изложеніе фактическихъ данныхъ по исторіи Ренессанса во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ Италіи. Прежде всего Фоггъ въ двухъ обширныхъ главахъ даетъ характеристику Петрарки и Боккаччіо и затѣмъ излагаетъ внѣшнюю исторію гуманизма, т.-е. біографическія свѣдѣнія о гуманистахъ и ихъ отдѣльныя характеристики, сначала въ республикахъ, потомъ въ монархіяхъ и, наконецъ, при папской куріи. Сочиненіе заканчивается очеркомъ распространенія гуманизма за Альпами и общей характеристикой направленія и дѣятельности гуманистовъ. Выше мы разсмотрѣли тѣ части книги, которыя захватываютъ занимающую насъ эпоху [1]); но сочиненіе Фогта имѣетъ важное значеніе по взгляду автора на гуманизмъ и по его отношенію къ различнымъ видамъ гуманистической литературы.

По основному взгляду на гуманистическое движеніе Фоггъ въ сущности примыкаетъ къ своимъ предшественникамъ, хотя нѣсколько расширяетъ ихъ воззрѣнія. Въ предисловіи къ первому изданію онъ замѣняетъ старое названіе эпохи „возстановленіе наукъ“ новымъ и, по его мнѣнію, болѣе точнымъ—„возрожденіе (Wiederbelebung) классической древности“ [2]). Но общій смыслъ движенія, конечную его цѣль онъ видитъ въ сліяніи античнаго съ христіанскимъ: „въ этомъ заключается значеніе Аріосто и Тассо, Браманте и Палладіо, Леонардо-да-Винчи и Рафаэля Санціо [3]). Противъ такой точки зрѣнія, если понять ее въ самомъ широкомъ смыслѣ, едва-ли можно спорить: новая цивилизація продуктъ сліянія античной и средневѣковой, и Ренессансъ ввелъ много жизненнаго въ новую культуру изъ наслѣдства, завѣщаннаго древнимъ міромъ [4]). Но вопросъ въ

---

[1]) См. 1-е изд. о Петраркѣ р. 337 и слѣд., о Боккаччіо 530 и слѣд., о Бруни 706, о Салютати 818, о Никколи 852, о Гаспарино 912, Гуарино 929, о Верджеріо 969, очеркъ гуманистическаго движенія при куріи р. 710, въ Болоньѣ 740, въ Неаполѣ 772, въ Венеціи 986 и passim.

[2]) 1-е изд. р. III.

[3]) 2-е изд. I р. 3 (я цитирую по новому изданію, отмѣчая, когда нужно, его болѣе важныя измѣненія сравнительно со старымъ).

[4]) У Фогта не вполнѣ ясно выражено, было ли это сліяніе сознательной цѣлью движенія или только его результатомъ, происшедшимъ помимо воли и сознанія его дѣятелей. Въ первомъ изданіи онъ говоритъ: Sprechen wir die neue Aufgabe Italiens aus, soweit sie zu fassen uns gegeben ist (р. 3); во второмъ вторая половина фразы выпущена (р. 3). Судя по его дальнѣйшему изложенію, ранніе гуманисты, по крайней мѣрѣ, не ставили себѣ такой задачи.

томъ, какъ это случилось? Фогтъ не даетъ на это прямого отвѣта. „Намъ предстоитъ,—говоритъ онъ во введеніи къ своей книгѣ,—прослѣдить только одну стадію и одну сторону этого культурно-историческаго событія, возрожденіе классической древности и ея проникновеніе въ духовную жизнь прежде всего Италіи“ [1]). Не вполнѣ ясно исчерпывается ли, по мысли автора, первая стадія движенія этой его стороной, или только онъ избираетъ возрожденіе классической древности спеціальной цѣлью своего изслѣдованія, оставляя въ сторонѣ другія стороны движенія. Но судя по заглавію книги и по дальнѣйшему изложенію особенно же по послѣдней главѣ, возрожденіе классической древности и гуманизмъ перваго столѣтія—тождественныя понятія для автора. По мысли Фогта, *ранніе гуманисты ставили своей цѣлью реставрировать древность и всѣ прочія гуманистическія тенденціи, результатъ вліянія этой реставраціонной попытки.* По его словамъ, у гуманистовъ „было дѣтское стремленіе реформировать политическій и моральный міръ по образцу древности“, слово и дѣйствительность, фантазія и реальность (Schein und Sein) стояли у нихъ въ крайне своеобразномъ противорѣчіи“; онъ находитъ даже черты донкихотства у дѣятелей Возрожденія [2]). Источники рѣшительно не даютъ права для такой характеристики. Для доказательства своего мнѣнія Фогтъ не можетъ привести ни одного значительнаго факта: онъ отмѣчаетъ только стремленіе гуманистовъ называть новыя понятія классическими терминами, но самъ же называетъ это „игрой“; отчасти такая же игра сравненіе современныхъ дѣятелей съ античными героями, а если гуманисты, и въ томъ числѣ Макіавелли, ставили новымъ государямъ въ образецъ дѣятелей классической древности, то въ этомъ нельзя видѣть попытокъ реставраціи прошлаго. Единственное фактическое доказательство въ пользу своего мнѣнія Фогтъ находитъ въ дѣятельности Коло-ди-Ріенцо [3]); но фигура страннаго трибуна имѣетъ весьма мало общаго съ гуманистической политикой. Такую же „поэтическую игру“ видитъ авторъ и въ языческой терминологіи гуманистовъ, когда они говорятъ о религіозныхъ предметахъ; но онъ придаетъ этой игрѣ серьезное значеніе: она подрывала традиціонную вѣру и религіозное чувство [4]).

---

[1]) Ibid. I p. 3—4.
[2]) Ibid. II p. 370—371.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid. p. 479—81.

Однако у Петрарки и Салютати любовь къ древности не помѣшала благочестію, а если религіозное чувство было слабо у гуманистовъ, то едва-ли виноваты въ этомъ классическіе писатели: въ XIV столѣтіи оно замѣтно слабѣетъ повсюду, что лучше всего доказываютъ нравы духовенства и монашества.

Фогтъ не доказалъ и не могъ доказать, что ранніе гуманисты ставили своей задачей реставрацію древности: такой мысли нельзя найти ни въ одномъ гуманистическомъ произведеніи. Наоборотъ, легко видѣть, что подобное „донкихотство“ и невозможно для дѣятелей Возрожденія. Выше мы отмѣтили почти во всѣхъ произведеніяхъ раннихъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки и кончая Бруни, живой интересъ къ дѣйствительности и критическое отношеніе къ древнимъ авторитетамъ. Не говоря уже о Петраркѣ, Боккаччіо, Салютати и другихъ гуманистахъ, которые принимали активное участіе въ современной политикѣ, Рамбальди чувствуетъ живой интересъ къ ней, Конвертино хорошо знаетъ современность и ей посвящаетъ свои самыя крупныя работы, какъ „Драматологія“ и „О достопримѣчательностяхъ“; Верджеріо говоритъ о современныхъ событіяхъ въ своихъ письмахъ, Лоски весьма заинтересованъ политикой, и даже педагогъ Гуарино въ поученіи сына обнаруживаетъ большую практичность и наблюдательность. Съ другой стороны, критическое отношеніе къ древности вызывалось даже самымъ интересомъ къ ней: древность не однородна, что же взять изъ нея? Съ этимъ вопросомъ сталкивались гуманисты прежде всего въ политикѣ, и одни изъ нихъ отрицательно относились къ античнымъ монархіямъ, какъ Бруни, другіе къ республикамъ, какъ Конверсано, третьи, какъ Петрарка, брали, смотря по надобности, тотъ или другой политическій идеалъ изъ античнаго міра. Критеріемъ служили современныя потребности и мѣстныя симпатіи, такъ что нѣкоторые политики, какъ Верджеріо, строили свои теоріи исключительно на основаніи наблюденій надъ дѣйствительностью. То же самое и въ морали. Были весьма поверхностные стоики въ родѣ Верджеріо, рѣшительные эпикурейцы, какъ Валла; но и тѣ и другіе по существу оставались эклектиками, и Isagogicon Бруни представляетъ собою первую попытку научнаго обоснованія философскаго эклектизма. Что же было реставрировать и какъ могли выработаться на этой почвѣ донкихоты?

Схема Фогта дѣлаетъ далѣе совершенно непонятной причину не только предполагаемаго имъ стремленія реставрировать античный міръ, но и несомнѣннаго увлеченія классической литературой и древностью. Во введеніи авторъ касается этого вопроса, перечисляетъ остатки

древности въ Италіи, отмѣчаетъ ея политическое разъединеніе, упадокъ церкви и проч., но все изложеніе сводится къ очень общимъ разсужденіямъ, и прямого отвѣта на вопросъ мы не находимъ [1]). До извѣстной степени взглядъ автора можно было бы найти въ біографіяхъ отдѣльныхъ гуманистовъ; но ихъ внутренняя исторія слишкомъ мало извѣстна. Исключеніе составляетъ Петрарка; къ сожалѣнію, именно этотъ пунктъ характеристики перваго гуманиста, сдѣланной Фогтомъ, страдаетъ крайней неясностью и даже противорѣчіемъ [2]). Вопросъ такъ и остается открытымъ.

Невѣрная основная точка зрѣнія на Возрожденіе повлекла за собою крупные недостатки въ изложеніи и главнымъ образомъ въ общихъ итогахъ движенія, которые Фогтъ подводитъ въ послѣдней главѣ своей книги. Прежде всего, онъ сводитъ всю литературную дѣятельность гуманистовъ къ „дѣтскому“ подражанію древнимъ [3]). „Научныя занятія и дѣйствительная жизнь этихъ почитателей древности, — говоритъ онъ, — должны были впасть въ странный конфликтъ“ [4]). Къ сожалѣнію, эта характеристика не иллюстрируется ни однимъ примѣромъ, и въ литературѣ ранняго гуманизма мы не можемъ указать ни одного произведенія, которое стояло бы внѣ всякой связи съ современными вопросами морали, политики или общественной жизни. Подражаніе сводилось исключительно къ формѣ. Что касается до конфликта, то онъ дѣйствительно существовалъ, только виною этому была не древность: новые идеалы, основанные на новыхъ потребностяхъ, сталкивались съ старой моралью. Не древность навѣяла Декамеронъ, а онъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ церковной доктриной.

Такимъ же подражаніемъ объясняетъ Фогтъ и весьма важный и чрезвычайно характерный фактъ въ исторіи Возрожденія—интересъ раннихъ гуманистовъ къ моральнымъ вопросамъ. Начали съ изученія литературы и преимущественно философіи „устарѣвшаго“ Рима, съ Цицерона и Сенеки [5]), къ этимъ авторамъ прибавили отрывки изъ

---

[1]) Ibid. p. 1—11.

[2]) См. 1-е изд., p. 340.

[3]) In diesen (seinen Leistungen) leitete sie *ganz* der Trieb der Nachahmung. Er ist immer ein beschränkter und kindischer, das aber lässt die Begeisterung der Nachahmenden nicht empfinden II, p. 368.

[4]) Ibid.

[5]) Voigt выражается очень рѣзко: man begann mit dem gealterten Römerthum, vor allem mit seiner Philosophie, mit der marklosen Geschmeidigkeit Cicero's, mit Seneca's prunkenden Sentenzen. Ibid. II p. 369.

Боэція и церковныхъ писателей, и получилось „мѣсиво житейской мудрости“, которое очень нравилось гуманистамъ. „Морально-философскій трактатъ, говоритъ Фогтъ, прежде всего сдѣлался и надолго остался любимымъ видомъ литературы, которымъ занимались гуманисты со времени Петрарки“. Эта же римская литература испортила вкусъ гуманистовъ. „Эллинская литература, мать римской, говоритъ Фогтъ, еще долго находилась въ глубокомъ мракѣ даже и тогда, когда ея языкъ былъ извѣстенъ уже тысячамъ. Гомеръ и Аѳинскіе трагики, Демосѳенъ и Лизій были почитаемыя имена, но въ ихъ произведенія никто еще не проникалъ съ какимъ-либо признакомъ чувства или пониманія“ [1]). Прежде всего положеніе нуждается въ фактической поправкѣ; Гомера перевелъ еще Боккаччіо подъ руководствомъ Пилата, и позже переводили Бруни и Лоски; Бруни же переводилъ Платона, Аристотеля, Лизія, Демосѳена, Изократа; Платона переводилъ также старшій Дечембріо, Изократа Гуарино [2]). Итакъ, грековъ знало и къ изученію ихъ стремилось съ необыкновеннымъ усердіемъ большинство гуманистовъ, начиная съ Петрарки и Боккаччіо. Тѣмъ не менѣе до второй половины XV вѣка гораздо болѣе интересовались Плутархомъ, чѣмъ Платономъ и Аристотелемъ, и „мѣсиво“ въ формѣ морально-философскаго трактата сохранило всю свою привлекательность. Ясно, что дѣло не въ литературномъ вліяніи древности, а въ самомъ свойствѣ сюжета. Объясненіе Фогта не указываетъ истинной причины этого чрезвычайно важнаго явленія.

Исходя изъ того положенія, что гуманистическое движеніе только „процессъ рецепціи“ и что тогда „не вступали въ исторію абсолютно новыя идеи, а только вновь воспринимались идеи давнопрошедшаго времени, нашедшія нѣкогда себѣ выраженіе въ литературѣ“ [3]), Фогтъ мало интересуется воззрѣніями гуманистовъ. Выше мы видѣли, что онъ игнорируетъ міросозерцаніе всѣхъ гуманистовъ занимающаго насъ періода, за исключеніемъ Петрарки и Боккаччіо, и ограничивается только ихъ фактической біографіей и чисто личной характеристикой. Мало интереса чувствуетъ онъ къ гуманистическимъ произведеніямъ теоретическаго характера. При огромной эрудиціи и при необыкновенной тщательности во всемъ, что̀ касается внѣшней исторіи гуманистовъ, Фогтъ относится сравнительно съ большимъ пренебреженіемъ къ ихъ теоретическимъ трактатамъ. Даже философскія про-

[1]) Ibid.
[2]) См. 1-е изд. р. 1000, 663 и слѣд., 890 и 927.
[3]) I p. 4.

изведенія Петрарки не подвергнуты анализу [1]); Isagogicon Бруни Фогтъ считаетъ неизданнымъ и невѣрно излагаетъ его содержаніе [2]); философскія сочиненія Манетти и Фаціо онъ не находитъ заслуживающими вниманія, хотя они ему неизвѣстны [3]); даже изъ пяти томовъ изданныхъ произведеній Л. Б. Альберти онъ знаетъ только одинъ [4]). Такое отношеніе къ весьма важной отрасли гуманистической литературы не могло не отразиться на изложеніи хода движенія и его результатовъ. Благодаря этому исторія Возрожденія Фогта носитъ внѣшній характеръ, а оцѣнка литературной дѣятельности гуманистовъ страдаетъ односторонностью.

Изложеніе гуманистической литературы (Leistungen des Humanismus) Фогтъ начинаетъ съ работъ по формальному изученію древности; это очень внимательный и обстоятельный сводъ почти всего, что сдѣлано въ этой области. Далѣе авторъ перечисляетъ стихотворныя произведенія гуманистовъ, затѣмъ останавливается на ихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, и здѣсь результаты односторонности основной точки зрѣнія становятся особенно ощутительными. Фогтъ разсматриваетъ прежде всего переписку гуманистовъ, которую онъ ставитъ чрезвычайно высоко, какъ историческій источникъ [5]), но только для фактической исторіи гуманизма въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, главнымъ образомъ для хронологіи и внѣшней біографіи. Содержаніе писемъ онъ цѣнитъ очень невысоко. По его словамъ, политической и церковной жизни переписка почти совсѣмъ не касается „изъ презрѣнія къ сухой и жалкой дѣйствительности, которая не заслуживаетъ вниманія друга древности“. Исключеніе составляютъ письма Барбаро, Пикколомини и Траверсари. Далѣе идутъ письма къ меценатамъ, исключительное содержаніе которыхъ составляетъ попрошайничество, письма къ друзьямъ „незначительнаго содержанія“, составляющія безконечную варіацію на цицероновскую тему о дружбѣ [6]). Разсмотрѣнныя нами письма Лоски, а въ особенности Бруни и Верджеріо рѣшительно не подходятъ подъ эту характеристику [7]). Всѣ эти гуманисты не только не презираютъ дѣйствительности, а наоборотъ чрезвычайно ею заинтересованы; то, что Фогтъ отмѣчаетъ въ нихъ,

---

[1]) См. 1-е изд. p. 347.
[2]) II p. 458.
[3]) Ibid. p. 461.
[4]) Ibid. I p. 374.
[5]) Ibid. p. V.
[6]) Ibid. II p. 432—36.
[7]) См. 1-е изд. p. 891, 639 и 964.

какъ существенное, или совершенно отсутствуетъ, или не имѣетъ значенія. Вообще переписка гуманистовъ въ занимающую насъ эпоху— дополненіе къ ихъ произведеніямъ: всѣ интересы каждаго изъ нихъ находятъ выраженіе въ его письмахъ. Ближе всего къ характеристикѣ Фогта подходятъ письма Барциццы [1]); но мы видѣли, что ихъ авторъ далеко не типичный гуманистъ. Что касается до рѣчей гуманистовъ, то авторъ совершенно не касается ихъ содержанія. Формальной сторонѣ литературной дѣятельности гуманистовъ, поскольку она выразилась въ поэзіи и краснорѣчіи, Фогтъ придаетъ самое существенное значеніе [2]). Остальное въ его глазахъ имѣетъ второстепенный интересъ. Это вполнѣ послѣдовательный выводъ изъ той основной точки зрѣнія, что сущность ранняго Ренессанса не въ идеяхъ, а въ формальной реставраціи древности, что̀ отражается и на характеристикѣ Фогта гуманистической философіи и науки. Къ философскимъ произведеніямъ гуманистовъ Фогтъ относится крайне рѣзко: ихъ полемика противъ схоластиковъ, по его мнѣнію, сводится къ формѣ, ихъ собственная философія — „почти только повтореніе и варіація классическихъ общихъ мѣстъ“, не имѣющихъ никакого отношенія къ жизни [3]). Здѣсь Фогта покидаетъ даже свойственная ему обстоятельность: онъ старательно перечисляетъ всѣ работы гуманистовъ по латинской и греческой грамматикѣ и бѣгло упоминаетъ весьма немногія изъ ихъ философскихъ произведеній. Характеризуя отдѣльныя стороны практической философіи, онъ приближается даже къ инвективѣ. Такъ, говоря о гуманистической педагогикѣ, онъ ни словомъ не упоминаетъ ни о ея свѣтскомъ характерѣ, ни о ея психологической основѣ, ни о ея многосторонности. По его мнѣнію, всякій авторъ считалъ идеаломъ „самого себя или основной пунктъ своей духовной жизни“, что̀ рѣшительно опровергается трактатами Бруни и Верджеріо [4]). Также несправедливо другое обвиненіе Фогта, что всѣ педагогическія произведенія гуманистовъ объединяетъ одна мысль: всѣ они игнорируютъ массу и народную школу и имѣютъ въ виду ученыхъ, высшіе классы и князей [5]). Въ дѣйствительности, гуманисты ставятъ вопросъ иначе: они выясняютъ общіе педагогическіе идеалы, независимо отъ общественнаго положенія питомца, и только

---

[1]) Ibid. p. 909.

[2]) In den Künsten des Dichtens und Redens liegen die eigenthümlichsten Leistungen der Wiedergeburtslitteratur. II p. 456.

[3]) Ibid. p. 457—61.

[4]) См. 1-е изд. p. 600 и 958.
II p. 371—374.

въ отдѣльныхъ случаяхъ даютъ частныя указанія, что̀ полезно для будущаго солдата, для будущаго государя и т. д. Этическихъ трактатовъ Фогтъ совсѣмъ не разсматриваетъ, вмѣсто этого онъ даетъ общую характеристику гуманистической морали и практическаго поведенія гуманистовъ. По его мнѣнію, „почти всѣ гуманисты въ своихъ сочиненіяхъ исповѣдовали стоическую мораль“, потому что ее легче всего примирить съ христіанствомъ; но это только слова; въ дѣйствительности же ихъ „нравственность была совершенно оторвана отъ простой совѣсти и сводится къ показной морали (in eine Welt des Scheines versetzt“). Наилучшее выраженіе этого лицемѣрія Фогтъ видитъ у Макіавелли, который прямо совѣтовалъ князю показывать добродѣтели, которыхъ у него нѣтъ. Мы не знаемъ между гуманистами ни одного стоика даже въ теоріи; если они любятъ говорить о добродѣтели, то влагаютъ въ это понятіе совсѣмъ не стоическое содержаніе. Что касается до проповѣди лицемѣрія, то эта черта несомнѣнно появляется въ гуманистической этикѣ, но она результатъ цѣлаго процесса и ея первые слѣды замѣчаются только у гуманистовъ четвертаго поколѣнія. Разсматривая практическое поведеніе гуманистовъ, Фогтъ останавливается главнымъ образомъ на ихъ семейныхъ нравахъ и совершенно вѣрно указываетъ ихъ недостатки. Весьма характерно только объясненіе одного изъ пороковъ, Содомскаго грѣха, потому что здѣсь сказалось вліяніе невѣрной основной точки зрѣнія. Фогтъ утверждаетъ, что этотъ порокъ сдѣлался „нравственной чумой“, и что онъ „пробрался въ новый міръ вмѣстѣ съ греческими миѳами и римскими поэтами“ [1]). На самомъ дѣлѣ древность была неповинна въ этомъ печальномъ явленіи. Самъ Фогтъ приводитъ цѣнное указаніе, что порокъ былъ преимущественно распространенъ среди нищенствующихъ монаховъ [2]), которые не имѣли ничего общаго съ древностью. Кромѣ того, содомія вовсе не есть характерное явленіе XV вѣка: она господствовала и въ XIV столѣтіи, какъ это доказываютъ Epistolae sine titulo Петрарки и въ особенности необыкновенно характерный эпизодъ, разсказанный Рамбальди [3]), и, судя по всему, особенно гнѣздилась въ монастыряхъ и вообще среди духовенства. Гуманисты не были свободны отъ этого порока, но не потому что знали греческіе миѳы и читали латинскихъ авторовъ, а

[1]) Ibid. p. 471. Гермафродитъ Беккаделли былъ, по словамъ Фогта, erste erschreckende Frucht des Glaubens an die Unfehlbarkeit der Alten I. p. 481.

[2]) II p. 472, пр. 1.

[3]) См. 1-е изд. p. 729 пр. 7.

потому, что онъ былъ весьма распространенъ въ ихъ время. Пресловутое произведеніе Беккаделли не навѣяно древностью и не случайно посвящено Медичи: распутный гуманистъ только пытается поставить подъ авторитетъ древности дѣйствительный порокъ, какъ другіе искали въ ней санкціи для новыхъ здоровыхъ потребностей.

Фогтъ только въ общихъ чертахъ касается отношенія гуманистовъ къ церковной доктринѣ, не останавливаясь на различіяхъ въ отношеніи разныхъ поколѣній къ этому вопросу и на вліяніе этихъ различій на самый ходъ движенія. Гораздо интереснѣе его взглядъ на ихъ отношеніе къ праву. Фогтъ весьма мѣтко характеризуетъ заслуги гуманистовъ для изученія права, ихъ равнодушіе къ юридическимъ занятіямъ и нежеланіе даже гуманистически настроенныхъ юристовъ поставить свою науку на новую почву [1]), но не даетъ удовлетворительнаго объясненія этого факта, который съ его точки зрѣнія совершенно непонятенъ. На самомъ дѣлѣ, если гуманисты увлекались преимущественно римской литературой, если они пытались возстановить римскую древность, то какимъ образомъ могли они игнорировать самое великое произведеніе римской культуры? Фогтъ пытается все свести на практическое соперничество новыхъ ученыхъ съ юристами [2]); но почему, во-первыхъ, гуманисты не изучали права съ цѣлью вытѣснить своихъ соперниковъ и провести его въ жизнь? Мы думаемъ, что отвѣтъ на это заключается во взглядахъ гуманистовъ на законъ, которые очень характерно выражены въ разсмотрѣнномъ нами діалогѣ Поджіо [3]), а эти взгляды и связанное съ ними равнодушно-презрительное отношеніе къ праву находятъ объясненіе только при иномъ пониманіи Возрожденія, чѣмъ у Фогта.

Краткія замѣчанія Фогта объ отношеніи гуманистовъ къ естественнымъ наукамъ [4]) въ общемъ подтверждаются источниками, хотя произведенія Альберти и трактаты П. К. Дечембріо должны смягчить абсолютный характеръ его приговора о полномъ равнодушіи дѣятелей Возрожденія къ этой области знанія. Съ другой стороны тотъ же Дечембріо препятствуетъ вполнѣ признать гуманистовъ „апостолами просвѣщенія“ въ вопросахъ о средневѣковыхъ астрологическихъ и имъ подобныхъ предразсудкахъ. Обзоръ историографическихъ произведеній гуманистовъ, которыя Фогтъ называетъ „самыми

---

[1]) II p. 491 и 484—85.
[2]) Ibid. p. 482—83.
[3]) См. 1-е изд. p. 860.
[4]) II p. 491—94.

вкусными плодами гуманистической работы", снова ставитъ автора въ противорѣчіе съ его основнымъ взглядомъ на Возрожденіе. Онъ отмѣчаетъ появленіе исторической критики, сочиненій по средневѣковой и современной исторіи и особенную любовь къ біографіямъ [1]). Является вопросъ, какъ примирить эти факты съ слѣпымъ преклоненіемъ передъ древностью и съ исключительнымъ интересомъ къ древнему міру? Историческую критику Фогтъ пытается вывести изъ ознакомленія съ древнимъ міромъ, которое наталкивало на сравненіе съ современностью. Но онъ самъ же отмѣчаетъ и хорошее знаніе древности у нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей, какъ Іоаннъ Салисберійскій, Ратерій Веронскій и др., и критическое отношеніе уже у Петрарки не къ современности только, но и къ древнимъ писателямъ [2]). Откуда же этотъ критицизмъ при самомъ началѣ движенія? Причины изученія средневѣковой исторіи Фогтъ оставляетъ безъ объясненія, а интересъ къ біографіямъ сводитъ къ индивидуализму, такъ какъ съ его точки зрѣнія онъ не находитъ объясненія [3]). Что касается до политическихъ трактатовъ гуманистовъ, съ несомнѣнной ясностью свидѣтельствующихъ о ихъ глубокомъ интересѣ къ дѣйствительности, то Фогтъ обходитъ ихъ полнымъ молчаніемъ.

Отчасти въ связи съ отношеніемъ Фогта къ гуманистической литературѣ находится преувеличеніе имъ роли Флоренціи въ исторіи гуманистическаго движенія. „Концентрація, какъ бы изображеніемъ которой является индивидуальность Петрарки, говоритъ Фогтъ, находится теперь (послѣ его смерти) въ тосканскомъ племени или, точнѣе говоря, въ его столицѣ, во Флоренціи, которая посвящена духомъ Петрарки въ обитель музъ, собираетъ въ себѣ его лучшихъ учениковъ и такимъ образомъ основываетъ прочное мѣстопребываніе для гуманизма. Нельзя отрицать, что отъ этой республики новая республика наукъ главнымъ образомъ получила свою форму и характеръ" [4]). Это утвержденіе, отразившееся на дальнѣйшемъ изложеніи Фогта и повторенное позднѣйшими изслѣдователями, не находитъ фактическаго подтвержденія. Фогтъ объясняетъ это мнимое первенство Флоренціи ея „республиканскимъ духомъ" и купеческою знатью. Но изъ его собственнаго изложенія видно, что гуманизмъ весьма быстро развивался и въ монархіяхъ, а Вилла Альберти ак. Веселовскаго и

---

[1]) Ibid. p. 494—508.
[2]) Ibid. p. 502. Ср. I p. 4 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 507. Въ старомъ изданіи о біографіяхъ не говорится.
[4]) Ibid. I p. 161. Ср. p. 289—90.

вообще исторія ранняго гуманизма во Флоренціи показываетъ, что флорентійская знать сравнительно поздно примкнула къ гуманистическому движенію [1]). Съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что Петрарка ничѣмъ не обязанъ Флоренціи за свое развитіе, что изъ Боккаччіо въ Неаполѣ выработался гуманистъ, что ранніе флорентійскіе гуманисты, Дзаноби и Нелли, о которыхъ, впрочемъ, мы знаемъ очень мало, жили и дѣйствовали за предѣлами родины [2]). По словамъ Фогта, во Флоренціи были лучшіе ученики Петрарки, при этомъ онъ имѣетъ въ виду, кромѣ Боккаччіо, Салютати и Мальпагини. Но о Мальпагини, какъ гуманистѣ, ничего неизвѣстно; а о направленіи Салютати Фогтъ весьма неудачно догадывается по неизвѣстнымъ ему трактатамъ [3]). Настоящіе гуманисты появляются во Флоренціи только въ концѣ XIV столѣтія и принадлежатъ къ третьей гуманистической генераціи. Это Никколи, Бруни и Поджіо; но два послѣдніе—не флорентійцы, при чемъ Поджіо съ 20-лѣтняго возраста жилъ внѣ Флоренціи, и лучшіе годы Бруни прошли при папской куріи. Единственнымъ и самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія Фогта могутъ служить весьма авторитетныя свидѣтельства Бруни, на которыя, впрочемъ, онъ не ссылается. Въ діалогѣ къ Верджеріо и въ одной похоронной рѣчи Бруни прямо заявляетъ, что во Флоренціи родина гуманизма [4]); но не слѣдуетъ забывать, что это показанія флорентійскаго патріота. Другіе современники говорятъ иное. Рамбальди, напр., называетъ матерью наукъ Болонью [5]), но особенную цѣну имѣютъ для насъ свидѣтельства гуманиста 2-го поколѣнія Конвертино, который, будучи обиженъ государемъ и живя въ республикѣ, заявляетъ тѣмъ не менѣе, что въ монархіяхъ, а не въ республикахъ особенно развивалась и процвѣтала новая наука [6]).

Но несмотря на традиціонный взглядъ Фогта на сущность ранняго гуманизма, несмотря на проистекающіе отсюда главнымъ образомъ недостатки въ характеристикахъ гуманистовъ, въ оцѣнкѣ ихъ литературной дѣятельности и въ изложеніи общаго хода движенія, его сочиненіе—необходимая настольная книга при изученіи Возрожденія. Такое же значеніе имѣетъ почти одновременно вышедшая

---

[1]) См. 1-е изд. p. 780, 865, 875.
[2]) См. 1-е изд. p. 589 и 782.
[3]) II p. 475 и слѣд. Ср. 1-е изд. p. 818—819.
[4]) См. 1-е изд. p. 630 и 658.
[5]) Ibid. p. 729.
[6]) См. p. 943 и прил. V. A.

книга Буркгардта „*Культура Возрожденія въ Италіи*“ [1]), одно изъ самыхъ блестящихъ произведеній западно-европейской исторіографіи.

Буркгардтъ не даетъ исторіи гуманистическаго движенія; въ его книгѣ нѣтъ изображенія историческаго процесса вообще, хотя ея содержаніе захватываетъ болѣе трехъ столѣтій. Это—широкая картина итальянской культуры, при чемъ авторъ далеко не во всѣхъ частяхъ заботится объ исторической перспективѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ Буркгардта, Альфредъ Бодрильяръ, находя заглавіе книги неточнымъ, думаетъ, что ее слѣдовало бы озаглавить „*Состояніе Италіи и итальянскаго духа отъ XIV до XVI столѣтія*“ [2]). Такое заглавіе, дѣйствительно, точнѣе формулируетъ содержаніе книги, но оно стушевываетъ основную мысль автора, который имѣетъ въ виду изобразить именно культуру Ренессанса. Мы не находимъ въ книгѣ опредѣленія точно формулированнаго взгляда автора на это движеніе, но единственная идея, объединяющая всѣ отдѣльныя части его общей культурной картины,—индивидуализмъ и его проявленія. Культура Ренессанса, по Буркгардту, индивидуалистическая культура. Въ проведеніи этого взгляда на Возрожденіе заключается главная и огромная заслуга автора. Въ 1886 году Бодрильяръ писалъ: „теперь стало банальной истиной, что Ренессансъ есть нѣчто иное и нѣчто большее, чѣмъ Возрожденіе древности“ [3]); но критикъ забываетъ, что только появленіе книги Буркгардта сдѣлало эту истину общераспространенной, хотя и не общепринятой.

Гуманистическая литература вполнѣ подтверждаетъ взглядъ Буркгардта, что Возрожденіе—проявленіе индивидуализма; но авторъ идетъ дальше и считаетъ всякое проявленіе индивидуализма Возрожденіемъ. Если не придавать термину „Ренессансъ“ его обычнаго техническаго значенія, то со взглядомъ Буркгардта можно согла-

---

[1]) *Burckhardt Jacob, Die Cultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch.* Я пользуюсь вторымъ и четвертымъ изданіемъ (Leipzig 1869 и 1885), изъ которыхъ послѣднее besorgt von L. Geiger. Но обработка Гейгера сводится къ незначительнымъ измѣненіямъ въ текстѣ и къ добавленію библіографическихъ указаній. Цитаты по изданію 1885. Русскій переводъ: *Я. Буркхардтъ, Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. С.-Петербургъ 1876* сдѣланъ съ второго изданія.

[2]) *Alfr. Baudrillart, La civilisation en Italie au temps de la Renaissance.* (Въ Rev. des quest. hist. 1886 XL. p. 199).

[3]) L. c.

ситься: индивидуализмъ характерная черта начала новой эпохи; онъ проявляется во всѣхъ сферахъ общественной и индивидуальной жизни и его начала заходятъ далеко въ Средніе вѣка. Въ извѣстномъ смыслѣ все это „Возрожденіе человѣческаго разума". Но тогда гуманистами придется признать и Фридриха II, и Эццелино-да-Романо, и трубадуровъ, и голіардовъ, и Саванароллу и „братчиковъ" и даже Лютера. Гуманистическое движеніе утрачиваетъ при такомъ воззрѣніи всякіе хронологическіе предѣлы и почти всѣ специфическіе признаки. Такой неопредѣленностью страдаетъ и книга Буркгардта, вслѣдствіе чего далеко не все, что онъ называетъ культурою Ренессанса, можетъ войти въ исторію гуманистическаго движенія.

Культурная картина Буркгардта распадается на 6 отдѣльныхъ частей, и первую изъ нихъ составляетъ изображеніе государства, какъ „произведенія искусства". Здѣсь авторъ старается сохранить историческую перспективу, отмѣчая особенности тиранніи XV столѣтія отъ предшествующей; но исторіи постепенной выработки такого государства въ книгѣ мы не находимъ. Буркгардтъ не касается политическихъ воззрѣній гуманистовъ и не выясняетъ ихъ мѣста и роли въ современной политической исторіи Италіи. Поэтому первая глава его книги является только введеніемъ въ исторію Возрожденія, характеристикой среды, въ которой приходилось развиваться и дѣйствовать гуманистамъ. Это этюдъ изъ политической исторіи Италіи въ эпоху Возрожденія, но не глава изъ исторіи гуманизма. Иное значеніе имѣетъ второй отдѣлъ книги — *„Развитіе индивидуализма"*. Съ точки зрѣнія Буркгардта, въ этомъ заключается сущность движенія; тѣмъ не менѣе вторая часть далеко не изъ лучшихъ въ книгѣ. Авторъ отмѣчаетъ только стремленіе къ разносторонности, культъ славы и сатирическое направленіе гуманистовъ. Все это безспорныя черты гуманизма, но изображенія развитія нѣтъ и картина носитъ характеръ эскиза. Важнѣе взглядъ Буркгардта на взаимное отношеніе политическаго строя и развитія личности въ Италіи. По его мнѣнію, въ характерѣ тогдашняго государства „лежитъ, хотя не единственная, но самая могучая причина ранняго развитія итальянца въ новаго человѣка" [1]). Въ книгѣ нельзя найти доказательствъ, что именно политическія условія вызвали индивидуализмъ, а не наоборотъ, что не развившійся индивидуализмъ разрушилъ средневѣковыя политическія формы. Но этотъ историко-философскій вопросъ заходитъ за хронологическіе предѣлы исторіи

[1]) I p. 143.

гуманизма. Для насъ важно отмѣтить, что Буркгардъ первый выдвинулъ вопросъ о вліяніи политическихъ переворотовъ на развитіе гуманизма и подчеркнулъ родство между обоими движеніями.

Но особенный интересъ для исторіи гуманистическаго движенія представляетъ третій отдѣлъ книги Буркгардта — Die Wiedererweckung des Alterthums. Въ коротенькомъ введеніи къ этой части книги авторъ высказываетъ такой взглядъ на роль древности въ исторіи Возрожденія, который радикально расходится съ обычнымъ представленіемъ о движеніи. По его мнѣнію, не древность создала гуманизмъ и большая часть духовныхъ теченій эпохи мыслимо и безъ ея вліянія. Но Буркгардтъ не отрицаетъ этого вліянія, только не приписываетъ ему исключительнаго значенія. „Какъ на главномъ положеніи нашей книги, говоритъ онъ, мы должны настаивать на томъ, что не одинъ античный міръ, а его тѣсный союзъ съ итальянскимъ народнымъ духомъ побѣдилъ западъ“. Изъ этого соединенія „возникаетъ новая духовная среда (Medium), которая, распространяясь изъ Италіи, становится жизненной атмосферой всѣхъ болѣе высокообразованныхъ европейцевъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ нѣсколько ближе опредѣляетъ значеніе древности въ движеніи. По его словамъ, прежде всего развивается индивидуализмъ, результатомъ котораго является „усердное и многостороннее изученіе индивидуальнаго“. „Между обоими великими явленіями, говоритъ онъ, слѣдуетъ помѣстить вліяніе античной литературы, потому что способъ познаванія и изображенія индивидуальнаго и общечеловѣческаго существенно окрашивается и опредѣляется этою средой (Medium). Но сила познаванія лежала во времени и въ націи“ [2]). Другими словами, предшествующимъ моментомъ въ исторіи гуманизма является развитіе личности, послѣдующимъ—интересъ къ древности и только потомъ изученіе міра и человѣка. Къ сожалѣнію, эта мысль, требующая для своего подтвержденія детальнаго изученія источниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, остается афоризмомъ въ книгѣ Буркгардта. На самый существенный вопросъ, почему развившаяся личность прежде всего и съ огромнымъ интересомъ обратилась къ изученію древности, авторъ отвѣчаетъ весьма неопредѣленнымъ указаніемъ на развитіе городской жизни и на естественность возвращенія къ идеалу римскаго всемірнаго владычества при паденіи папства и имперіи [3]). Источ-

[1]) Ibid. p. 195 и 196.
[2]) Ibid. II p. 25—26.
[3]) Ibid. I p. 199.

ники не допускаютъ такой гипотезы, точно также не уполномочиваютъ они утверждать, что античная литература „опредѣляетъ и окрашиваетъ“ гуманистическую философію и науку. Но отношеніе Буркгардта къ гуманистической литературѣ одно изъ наиболѣе слабыхъ мѣстъ его книги. Всѣ произведенія гуманистовъ кажутся автору воспроизведеніемъ древности [1]); при чемъ наиболѣе важныя изъ нихъ, сочиненія этико-философскаго содержанія, сознательно обходятся молчаніемъ [2]). Если принять во вниманіе, что Буркгардтъ вездѣ, гдѣ считаетъ возможнымъ, ограничиваетъ вліяніе древности [3]), то единственное объясненіе такого отношенія къ гуманистической литературѣ приходится искать въ сравнительно маломъ интересѣ къ ея содержанію.

Четвертый отдѣлъ книги „*Открытіе міра и человѣка*“ представляетъ собою иллюстрацію цитированнаго выше взгляда на Возрожденіе Мишле [4]). Буркгардтъ даетъ рядъ иллюстрацій отношенія гуманистовъ къ природѣ, ихъ пониманія красоты пейзажа, интереса къ человѣку и умѣнья изображать его внутренній міръ въ поэзіи и въ біографіяхъ, а также ихъ описаній національныхъ особенностей различныхъ народовъ и изображенія жизни вообще. Это рядъ картинъ, которыя не могутъ претендовать на полноту, потому что захватываютъ слишкомъ много времени, и въ которыхъ по большей части совершенно отсутствуетъ историческая перспектива. Такимъ же характеромъ отличается пятый отдѣлъ, озаглавленный „*Общественность и праздники*“. Неизбѣжный недостатокъ метода Буркгардта, который заразъ характеризуетъ цѣлыхъ три столѣтія, чувствуется здѣсь особенно сильно. Авторъ часто изображаетъ жизнь XVI столѣтія, чтобы иллюстрировать все движеніе [5]), и читатель остается въ недоумѣніи, гдѣ послѣдствія Ренессанса, гдѣ его причины. Такъ, первая глава этого отдѣла „*Уравненіе сословій*“ — превосходная иллюстрація этого вопроса фактами, взятыми изъ времени отъ XII до XVI столѣтія; а въ концѣ предыдущаго отдѣла мы читаемъ: „несомнѣнно, этому (утратѣ значенія происхожденія въ сословныхъ отношеніяхъ) много содѣйствовалъ тотъ фактъ, что тогда впервые совершенно познали людей и человѣче-

---

[1]) Ibid. p. 271.
[2]) Ibid. p. 278.
[3]) Ibid. I p. 58—61, II p. 23 и passim.
[4]) Ibid. II p. 25. См. 1-е изд. p. 1021.
[5]) См., напр., главы 4 и 5 этого отдѣла и passim.

ство въ его болѣе глубокомъ значеніи. Уже одинъ этотъ результатъ Возрожденія долженъ вызвать въ насъ вѣчную благодарность“ [1]). Борьба гуманистовъ противъ сословныхъ различій — вѣрно подмѣченная характернѣйшая черта новаго движенія, но чѣмъ она вызвана и какое вліяніе имѣла она на жизнь? Было ли это простое отраженіе жизни въ литературѣ или это факторъ процесса, или теоретическое его оправданіе? На всѣ эти вопросы нѣтъ опредѣленнаго отвѣта въ книгѣ Буркгардта, и глубокая мысль страдаетъ неопредѣленностью и остается лишенной научнаго обоснованія.

Послѣдній отдѣлъ, посвященный нравственности и религіи, одна изъ наиболѣе важныхъ частей книги Буркгардта: здѣсь авторъ не только иллюстрируетъ историческія явленія, но изслѣдуетъ ихъ причины. Констатируя глубокій нравственный упадокъ Италіи, онъ объясняетъ его крайнимъ развитіемъ индивидуализма и развращающимъ вліяніемъ тиранніи. Законы, изданные тиранами и исполняемые ихъ отверженными слугами, внушали презрѣніе; побѣдоносному эгоизму похитителей власти противоставляли ни передъ чѣмъ не останавливающуюся самозащиту, при чемъ всякія объективныя нормы морали утрачиваютъ цѣну и значеніе въ глазахъ индивидуума, признающаго полный суверенитетъ своей личности [2]). Изъ этихъ двухъ причинъ нравственнаго упадка Буркгардтъ, повидимому, придаетъ большее значеніе второй. По крайней мѣрѣ, по его словамъ, индивидуальное развитіе новаго итальянца „не его вина“; оно совершилось въ силу исторической необходимости (durch einen weltgeschichtlichen Rathschlus) и потомъ распространилось за Альпами: „само по себѣ оно не хорошо и не худо, но необходимо; въ его предѣлахъ развивается новое благо и зло“ [3]). Слѣдовательно, главная причина моральнаго упадка въ Италіи въ эпоху Возрожденія, по Буркгардту, заключается въ тиранніяхъ. Но если бы это было такъ, то замѣчалась бы какая-нибудь разница въ нравственномъ состояніи легитимныхъ государствъ, какъ Венеція, Неаполь, Флоренція до Медичи, и тиранній, какъ Миланъ, Падуя и

---

[1]) Ibid. p. 62.

[2]) Мысль Буркгардта выражена не вполнѣ ясно. „Wir sind, говоритъ онъ отъ имени итальянцевъ, vorzugsweise individuell entwickelt; *die Race* hat uns aus den Schranken ihrer Sitte und Religion entlassen, und die äuseren Gesetze verachten wir, weil unsere Herrscher illegitim und ihre Beamte und Richter verworfene Menschen sind“. II p. 175. Въ заключительномъ очеркѣ (p. 198) эта мысль формулирована болѣе опредѣленно.

[3]) Ibid. p. 199.

т. д. Ничего подобнаго не замѣчается въ дѣйствительности. Несомнѣнно, что тиранны развращали населеніе, но не въ нихъ заключалась главная причина моральнаго упадка.

Буркгардтъ не придаетъ большого значенія антиморальному вліянію античной литературы, хотя допускаетъ, что послѣ ознакомленія съ древностью „мѣсто христіанскаго идеала жизни, мѣсто святости, заступилъ идеалъ историческаго величія“, и что потомъ по недоразумѣнію стали „считать безразличными пороки, которые не помѣшали великимъ людямъ сдѣлаться великими“ [1]). Гораздо большую роль приписываетъ онъ „фантазіи“, весьма сильно развитой у итальянцевъ [2]) и совершенно разнузданной индивидуализмомъ. Но авторъ совершенно игнорируетъ моральные идеалы гуманистовъ, ихъ попытки съ помощію древности выработать этическое ученіе, которое соотвѣтствовало бы новымъ потребностямъ и которое можно было бы противопоставить церковной аскетической доктринѣ. Крушеніе этихъ попытокъ, составляющихъ главное содержаніе гуманистическихъ трактатовъ, не могло не оказать извѣстнаго вліянія на практическую нравственность. Но слабый интересъ Буркгардта къ гуманистической литературѣ повлекъ за собою не только игнорированье важнаго фактора въ исторіи морали, но и существенный промахъ въ ея изложеніи. Авторъ придаетъ важное значеніе чувству чести въ гуманистической морали, аргументируя свою мысль цитатами изъ Гвиччардини и Раблэ [3]), но въ этическихъ трактатахъ раннихъ гуманистовъ этотъ стимулъ не играетъ никакой роли. Ясно, что взгляды XVI столѣтія результатъ процесса, только одинъ изъ фазисовъ развитія гуманистической морали.

Смѣшеніе эпохъ и недостаточно ясное различеніе различныхъ одновременныхъ теченій помѣшали Буркгардту дать ясную картину религіознаго движенія въ Италіи за это время. Онъ глубоко и мѣтко указываетъ коренной источникъ религіознаго упадка въ состояніи церкви, которая стояла въ противорѣчіи съ собственнымъ ученіемъ. „Не всякій народъ, говоритъ онъ, настолько спокоенъ и нечувствителенъ (stumpfsinnig), чтобы вынести продолжительное противорѣчіе между принципомъ и его внѣшнимъ выраженіемъ“ [4]). Но способы,

---

[1]) Ibid. p. 178. Въ заключительномъ обзорѣ главы о вліяніи древности, какъ о причинѣ моральнаго упадка, не говорится (p. 198).

[2]) Ibid. p. 178, 183, 190.

[3]) Ibid. p. 176, 177.

[4]) Ibid. p. 200.

какими итальянцы пытались выйти изъ этого положенія, изложены крайне неопредѣленно. Отношеніе къ церкви высшихъ и среднихъ классовъ итальянскаго общества въ эпоху наивысшаго развитія Ренессанса опредѣлялось, по словамъ Буркгардта, „глубокимъ и презрительнымъ недовольствомъ“, „приспособленіемъ“ къ могущественной іерархіи и „чувствомъ зависимости“ отъ таинствъ и обрядовъ [1]). Но въ итальянскомъ обществѣ были различныя теченія, и остается неяснымъ, на какое изъ нихъ вліялъ тотъ или другой стимулъ? Правда, Буркгардтъ посвящаетъ особую главу отношенію къ религіи настоящихъ выразителей духа Ренессанса (Die Religion und der Geist der Renaissance) и высказываетъ замѣчательно глубокія мысли по этому поводу. Гуманисты по рожденію религіозные люди, но могучій индивидуализмъ сдѣлалъ ихъ совершенно субъективными и въ религіи, а „открытіе внѣшняго и духовнаго міра“ — свѣтскими. Кромѣ того, близкое соприкосновеніе съ византійцами и магометанами развили въ нихъ религіозную терпимость, изученіе античной литературы — скептицизмъ, безграничное размышленіе о свободѣ и необходимости и кажущееся торжество зла въ политической сферѣ — фатализмъ; наконецъ, въ нихъ обнаруживается „частое свойство юношескихъ натуръ; они рѣзко различаютъ добро отъ зла, но не знаютъ грѣха“ [2]). Но всѣ эти вліянія, несомнѣнныя и спорныя, дѣйствовавшія вмѣстѣ и въ разное время, соединены въ одну картину и иллюстрированы источниками изъ разныхъ эпохъ. Такъ субъективизмъ гуманистовъ и совершенно свѣтскій характеръ ихъ воззрѣній оставлены безъ иллюстраціи, терпимость иллюстрирована извѣстной новеллой Боккаччіо, которая совсѣмъ не имѣетъ такого смысла [3]), скептицизмъ воззрѣніями Кодра Урцеуса etc. Послѣдняя глава отдѣла, гдѣ авторъ констатируетъ потрясеніе вѣры вообще и первое появленіе деизма, относится только къ позднѣйшимъ періодамъ движенія. Совершенно естественно, что въ концѣ концовъ получается картина, до такой степени лишенная исторической перспективы, что производитъ смутное впечатлѣніе. Но всѣ эти недостатки, связанные отчасти съ методомъ автора, отчасти съ отсутствіемъ монографическихъ работъ по эпохѣ, не уничтожаютъ огромнаго значенія книги Буркгардта въ исторіографіи Возрожденія. Широкій общій взглядъ на движеніе, масса отдѣльныхъ

---

[1]) Ibid. p. 201.
[2]) Ibid. p. 235—36.
[3]) См. 1-е изд. p. 503.

замѣчаній поразительной глубины и тонкости, блестящія иллюстраціи разныхъ сторонъ Возрожденія дѣлаютъ изъ культурной картины Буркгардта замѣчательное историческое произведеніе.

III.

Исторіографія Возрожденія послѣ Фогта и Буркгардта. — Ихъ вліяніе на общую исторіографію. — Сэймондсъ и его отношеніе къ предшественникамъ. — Герцони и его взглядъ на Возрожденіе. — Яничекъ и его попытка дѣленія гуманистовъ на партіи. — Характеръ книги Жебара. — Гейгеръ и Кёртингъ. — Сочиненія по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи гуманизма. — Общій характеръ новѣйшей исторіографіи Возрожденія.

Книги Фогта и Буркгардта превосходно дополняютъ другъ друга: то, что̀ составляетъ слабую сторону книги перваго, является самой важной заслугой второго, и наоборотъ. Фогтъ слишкомъ узко и односторонне смотритъ на гуманизмъ, но даетъ обстоятельное и систематическое изложеніе его внѣшней исторіи; Буркгардтъ глубоко понимаетъ движеніе, но изображаетъ различные его фазисы, какъ нѣчто цѣлое и законченное. Оба писателя вмѣстѣ даютъ возможность и глубже понять Возрожденіе, и правильнѣе изложить его исторію, что̀ не замедлило отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на отношеніи къ этой эпохѣ въ сочиненіяхъ по всѣмъ отдѣламъ исторической науки. Къ Фогту и Буркгардту примыкаютъ и новѣйшіе составители обзоровъ событій всемірной исторіи, какъ Веберъ, историки церкви и папства, какъ Пасторъ и Крейтонъ, историки культуры, какъ Генне-ам-Римъ, философіи и ея отдѣловъ, какъ Виндельбандъ и Циглеръ, — искусства, какъ Шнаазе и Мюнтцъ, — исторіографіи, какъ Вегеле, — педагогики, какъ Шмидтъ, — школы, какъ Паульсенъ, и даже народнаго хозяйства, какъ Пёльманъ [1]). Совершенно естественно, что большинство позднѣйшихъ историковъ Ренессанса положительно или отрицательно также примыкаетъ къ Фогту и Буркгардту, которые до настоящаго времени продолжаютъ занимать первое мѣсто въ исторіографіи Возрожденія.

До второй половины семидесятыхъ годовъ не появлялось ни одной крупной работы по исторіи итальянскаго гуманизма [2]), и пер-

---

[1]) См. 1-е изд., p. 20, 27, 33, 52, 75, 85, 89, 92, 100, 114, 119, 122.

[2]) Въ 1870 году была напечатана рѣчь акад. Веселовскаго передъ защитой диссертаціи (*Взглядъ на эпоху Возрожденія въ Италіи.* Моск. Универс.

вымъ непосредственнымъ продолжателемъ Фогта и Буркгардта можетъ быть названъ Сэймондсъ. Сэймондсъ написалъ о Возрожденіи пять большихъ томовъ, изъ которыхъ три послѣдніе, посвященные искусству и итальянской литературѣ, стоятъ внѣ нашей задачи [1]). Спеціально о гуманистическомъ движеніи Сэймондсъ трактуетъ отчасти въ первомъ томѣ (The age of the despots) и главнымъ образомъ во второмъ (The revival of learning). „Эпоха деспотовъ“ представляетъ собою очеркъ политической исторіи Италіи, преимущественно во вторую половину XV вѣка. Это расширеніе перваго отдѣла книги Фогта, простое изложеніе историческихъ событій, которое прерывается отдѣльными главами, дающими характеристику или всего движенія, или отдѣльныхъ его сторонъ. Сочиненіе начинается выясненіемъ общаго характера Возрожденія (The spirit of the Renaissance). Сэймондсъ понимаетъ Ренессансъ очень широко. По его мнѣнію, это процессъ духовнаго развитія человѣчества, продолженіе котораго составляетъ Реформація, Революція и вся современная исторія [2]). Его сущность — „эмансипація разума“ [3]); но авторъ понимаетъ эту эмансипацію въ самомъ широкомъ смыслѣ. „Исторія Возрожденія, говоритъ онъ, не есть исторія искусствъ или наукъ, или литературы, или даже націй. Это исторія достиженія сознательной свободы человѣческимъ разумомъ, проявившимся въ европейскихъ расахъ“ [4]). Ренессансъ обозначаетъ возрожденіе человѣческаго духа, „вновь получающаго сознаніе и силу само-

---

Извѣст. 1870 № 4, p. 285 и слѣд.). Съ воззрѣніями автора мы познакомились (въ 1-мъ изд. p. 870 и слѣд.); въ рѣчи акад. Веселовскій слѣдитъ за остатками классической традиціи въ Средніе вѣка и высказываетъ между прочимъ слѣдующій взглядъ на Возрожденіе, съ которымъ, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ нельзя согласиться. „Сравнивать итальянскій Ренессансъ съ германскимъ или французскимъ, дѣлая наведеніе отъ одного къ другому, положительно немыслимо, говоритъ авторъ. На сѣверѣ и за Альпами ученые Renaissance являлись проводниками болѣе широкихъ человѣчныхъ идей, выросшихъ внѣ національной почвы... тамъ мы на сторонѣ Рейхлина, Вимпфелинга и Гуттена противъ темныхъ людей и ихъ сверстниковъ; люди Renaissance пишутъ и дѣйствуютъ тамъ во имя свободы въ религіи и политикѣ. Въ Италіи ученые Возрожденія хотятъ насильно вернуть къ его истокамъ неудержимый потокъ исторіи; относительно Италіи они не проповѣдуютъ ничего новаго, но лишь старое, пережитое“ (p. 294—295).

[1]) Объ отношеніи Сэймондса къ итальянскимъ произведеніямъ Петрарки и Боккаччіо см. 1-е изд., p. 403, 497, 506, 550, 551.

[2]) The age of the despots. p. 1—2, 27—33.

[3]) Ibid. p. 6.

[4]) Ibid. p. 4.

опредѣленія, вновь познающаго красоту внѣшняго міра и тѣла посредствомъ искусства, освобождающаго разумъ въ наукѣ и совѣсть въ религіи, реставрирующаго духовную культуру и устанавливающаго принципъ политической свободы“ [1]). Спеціально Италіи принадлежитъ начало этой хронологической неопредѣленной эпохи, которое характеризуется, какъ у Буркгардта, формулами Мишлэ „открытіе міра и человѣка“. „Подъ этими двумя формулами, говоритъ Сэймондсъ, можно классифицировать всѣ явленія, относящіяся собственно къ этому періоду“ [2]). Открытіе міра понимается въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ географическихъ открытій и естественнонаучныхъ изслѣдованій. Человѣка открыла наука. „Научныя занятія (scholarship), говоритъ Сэймондсъ, открыли людямъ богатство ихъ собственнаго духа, достоинство человѣческой мысли, цѣну спекулятивнаго мышленія, важность человѣческой жизни, разсматриваемой независимо отъ религіозныхъ правилъ и догматовъ“ [3]). Объектами этой благотворной науки является древность въ Италіи и Библія за ея предѣлами.

Сэймондсъ не считаетъ древность причиною Возрожденія. „Причина, почему Италія получила первенство въ Ренессансѣ“, говоритъ онъ, „заключалась въ томъ, что она обладала языкомъ, благопріятнымъ климатомъ (sic), политической свободой и экономическимъ благосостояніемъ, тогда какъ другіе народы находились въ полуварварскомъ состояніи“ [4]). Тѣмъ не менѣе та благотворная наука, которая открыла человѣка, въ Италіи сводится къ слѣпому (по крайней мѣрѣ, сначала) увлеченію древностью. По словамъ Сэймондса, въ исторіи научныхъ занятій итальянскихъ гуманистовъ было три стадіи: „первая — эпоха страстнаго желанія (the age of passionate desire)“, сюда принадлежатъ Петрарка и Боккаччіо; вторая стадія — „вѣкъ пріобрѣтенія и библіотекъ“, „эпоха некритическаго и неразборчиваго энтузіазма“; это время Николая V и Козимо Медичи, и третья стадія — „эпоха критиковъ, филологовъ и типографовъ“, сюда относятся Фичино, Полиціано и Эразмъ [5]). Итакъ гуманисты первыхъ двухъ поколѣній только пламенно стремились къ средству для открытія человѣка; третья и четвертая генераціи, т.-е. Валла, Поджіо, Альберти, только безъ всякой критики преклонялись передъ этимъ средствомъ.

---

[1]) Ibid. p. 30.
[2]) Ibid. p. 16.
[3]) Ibid. p. 21.
[4]) Ibid. p. 6.
[5]) Ibid. p. 22 и 24.

Сэймондсъ соединяетъ неопредѣленность Буркгардта безъ его оригинальности и односторонность Фогта безъ его основательности.

Тѣ главы, которыя, прерывая изложеніе политической исторіи, даютъ характеристику какой-нибудь стороны движенія, не представляютъ интереса. Такъ, глава, посвященная флорентійскимъ историкамъ, ничего не прибавляетъ къ ранней работѣ Гервинуса [1]). Изложивши исторію папства съ половины XV вѣка, Сэймондсъ характеризуетъ религію и мораль гуманистовъ [2]). Но все существенное въ содержаніи этой главы заимствовано изъ послѣдняго отдѣла Буркгардта [3]).

Спеціально гуманистическому движенію посвященъ второй томъ книги Сэймондса. Мы видѣли, какое важное значеніе придавалъ авторъ ученымъ занятіямъ гуманистовъ, и по отдѣльнымъ замѣчаніямъ въ этомъ томѣ можно было бы ожидать, что онъ отнесется къ гуманистической литературѣ безъ обычной односторонности. „Сущность гуманизма,—говоритъ Сэймондсъ,—состоитъ въ новомъ и живомъ представленіи о достоинствѣ человѣка, какъ существа разумнаго, независимо отъ теологическихъ опредѣленій, и въ томъ взглядѣ, что въ одной только классической литературѣ человѣческая природа проявляется во всей полнотѣ интеллектуальной и моральной свободы“ [4]). Можно думать, что авторъ будетъ искать проявленія этой черты въ гуманистической литературѣ и по этому принципу изложитъ ея развитіе. Въ другомъ мѣстѣ Сэймондсъ отмѣчаетъ соединеніе средневѣкового и античнаго вліянія, какъ характерную особенность эпохи [5]), и мы въ правѣ ожидать, что произведенія гуманистовъ авторъ не считаетъ простою репродукціей древности. Но эти общія воззрѣнія, навѣянныя Буркгардтомъ, не оказываютъ никакого вліянія на изложеніе. Сэймондсъ высказываетъ сожалѣніе, что гуманисты тратили свои силы на ученость и на улучшеніе стиля „вмѣсто того, чтобы сосредоточить ихъ на созданіи національныхъ chef-d'oeuvre'овъ [6]), и его обзоръ гуманистической литературы въ концѣ книги захватываетъ болѣе широкую эпоху, чѣмъ соотвѣтствующая глава у Фогта, но значительно

---

[1]) См. 1-е изд., p. 166 и 683—684.

[2]) The church and morality, p. 382 и слѣд.

[3]) См., напр., причины невѣрія, p. 390—392, вліяніе древности на мораль p. 398 и слѣд., значеніе фантазіи, p. 414 и слѣд. и особенно значеніе чести, p. 417—418, гдѣ даже цитаты взяты изъ Буркгардта.

[4]) The Revival of Learning, p. 71—72.

[5]) Ibid. p. 18.

[6]) Ibid. p. 9.

уступаетъ ей по обстоятельности. Для литературы ранняго гуманизма онъ не имѣетъ никакого значенія.

Сэймондсъ выбралъ весьма хорошую по существу систему изложенія гуманистическаго движенія. Исходя изъ того предположенія, что хронологически нельзя прослѣдить развитіе гуманизма ни въ одномъ итальянскомъ городѣ и что новое движеніе не имѣло опредѣленной мѣстной окраски, Сэймондсъ предпочитаетъ излагать исторію гуманизма не по школамъ, а по періодамъ [1]). Несмотря на то, что первое предположеніе автора совершенно невѣрно, а второе справедливо только съ значительными ограниченіями, его пріемъ изложенія совершенно правиленъ. Мѣстныя особенности обнаруживаются по большей части сравнительно поздно и во всякомъ случаѣ не мѣняютъ общаго характера движенія, тогда какъ между гуманистами различныхъ поколѣній—огромная разница. Но при современномъ состояніи источниковъ такое изложеніе крайне трудно вообще, а при отношеніи къ гуманистической литературѣ Сэймондса и совсѣмъ не имѣетъ значенія, такъ какъ авторъ вовсе не слѣдитъ за развитіемъ идей. Прежде всего самое основаніе дѣленія на періоды у Сэймондса совершенно произвольно. Три эпохи учености, установленныя имъ въ первомъ томѣ, здѣсь раздѣлены на четыре періода: первый—„эпоха вдохновенія и открытія, когда породился энтузіазмъ къ древности и собирались остатки классиковъ“; второй—„эпоха приведенія ихъ въ порядокъ и перевода; въ этотъ періодъ были основаны первыя большія библіотеки“. Это время Коз. Медичи, Николая V, Альфонса Неаполитанскаго; „третій періодъ эпоха академій... Ученая литература (scholarship) начинаетъ обнаруживать замѣтный успѣхъ во всемъ, что̀ касается стиля и вкуса; въ то же самое время итальянская эрудиція достигаетъ максимума въ Полиціано“. Четвертый періодъ эпоха упадка, когда „эстетика и стилистика“ поглощаютъ все вниманіе гуманистовъ“. Это эпоха пуристовъ“ [2]). Въ основѣ этого дѣленія лежитъ старый взглядъ на гуманизмъ, какъ на воспроизведеніе древности, и Сэймондсъ покидаетъ Буркгардта, а вмѣстѣ съ нимъ и его взгляды на Возрожденіе, какъ только приступаетъ къ систематическому изложенію исторіи гуманистическаго движенія. Здѣсь, по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ, его руководителемъ становится Фогтъ.

Самая исторія гуманизма въ изложеніи Сэймондса не представляетъ интереса. Наибольшее значеніе имѣла бы характеристика гуманистовъ

---

[1]) Ibid. p. 160.
[2]) Ibid. p. 160—161.

по періодамъ, хотя бы сообразно съ его собственнымъ дѣленіемъ. Но вмѣсто этого авторъ посвящаетъ первую главу тома общей характеристикѣ „людей Возрожденія“ на пространствѣ всего движенія, что̀ лишаетъ ее почти всякаго значенія. Не имѣютъ интереса и біографическія данныя объ отдѣльныхъ гуманистахъ, хотя авторъ понимаетъ всю важность этой стороны своей задачи. „Итальянская исторія Возрожденія, говоритъ онъ, болѣе выражается въ біографіи отдѣльныхъ личностей, чѣмъ въ ихъ народѣ, силы котораго воплощали въ себѣ его умственные деспоты“ [1]). Тѣмъ не менѣе характеристики всѣхъ дѣятелей Возрожденія въ занимающую насъ эпоху, за исключеніемъ Петрарки [2]), сдѣланы, въ большинствѣ случаевъ, по первому изданію книги Фогта [3]), отличаются по большей части краткостью и незначительностью и нигдѣ не обнаруживаютъ самостоятельнаго знакомства съ гуманистической литературой. Вслѣдъ за Фогтомъ Сэймондсъ преувеличиваетъ значеніе Флоренціи въ гуманистическомъ движеніи и доводитъ это преувеличеніе до огромныхъ размѣровъ. По его мнѣнію, Флоренція была источникомъ и сосредоточіемъ не только гуманизма, но и культуры вообще. Флоренція—итальянскія Аѳины: „вся духовная сила націи зародилась въ Тосканѣ и отсюда, какъ изъ центра жизненной теплоты и свѣта, распространилась по остальнымъ частямъ полуострова“. Вмѣсто фактическихъ доказательствъ этого положенія Сэймондсъ объясняетъ такое значеніе Флоренціи ея климатомъ, расой, чистотой діалекта, отсутствіемъ ѳеодальныхъ учрежденій, политическимъ строемъ и соціальными отношеніями; но сомнительное утвержденіе не приближается къ несомнѣнности отъ такихъ общихъ соображеній. Несмотря на эти недостатки, оба сочиненія Сэймондса не лишены значенія, какъ популярное чтеніе для большой публики. Они захватываютъ большій періодъ времени, чѣмъ книга Фогта, и ихъ изложеніе менѣе сжато, что̀ дѣлаетъ иногда Буркгардта недостаточно яснымъ; но для научнаго изслѣдованія ранняго гуманизма они даютъ очень немногое.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ появилось нѣсколько сочиненій, посвященныхъ эпохѣ гуманизма. Такъ въ 1878 г. вышла книга Герцони „*Первое Возрожденіе*“, которая имѣетъ цѣлью доказать, что гуманистическое движеніе не внесло въ исторію ничего, діа-

---

[1]) Ibid. p. 4.

[2]) О Петраркѣ см. 1-е изд., p. 396—397.

[3]) Такова, напр., уже характеристика Боккаччіо (см. 1-е изд., p. 549), Г.-да-Барцицца (p. 107) и проч.

метрально-противоположнаго Среднимъ вѣкамъ. Прежде всего авторъ недоволенъ самымъ терминомъ—„возрожденіе“, для котораго „всегда будетъ трудно найти правильное приложеніе потому, что фальшиво основное представленіе, изъ котораго онъ происходитъ и которое онъ выражаетъ. Въ исторіи нѣтъ возрожденій, какъ нѣтъ рожденій и смертей“; въ ней, какъ въ природѣ, все „происходитъ посредствомъ непрерывныхъ эволюцій и перемѣнъ, при чемъ никогда не прерывается цѣпь причинъ и слѣдствій“ [1]). Нельзя сказать, чтобы эта аргументація имѣла рѣшающее значеніе: эволюція не препятствуетъ ни рожденіямъ, ни смертямъ, и Возрожденіе нисколько не прерываетъ „цѣпи причинъ и слѣдствій“. Противъ термина можно возражать въ виду его неточности и неопредѣленности, но не это возбуждаетъ недовольство Герцони. Renaissance—французское слово, и совершенно естественно, что его приняли „англичане, нѣмцы, испанцы, цивилизація которыхъ *возродилась* (rinacque) почти одновременно съ французской“; но что его усвоили обладающіе столь старой цивилизаціей итальянцы—въ этомъ авторъ видитъ только „рабство мысли и формы, для котораго нѣтъ ни извиненія, ни объясненія“ [2]). Герцони хочетъ доказать, что въ Италіи, въ XV вѣкѣ, не было никакого возрожденія. „Въ нашихъ глазахъ, говоритъ онъ, цивилизація возродилась въ сердцѣ Среднихъ вѣковъ и достигла зрѣлости и законченности (compitezza) въ XIV столѣтіи; въ XVI вѣкѣ она въ нѣкоторыхъ частяхъ развивалась, совершенствовалась, въ другихъ портилась и распадалась“ [3]). Было бы интересно прослѣдить, какіе элементы средневѣковой культуры вошли въ новую; но книга Герцони не можетъ служить руководствомъ въ этомъ отношеніи: по его мнѣнію, средневѣковая цивилизація количественно, а не качественно отличается отъ новой. Тогда были свои Локкъ и Кондильякъ — это Росцелинъ, свои Кантъ и Гегель — это Гильомъ-де-Шампо, свои Декартъ, Спенсеръ и Милль—это Абеляръ [4]). Петрарка, по мнѣнію Герцони, совершенно средневѣковой человѣкъ. Его автобіографія проникнута средневѣковымъ духомъ; его Canzoniere—„провансальская схоластика“ [5]); Декамеронъ Боккаччіо и по содержанію, и по духу не выходитъ за предѣлы Среднихъ вѣ-

---

[1]) *Guerzoni Giuseppe, Il primo Rinascimento. Saggio. Verona e Padova. 1878,* p. 4 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 8—9.

[3]) Ibid. p. 10, ср. 84—85.

[4]) Ibid. p. 34.

[5]) Ibid. p. 73, 74. E strano che il Villari dica che Petrarca combattè la scolastica. Dove? Come? говоритъ между прочимъ Герцони.

ковъ [1]); даже экспериментальный методъ въ наукѣ „предчувствовали“ въ Средніе вѣка [2]), не говоря уже объ искусствѣ и поэзіи [3]). XV вѣкъ при такой точкѣ зрѣнія представляется чистѣйшимъ регрессомъ. Опираясь на Буркгардта, авторъ отрицаетъ всякое существенное значеніе за изученіемъ древности въ эту эпоху [4]), но признаетъ слѣпое и чисто формальное увлеченіе ею со стороны гуманистовъ. „Если бы гуманисты и философы XV вѣка, говоритъ онъ, предались изученію древности съ свободнымъ и разумнымъ духомъ, уважающимъ традиціи, но ревнивымъ къ собственной оригинальности, какъ предавались этому Данте, Петрарка, Боккаччіо и всѣ Средніе вѣка; если бы они въ памятникахъ дѣдовской мудрости искали чего-нибудь большаго голой формы и пустыхъ словъ, то навѣрное возрожденіе такой культуры принесло бы только благодѣтельные плоды“ [5]). Но этого не случилось: воскресшій греко-латинскій міръ былъ „пародіей“ на древность, къ которой относились съ грубымъ фетишизмомъ“; „поэзія, въ рабствѣ у чужого языка, выродилась въ механическое эхо, въ рабскій плагіатъ, въ наглый грабежъ (in latrocinio sfrontato)“; краснорѣчіе заслуженно возбуждало презрѣніе въ глубинѣ души тѣхъ, которые ему публично апплодировали; „ученость была только парадомъ, служеніе литературѣ—постыднымъ орудіемъ лести и брани“ и т. д. [6]). Единственное исключеніе представляли, по мнѣнію автора, Полиціано и Дж. Понтано [7]). При такомъ взглядѣ на гуманизмъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь возрожденіи, но характеристика занимающей насъ эпохи у Герцони носитъ фантастическій характеръ.

Въ 1879 году появились четыре лекціи о Возрожденіи *Губ. Яничека*, одно изъ наиболѣе интересныхъ произведеній по эпохѣ гуманизма. Авторъ—историкъ искусства по спеціальности, и главная цѣль его книги указать тѣ стороны общественной жизни, которыя вліяли на воспитаніе художественной фантазіи и на созданіе вели-

---

[1]) E non va oltre il medio evo il Decamerone: non per la materia, non per lo spirito, p. 78.

[2]) Esso non è merito del cinquecento. Esso lo pressenti come l'aveva pressentio il medio evo, ma non lo formuló. Ibid. p. 147.

[3]) Ibid. p. 149 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 124 и слѣд.

[5]) Ibid. p. 127.

[6]) Ibid. p. 128; ср. p. 131.

[7]) Ibid. p. 128. Въ подстрочномъ примѣчаніи Герцони прибавляетъ къ нимъ еще Л. Б. Альберти.

кихъ произведеній искусства [1]); но онъ понимаетъ свою задачу очень широко и прежде всего ищетъ объясненія художественныхъ памятниковъ въ „духовныхъ направленіяхъ“ эпохи, которымъ и посвящена его первая лекція. Яничекъ непосредственно знакомъ съ гуманистической литературой и самостоятельно относится къ своимъ предшественникамъ, хотя его взгляды на движеніе и даже планъ изложенія въ первой лекціи отчасти заимствованы у Фогта и у ак. Веселовскаго. Такъ онъ примыкаетъ къ Фогту во взглядѣ на Петрарку и на его ближайшихъ послѣдователей, которые, и по мнѣнію Яничека, стремились „по мыслямъ и идеямъ, вычитаннымъ изъ произведеній древнихъ, образовать не только индивидуальность, но государство и общество“ [2]). Но въ планѣ изложенія онъ не слѣдуетъ за Фогтомъ, а примыкаетъ къ ак. Веселовскому и пытается найти тѣ же двѣ партіи въ XV вѣкѣ, которыя, по мнѣнію его предшественника, существовали въ XIV [3]). Яничекъ различаетъ два направленія среди послѣдователей Петрарки: „Одно подняло знамя исключительнаго паганизма: оно желаетъ радикально жить по-античному (sie will radical antikisiren) и забыло при этомъ свой духовный, исходный пунктъ—Данте, Петрарку, Боккаччіо, которые желали сохранить національныя традиціи въ языкѣ, нравахъ и вѣрѣ. Другое направленіе примыкало къ этой великой тріадѣ и стремилось согласить вновь притекающіе образовательные элементы съ идейнымъ содержаніемъ христіанства и съ наличными политическими и соціальными формами“. Это направленіе заботится также о народной рѣчи наряду съ латинской, тогда какъ первое презираетъ родной языкъ. „Исходнымъ пунктомъ и очагомъ обѣихъ партій была Флоренція“ [4]). Выше мы обстоятельно разсмотрѣли мнѣніе ак. Веселовскаго [5]), посмотримъ теперь, на чемъ основана классификація его продолжателя.

Прежде всего единственнымъ доказательствомъ существованія радикальной партіи въ XV вѣкѣ является разсмотрѣнная нами инвектива Ринуччини, которая была написана въ концѣ XIV или въ первые годы XV столѣтія [6]); но ея представителями Яничекъ считаетъ не Бруни и Никколи, которыхъ имѣлъ въ виду Ринуччини,

---

[1]) *Janitschek Hubert, Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst. Vier Vorträge. Stuttgart 1879*, p. IV, 1—2, 22—27.

[2]) Ibid. p. 8.

[3]) Ibid. p. 4.

[4]) Ibid. p. 8—9; ср. p. 14—15.

[5]) См. 1-е изд., p. 871—875.

[6]) Ibid. p. 853 и 869.

а Валлу и Бекаделли, которые, во время появленія инвективы или еще не родились, или были въ дѣтскомъ возрастѣ. Наоборотъ, прежніе язычники Бруни и Никколи у Яничека являются продолжателями „флорентійской тріады“ вмѣстѣ съ Салютати и Л. Б. Альберти. Далѣе, авторъ не ищетъ доказательствъ открытаго язычества крайней партіи и ея слѣпого преклоненія передъ древностью; ничего подобнаго и нельзя найти у Валлы, который комментировалъ Новый Завѣтъ, писалъ противъ Цицерона и критиковалъ Ливія. По мнѣнію Яничека, программой этой партіи служитъ трактатъ Валлы De voluptate [1]), изъ котораго онъ выводитъ слѣдующіе пункты радикальныхъ воззрѣній: 1) „освобожденіе чувственности отъ господства христіанскаго спиритуализма“,—но эта точка зрѣнія всего характернѣе сказалась въ Декамеронѣ и съ цинизмомъ повторена въ Oratio Heliogabalis Бруни, котораго авторъ считаетъ продолжателемъ Боккаччіо; 2) „Реабилитація природы“, 3) „изслѣдованіе, освобожденное отъ схоластической неволи“, — но это характерныя черты всѣхъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки, и не составляетъ принадлежности какой-либо партіи. Наконецъ, 5) „исключительное господство красоты“ [2]). Правда, ранніе представители гуманистическаго движенія, кромѣ Петрарки и Боккаччіо, не говорятъ о красотѣ, но къ половинѣ XV столѣтія у всѣхъ гуманистовъ на этотъ предметъ устанавливается опредѣленная точка зрѣнія, которая, по существу, не отличается отъ воззрѣній Петрарки и Боккаччіо, хотя неопредѣленный эпитетъ „исключительный“ едва-ли подойдетъ къ воззрѣнію какого-нибудь гуманиста. Итакъ то, что называетъ Яничекъ программой радикальной партіи—въ дѣйствительности характерныя черты всего движенія, а исключительный паганизмъ и безусловное воспроизведеніе древности по-прежнему остаются недоказанными, вслѣдствіе чего самое дѣленіе гуманистовъ до половины XV вѣка на партіи продолжаетъ висѣть на воздухѣ.

По мнѣнію Яничека, въ половинѣ XV столѣтія оба направленія соединились подъ знаменемъ Платона, и этотъ миръ „обозначалъ примиреніе язычества и христіанства, сліяніе (Durchdringung) религіи и философіи“ [3]). Въ нашу задачу не входитъ характеристика гума-

---

[1]) Въ первой редакціи трактата представителемъ стоицизма является Бруни, и Яничекъ думаетъ найти въ его Isagogicon доказательство искренности этихъ воззрѣній (p. 101), но выше мы видѣли, что Бруни вовсе не стоикъ въ своемъ моральномъ трактатѣ (см. 1-е изд., p. 599).

[2]) Ibid. p. 10—15.

[3]) Ibid. p. 20.

низма половины XV вѣка, но самъ авторъ добросовѣстно отмѣчаетъ, что именно тогда проявляется паганизмъ и начинается ожесточенная борьба между аристотеликами и платониками [1]), вслѣдствіе чего и заявляетъ въ предисловіи, что не придаетъ рѣшающаго значенія своей гипотезѣ [2]). Въ воззрѣніи Яничека на Платона и въ его объясненіи причинъ увлеченія его философіей сказалось вліяніе спеціальности автора. По его мнѣнію, Платонъ побѣдилъ эстетической стороной своей системы, потому что стремленіе къ красотѣ, если не исчерпываетъ гуманистическаго движенія, то составляетъ самую важную его сторону. „Этическія фантазіи какого-нибудь Валлы и его единомышленниковъ, говоритъ Яничекъ, не что иное, какъ стремленіе спастись изъ римской культуры, бѣдной поэзіей, въ болѣе радостный и свободный міръ красоты; знаніе Платона даетъ освѣщеніе и содержаніе этому стремленію, оно является какъ бы исполненіемъ всего того, что̀ предчувствовали мыслители и художники и чего они искали“ [3]). Яничекъ затушевываетъ тотъ фактъ, что между знакомствомъ гуманистовъ съ Платономъ и увлеченіемъ его философіей прошло болѣе половины столѣтія, и приписываетъ особую важность появленію такого пророка платонизма, какъ Гемистосъ Плетонъ [4]). Остается непонятнымъ, зачѣмъ нуженъ былъ пророкъ, если ученіе такъ подходило къ потребностямъ, и почему такіе гуманисты, какъ Бруни, предпочитали Платону Аристотеля, если его философія представляла столь близкое родство съ гуманистическими стремленіями. Причина увлеченія платонизмомъ стоитъ за предѣлами настоящаго изслѣдованія; но мы думаемъ, что его основы лежатъ не въ эстетикѣ, а въ стремленіи къ стройному философскому міросозерцанію, о которомъ сравнительно мало заботились ранніе гуманисты, занятые исключительно этикой.

Три послѣднія лекціи Яничека представляютъ менѣе интереса съ нашей точки зрѣнія. Вторая („Художественная фантазія и художественное воспитаніе“) носитъ спеціальный характеръ; третья — „Женщина и искусство“ — имѣетъ значеніе для болѣе позднихъ періодовъ гуманизма, когда впервые замѣтно обнаруживается женское

---

[1]) Ibid. p. 19 и 18.

[2]) Ob ich ohne Systemzwang von der Versöhnung und Vereinigung der streitenden Parteien unter dem Banner Platon's sprechen durfte, mag der Kundige entscheiden, p. IV.

[3]) Ibid. p. 16.

[4]) Ibid. p. 17—18.

вліяніе [1]); послѣдняя лекція, составленная подъ вліяніемъ Буркгардта [2]), разсматриваетъ характеръ покровительства искусству со стороны государства и частныхъ лицъ и представляетъ интересъ преимущественно для исторіи искусства.

Одновременно съ лекціями Яничека вышла, уже упомянутая нами, книга Жебара о началахъ Возрожденія, содержаніе которой распадается на двѣ неравныя части: въ большей — изложены причины Ренессанса, мѣньшая—заключаетъ въ себѣ характеристику писателей XIV вѣка и современныхъ имъ художниковъ. Изъ всѣхъ писателей по исторіи Возрожденія Жебаръ, съ наибольшей обстоятельностью, останавливается на причинахъ движенія. Онъ разсматриваетъ прежде всего, почему Ренессансъ начался не во Франціи, и затѣмъ излагаетъ главныя и второстепенныя причины появленія Возрожденія въ Италіи. По мнѣнію Жебара, главныхъ причинъ было четыре: интеллектуальная свобода, соціальное положеніе, классическая традиція и языкъ; второстепенныя причины сводятся къ чужеземному вліянію: византійскому, арабскому, нормандскому и французскому. Что касается до второй и третьей изъ главныхъ причинъ, то онѣ давно уже были указаны Фоггомъ и Буркгардтомъ; развитіе итальянскаго языка ко времени великихъ писателей XIV столѣтія—фактъ безспорный; но существованіе духовной свободы, какъ характерной особенности средневѣковой Италіи, весьма сомнительно и требуетъ гораздо болѣе обстоятельной аргументаціи, чѣмъ у Жебара. Такъ, онъ утверждаетъ, что схоластика въ Италіи никогда не была національной философіей, что ею занимались тамъ только монахи и теологи, что ея методъ никогда не подчинялъ себѣ вполнѣ человѣческаго разума [3]). Но схоластика не имѣла ничего общаго съ національностью, а свѣтскіе ученые, въ Средніе вѣка, повсюду рѣдкость, и если признать случайностью, что величайшіе ученые Италіи, какъ Ѳома Аквинскій и Петръ Ломбардъ,—схоластики, то все-таки за предѣлами схоластическаго метода и въ Италіи не было науки. Жебаръ другого мнѣнія: отмѣчая обиліе здѣсь знаменитостей въ области изученія права, онъ утверждаетъ, что эта наука держала ученыхъ на раціоналистическомъ пути

---

[1]) Заслуживаетъ вниманія мѣткое замѣчаніе автора, что причина недоброжелательнаго отношенія къ женщинѣ нѣкоторыхъ раннихъ гуманистовъ заключается не въ монашескихъ традиціяхъ, а отчасти въ ученыхъ занятіяхъ, отчасти въ нравахъ времени (p. 56).

[2]) Ibid. p. V.

[3]) Les origines, p. 55.

и что „ея вліяніе, всегда одинаковое, продолжалось отъ трактата Данте О монархіи... и до Principe Макіавелли“ [1]). Едва-ли нужно доказывать, что между Макіавелли и средневѣковыми глоссаторами глубокая пропасть; недаромъ его настоящіе предшественники, гуманистическіе политики, начали съ борьбы противъ средневѣковыхъ юристовъ.

Если средневѣковые итальянцы не обладали никакой особенной свободой научнаго изслѣдованія, то аргументація Жебара не убѣждаетъ въ существованіи у нихъ и свободы религіозной. Отсутствіе большихъ религіозныхъ движеній, какъ движенія Вальдо, Виклефа, Гусса и Лютера [2]), аргументъ скорѣе противъ, чѣмъ за утвержденіе автора. Мистическія движенія въ родѣ „Вѣчнаго Евангелія“ [3]) знакомы и за Альпами, а если костры зажигались въ Италіи обыкновенно не за догматы [4]), то самое ихъ существованіе плохой аргументъ за наличность религіозной свободы. Но предположивши даже, что и первая причина Ренессанса, которую приводитъ Жебаръ, несомнѣнный фактъ, мы не находимъ въ его книгѣ самаго главнаго, именно выясненія способа и сферы вліянія всѣхъ этихъ причинъ на гуманистическое движеніе и ихъ относительной силы. Работа автора ограничивается установленіемъ тѣхъ фактовъ, которые онъ считаетъ причинами Ренессанса, но онъ не только не выясняетъ ихъ связи съ самымъ движеніемъ, но и не даетъ о немъ яснаго понятія. „Ренессансъ въ Италіи, говоритъ Жебаръ, не былъ только обновленіемъ литературы и искусствъ, произведеннымъ возвращеніемъ культивированныхъ умовъ къ античной литературѣ и лучшимъ воспитаніемъ артистовъ, которые вновь нашли въ греческой школѣ чувство красоты; это—вся совокупность (l'ensemble même) итальянской цивилизаціи, истинное выраженіе генія и нравственной жизни Италіи [5]). О гуманистическомъ движеніи въ литературѣ XV вѣка авторъ выражается такъ: „Весь Ренессансъ бросился тогда въ сторону искусствъ, эрудиціи, Платоновой философіи, политики и наслажденія“ [6]). При такомъ неясномъ опредѣленіи слѣдствія трудно говорить о причинахъ. Та часть книги Жебара, гдѣ рѣчь идетъ о первыхъ писателяхъ Возрожденія, также не разъясняетъ его взглядовъ на движеніе. На-

[1]) Ibid. p. 60—61.
[2]) Ibid. p. 68 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 76 и слѣд.
[4]) Ibid. p. 70 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 51.
[6]) Ibid. p. 171.

ряду съ Петраркой и Боккаччіо [1]) авторъ называетъ Данте и итальянскихъ хронистовъ отъ Малеспини до Веллути, а современниковъ и послѣдователей двухъ первыхъ гуманистовъ обходитъ полнымъ молчаніемъ. Гдѣ же специфическіе признаки Возрожденія?

Послѣднія крупныя работы по исторіи Возрожденія принадлежатъ Гейгеру и Кёртингу [2]). Не разъ упомянутая нами книга Гейгера захватываетъ все гуманистическое движеніе въ Италіи и Германіи: въ этомъ заключается и ея главное значеніе въ исторіографіи Возрожденія вообще, и ея скромное мѣсто въ литературѣ о занимающей насъ эпохѣ. Общій обзоръ исторіи гуманизма Гейгера пополняетъ, до извѣстной степени, весьма чувствительный недостатокъ въ такихъ работахъ; но, захватывая широкую эпоху, авторъ, по необходимости, уступаетъ въ обстоятельности Фогту и Сэймондсу [3]). По системѣ изложенія Гейгеръ примыкаетъ къ Фогту, по взгляду на эпоху также и къ Буркгардту, соединяя вмѣстѣ воззрѣнія обоихъ предшественниковъ. Возрожденію, говоритъ онъ, даютъ названіе „Ренессанса, т.-е. Возрожденія, именно возрожденія древности въ искусствѣ, наукѣ и жизни, и названіе гуманизма, человѣческаго образованія, совершеннаго развитія внутреннихъ и внѣшнихъ свойствъ и способностей (Fähigkeiten und Fertigkeiten) человѣка“ [4]). Гейгеръ озаглавливаетъ свою книгу: „Ренессансъ и гуманизмъ“, но изъ ея содержанія не видно, считаетъ ли авторъ возрожденіе и гуманизмъ двумя сторонами движенія или двумя его моментами, и вообще это различіе понятій не оказываетъ замѣтнаго вліянія на изложеніе.

Книга Кёртинга „Начала литературы Возрожденія“ распадается на три части: обширное введеніе, занимающее двѣ трети книги,

---

[1]) Объ отношеніи Жебара къ Петраркѣ и Боккаччіо см. 1-е изд., p. 398—99 и 552—553.

[2]) Вышедшія одновременно съ Яничекомъ и Жебаромъ Italienische Studien Геттнера касаются почти исключительно искусства. Изъ гуманистовъ авторъ останавливается только на Петраркѣ и Боккаччіо, и мы въ 1-мъ изд. отмѣтили его очень мѣткія и важныя замѣчанія (p. 399—400 и 552). Вышедшая нѣсколько раньше брошюра проф. Карѣева (*Очерки Возрожденія. Воронежъ 1876*) имѣетъ цѣлью выяснить для учащихся основныя черты движенія. Такимъ же характеромъ отличается книжка *Fioretto* (*Gli umanisti e lo studio del latino e del greco nel secolo XV in Italia. Appunti. Verona 1881*).

[3]) Отношеніе Гейгера къ Петраркѣ см. 1-е изд., p. 400, къ Боккаччіо, p. 572—74, къ Салютати 820 — 21, къ гуманистическому движенію при куріи, p. 710, въ Миланѣ 904, въ Венеціи 986.

[4]) Renais. und Hum., p. 3.

оцѣнку „предшественниковъ Возрожденія (Муссато, Бр. Латино и Данте)“ и короткую характеристику Петрарки и Боккаччіо, которымъ авторъ ранѣе посвятилъ особыя сочиненія. Послѣдняя часть была разсмотрѣна нами выше [1]), вторая стоитъ внѣ нашей задачи, и мы остановимся только на тѣхъ главахъ введенія, которыя непосредственно касаются гуманистическаго движенія [2]). Характеризовавши прежде всего культуру позднѣйшихъ періодовъ древности и Среднихъ вѣковъ, Кёртингъ очень просто объясняетъ происхожденіе культуры Ренессанса: какъ только „специфически средневѣковой духъ потерялъ господство надъ умами“, ожила древность, какъ пшеничныя зерна, вынутыя изъ египетскихъ саркофаговъ [3]). Но этому „возрожденію“ въ буквальномъ смыслѣ слова предшествовалъ продолжительный подготовительный процессъ, и авторъ перечисляетъ всѣ средневѣковыя учено-литературныя произведенія, въ которыхъ обнаруживаются какіе-нибудь слѣды, хотя чисто формальнаго знакомства съ древностью. Но настоящее Возрожденіе началось въ Италіи, и въ объясненіе этого факта развиваются идеи Жебара и заимствованныя имъ у Буркгардта. При этомъ Кёртингъ считаетъ возможнымъ подробно распространяться о томъ, что центромъ гуманистическаго движенія могла сдѣлаться только Флоренція. Нижняя Италія представляла пеструю культурную смѣсь, поэтому движеніе началось здѣсь позже и не было особенно интенсивно; Римъ неспособенъ былъ къ первенству по своему средневѣковому значенію; города средней Италіи—по географическому положенію; поэтому средоточіемъ гуманизма сдѣлались города Тосканы, Лигуріи, Ломбардіи и Венеціанской области; но и здѣсь болѣе значительные центры, какъ Генуя, Миланъ и Венеція, поглощенные политическими интересами, не были способны руководить культурнымъ движеніемъ, и эта роль досталась на долю Флоренціи [4]). Если допустить, что эти разсужденія объясняютъ дѣйствительный фактъ, то и тогда они не обладаютъ убѣдительностью; но въ данномъ случаѣ и наличность самого факта не подтверждается источниками.

Въ опредѣленіи сущности Возрожденія Кёртингъ не только повторяетъ старые взгляды, но и выводитъ изъ нихъ крайнія заклю-

---

[1]) См. 1-е изд. р. 400—402 и 574.

[2]) Болѣе подробный анализъ книги Кёртинга былъ сдѣланъ мною вскорѣ послѣ ея выхода (*Эпоха Возрожденія и германофилы*). Вѣстн. Евр. 1885, № 12).

[3]) Die Anfänge, p. 76 и слѣд.

[4]) Ibid. p. 112 и слѣд.

ченія. „Культура Ренессанса,—говоритъ онъ,—была и еще болѣе хотѣла быть обновленіемъ или реставраціей античной культуры. Ея стремленіе было направлено на то, чтобы изъ разсѣянныхъ культурныхъ матеріаловъ, сохранившихся отъ древности, возвести новое зданіе, или, какъ можно выразиться иначе, чтобы вновь вдохнуть античную душу въ еще сохранившуюся матерію античной культуры [1]). Гуманисты, по мнѣнію автора, должны были стремиться „устранить средневѣковую религіозную форму, т.-е. христіанство и вновь установить религіозную форму классической древности, т.-е. политеизмъ“ [2]), поэтому „христіанство и Ренессансъ находились въ принципіальномъ, непримиримомъ противорѣчіи другъ съ другомъ“; оно могло „легко и безопасно“ позволить какое угодно занятіе древней литературой, но „не могло, не отрицая себя, допустить, чтобы вновь ожилъ античный духъ, что однако случилось въ Ренессансѣ“, который „воскресилъ эгоизмъ римской древности, ея жажду наслажденія и презрѣніе къ человѣку“ [3]). Но реставраціонная попытка гуманистовъ должна была простираться и на политическую сферу: конечной цѣлью Ренессанса должно было быть возстановленіе римской имперіи, все равно въ республиканской или монархической формѣ“ [4]). Кёртингъ признаетъ, что гуманисты должны были поневолѣ вступить въ компромиссъ съ современной культурой, потому что осуществленіе ихъ идеаловъ было невозможно: кромѣ религіи и политическихъ формъ, измѣнилась почва, истреблены были лѣса, море ушло отъ береговъ, и образовались болота и т. д., а также и новые итальянцы отличны отъ древнихъ римлянъ. Но всѣ характерныя свойства Ренессанса и его историческое значеніе выводятся изъ этой реставраціи.

Кёртинга нельзя упрекнуть въ умаленіи заслугъ гуманистическаго движенія. Возрожденіе, по его словамъ, ввело въ новую образованность античную культуру, „безъ обладанія которой человѣчеству пришлось бы страдать отъ тяжкой духовной бѣдности“. Оно освободило индивидуальность и вызвало духъ критики и анализа, чѣмъ положило основаніе новой наукѣ, которая носитъ свѣтскій характеръ, способна къ развитію, близка къ жизни, отличается доступностью. Оно положило начало публичнымъ библіотекамъ, усилило

---

[1]) Ibid. p. 121.
[2]) Ibid. p. 124.
[3]) Ibid. p. 126.
[4]) Ibid. p. 131.

интересъ къ знанію въ обществѣ, породило вліятельное свѣтское сословіе ученыхъ. Оно создало новое искусство, литературный языкъ и новую литературу, ввело ее въ общежитіе и образовало читающую публику; оно эмансипировало женщину, ввело ее въ общество и этимъ облагородило общественные нравы [1]). Эта оцѣнка отчасти навѣяна книгой Буркгардта, отчасти является результатомъ простого сопоставленія нѣкоторыхъ сторонъ средневѣковой и новой культуры; въ цѣломъ и общемъ съ ней можно согласиться, и подобное перечисленіе результатовъ Возрожденія лучшая сторона Введенія Кёртинга. Но она носитъ афористическій характеръ и оставляетъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ реакціоннаго и фантастическаго стремленія гуманистовъ получились столь прогрессивные и жизненные результаты? Кёртингъ приближается къ истинѣ, потому что удаляется отъ своего взгляда на сущность Возрожденія; ближе къ своему опредѣленію стоитъ онъ въ характеристикѣ темныхъ сторонъ гуманизма, и эта сторона его оцѣнки движенія нуждается въ значительныхъ поправкахъ.

Прежде всего культура Возрожденія, по Кёртингу, была совершенно безбожная, такъ какъ гуманисты были безсильны возстановить политеизмъ и не могли примириться съ христіанствомъ [2]). Въ дѣйствительности гуманисты примиряли не древній политеизмъ, а новыя потребности, и не съ христіанствомъ вообще, а съ средневѣковымъ католицизмомъ, и въ результатѣ получался индифферентизмъ, а не безбожіе. Далѣе, оно „было направлено слишкомъ односторонне на форму и лишено глубокихъ идей“; оно было „односторонне, слишкомъ односторонне эстетично“ [3]), утвержденіе, стоящее въ противорѣчіи не только съ источниками, но и съ другимъ, тоже невѣрнымъ положеніемъ автора, что гуманисты хотѣли возстановить „античный духъ“ и притомъ духъ римской, а не греческой древности. Этому послѣднему факту Кёртингъ придаетъ огромное значеніе, хотя объясняетъ его чисто случайными причинами. По его словамъ, Возрожденіе воспроизводило только поздне-римскую культуру, т.-е. „весьма несовершенную копію эллинской древности“ [4]), и это имѣло роковое значеніе не только для Ренессанса, но и для настоящаго времени. „Отсутствіе этическихъ принциповъ въ Воз-

---

[1]) Ibid. p. 147—154 и 190—299.
[2]) Ibid. p. 126 и слѣд., 155 и слѣд. и 180.
[3]) Ibid. p. 181, 182.
[4]) Ibid. p. 180.

рожденіи“ и ужасная безнравственность гуманистовъ коренятся главнымъ образомъ въ этомъ печальномъ явленіи. Вмѣстѣ съ римской литературой „ожили грубый римскій эгоизмъ, римская жестокость (Unbarmherzigkeit), римское презрѣніе къ людямъ и, хотя въ нѣсколько умѣренной формѣ, римская жажда наслажденія“ [1]). „Совершенно иначе развивался бы Ренессансъ, если бы вмѣсто латинскихъ греческіе поэты и прозаики дали руководящую нить его развитію. Насколько болѣе поднялось бы оно къ идеальнымъ высотамъ и насколько глубже было бы его идейное содержаніе!.. Можно считать роковымъ событіемъ (Verhängnisz) для новой Европы, что римскій элементъ, а не эллинство послужилъ базисомъ для Ренессанса“ [2]). Правда, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія Лессингъ, Винкельманъ, Гёте, Шиллеръ, Вольфъ, Отфр. Миллеръ, Бёкъ и другіе ввели въ новое образованіе эллинскій элементъ [3]), но это не вполнѣ исправило пагубное вліяніе ранняго зла [4]), и Кёртингъ жаждетъ новаго Ренессанса, который долженъ избѣжать недостатковъ, погубившихъ первое Возрожденіе, и „долженъ прежде всего стремиться къ тому, чтобы дать силу высокимъ моральнымъ идеямъ, сохранившимся въ эллинской древности, и чрезъ это обосновать или, по крайней мѣрѣ, утвердить истинный гуманизмъ, истинную гуманность“ [5]). Но почему же произошло столь печальное явленіе, погубившее гуманизмъ и оказавшееся роковымъ для новой Европы? Кёртингъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ уже въ своемъ первомъ сочиненіи: „грекъ Варлаамъ, лишивши Петрарку возможности болѣе глубоко познакомиться съ эллинскимъ языкомъ и образованіемъ своимъ быстрымъ удаленіемъ изъ Авиньона, разрушилъ гордое зданіе будущаго и на столѣтія рѣшилъ судьбу народовъ Европы. Малыя причины, великія слѣдствія!“ [6]). Правда, Хризолоръ и другіе греки могли бы поправить роковую торопливость Варлаама, но тогда было уже слишкомъ поздно: „развитіе Ренессанса,—говоритъ Кёртингъ,—тогда зашло уже слишкомъ далеко и сдѣлалось слишкомъ односторонне римскимъ“ [7]).

Кёртингъ самъ называетъ свое выясненіе „сущности и цѣны

---

[1]) Ibid. p. 155.
[2]) Ibid. p. 142.
[3]) Ibid. p. 183.
[4]) Ibid. p. 139.
[5]) Ibid. p. 184.
[6]) Petrarca's Leben., 154.
[7]) Die Anfänge, p. 138.

Возрожденія“ „только афоризмами“ [1]); но это не единственный и не главный недостатокъ книги: его афоризмы навѣяны не изученіемъ гуманистической литературы, а только новѣйшей исторіографіей Возрожденія. Третій томъ „Исторіи литературы Италіи въ эпоху Возрожденія“ Кёртинга лишенъ главнаго достоинства двухъ предшествующихъ, посвященныхъ Петраркѣ и Боккаччіо: въ немъ не видно знакомства съ источникомъ.

Книга Кёртинга—послѣднее произведеніе, спеціально посвященное общей исторіи Возрожденія; позже появилось нѣсколько журнальныхъ статей, по большей части вызванныхъ новыми сочиненіями общаго содержанія и рѣдко прибавляющихъ что-либо въ характеристикѣ эпохи. Сюда относятся, во-первыхъ, статьи Жебара и Бодрильяра по поводу перевода на французскій языкъ книги Буркгардта. Жебаръ излагаетъ взгляды Буркгардта [2]), но въ его статьѣ мы находимъ очень мѣткое объясненіе одного важнаго явленія—предпочтенія гуманистами латинской литературы передъ греческой. „Возрожденіе,—говоритъ онъ,—требовало отъ Греціи литературныхъ образцовъ, философскихъ доктринъ, а у римскихъ писателей искало оно самого человѣка. Греческая литература носитъ безличный характеръ вслѣдствіе своего высокаго идеализма, вслѣдствіе своего равнодушія къ біографическимъ деталямъ, къ индивидуальнымъ чертамъ. Римляне жили и мыслили въ менѣе возвышенной сферѣ; у нихъ болѣе интереса къ своей собственной моральной жизни; они обладаютъ болѣе глубокимъ чувствомъ внутренней жизни, имѣютъ рѣшительную наклонность къ наблюденію надъ совѣстью“ [3]). Бодрильяръ въ упомянутой выше статьѣ [4]), излагая взгляды Буркгардта, пытается выгородить церковь изъ среды деморализующихъ факторовъ въ эпоху Возрожденія [5]). Акад. Веселовскій по поводу нѣсколькихъ сочиненій, прямо или косвенно относящихся къ эпохѣ Ренессанса, формулируетъ заключавшіяся въ ней „противорѣчія практики и теоріи, язычества и христіанства, христіанской и языческой нравственности, этики и эстетики“ [6]).

---

[1]) Ibid. p. 120.

[2]) *Gebhart, La Renaissance italienne et la philosophie de l'histoire. La theorie de Jacob Burckhardt.* (Въ Rev. d. deux Mondes 1885. 15 Nov. p. 342 и слѣд. и перепечатано въ *Études méridionales. Paris. 1887*, p. 1 и слѣд.).

[3]) Études mérid., p. 47—48.

[4]) См. выше.

[5]) L. c. p. 207.

[6]) *А. Веселовскій, Противорѣчія итальянскаго Возрожденія* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1888 № 11, p. 316 и слѣд.).

Нѣкоторый интересъ представляетъ статья Kautsky [1]), какъ единственная попытка объясненія гуманизма съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. „Новая форма производства,—говоритъ авторъ,—требовала также новыхъ формъ мышленія и создала для него новое содержаніе“, отсюда произошелъ гуманизмъ [2]). „Товарное производство вытѣснило феодальный способъ производства“, отсюда вражда гуманистовъ къ Среднимъ вѣкамъ, отсюда же и увлеченіе древностью: „итальянскія торговыя республики... съ восторгомъ встрѣтили литературу древней аѳинской торговой республики“ [3]). Далѣе, „начала капиталистическаго производства создали абсолютную монархію и выработали національную идею, и гуманисты вопреки своимъ мечтаніямъ о Демосѳенахъ и Цицеронахъ, вопреки тому, что сами они по большей части происходили изъ городскихъ республикъ, стали пламенными защитниками объединенія націи подъ властью одного государя“ [4]) и т. д. Наконецъ, въ XVI столѣтіи „источники богатства Италіи исчезли: вмѣстѣ съ ними исчезло и духовное величіе ея. Торговля и эксплоатація были матеріальными основами гуманизма. Онъ и исчезъ вмѣстѣ съ ними. Но онъ исчезъ не безслѣдно. Его тенденціи возродились въ іезуитствѣ“ [5]). Если бы авторъ и имѣлъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія объ эпохѣ Возрожденія, то и тогда такими пріемами онъ не объяснилъ бы гуманистическаго движенія.

Изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ гуманистическаго движенія гораздо незначительнѣе и количественно, и качественно, чѣмъ общія сочиненія по эпохѣ. Такъ, философіи Ренессанса посвящены два изслѣдованія; но одно изъ нихъ ограничивается отдѣльной личностью, другое осталось неоконченнымъ. Въ 1874 году *Фритцъ Шультце* подъ заглавіемъ „Исторія философіи Ренессанса“ издалъ монографію о Гемистосѣ Плетонѣ и только во введеніи коротко говоритъ о его предшественникахъ. По взгляду Шультце, все фи-

---

[1]) *K. Kautsky*, *Вѣкъ гуманизма и реформаціи.* (Мнѣ статья извѣстна только по переводу въ Сѣверн. Вѣстн. 1889, №№ 11 и 12 и 1899 № 2).

[2]) Сѣв. Вѣстн. 1890, № 2, p. 162.

[3]) Ibid. p. 163.

[4]) Ibid. p. 163—164.

[5]) Ibid. p. 170. Только по заглавію мнѣ извѣстны слѣдующія журнальныя статьи о Возрожденіи: *Gross F.*, *Die Renaissance und die Vorläufer der Reformation* (Europa 1883, № 45); *Casentano A.*, *La rinascenza* (Napoli letteraria 1884, № 24); *Caravelli*, *Il Rinascimento in relazione col commercio del medio evo* (L'Ateneo Veneto 1891, 1) и статья *Raesch'a Renaissance und Humanismus in Italien. 1885.*

лософское движеніе Ренессанса до Плетона (1438) сводится къ постепенному развитію платонизма, которое обусловливалось съ одной стороны естественною ненавистью гуманистовъ къ Аристотелю, какъ къ основѣ схоластики, съ другой — вліяніемъ раннихъ грековъ. „Ненависть къ схоластикѣ,—говоритъ онъ,—переносится на схоластика κατ' ἐξοχήν, на Аристотеля", а въ то же время Варлаамъ внушалъ любовь къ Платону Петраркѣ, Пилатъ—Боккаччіо, Хризолоръ—своимъ ученикамъ [1]). Выше мы видѣли, что такой взглядъ рѣшительно не оправдывается источниками, и авторъ не можетъ привести никакихъ фактовъ для его обоснованія.

Фр. Фіорентино, другой ученый, имѣвшій въ виду изслѣдовать въ философскомъ отношеніи „quel periodo, molto deriso e poco studiato", значительно шире поставилъ свою задачу. Но исходя изъ того положенія, что соборы были главнымъ факторомъ философскаго движенія въ Италіи [2]), Фіорентино останавливается главнымъ образомъ на XV столѣтіи и только въ двухъ главахъ, въ формѣ введенія, касается занимающей насъ эпохи, при чемъ и эти главы вслѣдствіе смерти автора не получили окончательной обработки. Кратко разсматривая въ одной изъ нихъ (L'umanismo nella filosofia) мѣстное философское движеніе, начиная съ Петрарки, Фіорентино совершенно вѣрно объясняетъ симпатію родоначальника гуманистовъ къ Платону сравнительной близостью этого философа къ христіанству [3]); но его утвержденіе, что и продолжатели Петрарки, какъ Бруни, предпочитали Платона Аристотелю, противорѣчитъ источникамъ и объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что авторъ только по заглавію знаетъ Isagogicon [4]). Другая глава, гдѣ излагаются этическія воззрѣнія гуманистовъ (I moralisti), совершено игнорируетъ Петрарку и его послѣдователей до Валлы, что можно объяснить только неоконченностью работы.

Еще менѣе значенія въ исторіографіи ранняго гуманизма имѣютъ два сочиненія по исторіи литературы Возрожденія. Одно изъ нихъ, принадлежащее Инверницци, имѣетъ въ виду XV столѣтіе, а гуманистамъ двухъ первыхъ поколѣній авторъ посвящаетъ только

---

[1]) *Fritz Schultze, Geschichte der Philosophie der Renaissance. I. Band. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena 1874*, p. 18—19.

[2]) *Francesco Fiorentino, Il Risorgimento filosofico nel quattrocento Opera postuma Napoli MDCCCLXXXV*, p. 4.

[3]) Ibid. p. 180.

[4]) Ibid. p. 183 и слѣд., ср. p. 201.

незначительный параграфъ во введеніи [1]). Маркъ Моннье, авторъ другого сочиненія, захватываетъ болѣе широкую эпоху отъ Данте до Лютера; но онъ разсматриваетъ литературное движеніе за это время во всей Европѣ, поэтому отводитъ итальянскому гуманизму очень немного страницъ и, кромѣ Петрарки и Боккаччіо, упоминаетъ только главнѣйшихъ дѣятелей Возрожденія половины XV столѣтія [2]). Исторіографіи Ренессанса посвящена вступительная лекція *Ферраи*, составленная на основаніи общихъ сочиненій [3]); съ педагогическими идеями Возрожденія познакомилъ русскую публику проф. Н. И. Стороженко въ публичной лекціи [4]). Изслѣдованіе отношенія гуманистовъ къ праву и ихъ вліянія на развитіе юридическихъ наукъ едва только началось. Такъ, *Л. Кіаррелли* въ короткой статьѣ дѣлаетъ очень бѣглый обзоръ полемики противъ юристовъ отъ XIV до XVI столѣтія и приходитъ къ тому выводу, что „измѣненія руководящихъ принциповъ и метода юриспруденціи произошли въ этотъ періодъ исторіи права не по ея собственному импульсу, не изъ творческаго духа юристовъ, а благодаря геніальнымъ интуиціямъ литераторовъ, философовъ и другихъ мыслителей", что „Петрарка первый пытался реформировать схоластическую юриспруденцію", что „Валла, прилагая къ праву филологію и исторію, былъ предшественникомъ Альчіати" [5]). Наконецъ, лишь за послѣднее время начали ближе изслѣдовать вопросъ о вліяніи античной литературы на Возрожденіе; но и здѣсь едва сдѣланы только первые шаги. Кромѣ упомянутыхъ выше брошюръ Гортиса объ отношеніи Петрарки и Боккаччіо къ Ливію и Цицерону [6]), Р. Саббадини написалъ „*Исторію Цицероніанизма и*

[1]) L. c. p. 17 и слѣд. Отношеніе Инвернициі къ Бруни см. 1-е изд., p. 704—705.

[2]) L. c. 193 и слѣд. О Петраркѣ см. 1-е изд., p. 402.

[3]) *L. A. Ferrai, La istoriografia italiana e la società del Renaisimento. Milano 1888.* Историческіе труды Бруни, Біондо и Поджіо авторъ называетъ documenti insufficienti per quel età fortunosa и всю тогдашнюю исторіографію—la pedantesca imitazione di Livio, di Sallustio, di Cesare (p. 10).

[4]) Авторъ пропускаетъ Бруни и говоритъ о Витторино, Веджіо и Верджеріо. См. 1-е изд., p. 960.

[5]) *Luigi Chiappelli, La polemica contro i legisti del secoli XIV, XV* e *XVI.* (Въ Archivio giuridico 1881. Vol. XXVI, p. 311—312). Книга *Dante dal Re, I precursori Italiani di una nuova scuola di diritto Romano nel secolo XV. Roma 1878* мнѣ извѣстна только по цитатѣ Chiappelli (p. 302) и отзыву Фогта, по словамъ котораго она giebt nur eine Reihe wie zufällig herausgegriffene Excerpte (II, p. 491).

[6]) См. 1-е изд., p. 448.

другихъ литературныхъ вопросовъ въ эпоху Возрожденія". Но первая половина небольшой книжки разсматриваетъ вліяніе Цицерона исключительно со стороны формы; что касается до другихъ литературныхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ авторомъ, то или въ нихъ идетъ рѣчь тоже о формѣ, или они представляютъ неполное изложеніе взглядовъ нѣкоторыхъ гуманистовъ на весьма немногіе вопросы [1]). Итакъ, спеціальная исторіографія эпохи Возрожденія послѣ Фогта и Буркгардта представляетъ собою прежде всего попытку примирить нѣсколько узкій взглядъ на движеніе перваго съ широкимъ до неопредѣленности воззрѣніемъ второго, а затѣмъ развить и дополнить сочиненія обоихъ изслѣдователей. Эта вторая задача сравнительно успѣшно выполнена новѣйшей исторіографіей: Сэймондсъ и Гейгеръ расширили хронологическіе предѣлы изслѣдуемой эпохи; Жебаръ и Кёртингъ обстоятельнѣе разсмотрѣли причины и слѣдствія движенія; Сэймондсъ и Яничекъ сдѣлали попытку измѣнить принципъ изложенія его исторіи. Гораздо менѣе удовлетворительно рѣшена первая задача — выясненія сущности движенія посредствомъ примиренія противоположныхъ взглядовъ Фогта и Буркгардта. „Понятіе итальянскаго Возрожденія — сложное, и разъясненія ему я не нахожу въ новѣйшихъ трудахъ Гейгера и Кёртинга", писалъ русскій изслѣдователь Возрожденія послѣ появленія послѣдняго по времени общаго сочиненія, посвященнаго этой эпохѣ [2]). Мнѣ кажется, что главная причина такой неуспѣшности заключается въ маломъ интересѣ новыхъ изслѣдователей къ содержанію гуманистической литературы, между тѣмъ какъ только она можетъ дать правильное понятіе о цѣляхъ стремленій гуманистовъ и о средствахъ, которыми они пользовались для достиженія своихъ цѣлей, а слѣдовательно о сущности и характерѣ самаго движенія. Опираясь на разсмотрѣнные выше источники, я и рѣшаюсь сдѣлать новую попытку разрѣшить эту задачу по отношенію къ раннему періоду эпохи Возрожденія.

---

[1]) *Remigio Sabbadini. Storia del Ciceronianismo e di altre questioni letterarie nell'età della Renascenza. Torino 1886.* Статья *R. Förster, Lucian in der Renaissance* (въ Archiv für Litteraturgeschichte 1886, XIV) мнѣ осталось неизвѣстной.

[2]) Веселовскій, Противорѣчія итал. Возр., p. 317.

IV.

Въ чемъ заключается сущность гуманистическаго движенія? — Два признака гуманистической литературы. — Проявленія въ ней индивидуализма. — Отношеніе гуманистовъ къ древности; ихъ попытки выработать новыя религіозныя воззрѣнія, новую этику, педагогію, политику и науку. — Опредѣленіе гуманистическаго движенія.

Два существенныхъ признака составляютъ особенность гуманистической литературы: проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности. Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ-третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка.

Интересъ къ себѣ самому и къ своему внутреннему міру обнаруживается уже съ полной ясностью у Петрарки. Его Canzoniere — лѣтопись сердца автора; Secretum — его внутренняя исторія; письмо къ потомству — фактическая автобіографія, и остальную переписку онъ собираетъ для того, чтобы сообщить читателю „теченіе своей жизни“. Петрарка разсказываетъ о себѣ и въ эклогахъ, и въ поэмѣ о Сципіонѣ, и во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ [1]). Правда, пѣвецъ Лауры — лирикъ по преимуществу; но этотъ субъективизмъ былъ характерной чертой всѣхъ его послѣдователей, независимо отъ ихъ личныхъ свойствъ. Боккаччіо въ Филострато изобразилъ собственное состояніе, и автобіографическими чертами не только переполнены всѣ его романы и латинскіе трактаты, но онѣ встрѣчаются совершенно неожиданно и неумѣстно въ его географическомъ сочиненіи [2]). Авторъ Декамерона въ этомъ отношеніи заходитъ даже далѣе пѣвца Лауры. Такъ, инвективы Петрарки или самозащита, или вызваны теоретическими вопросами; Боккаччіо переноситъ въ литературу чисто личныя дѣла: обиженный меценатомъ,

[1]) См. 1-е изд. p. 207—9, 269—70.
[2]) Ibid. p. 492—3, 483, 485, 489; 346.

онъ составляетъ противъ него инвективу въ формѣ письма; отвергнутый одной женщиной, онъ не только пишетъ противъ нея памфлетъ, но и заявляетъ, что прибѣгать изъ мести къ такому оружію составляетъ неотъемлемое право писателя [1]). Автобіографическія черты встрѣчаются и у другихъ гуманистовъ: Рамбальди дѣлаетъ такія отступленія въ своемъ комментаріи къ Данте [2]), Салютати — въ трактатѣ „О судьбѣ“ [3]), Конвертино — въ діалогѣ „Драматологія“ и въ баснѣ о паукѣ, при чемъ въ первомъ произведеніи авторъ пишетъ настоящую инвективу противъ Франческо Новелло, прекратившаго выдачу ему жалованья [4]). Переписка Верджеріо, Барцицы, Бруни переполнена личными и часто крайне мелочными дѣлами [5]). Наконецъ, Бруни первый составилъ историческіе мемуары, въ которыхъ личность автора занимаетъ весьма видное мѣсто [6]).

Съ такою же несомнѣнною ясностью обнаруживается у перваго гуманиста интересъ къ человѣку. Его трактаты De remediis и De rebus memorandis — результатъ наблюденія надъ условіями внѣшней жизни человѣка и надъ его психическими свойствами [7]). Интересъ къ человѣку проявляется во всемъ, что̀ привлекаетъ мысль и чувство Петрарки: въ религіи онъ выражается равнодушіемъ къ богословію и требованіемъ самопознанія для благочестія [8]); въ философіи — невниманіемъ къ метафизикѣ и исключительнымъ интересомъ къ морали [9]); въ наукѣ на немъ основана самая классификація отраслей человѣческихъ знаній: на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ науки, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ человѣческому духу, далѣе идутъ тѣ, объектомъ которыхъ служитъ человѣческое тѣло, и послѣднее мѣсто занимаютъ науки о внѣшнемъ мірѣ [10]). Въ силу того же взгляда Петрарка сводитъ исторію къ біографіямъ и ея значеніе видитъ въ морали въ широкомъ смыслѣ этого слова [11]). Та же самая черта, хотя нѣсколько иначе, обнару-

[1]) Ibid. p. 461 и 509—10.
[2]) Ibid. p. 729.
[3]) Ibid. p. 790.
[4]) Ibid. p. 945, 949, 941.
[5]) Ibid. p. 965, 909 и 646.
[6]) Ibid. p. 673—4.
[7]) Ibid. p. 181—83, 259—260.
[8]) Ibid. p. 190—192.
[9]) Ibid. p. 190—191, 389—91.
[10]) Ibid. p. 200—201 и 197.
[11]) Ibid. p. 249—50.

живается и у Боккаччіо. Его историческія произведенія De claris mulieribus и De casibus virorum съ ихъ этическими отступленіями ясно показываютъ, чего авторъ ищетъ въ исторіи; близкое знакомство съ человѣческими свойствами составляетъ характерную особенность его Декамерона, и Боккаччіо — авторъ перваго психологическаго романа, въ которомъ онъ изображаетъ не свое собственное состояніе, а чувства покинутой женщины [1]). Также заинтересованы человѣкомъ и послѣдователи первыхъ гуманистовъ. Книга Рамбальди Augustalis libellus — собраніе біографій; философскіе трактаты Салютати заняты исключительно этическими вопросами; сочиненіе Конвертино De rebus memorandis такая же иллюстрація свойствъ человѣка, какъ и аналогичное произведеніе Петрарки; Верджеріо выше всего ставитъ такую философію, которая „живетъ въ городахъ“, заботится „объ общемъ благѣ и старается быть полезной наибольшему количеству людей“ [2]). Гуарино и Бруни съ особенной охотой переводятъ біографіи Плутарха [3]); наконецъ, въ самостоятельныхъ произведеніяхъ Бруни біографія занимаетъ видное мѣсто, а въ исторіи онъ, подобно Петраркѣ, ищетъ назидательности, хотя придаетъ этому слову иное и болѣе глубокое значеніе [4]).

Этотъ интересъ къ человѣку проникнутъ анти-аскетическимъ и вообще не средневѣковымъ характеромъ, потому что гуманисты высоко цѣнятъ духовныя свойства человѣка, не считаютъ зломъ его физической природы, ставятъ индивидуальныя свойства выше сословныхъ привилегій и не придаютъ никакого значенія знатности. Эта черта обнаруживается уже въ произведеніяхъ Петрарки, несмотря на его пессимизмъ и на тѣсную связь съ предшествующей эпохой. Въ его трактатѣ De vita solitaria мы находимъ панегирикъ „благородному“ человѣческому духу [5]); въ сочиненіи De rebus memorandis онъ высоко ставитъ практическія способности человѣка, даже не способнаго къ научной дѣятельности [6]), и такъ располагаетъ свои примѣры, иллюстрирующіе человѣческія свойства, что вся книга является фактическимъ доказательствомъ высокаго

---

[1]) Ibid. p. 494.
[2]) Ibid. p. 970—71.
[3]) Ibid. p. 926—27; 664—65.
[4]) Ibid. p. 667 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 186—7.
[6]) Ibid. p. 259.

достоинства нашей природы. Гораздо далѣе въ этомъ отношеніи идетъ Боккаччіо. Въ De casibus virorum, говоря о краснорѣчіи, онъ слагаетъ гимнъ человѣческой природѣ [1]); во введеніи къ 4 дню Декамерона онъ защищаетъ все естественное въ человѣкѣ и объявляетъ борьбу съ требованіями природы дѣломъ безполезнымъ или даже вреднымъ [2]). Любовь для него въ Amorosa Visione — высшее благо, въ Декамеронѣ не только непреодолимая естественная потребность, но и культурная сила (V, I), въ латинскомъ трактатѣ De claris mulieribus — благотворная основа семейнаго союза [3]). Свойство человѣка, доведенное до высокаго развитія, большое достоинство въ глазахъ Боккаччіо: онъ вноситъ въ свою памятную книжку всякихъ знаменитостей и въ предисловіи къ De claris mulieribus ставитъ въ особую заслугу женщинамъ тотъ фактъ, что онѣ добиваются извѣстности, несмотря на слабость своего пола [4]). Боккаччіо чуждъ всякой исключительности: онъ признаетъ значеніе всякой науки и всякаго ремесла, и считаетъ долгомъ человѣка не борьбу съ своими наклонностями, а расположеніе сообразно съ ними своей жизни и занятій [5]). Благородное происхожденіе не имѣетъ для него никакой цѣны, и въ Amorosa Visione, въ Corbaccio и въ Декамеронѣ мы находимъ настоящую проповѣдь противъ знатности во имя равенства всѣхъ по рожденію и индивидуальныхъ свойствъ, какъ единственнаго отличія между людьми [6]). Подобныя воззрѣнія мы находимъ и у послѣдователей Петрарки и Боккаччіо. Средневѣковой по духу трактатъ Салютати De saeculo только по взгляду автора на человѣческую природу принадлежитъ къ гуманистической литературѣ. Салютати считаетъ волю человѣка наклонной къ добру и человѣческую природу способной достигнуть ангельскаго совершенства [7]). Возражая Петраркѣ, который утверждаетъ, что медику не нужно краснорѣчіе, онъ проводитъ ту мысль, что врачъ не долженъ быть узкимъ спеціалистомъ и ему слѣдуетъ обладать широкимъ и глубокимъ интересомъ къ знанію вообще [8]). Конвертино смотритъ на человѣческую природу, какъ Салютати, чуждъ всякой

---

[1]) Ibid. p. 439.
[2]) Ibid. p. 497.
[3]) Ibid. p. 487, 488, 434.
[4]) Ibid. p. 459 и 433.
[5]) Ibid. p. 427.
[6]) Ibid. p. 489, 510, 507.
[7]) Ibid. p. 794.
[8]) Ibid. p. 804.

исключительности, какъ Боккаччіо, и его трактатъ De rebus memorandis имѣетъ тотъ же смыслъ, что и аналогичное сочиненіе Петрарки [1]). Верджеріо въ своемъ педагогическомъ трактатѣ требуетъ всесторонняго развитія духа и тѣла и самъ стремится къ универсальности въ духовной сферѣ [2]). По мнѣнію Лоски, въ душѣ человѣка такъ глубоко и прочно лежатъ сѣмена добродѣтели, что ихъ нельзя истребить никакими пороками [3]). Гуарино длиннымъ письмомъ защищаетъ семью и женщину [4]). Но особенно послѣдовательно проводится эта точка зрѣнія въ сочиненіяхъ Бруни. Въ Isagogicon онъ настаиваетъ на той мысли, что человѣкъ по природѣ стремится къ добру, что цѣль философіи только устраненіе ложныхъ воззрѣній, мѣшающихъ правильному исходу этихъ стремленій, а цѣль педагогіи шире развить природныя свойства и притомъ не только духовныя, но и физическія. Во взглядѣ на разумъ Бруни доказываетъ его несравненное превосходство надъ волей и считаетъ умственный недостатокъ гораздо бо́льшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ нравственная испорченность; по отношенію къ любви онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія введенія въ 4-й день Декамерона Боккаччіо, при чемъ въ этомъ духѣ вноситъ своимъ разсказомъ о Селевкѣ поправку въ его новеллу о Танкредѣ. Наконецъ, соціальный демократизмъ находитъ столь рѣзкое выраженіе въ діалогѣ Бруни о знатности, что на-ряду съ нимъ можно поставить только тѣ идеи, которыя Поджіо влагаетъ въ уста Никколи въ своемъ трактатѣ De nobilitate [5]).

Естественнымъ результатомъ анти-аскетическаго отношенія гуманистовъ къ человѣку былъ ихъ интересъ къ современной дѣйствительности и къ жизни вообще. Уже Петрарка, несмотря на свои пессимистическія ламентаціи [6]), очень заинтересовалъ жизнью. Правда, онъ стремится въ уединеніе; но его цѣль уединиться не отъ людей, а только отъ хлопотъ и заботъ [7]). Трактатъ De remediis свидѣтельствуетъ о его наблюдательности и хорошемъ знакомствѣ съ жизнью; нѣкоторые эпизоды изъ De rebus memorandis и нѣкоторыя эклоги

---

[1]) Ibid. p. 955, 945 и 953.
[2]) Ibid. p. 959, 970.
[3]) Ibid. p. 893.
[4]) Ibid. p. 931.
[5]) Ibid. p. 598 и 600; 601 и слѣд., 445, 693. О трактатѣ Поджіо p. 858 и слѣд.
[6]) Ibid. p. 189.
[7]) Ibid. p. 186—7.

показываютъ, что онъ зналъ и политическую дѣйствительность [1]), а его итальянскія стихотворенія, переписка и рѣчи служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что онъ охотно принималъ участіе въ текущей политической жизни. Интересъ къ жизни Боккаччіо едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. По вѣрному замѣчанію одного критика, Декамеронъ можетъ служить руководствомъ для изученія „флорентійскихъ частныхъ древностей“ [2]). Политическую современность Боккаччіо изображаетъ и въ Филокопо, и въ эклогахъ, и даже въ географическомъ сочиненіи [3]). Знакомство съ современной дѣйствительностью Рамбальди обнаруживаетъ въ своемъ комментаріи [4]), Салютати въ своей перепискѣ и инвективѣ [5]). Сочиненіе Конвертино De rebus memorandis — превосходная культурная картинка изъ современной автору дѣйствительности. Интересъ къ окружающей средѣ обнаруживаетъ и переписка Верджеріо [6]) и вся литературная дѣятельность Лоски. Бруни и въ этомъ отношеніи является самымъ характернымъ выразителемъ гуманистическихъ тенденцій. Въ біографіяхъ Данте и Петрарки онъ вступаетъ въ полемику съ первымъ гуманистомъ по поводу его восхваленій уединенія [7]). Бруни высоко ставитъ практическую дѣятельность, имѣетъ ее въ виду въ своихъ педагогическихъ теоріяхъ, посвящаетъ ей спеціальные трактаты [8]). Современная политическая дѣйствительность предметъ его глубокаго интереса: ей посвящетъ онъ историческія произведенія и ее имѣетъ въ виду въ своихъ политическихъ трактатахъ [9]). Но этотъ индивидуализмъ, являясь характернымъ свойствомъ гуманистической литературы, не составляетъ ея специфическаго признака. Спорадически онъ проявляется и въ предшествующую эпоху не только у отдѣльныхъ писателей, но и въ нѣкоторыхъ литературныхъ теченіяхъ, развившихся на почвѣ оппозиціи аскетическому идеалу [10]). Въ этомъ отношеніи гуманисты отличаются отъ своихъ предшественниковъ коли-

---

[1]) Ibid. p. 181—3, 253, 255, 267.
[2]) Ibid. p. 495—96.
[3]) Ibid. p. 483—4, 463, 448.
[4]) Ibid. p. 726—8.
[5]) Ibid. p. 809.
[6]) Ibid. p. 965.
[7]) Idid. p. 628.
[8]) Ibid. p. 600 и слѣд., 635 и слѣд.
[9]) Ibid. p. 672 и слѣд., 678 и слѣд.
[10]) См. Bartoli. I Precursori del Rinascimento и соотвѣтствующія мѣста у Фогта, Жебара и Кёртинга.

чественно, а не качественно. Ихъ качественная разница, составляющая специфическій признакъ движенія, заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры и въ стремленіи выработать на индивидуалистической основѣ новое міросозерцаніе, т.-е. построить на ней религію, мораль, педагогію, политику и науку. Это міросозерцаніе должно было дать теоретическое обоснованіе новымъ потребностямъ, ставшимъ въ противорѣчіе съ средневѣковыми идеалами. Весьма важную роль при выработкѣ новыхъ идеаловъ играла античная литература. Интересъ къ древности и сравнительно хорошее знакомство съ нею гуманистовъ нѣтъ надобности доказывать. Это проявляется въ каждомъ гуманистическомъ сочиненіи, и относительно этого никто никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но знаніе классическихъ языковъ и литературы само по себѣ еще менѣе, нежели индивидуализмъ, можетъ служить специфическимъ признакомъ гуманистическаго движенія. Не говоря уже о томъ, что между предшественниками гуманистовъ были люди, не хуже Петрарки знакомые съ древностью [1]), и въ занимающую насъ эпоху встрѣчаются отдѣльныя лица, которыя знаютъ древніе языки и литературу, но не раздѣляютъ гуманистическихъ стремленій, а иногда даже относятся враждебно къ движенію. Къ первой категоріи принадлежитъ, по всей вѣроятности, Билья, можетъ быть, Барцицца, ко второй—Ландини [2]). Для гуманистовъ древность нѣчто большее, чѣмъ объектъ науки. Они находятъ въ ней иногда родственное настроеніе, иногда готовую формулу для своихъ воззрѣній, иногда высокій образецъ для литературной или научной работы. Кромѣ того, античный міръ, и преимущественно древній Римъ, является въ ихъ глазахъ великою родною стариной, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше настоящаго. Совершенно естественно, что гуманисты любятъ древность, высоко цѣнятъ ея авторитетъ и стараются у нея учиться. Но живой интересъ къ дѣйствительности, пониманіе ея жизненности, силы и важности препятствуютъ слѣпому преклоненію передъ античнымъ прошлымъ, фантастическому стремленію воскресить отжившее, и гуманисты относятся къ классической древности такъ же критически, какъ къ ближайшему прошлому и современной дѣйствительности. Въ выработкѣ новаго міросозерцанія они руководятся индивидуальными потребностями, которыя служатъ для нихъ критеріемъ годнаго и подходящаго какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

---

[1]) Ibid.

[2]) См. 1-е изд. р. 901—3, 906 и слѣд. и 867.

Исходнымъ пунктомъ этой работы являлась индивидуальная потребность, основнымъ настроеніемъ по отношенію къ прошлому былъ критицизмъ, при чемъ классическая древность по временамъ служила опорой для новаго міросозерцанія, а современная дѣйствительность его регуляторомъ. Такое отношеніе между факторами гуманистическаго движенія обнаруживается болѣе или менѣе во всѣхъ направленіяхъ культурной работы гуманистовъ, за исключеніемъ выработки религіозныхъ воззрѣній. Изъ всѣхъ раннихъ гуманистовъ этотъ пунктъ болѣе всего занимаетъ Петрарку. Современныя ему формы христіанства не удовлетворяли его потребностямъ, и родоначальникъ гуманизма относился къ нимъ критически. Богословы представляются ему „болтунами“, Авиньонская курія Вавилонской блудницей; онъ пытается создать себѣ религіозное міросозерцаніе, которое дѣлало ненужной схоластическое богословіе, превращало монашество въ простое уединеніе созерцательной жизни [1]). Но изъ этой попытки ничего не вышло. Критицизмъ не былъ такъ силенъ, чтобы ниспровергнуть самыя основы католицизма: Вавилонская блудница все же признавалась намѣстникомъ Христа, распутные кардиналы все же считались членами „апостольской“ коллегіи, принципіально противъ монашества не было произнесено ни единаго слова [2]). Для успѣха въ этой сферѣ Петраркѣ недоставало болѣе глубокаго религіознаго чувства, которое сдѣлало бы, какъ позже, изъ Евангелія могучее оружіе противъ папства, а языческая древность здѣсь была для него совершенно безполезна, такъ какъ ее нельзя было противопоставить христіанству. Правда, въ эклогахъ и „Африкѣ“ проявляется такъ называемый „паганизмъ“ [3]), но это пустая формальность, не имѣвшая никакого вліянія на воззрѣнія автора. Наоборотъ, самый рѣзкій критицизмъ Петрарки по отношенію къ древнимъ писателямъ, самые суровые упреки по ихъ адресу обусловливались тѣмъ, что имъ было чуждо христіанское благочестіе [4]). Немногимъ отличаются и религіозныя воззрѣнія Боккаччіо. Его критицизмъ по отношенію къ церкви шире, но не глубже, чѣмъ у Петрарки [5]), единственный и весьма слабый намекъ на принципіальное отрицаніе касается монашества, но и онъ выраженъ только въ формѣ сомнѣнія въ цѣлесообразности обычнаго

---

[1]) Ibid. 214, 223, 189—190.
[2]) Ibid. p. 278—79, 203—204.
[3]) Ibid. p. 268, 270.
[4]) Ibid. p. 191, 197—98.
[5]) Ibid. p. 502—6, 510.

отношенія вѣрующихъ къ этому институту [1]). Формальный паганизмъ встрѣчается и у Боккаччіо, но онъ не имѣетъ никакого значенія уже потому, что авторъ Декамерона смотритъ на миѳъ съ точки зрѣнія Эвгемера [2]). Вторая гуманистическая генерація очень мало подвинулась впередъ въ этомъ отношеніи. Такъ, у Рамбальди замѣчается критицизмъ его предшественниковъ: онъ называетъ курію „великой блудницей“; его фактическія иллюстраціи напоминаютъ не только „Письма безъ адреса“ Петрарки, но и Декамеронъ Боккаччіо, изъ котораго онъ заимствуетъ разсказъ объ евреѣ Авраамѣ и о Чапеллетто. Но Рамбальди ортодоксальный папистъ и даже интересуется богословскими вопросами [3]). У Салютати критицизмъ обнаруживается въ несравненно болѣе слабой степени, а попытка построить новое религіозное міросозерцаніе сводится къ возвращенію къ самому строгому аскетическому идеалу [4]). У Верджеріо замѣчается слабая попытка выработать себѣ религіозныя воззрѣнія, имѣя въ виду исключительно нравственное ученіе христіанства, которое, по его словамъ, самое сильное доказательство въ пользу нашей вѣры; но и онъ слишкомъ крѣпко держится традиціоннаго католицизма и потому впадаетъ въ противорѣчіе. Такъ, коллегія кардиналовъ для него „основаніе религіи и глава вѣры“, а въ письмѣ противъ одного кардинала онъ отрицаетъ всякое значеніе этого сана [5]). Конвертино этотъ вопросъ, повидимому, совсѣмъ не занималъ, и такое же отношеніе къ нему обнаруживаютъ старшіе гуманисты третьей генераціи. Бруни въ инвективѣ противъ монаховъ доходитъ до принципіальнаго отрицанія этого учрежденія и провозглашаетъ принципъ, что улучшаетъ человѣка только искреннее чувство [6]); но въ его сочиненіяхъ мы не находимъ дальнѣйшаго развитія этихъ взглядовъ. Наконецъ, Лоски относится, повидимому, съ холоднымъ презрѣніемъ къ религіознымъ вопросамъ [7]).

Но каковы бы ни были результаты стремленій раннихъ гуманистовъ построить себѣ религіозное міросозерцаніе, самый фактъ существованія такой попытки и ея индивидуалистическій характеръ не подлежатъ сомнѣнію. Такимъ же характеромъ отличаются и моральные

---

[1]) Ibid. p. 499—502, ср. p. 426—7.
[2]) Ibid. p. 467, 481—83.
[3]) Ibid. p. 723—25.
[4]) Ibid. p. 791 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 970—71.
[6]) Ibid. p. 632.
[7]) Ibid. p. 893—94.

ныя тенденціи гуманистовъ. Всѣ латинскія произведенія Петрарки и значительная часть его переписки трактуютъ прямо или косвенно о моральныхъ вопросахъ; вся его полемика противъ средневѣковой церкви и науки происходитъ во имя морали, что̀ доказываетъ и его неудовлетворенность ходячей нравственностью и желаніе выработать себѣ новое этическое міросозерцаніе. Во многихъ произведеніяхъ, а въ особенности въ De vera sapientia и въ Secretum первый гуманистъ формулируетъ свое моральное ученіе. По существу оно носитъ религіозный характеръ: цѣль нравственности спасеніе души; средство— самопознаніе, которое ведетъ къ добродѣтели; самое лучшее побужденіе къ добродѣтели мысль о смерти и стремленіе къ совершенствованію [1]). Итакъ, по основѣ эта мораль индивидуалистическая, вслѣдствіе чего Петрарка чувствуетъ особую склонность къ стоицизму. Но и стоицизмъ, „болѣе близкій къ истинѣ, чѣмъ къ жизни“, его не удовлетворяетъ [2]), и онъ обращается къ Платону, къ Аристотелю и даже къ Плотину, но не останавливается ни на одномъ изъ этихъ философовъ, хотя и предпочитаетъ другимъ Платона, какъ болѣе близкаго къ христіанству [3]). Индивидуалистическая этика стремится замѣнить готовый аскетизмъ какимъ-нибудь подходящимъ ученіемъ древности. Мораль Боккаччіо—крайнее проявленіе индивидуализма; ея цѣль счастье, средство для этой цѣли—широкое развитіе естественныхъ склонностей и выборъ сообразно съ ними жизненнаго пути [4]). Рамбальди не идетъ дальше скептицизма въ этико-философскихъ вопросахъ. По его мнѣнію, Аристотель выше Сенеки, а кто выше: Платонъ или Аристотель, онъ отказывается рѣшить по недостатку хорошихъ переводовъ ихъ произведеній и по трудности философскихъ вопросовъ вообще [5]). Ученикъ Петрарки, Ломбардо-да-Серико, подражавшій первому гуманисту, видитъ суть нравственности въ томъ, чтобы „добродѣтельно слѣдовать природѣ“ [6]). Попытка Салютати построить мораль на чисто религіозной почвѣ привела его къ проповѣди аскетизма, хотя онъ считаетъ Платона и Аристотеля одинаково безспорными авторитетами [7]). Въ мнѣніяхъ по частнымъ вопросамъ морали Салютати наоборотъ опирается исключительно на

[1]) Ibid. p. 191, 389, 205.
[2]) Ibid. p. 207.
[3]) Ibid. p. 390.
[4]) Ibid. p. 497, 515.
[5]) Ibid. p. 939.
[6]) Ibid. p. 786 и слѣд.
[7]) Ibid. p. 790.

древность: онъ оправдываетъ Лукрецію, вопреки ея осужденію съ религіозной точки зрѣнія бл. Августиномъ, и рѣшаетъ вопросъ о скромности исключительно на основаніи античныхъ авторитетовъ [1]). Отношеніе къ морали Конвертино очень своеобразно. Сколько можно судить по извѣстнымъ его трактатамъ, онъ стоитъ на грубо скептической точкѣ зрѣнія, отрицаетъ общественный вредъ нѣкоторыхъ пороковъ, обвиняетъ Лукрецію въ недостаточной практичности и симпатизируетъ очень удобной для мужчины, но весьма сомнительной семейной нравственности [2]). Мораль Верджеріо механическое соединеніе поверхностно понятаго христіанства съ извращеннымъ стоицизмомъ: Богъ награждаетъ добродѣтель, а добродѣтель тождественна съ наукой, которая доставляетъ наслажденіе гуманисту [3]). Моральный трактатъ Бруни—превосходный образецъ отношенія къ нравственности гуманистовъ третьей генераціи. Прежде всего авторъ заявляетъ о необходимости выработать этическую доктрину, безъ которой жить нельзя; слѣдовательно, старое ученіе отвергается, какъ нѣчто отжившее. Далѣе, мораль сводится къ всестороннему развитію человѣческой природы, по существу наклонной къ добру, и единственная цѣль моральной философіи—устранить ложныя воззрѣнія, мѣшающія развитію индивидуальныхъ свойствъ. Задача автора исчерпывается тѣмъ, что онъ отыскиваетъ у классическихъ писателей подходящую для этой цѣли философію. Съ этой точки зрѣнія онъ подвергаетъ сравнительной оцѣнкѣ всѣ философскія системы, при чемъ отдаетъ преимущество передъ другими Аристотелю [4]). Мораль Лоски еще проще: раздѣляя взглядъ Бруни на человѣческую природу, онъ отождествляетъ, опираясь на Квинтиліана, добродѣтель съ краснорѣчіемъ, которое онъ очень любилъ [5]), и такимъ образомъ предоставляетъ себѣ самую широкую свободу дѣйствія. Что касается до моральныхъ наставленій, которыя даетъ Гуарино своему сыну, то они носятъ грубо-утилитарный характеръ [6]). Итакъ, несмотря на разнообразіе моральныхъ ученій, всѣ гуманисты чувствуютъ интересъ къ этимъ вопросамъ, неизмѣнно рѣшая ихъ на индивидуалистической почвѣ, при чемъ одни стараются примкнуть къ традиціонной морали, другіе ее совершенно игнорируютъ. Но всѣ они ищутъ опоры

---

[1]) Ibid. p. 802—4.
[2]) Ibid. p. 946, 948 и прил. VII A.
[3]) Ibid. p. 968—970.
[4]) Ibid. p. 598—600 и 643—5.
[5]) Ibid. p. 888—889 и 892—4.
[6]) Ibid. p. 923—4.

въ древности или въ формѣ назидательнаго біографическаго примѣра, какъ поступаютъ Петрарка и Боккаччіо, или заимствуя изъ древности подходящую доктрину, какъ дѣлаютъ Петрарка, Верджеріо, Бруни и Лоски. Этой практической приложимостью памятника классической литературы и объясняются симпатіи гуманистовъ къ тому или другому античному писателю.

Весьма ясно обнаруживаются индивидуалистическія тенденціи и въ педагогическихъ теоріяхъ гуманистовъ. Верджеріо утверждаетъ, что образованіе можетъ замѣнить не только знатное имя, но и цвѣтущую родину, что воспитаніе должно быть построено на изученіи индивидуальныхъ свойствъ питомца, что развивать нужно не только духъ, но и тѣло ребенка, и доказываетъ свои положенія примѣрами изъ древняго міра [1]). Тѣ же самые принципы положены въ основаніе педагогическихъ трактатовъ Бруни, при чемъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что, встрѣчаясь съ нѣкоторыми педагогическими особенностями древняго міра, авторъ только отмѣчаетъ ихъ, а не требуетъ непремѣннаго приложенія [2]).

Особенно характерно проявляются гуманистическіе пріемы въ политическихъ трактатахъ. Прежде всего современная дѣйствительность играетъ здѣсь совершенно иную роль, чѣмъ въ религіозныхъ и этическихъ построеніяхъ; далѣе, увлеченіе блестящимъ политическимъ прошлымъ здѣсь проще и естественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо; тѣмъ не менѣе индивидуализмъ проявляется и здѣсь чрезвычайно рѣзко, и политическія построенія гуманистовъ по существу ничѣмъ не отличаются отъ этическихъ. Петрарка и въ этой сферѣ исходитъ изъ критическаго отношенія къ дѣйствительности; совершенно естественно, что его мысль возвращается къ старинѣ, когда Римъ господствовалъ надъ міромъ. Но это только мечта, вовсе не опредѣлявшая публицистической и практической дѣятельности перваго гуманиста. Его постоянный идеалъ — единая Италія или, по крайней мѣрѣ, умиротворенная Италія—навѣянъ не античными идеями, а реальными потребностями. Точно такъ же изъ наблюденій надъ дѣйствительностью вынесъ Петрарка убѣжденіе, что монархія—самая подходящая для современности политическая форма [3]). Индивидуалистическія тенденціи сказываются и въ его глубокой вѣрѣ въ могущество личности въ дѣлѣ устройства политическихъ порядковъ и

[1]) Ibid. p. 959.
[2]) Ibid. p. 600—609.
[3]) Ibid. p. 217, 391.

въ характерномъ взглядѣ, что для Платоновъ и Сенекъ неопасны Діонисіи и Нероны [1]). Боккаччіо не чувствовалъ большого интереса къ политическимъ вопросамъ; но изъ его трактатовъ и переписки можно извлечь нѣсколько характерныхъ чертъ его политическаго міросозерцанія. Республиканскія симпатіи Боккаччіо опредѣляются его принадлежностью къ Флорентійской республикѣ; но онъ не принципіальный противникъ монархіи, а съ крайней рѣзкостью относится къ современнымъ государямъ только въ силу ихъ нравственныхъ недостатковъ. Знаменитая проповѣдь тиранноубійства, если и навѣяна античными воспоминаніями, то аргументируется чисто индивидуалистическими соображеніями. Но, предпочитая монархіи республику, Боккаччіо относится съ рѣзкой критикой къ современнымъ республиканскимъ порядкамъ и въ письмѣ къ Pino de'Rossi сквозятъ космополитическія тенденціи, которыя оправдываются цитатами изъ древнихъ авторовъ [2]). Рамбальди на-ряду съ патріотическими жалобами заявляетъ, что разумный человѣкъ долженъ стоять выше партій [3]). Салютати болѣе убѣжденный республиканецъ, чѣмъ Боккаччіо; но и онъ, опираясь на древнихъ, признаетъ монархію. Республиканскія симпатіи обусловливаются у него любовью къ политической свободѣ и аргументируются дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ [4]). Особенно характерны политическія воззрѣнія Конвертино. Онъ искренній и убѣжденный монархистъ; но его политическая теорія не связана съ какой-либо традиціей, а построена на личныхъ наблюденіяхъ автора. Онъ защищаетъ монархію, потому что она лучше гарантируетъ свободу, болѣе содѣйствуетъ развитію наукъ etc., и опирается при этомъ главнымъ образомъ на факты, заимствованные изъ дѣйствительности, при чемъ древность и христіанское ученіе являются у него только какъ санкція его политическихъ симпатій: достоинство монархіи доказывается между прочимъ тѣмъ, что единое Божество управляетъ міромъ и что Римъ былъ могущественъ при имперіи и т. д. [5]). Политика Верджеріо еще характернѣе: она свободна отъ всякаго авторитета, носитъ чисто экспериментальный характеръ и имѣетъ цѣлью логическое оправданіе все вновь нарождающейся тиранніи. Человѣкъ

---

[1]) Ibid. p. 204.
[2]) Ibid. p. 441—44 и 461.
[3]) Ibid. p. 726—28.
[4]) Ibid. p. 804—9.
[5]) Ibid. p. 940—47.

сильнѣе закона, поэтому сильный и доблестный человѣкъ долженъ управлять другими [1]). Индивидуальныя свойства поставлены выше права, и эта точка зрѣнія сдѣлалась господствующей въ политическихъ воззрѣніяхъ гуманистовъ третьей генераціи. У Бруни эта мысль смягчена. Теоретически онъ считаетъ индивидуальныя свойства основой власти, но въ своихъ политическихъ построеніяхъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ теоретическое обоснованіе флорентійскихъ порядковъ. Правда, онъ разсматриваетъ идеальное государство, какъ оно понимается философами, и считаетъ образцомъ реальнаго Римъ. Но къ традиціоннымъ политическимъ формамъ, какъ средневѣковая и даже античная имперія, онъ относится съ глубокимъ презрѣніемъ и рѣзко порицаетъ политическія фантазіи Платона; populus Romanus, по его словамъ „умеръ и похороненъ“, и подражать ему—абсурдъ. Изъ древней исторіи онъ выбираетъ то, что можетъ санкціонировать и укрѣпить симпатичные ему флорентійскіе порядки, напр., отсутствіе постояннаго войска, поступокъ Сципіона Назики съ Гракхомъ и т. п., и только требуетъ въ силу своего основного взгляда, чтобы плебеямъ былъ открытъ доступъ во всадническое сословіе [2]). Политическія воззрѣнія Лоски сходны съ взглядами Петрарки, потому что онъ видѣлъ спасеніе Италіи въ усиленіи монархическаго начала, наилучшимъ представителемъ котораго считалъ Висконти [3]). Монархическія теоріи Гуарино обусловливались практическими соображеніями: онъ ихъ защищаетъ, находясь на службѣ у д'Эсте, и, ссылаясь на авторитетъ Гомера, проповѣдуетъ ихъ сыну, поступающему на службу къ Альфонсу Неаполитанскому; но при случаѣ Гуарино высказываетъ и республиканскія убѣжденія [4]). Крайнюю степень гуманистическаго индивидуализма въ политикѣ представляютъ діалоги Поджіо, гдѣ разсуждаетъ на эту тему Никколи. Въ дѣйствительности Никколи былъ равнодушенъ къ политикѣ, и діалоги даютъ объясненіе этому факту. Въ монархіи, гдѣ господствуетъ человѣкъ, государи въ силу своей обстановки лишены добродѣтели и разумности, и хорошіе люди между ними крайне рѣдкое исключеніе, а потому разумный человѣкъ будетъ удаляться отъ политики. Въ республикѣ долженъ господствовать законъ, но законъ, какъ паутина, сдерживаетъ только слабыхъ; сильные его нарушаютъ, и это очень хорошо,

[1]) Ibid. p. 965—67.
[2]) Ibid. 635—8, 645—9, 657—9, 669, 601.
[3]) Ibid. p. 894—6.
[4]) Ibid. p. 922—23, 926.

потому что только съ нарушеніемъ законовъ возможно развитіе наукъ и искусствъ, при чемъ всѣ разсужденія какъ о монархіи, такъ и о республикѣ подтверждаются массой примѣровъ изъ древней исторіи [1]). Итакъ и въ политическихъ построеніяхъ ранніе гуманисты положительно или отрицательно исходятъ отъ современной дѣйствительности, при чемъ древность служитъ санкціей самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Но эта противоположность содержанія политическихъ теорій объединяется пріемами ихъ построенія. Гуманистическій индивидуализмъ обнаруживается здѣсь въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности, въ полной свободѣ отъ традиціи, въ попыткахъ обобщать личныя наблюденія и создавать изъ нихъ теоріи и въ отрицаніи всякаго нравственнаго авторитета установленныхъ политическихъ формъ и даже закона.

Тѣ же самые пріемы употребляютъ гуманисты для теоретическаго обоснованія своихъ научныхъ стремленій. Свою индивидуальную потребность къ широкому научному образованію, результатъ культурнаго роста личности, они оправдываютъ то религіей, то моралью, исходя положительно или отрицательно изъ традиціонныхъ воззрѣній. Петрарка ставитъ науку въ зависимость, прямую и косвенную, отъ религіи: языческая поэзія и философія нужны потому, что онѣ внушаютъ уваженіе къ истинной религіи и потому еще, что онѣ ведутъ къ самопознанію и къ добродѣтели, а слѣдовательно къ спасенію. Изъ этой санкціи дѣлается и дальнѣйшій выводъ: если цѣль науки самопознаніе, то ея главный объектъ—человѣкъ. Мы только-что видѣли, что на основаніи индивидуалистическаго интереса къ человѣку построена самая классификація наукъ; отсюда же вытекаетъ и отношеніе къ средневѣковой наукѣ. Петрарка рѣшительно отвергаетъ богословіе, потому что оно недоступно разуму и не содѣйствуетъ самопознанію; онъ признаетъ право и медицину вообще; но ставитъ ихъ ниже, потому что они касаются менѣе важныхъ сторонъ человѣка, и рѣшительно борется противъ ихъ средневѣковыхъ представителей, потому что они невѣжественные и недобродѣтельные люди. На первомъ планѣ стоятъ поэзія, этика и исторія, какъ понимаетъ ее Петрарка, т.-е. какъ аггрегатъ біографій. Но, получивши религіозную и моральную санкцію, наука свободна, и въ исторической критикѣ Петрарки вѣетъ духъ новой науки. Боккаччіо повторяетъ эти воззрѣнія перваго гуманиста, только относится съ бо́льшимъ уваженіемъ къ средневѣковымъ свѣтиламъ и съ меньшей

[1]) Ibid. p. 857, 861.

критикой къ древнимъ писателямъ [1]). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Салютати [2]). Для Верджеріо добродѣтель и наука одно и то же, и онъ ставитъ своей задачей усвоить всѣ отрасли знанія, потому что въ наукахъ заключается величайшее наслажденіе [3]). Бруни рѣзко относится къ средневѣковымъ ученымъ по тѣмъ же причинамъ, что̀ и Петрарка, но наука для него имѣетъ raison d'être и внѣ связи съ религіей и моралью, а какъ самостоятельная духовная потребность [4]).

Итакъ развитіе индивидуальныхъ потребностей вызвало интересъ гуманистовъ къ наукѣ; гуманистическимъ интересомъ къ личности опредѣлялось ихъ отношеніе къ различнымъ отраслямъ знанія и къ античной литературѣ. Обращеніе къ классической старинѣ было неизбѣжно, потому что средневѣковая наука не подходила къ новымъ потребностямъ; но и въ древней литер атурѣищутъ прежде всего такихъ писателей, которые ближе по настроенію и даютъ болѣе средствъ понять современнаго человѣка, вообще наиболѣе приложимы къ дѣйствительности. Поэтому гуманисты изучаютъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ и историковъ. Особенно такая точка зрѣнія обнаруживается въ выборѣ авторовъ для перевода. Гуарино и Бруни переводятъ преимущественно съ практическими и педагогическими цѣлями, чтобы дать хорошій совѣтъ герцогу, чтобы показать гибельность междоусобій, пользу научнаго образованія и т. д. [5]). Въ этомъ же слѣдуетъ искать причины равнодушія гуманистовъ къ праву: законы утратили силу въ современной дѣйствительности, и изученіе древняго права не имѣло практическаго интереса. Но, интересуясь исключительно классической наукой, гуманисты относятся къ ней критически. Боккаччіо часто заявляетъ сомнѣніе къ фактическимъ показаніямъ классическаго автора [6]); Рамбальди высказываетъ подозрѣніе, что Плутархъ льстилъ Траяну [7]); у Бруни мы находимъ настоящую критику античныхъ источниковъ [8]). Точно такъ же не слѣпымъ поклоненіемъ античной старинѣ, а въ значительной степени потребностями развитой индивидуальности объяс-

---

[1]) Ibid. p. 425—7, 459.
[2]) Ibid. p. 789, 800—1, 813.
[3]) Ibid. p. 968, 970, 960.
[4]) Ibid. p. 610, 600 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 627, 661—70.
[6]) Ibid. p. 423, 447, 459.
[7]) Ibid. p. 726.
[8]) Ibid. p. 651—54.

няется нѣкоторое увлеченіе гуманистовъ классической формой. Формальное изученіе древней литературы вызывалось прежде всего желаніемъ точно понять писателя [1]), затѣмъ стремленіемъ излагать свои сочиненія изящной латынью. Употребленіе латинскаго языка въ научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ не было нововведеніемъ гуманистовъ. Они примыкаютъ въ этомъ отношеніи къ средневѣковой традиціи, и ранніе памятники гуманистической литературы, какъ рѣчи Петрарки и Ламбертаччи [2]), могутъ служить наглядной иллюстраціей этой связи. Но развитіе эстетическаго чувства, составляющее характерную черту эпохи, требовало улучшенія традиціонной формы, и гуманисты обратились къ изученію ея античныхъ образцовъ и стали подражать ихъ стилю. Фогтъ показалъ, что Петрарка только впослѣдствіи придалъ античную окраску своимъ письмамъ, вызваннымъ не подражаніемъ древнимъ, а индивидуальной потребностью [3]). Гуманисты въ этомъ отношеніи представляютъ аналогію съ художниками Возрожденія: примыкая къ средневѣковой традиціи, они, подъ вліяніемъ эстетическихъ потребностей, стремятся придать ей болѣе изящества, имѣя въ виду классическіе образцы.

Итакъ *сущность гуманистическаго движенія заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальныхъ потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе, т.-е. новую этику, педагогику, политику и науку, при чемъ авторитетная классическая древность служила только оружіемъ для борьбы со старой культурой и опорой при выработкѣ новаго міросозерцанія.*

---

[1]) См. прилож. II и p. 650.
[2]) Ibid. p. 939—40.
[3]) Ibid. p. 229—31.

V.

Первыя стадіи развитія гуманистическаго движенія и его результаты.— Ослабленіе религіозныхъ интересовъ. — Секуляризація мысли и ея слѣдствія. — Гуманистическая этика, педагогія, политика и наука. — Слѣдствія гуманистическаго движенія.

Если сравнить воззрѣнія гуманистовъ разсмотрѣнныхъ нами поколѣній, то будетъ ясно, что уже къ первой четверти XV столѣтія вполнѣ опредѣлились основныя направленія гуманистическаго движенія и намѣтились его главнѣйшіе результаты. Прежде всего обнаруживается постепенное ослабленіе религіознаго интереса. Для Петрарки и Боккаччіо религіозные вопросы имѣютъ еще важное значеніе: авторъ Декамерона, разсказавъ какую-нибудь компрометтирующую церковь новеллу, совершенно искренно выводитъ изъ нея религіозное назиданіе [1]). Отношеніе къ религіи второй гуманистической генераціи нѣсколько иное. Нѣкоторые ея представители, какъ Рамбальди, Салютати и Верджеріо, раздѣляютъ эти интересы первыхъ гуманистовъ, но они уже совершенно не занимаютъ Конвертино и гуманистовъ третьей генераціи. *Параллельно ослабленію религіозныхъ интересовъ идетъ развитіе секуляризаціи мысли и чувства.* Петрарка старается примирить свои свѣтскія идеи и чувства съ религіей; Боккаччіо, по крайней мѣрѣ, приходитъ въ голову вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ его преклоненіе передъ естественными наклонностями человѣка къ церковной доктринѣ [2]); Верджеріо довольствуется механическимъ и поверхностнымъ примиреніемъ своихъ взглядовъ и симпатій съ религіей и въ педагогическомъ трактатѣ является совершенно свѣтскимъ мыслителемъ. Но уже нѣкоторые гуманисты второго поколѣнія сознали, повидимому, непримиримость своихъ идей и стремленій съ церковнымъ ученіемъ. По крайней мѣрѣ, начинаясь Конвертино, гуманисты отказываются отъ систематическаго примиренія своихъ идеаловъ съ церковными и не принимаютъ въ расчетъ этихъ послѣднихъ въ своихъ философскихъ разсужденіяхъ. Конвертино и Бруни изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, пользуются религіознымъ ученіемъ, какъ подходящимъ аргументомъ въ пользу какого-

[1]) См. 1-е изд., p. 504—5.

[2]) Ibid. p. 497 и слѣд.

[3]) Спорадически примирительныя попытки встрѣчаются и позже, напр., въ трактатѣ Валлы De voluptate.

нибудь своего воззрѣнія [1]); но для Бруни религія—почтенная сила, надъ которой онъ запрещаетъ смѣяться [2]), но которая не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на его міросозерцаніе. Лоски просто ее игнорируетъ.

Эта секуляризація мысли имѣла важное вліяніе на всѣ проявленія культурной работы гуманистовъ. Прежде всего она опредѣлила направленіе гуманистической философіи. Паденіе аскетическаго идеала вызвало жгучую потребность въ новой этикѣ, и удовлетворенію этой потребности, вполнѣ ясно формулированной Бруни [3]), посвящены всѣ философскія работы раннихъ гуманистовъ. Она заслонила на время другія стороны философіи, и въ этомъ слѣдуетъ искать объясненія того факта, что интересъ къ метафизическимъ вопросамъ появляется только во второй половинѣ XV вѣка. Но попытки раннихъ гуманистовъ выработать твердый моральный идеалъ потерпѣли полное крушеніе. Желаніе Петрарки, Салютати и Верджеріо дать нравственную санкцію своимъ личнымъ стремленіямъ, поставивъ ихъ подъ авторитетъ религіозной морали, вели только къ противорѣчіямъ. У Боккаччіо и Конвертино противорѣчіе такихъ стремленій съ церковной нравственностью ничѣмъ не прикрыто, а гуманисты третьей генераціи просто стараются найти подходящаго классическаго писателя, чтобы санкціонировать личные вкусы и стремленія. Но работа надъ этическими проблемами не осталась безъ результата: *ранніе гуманисты выработали ученіе, что человѣкъ по природѣ существо нравственное и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая этика, которая должна не подавлять индивидуальныя свойства, а содѣйствовать ихъ правильному развитію.* Эта мысль, раздѣляемая въ большей или меньшей степени всѣми ранними гуманистами, съ полной опредѣленностью формулирована въ моральномъ трактатѣ Бруни [4]). Но если дѣятелямъ ранняго Возрожденія не удалось построить прочной этической системы, руководствуясь новымъ взглядомъ на человѣческую природу, то, благодаря ему, они положили начало новой педагогіи. *Идеи Верджеріо и Бруни, что воспитаніе должно быть построено на*

---

[1]) Такъ Конвертино ссылается на религію, отрицая тиранноубійство (p. 944), Бруни перевелъ сочиненіе св. Василія Великаго о научныхъ занятіяхъ, чтобы нанести новый ударъ противникамъ гуманистическаго образованія (p. 661).

[2]) Ibid. p. 606.

[3]) Ibid. p. 598.

[4]) Ibid. p. 186—7, 259, 497, 784, 804, 955, 959, 598 и 600.

психологіи, должно всесторонне развивать душу и тѣло, готовить человѣка для жизни и парализовать вредное вліяніе естественныхъ недостатковъ [1]), *составляютъ основаніе новой школы.*

Политическая мысль гуманистовъ съ самаго начала весьма слабо окрашена церковной доктриной. Правда, Петрарка пишетъ папѣ, что ему принадлежитъ свѣтская и духовная власть [2]), Боккаччіо и Рамбальди не отрицаютъ папской теоріи [3]), но эти изреченія, не повторяющіяся у позднѣйшихъ гуманистовъ, не имѣютъ вліянія на ихъ политическія воззрѣнія. Развитіе гуманистической мысли въ этой области выражается въ постепенномъ паденіи средневѣковыхъ политическихъ традицій, въ усиленіи раціонализма, который не стѣсняется ни моралью, ни традиціей и считается только съ дѣйствительностью, въ появленіи національнаго и политическаго индифферентизма. Убѣжденныхъ гибеллиновъ между гуманистами было такъ же мало, какъ и искреннихъ гвельфовъ. Попытки причислить къ этой партіи Петрарку оказались, какъ мы видили, неудачными [4]); Рамбальди только упоминаетъ объ „императорской куріи“, какъ о спасительномъ средствѣ для Италіи [5]), Боккаччіо и Конвертино относятся съ презрѣніемъ къ современной имперіи [6]), а Бруни считаетъ самый институтъ проявленіемъ нѣмецкаго варварства [7]). Съ паденіемъ средневѣковыхъ политическихъ традицій является потребность выработать новыя воззрѣнія, и гуманисты обращаются для этого то къ принципу практической пользы, то къ раціоналистическимъ соображеніямъ. Уже Петрарка въ перепискѣ и рѣчахъ защищаетъ интересы Висконти, который, какъ онъ думалъ, можетъ осуществить его политическій идеалъ [8]); такъ же дѣйствуетъ и Лоски [9]). Конвертино для обоснованія своего политическаго ученія опирается и на исторію, и на дѣйствительность, и на раціоналистическія соображенія [10]). Въ болѣе чистой формѣ раціоналистическія попытки встрѣчаются въ разсужде-

---

[1]) Ibid. p. 969, 600—609.
[2]) Ibid. p. 380.
[3]) Ibid. p. 441, 728.
[4]) Ibid. p. 378 и слѣд.
[5]) Ibid. p. 728.
[6]) Ibid. p. 441 и 940.
[7]) Ibid. p. 649.
[8]) Ibid. p. 216, 235.
[9]) Ibid. p. 894—96.
[10]) Ibid. p. 940 и слѣд.

ніяхъ Верджеріо, который думаетъ обосновать свои взгляды на ученіи о происхожденіи государства [1]), и въ трактатѣ De militia Бруни, который пытается вывести политическій институтъ, исходя изъ философскаго опредѣленія государства [2]); но цѣлой политической системы не удалось выработать никому изъ раннихъ гуманистовъ. Отчасти подъ вліяніемъ этой неудачи, отчасти вслѣдствіе усиленія индивидуализма и крайняго увлеченія научными занятіями, пламенный патріотизмъ Петрарки смѣняется у его послѣдователей политическимъ и національнымъ индифферентизмомъ. Эта черта проскальзываетъ уже въ письмѣ къ Росси, Боккаччіо; Рамбальди, несмотря на свой патріотизмъ, рекомендуетъ мудрецу стоять внѣ партій, Верджеріо рѣзко ставитъ культурный принципъ выше національнаго, а Поджіо устами Никколи прямо проповѣдуетъ политическій индифферентизмъ [3]). Но, несмотря на это теченіе, которое впрочемъ всегда оставалось побочнымъ въ гуманизмѣ, политическіе трактаты гуманистовъ *положили основаніе политикѣ, какъ наукѣ и какъ искусству*, а ихъ борьба противъ аристократіи и сословныхъ различій вообще во имя индивидуальныхъ свойствъ *представляетъ первую попытку теоретическаго обоснованія политическаго равенства*. Особенно благотворное вліяніе имѣла секуляризація мысли въ научной сферѣ. Прежде всего она повлекла за собою признаніе за наукою права на самостоятельное существованіе. Правда, Петрарка считаетъ науку только средствомъ для достиженія добродѣтели, но эта точка зрѣнія, которую въ нѣсколько измѣненномъ видѣ повторяли и позднѣйшіе гуманисты, не ограничивала свободы науки и только возвышала ея цѣну и значеніе. Мораль гуманистовъ не стѣсняла индивидуальныхъ потребностей, и стремленіе къ знанію, которое у Верджеріо даже отождествляется съ добродѣтелью, само по себѣ получало нравственную санкцію, какъ одна изъ важнѣйшихъ потребностей человѣческаго духа, и панегириками наукѣ переполнены произведенія гуманистовъ [4]). Такимъ образомъ однимъ изъ результатовъ гуманистическаго движенія было *признаніе самостоятельности и свободы науки*. Кромѣ того, секуляризація мысли и гуманистическій критицизмъ повлекли за собою выработку научныхъ методовъ. Интересъ къ древности и желаніе точно понять классическихъ писателей

---

[1]) Ibid. p. 955—7.
[2]) Ibid. p. 635 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 461, 726—28, 967, 856, 861.
[4]) См., напр., p. 214, 959, 604 и passim.

вызвали критическое установленіе текста рукописей древнихъ авторовъ и точную передачу на латинскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые писали по-гречески. Главная заслуга въ исправленіи рукописей принадлежитъ Салютати и Барциццѣ [1]), первыя попытки точнаго перевода съ греческаго — Бруни. Чтобы вполнѣ оцѣнить заслугу этого послѣдняго гуманиста, не слѣдуетъ забывать, что ему приходилось не только устанавливать методы перевода, но и защищаться отъ обвиненія въ искаженіи „истиннаго“ Аристотеля, какъ онъ представлялся средневѣковымъ богословамъ [2]). Но заслуги раннихъ гуманистовъ по отношенію къ наукѣ не исчерпываются установленіемъ научныхъ пріемовъ формальнаго изученія древности: они положили первыя основанія научной исторіографіи, внеся въ нее и новый методъ изслѣдованія, и новую систему изложенія. Петрарка является родоначальникомъ исторической критики. Разбирая подложное письмо Цезаря, онъ прилагаетъ сравнительно развитые критическіе пріемы, хотя въ собственномъ историческомъ сочиненіи его критика носитъ совершенно субъективный и очень элементарный характеръ [3]). Боккаччіо въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно ниже перваго гуманиста: онъ смѣшиваетъ Аттилу съ Тотилой, механически сопоставляетъ разногласящіе источники и въ лучшемъ случаѣ заявляетъ только свое недовѣріе къ тому или другому писателю или извѣстію [4]). Рамбальди предпочитаетъ языческихъ историковъ имперіи христіанскимъ, потому что первые, по его мнѣнію, болѣе заботятся объ истинѣ [5]). Конвертино признаетъ необходимость исторической критики, хотя примѣняетъ ее только въ формѣ простого скептицизма [6]). Верджеріо, какъ Петрарка, совершенно субъективно относится къ своимъ источникамъ, а въ особенно сомнительныхъ случаяхъ ограничивается скептицизмомъ [7]). Такимъ образомъ всѣ гуманисты послѣ Петрарки (да и самъ онъ въ De viris illustribus) обнаруживаютъ только критическое настроеніе, вліяніе котораго на ихъ собственную исторіографію весьма слабо. Огромный шагъ впередъ дѣлаетъ Бруни. Его письма о началѣ Мантуи и происхожденіи Цицерона—чрезвычайно разносторонній критическій анализъ источниковъ, и эту критику онъ по-

[1]) См. прил. II и p. 910—11.
[2]) Ibid. p. 649—50, 660—1.
[3]) Ibid. p. 239—40, 249.
[4]) Ibid. p. 479, 419, 447.
[5]) Ibid. p. 735.
[6]) Ibid. p. 955.
[7]) Ibid. p. 961.

слѣдовательно прилагаетъ въ своихъ историческихъ произведеніяхъ. Біографіи Аристотеля и Цицерона написаны имъ главнымъ образомъ по критическимъ соображеніямъ, и самые строгіе критики его Флорентійской исторіи признаютъ, что Бруни очистилъ ее отъ средневѣковыхъ и античныхъ басней [1]). Такой же шагъ впередъ представляетъ и историческое изложеніе Бруни. Его предшественники, начиная съ Петрарки, оставили форму и пріемы средневѣковой хроники, но ихъ собственныя произведенія — компиляція біографій выдающихся дѣятелей преимущественно античнаго міра, составленная ради индивидуальной назидательности. Бруни тоже пишетъ біографіи, но не всегда ради назиданія, тоже составляетъ компиляціи, иногда съ дидактическими цѣлями, но у него исторія не только учитъ индивидуальной добродѣтели, а также замѣняетъ политическій опытъ [2]). Но его главная заслуга заключается въ томъ, что онъ своимъ „Комментаріемъ“ создалъ историческіе мемуары, а Флорентійской исторіей положилъ первое начало научной исторіографіи. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи мы находимъ уже и историческую критику, и общіе взгляды, и изслѣдовательскіе пріемы, и оцѣнку отдѣльныхъ событій, и широкія обобщенія на основаніи политическаго опыта и историческихъ наблюденій—словомъ, всѣ элементы научной исторіографіи [3]). Итакъ *основныя начала новой исторической науки положены представителями ранняго гуманизма.*

Поэзія, философія, краснорѣчіе и исторія составляютъ исключительный предметъ научныхъ интересовъ раннихъ гуманистовъ. Человѣка открыли и начали изучать раньше, чѣмъ внѣшній міръ. Правда, въ перепискѣ Петрарки, въ романахъ Боккаччіо, въ письмахъ Бруни обнаруживается наблюдательность и несомнѣнный эстетическій интересъ къ природѣ, но все это создавало только настроеніе, благопріятное для развитія естественныхъ наукъ. Исключеніе составляла астрологія, которой приписывали въ Средніе вѣка обширное вліяніе на человѣка и которая поэтому привлекала къ себѣ вниманіе гуманистовъ съ самаго начала движенія. Но ранніе гуманисты, кромѣ Боккаччіо, отнеслись къ этой „наукѣ“ отрицательно: Петрарка осмѣиваетъ ее въ старческихъ письмахъ, Рамбальди, опирающійся по естественно-историческимъ вопросамъ на средневѣковые авторитеты, отрицаетъ астрологію, Салютати ведетъ противъ нея полемику [4]), а Верджеріо, Кон-

[1]) Ibid. p. 651—4, 658 и 683—684.
[2]) Ibid. p. 670.
[3]) Ibid. p. 681 и слѣд.
[4]) Ibid. p. 425, 220, 729, 790.

вертино и старшіе гуманисты третьей генераціи ее игнорируютъ. Позже, сначала при дворѣ Филиппо-Маріи Висконти, а потомъ и среди гуманистовъ въ другихъ центрахъ вновь появляется средневѣковое суевѣріе, но оно было уже результатомъ процесса. Во всякомъ случаѣ интересъ раннихъ гуманистовъ къ природѣ и ихъ критическое отношеніе къ средневѣковому естествознанію не прошло безслѣдно: уже въ слѣдующемъ поколѣніи появляются естествоиспытатели въ новомъ духѣ, какъ Л. Б. Альберти.

Наконецъ, нѣкоторыя черты гуманистической литературы въ занимающую насъ эпоху и нѣкоторые факты внѣшней біографіи раннихъ гуманистовъ намѣчаютъ и другіе результаты движенія. Такъ переписка гуманистовъ, предназначенная для всей образованной публики, ихъ рѣчи политическаго содержанія, ихъ инвективы общественнаго и частнаго характера, ихъ политическая полемика въ стихахъ и прозѣ—все это представляетъ собою настоящую и уже весьма вліятельную публицистику. На письма Петрарки о возвращеніи папы въ Римъ сторонники Авиньонской партіи считаютъ необходимымъ отвѣтить инвективой; полемикѣ Салютати Висконти придаетъ важное значеніе; противъ нападокъ Лоски на Флоренцію возражаетъ флорентійскій канцлеръ и Риннуччини; въ выходкѣ Поджіо противъ Цезаря придворный д'Эсте видитъ подрывъ монархическаго принципа, а его трактатъ De nobilitate вызвалъ негодованіе венеціанской знати. Публицистика стала пріобрѣтать силу; значитъ, начало слагаться общественное мнѣніе. Выразителями и руководителями этой вновь нарождающейся силы являются свѣтскіе люди незнатнаго происхожденія; единственнымъ основаніемъ ихъ вліянія служитъ образованіе и талантъ, а это вліяніе весьма обширно. Не говоря уже объ огромной популярности крупныхъ гуманистовъ, какъ Петрарка или Бруни, меценаты приглашаютъ къ себѣ такихъ второстепенныхъ дѣятелей, какъ Дом.-ди-Бандино; эти факты, а также раннее развитіе меценатства указываютъ на то, что уже въ занимающую насъ эпоху начала слагаться свѣтская интеллигенція, вліятельная аристократія образованія и таланта. Итакъ, уже въ началѣ XV столѣтія обнаруживаются главнѣйшіе результаты гуманистическаго движенія: *освобожденіе мысли отъ церковнаго авторитета, начала новой этики, новой педагогіи, новой политики и новой науки, появленіе публицистики, образованіе общественнаго мнѣнія и руководящаго имъ класса свѣтской интеллигенціи.*

VI.

Отношеніе гуманистическаго движенія къ политическимъ, соціальнымъ и церковнымъ перемѣнамъ.—Гуманизмъ и національность.—Причина гуманистическаго движенія.

Одновременно съ гуманистическимъ движеніемъ въ Италіи происходятъ ранѣе его начавшіеся крупные перевороты въ политической, соціальной и церковной сферахъ, и самъ собою является вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ гуманизмъ ко всѣмъ этимъ перемѣнамъ? Но при современномъ состояніи источниковъ отвѣтить на него можно только въ самой общей формѣ и лишь съ приблизительной достовѣрностью.

Въ Италіи XIV и начала XV вѣка мы встрѣчаемъ, кромѣ церковнаго государства, три политическія формы: сравнительно старую монархію въ Неаполѣ и Сициліи, республику въ Венеціи, Флоренціи, Генуѣ и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ городахъ, и тиранію въ остальныхъ; изъ нихъ наибольшимъ внутреннимъ порядкомъ и спокойствіемъ пользуются, кромѣ Венеціи и Флоренціи, крупныя тиранніи, и этотъ фактъ оказывалъ, повидимому, вліяніе, хотя чисто внѣшнимъ образомъ, на развитіе гуманизма. Если въ Генуѣ гуманистическое движеніе сравнительно слабо, если въ Неаполѣ оно развивается послѣ смерти Роберта медленнѣе, чѣмъ можно было ожидать, то весьма возможно, что причина этого заключалась въ господствовавшихъ тамъ смутахъ и неурядицахъ. Единственный несомнѣнный факторъ, оказывавшій прямое вліяніе на концентрацію гуманистическихъ силъ и косвенное на ихъ развитіе, было меценатство. Меценаты стягивали къ себѣ гуманистовъ изъ мелкихъ пунктовъ, и эти пришлые дѣятели Возрожденія вызывали къ жизни мѣстныя силы. Этимъ объясняется, почему Падуя, а позже Феррара и Мантуя сдѣлались крупными гуманистическими центрами. Извѣстное вліяніе на меценатство тирановъ имѣло нелегитимное происхожденіе ихъ власти; но не слѣдуетъ преувеличивать этого фактора: Неаполитанскіе короли: Робертъ, а позже Альфонсъ, а также весьма многіе папы покровительствовали гуманистамъ, хотя въ законности ихъ власти никто не сомнѣвался. Кромѣ того, есть основаніе предполагать, что политическій духъ, господствовавшій тогда въ большинствѣ итальянскихъ государствъ, содѣйствовалъ развитію движенія: политическіе перевороты, разрушавшіе старыя традиціи и попиравшіе законы,

должны были усиливать критическое настроеніе. На это указываетъ тотъ характерный фактъ, что аристократическая и консервативная Венеція, свято хранившая, по крайней мѣрѣ по наружности, традиціи, дольше всего стояла внѣ движенія и замѣтнѣе всего придавала ему мѣстную окраску. Но единственная отрасль гуманистической литературы, гдѣ обнаруживается вліяніе политической дѣйствительности,—это политическій трактатъ. Не простая случайность, что гуманисты сѣверной Италіи, какъ Верджеріо, Конвертино и Лоски, защищаютъ монархію и не только изъ-за служебной выгоды, но и по убѣжденію, а флорентійскіе гуманисты, какъ Боккаччіо, Салютати, Никколи и Бруни, или индифферентисты или республиканцы. Одни наблюдали жизненную политическую форму, другіе отживающую. Далѣе, дѣйствительныя политическія отношенія могли оказывать вліяніе на воззрѣнія гуманистовъ на законъ. Но самая наблюдательность по отношенію къ политическимъ явленіямъ, умѣнье критически отнестись къ нимъ, стремленіе привести ихъ въ систему и найти для нихъ теоретическое обоснованіе—все это не могло быть результатомъ вліянія ни государственныхъ формъ, ни политическихъ отношеній. Политическая мысль гуманистовъ стоитъ въ органической связи съ ихъ общимъ міросозерцаніемъ и не составляетъ его главнаго содержанія. Кромѣ того, гуманистическое движеніе начинается и проходитъ первыя стадіи развитія въ тотъ періодъ, когда въ болѣе крупныхъ центрахъ тиранніи уже сложились. Броженіе политическихъ силъ всего замѣтнѣе въ эту эпоху во Флоренціи, а политическая мысль также интенсивна и на сѣверѣ Италіи, уже пережившемъ внутреннюю борьбу. Итакъ, *считать ту или другую политическую форму или борьбу между ними причиной гуманистическаго движенія нѣтъ никакого основанія*. Мы видѣли, что наиболѣе замѣтно оно обнаруживается раньше всего при авиньонской куріи, и еще при жизни Петрарки его слѣды замѣчаются почти повсюду въ Италіи, и тамъ, гдѣ происходитъ политическая борьба, и тамъ, гдѣ она уже покончена.

Сущность соціальнаго переворота, происходившаго тогда въ Италіи, заключается въ томъ, что господствовавшіе прежде общественные классы утрачиваютъ свое положеніе, и вообще средневѣковое сословное дѣленіе теряетъ прежнее значеніе. Аристократія приходитъ въ упадокъ повсюду за исключеніемъ Венеціи и отчасти Неаполя; въ большинствѣ городовъ ее подавили тиранны, въ республикахъ ее вытѣснилъ popolo grasso, который въ свою очередь велъ трудную и не всегда успѣшную борьбу съ выступавшимъ на

первый планъ popolo minuto. Едва-ли можно отрицать, что это соціальное броженіе оказало вліяніе на гуманистическое движеніе. Оно должно было усиливать критицизмъ особенно въ тѣхъ классахъ, которые, пробиваясь впередъ, вели борьбу съ старыми порядками, и всѣ крупные представители Возрожденія въ занимающую насъ эпоху вышли изъ демократическихъ слоевъ общества. Popolo grasso и аристократія позже примкнули къ движенію, при чемъ гуманисты изъ венеціанской знати, наиболѣе сохранившей чисто аристократическій духъ, носятъ замѣтный мѣстный отпечатокъ. Слѣды происхожденія гуманистовъ можно усмотрѣть и въ ихъ произведеніяхъ: можетъ быть, этимъ объясняется нѣкоторая страстность ихъ борьбы противъ знати. Но *сословное броженіе только создавало среду и атмосферу, благопріятную для гуманистическаго движенія, а не было его причиной.* Борьба гуманистовъ противъ аристократіи происходила во имя индивидуальныхъ свойствъ личности, а не интересовъ какого-либо общественнаго класса, а кромѣ того, политическій демократизмъ совершенно чуждъ раннимъ представителямъ движенія. Идея народовластія весьма рѣдко мелькаетъ въ ихъ произведеніяхъ, и они только въ особенныхъ случаяхъ извлекаютъ ее изъ античной литературы, составлявшей для нихъ богатый запасъ всяческихъ авторитетовъ [1]). Гуманисты не были органомъ какого-либо общественнаго класса, и ихъ идеи о человѣческой природѣ, объ этикѣ, о наукѣ не обусловливались соціальными перемѣнами, происходившими въ современномъ имъ обществѣ.

Движеніе въ церковной сферѣ обусловливалось тѣмъ, что теорія и практика церкви, доктрина и жизнь пришли въ противорѣчіе другъ съ другомъ. Аскетическій идеалъ становился мертвою буквою для тѣхъ, кто на немъ основывалъ свое положеніе и формально располагалъ свою жизнь сообразно съ его требованіями. Отсюда страшный нравственный упадокъ духовенства и монашества и разнообразныя реформаціонныя теченія на католической почвѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что современное положеніе церкви, ясно указывавшее на паденіе средневѣковыхъ церковныхъ формъ, оказывало вліяніе на гуманистическое движеніе. Оно дѣлало болѣе настоятельной необходимость иного міросозерцанія, но не опредѣляло его содержанія; поэтому *фактическій упадокъ средневѣковой церкви не можетъ быть названъ причиной гуманизма.* Онъ вызвалъ соборы, братчиковъ, Савонароллу; но между гуманистами и этими цер-

[1]) См., напр., трактатъ Салютати о тираніи (1-е изд. р. 806).

ковными реформаторами глубокая пропасть. Въ гуманистическомъ движеніи выразился тотъ же духъ, который вызвалъ церковный упадокъ, но основанное на немъ міросозерцаніе сложилось внѣ всякаго вліянія церкви.

Къ началу гуманистическаго движенія окончательно сложился итальянскій языкъ, что̀ завершило образованіе итальянской національности, и нѣкоторые изслѣдователи считаютъ этотъ фактъ одной изъ причинъ гуманизма. Гуманистическая литература не даетъ основаній для такого вывода, потому что въ ней незамѣтно существенныхъ національныхъ вліяній. Правда, ранніе итальянскіе гуманисты пламенные патріоты; но ихъ патріотизмъ съ самаго начала основывается на культурныхъ преимуществахъ ихъ родины, и чѣмъ болѣе развивается движеніе, тѣмъ болѣе выдвигается на первый планъ культурный принципъ, который у отдѣльныхъ мыслителей становится основой и оправданіемъ космополитизма. *Идеи гуманистовъ носятъ не національный, а общечеловѣческій характеръ*, чѣмъ и объясняется огромный успѣхъ движенія за Альпами.

Мы думаемъ, что совершенно правы тѣ изслѣдователи, которые считаютъ развитіе индивидуализма причиною политическихъ, соціальныхъ и церковныхъ перемѣнъ въ Италіи XIV и XV столѣтій, а произведенія гуманистовъ съ несомнѣнной ясностью доказываютъ, что та же самая причина произвела и гуманистическое движеніе. *Идеи гуманистовъ—результатъ культурнаго роста личности.* Подъ вліяніемъ историческихъ условій личность доросла до сознанія своего права на всестороннее развитіе; отсюда отрицаніе церковной опеки и требованіе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего для науки. Только съ этой точки зрѣнія идеи гуманистовъ находятъ объясненіе и могутъ быть приведены въ ясную и опредѣленную систему. Но такой результатъ индивидуальнаго развитія не можетъ быть продуктомъ національныхъ особенностей и не составляетъ исключительной принадлежности Италіи; гуманистическое движеніе въ дѣйствительности захватило всю Европу, и если оно началось въ Италіи, то причину этого слѣдуетъ искать не въ итальянскомъ народномъ характерѣ, а въ особенностяхъ условій культурнаго развитія европейскихъ народовъ.

НЕСТОРЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ, Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ прошлаго вѣка. 2-е исправленное изданіе. Спб. 1910. Ц. 2 р.

АЛЕКСАНДРЪ ОНУ, Выборы 1789 года во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны. Спб. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. М. Н. ПЕТРОВЪ, Изъ всемірной исторіи. Очерки: Евангеліе въ исторіи. — Германикъ. — Сцены по Тациту. — Мохаммедъ. Происхожденіе ислама.—Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. Рыцарское служеніе женщинѣ въ средніе вѣка. — Жанна д'Аркъ. Историко-психологическій опытъ. — Людвикъ XI. Общеисторическая характеристика. — Савонарола. Историческій очеркъ.—Томасъ Мюнцеръ. Великая крестьянская война.—Эразмъ роттердамскій. Начальная эпоха гуманизма. — Филиппъ II. Паденіе аррагонской конституціи. — Петръ Великій. Юбилейная рѣчь. Съ портретомъ автора, факсимиле и 12 рисунками. Изд. 4-е. Спб. 1904. Ц. 2 р. 25 к.

М. РОСТОВЦЕВЪ, Исторія государственнаго откупа въ римской имперіи (отъ Августа до Діоклетіана). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВЛ. ЧЕРЕВАНСКІЙ, Послѣдній вздохъ Византіи. Историческая монографія со многими автотипіями. Изд. «Литературнаго фонда». Спб. 1909 г. Ц. 3 р.

Имѣющіяся въ продажѣ сочиненія М. С. Корелина:

Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Т. I.—Исторіографическій обзоръ. Изд. 2-е. Спб. 1914 г. Ц. 2 руб.

То-же. Т. II.—Франческо Петрарка, его критики и біографы. Изд. 2-е. Спб. 1914 г. Ц. 1. р. 30 к.

То-же. Т. III.—Джіованни Боккаччіо, его критики и біографы. Изд. 2-е. Спб. 1914 г. Ц. 90 коп.

То-же Т. IV—Современники, друзья, ученики и послѣдователи первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV столѣтія. Складъ всего изданія въ книжн. складѣ М. М. Стасюлевича.

Очерки итальянскаго Возрожденія. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. Складъ изд. въ редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи". Москва, Пречистенка, Полуэктовъ пер., д. 8.

Петрарка, какъ философъ. Ц. 25 коп.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Изд. 3-ье. Вып. II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги покровители. Изд. 2-ое. Вып. V. Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. Изд. 2-ое. Ц. кажд. вып. 25 коп. Складъ изд. при типографіи Кушнерева. Москва, Пименовская.

Цѣна 2 руб.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Спб. Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Полный каталогъ Склада высылается по полученіи 4 коп. марки, а спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2 коп. марки.